

СЕВЕРО-ЗАПАД:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ И ИСТОРИКО-
КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ-2

Комитет по местному самоуправлению, межнациональным
и межконфессиональным отношениям Ленинградской области

Российский этнографический музей

СЕВЕРО-ЗАПАД:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
И
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ЛАНДШАФТ-2

ВОСЬМЫЕ
ШЁГРЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей

Санкт-Петербург
2019

УДК 908(470.2)(082)
ББК 63.3(235.5)я43
С28

Печатается по решению Редакционно-издательского совета РЭМ

Научный редактор О.М. Фишман

Рецензент: А.П. Конкка

Редакторы: И.В. Белобородова, О.О. Брашнина

Редактор текстов содержания статей на английском языке: А.Н. Николаева

Издание осуществлено по заказу комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области в рамках реализации государственной программы Ленинградской области «Устойчивое общественное развитие в Ленинградской области» (подпрограмма «Поддержка этнокультурной самобытности коренных малочисленных народов, проживающих на территории Ленинградской области»).

СЕВЕРО-ЗАПАД: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ-2. ВОСЬМЫЕ ШЁГРЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ. Сборник статей – Воронеж – ООО «Мир» – 2019. – 424 с., илл.

The NORTH-WEST: HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE-2. THE EIGHTH SJÖGREN'S READINGS WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION. Collected articles. – Voronezh – MIR – 2019 – 424 p., ill.

Сборник содержит 30 статей Восьмых Шёгренских чтений (26–28 февраля 2018 г., РЭМ), подготовленных специалистами научных, культурных учреждений и учебных заведений Российской Федерации: Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Великого Новгорода, Выборга, Твери, а также Эстонии и Финляндии.

На Чтениях было продолжено обсуждение ставших традиционными тем – этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт Северо-Запада и сопредельных территорий. В число участников, наряду с этнографами и историками, вошли географы, лингвисты, культурологи и краеведы. Многие публикации содержат результаты современных исследований различных явлений истории и культуры, а также этнокультурного ландшафта, итоги полевой, архивной работы и издательских проектов. Сборник состоит из трех взаимосвязанных разделов: «Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: проблематика и методики изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта; современные проекты и презентации этнокультурного наследия», «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем: характер и формы религиозности» и «Историко-культурный контекст и личность: новое в гуманитарных исследованиях».

Издание, как и предыдущие сборники, предназначено не только для специалистов, но и для всех интересующихся историей этнокультурного ландшафта, его эволюцией и динамикой наряду с религиозной историей, биографиями исследователей Северо-Запада и пограничных территорий.

The collection contains 30 articles of the Eighth Sjögren's Readings (February 26–28, 2018 RME) prepared by the specialists from scientific, cultural and educational institutions of Saint Petersburg, Petrozavodsk, Novgorod, Tver in the Russian Federation, Estonia and Finlandia.

The readings continue discussion of the topics which became traditional: ethno-confessional history and historical-cultural landscape of the North-West and neighboring countries. Alongside ethnographers and historians the contributors are geographers, linguists, culturalologists and specialists in local lore. Many contributions contain the results of modern studies in various historical and cultural phenomena and historical-cultural landscape, outcomes of fieldwork, archival work and editorial projects.

The collection consists of three interconnected sections: "The Regional Studies of the North-West and Neighboring Territories. The Problematics and Methods of Research on Ethnic History and Historical-Cultural Landscape. The Modern Projects and Presentations of Ethnocultural Heritage"; "The Confessional History of the North-West in Past and Present: The Character and Forms of Religiosity" and "The Historical-Cultural Context and Person: New in Humanitarian Studies".

The edition, like the previous collections, is meant not only for specialists, but for those who are interested in history of the ethno-cultural landscape, its evolution and dynamics, alongside with religious history, biographies of the researchers and artists.

© Российский этнографический музей, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Издательский дом «Инкери»

(оригинал-макет), 2019

Содержание

Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: проблематика и методики изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта; современные проекты и презентации этнокультурного наследия	6
<i>Елена Робертовна Михайлова</i> СЕВЕРНЫЕ ОКРАИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ИСТОРИЯ ПОИСКА КОЛБЯГОВ.....	6
<i>Александр Леонидович Потравнов, Татьяна Юрьевна Хмельник</i> КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКЕРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В XII–XX вв.....	16
<i>Вилли Лааксо, Вячеслав Григорьевич Мизин, Тимо Мухонен, Елена Алексеевна Окладникова, Юхо Руохонен</i> ОСОБЕННОСТИ РУБЕЖНЫХ КАМНЕЙ ОСТРОВА КОТЛИН (РЕТУСААРИ) В XVII в. ПО ШВЕДСКИМ КАРТАМ ВЫБОРГСКОГО И НОТЕБУРГСКОГО ЛЕНОВ	31
<i>Татьяна Евгеньевна Исаченко</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОПИСАНИЙ Н. Я. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ПРИЛАДАЖЬЯ И ПРИОНЕЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII в.....	48
<i>Юлия Игоревна Мошник, Михаил Витальевич Ефимов</i> НАЧАЛО ИСТОРИИ ПАРКА МОНРЕПО: «ШАРЛОТТЕНТАЛЬ» ПЕТРА СТУПИШИНА.....	70
<i>Анна Игоревна Савинова</i> РОЛЬ МАТЕРИАЛОВ ПИСЦОВОГО ДЕЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. В ИЗУЧЕНИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ «КОРЕЛЯН» НА ТЕРРИТОРИЮ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ	82
<i>Сергей Алексеевич Мызников</i> О НЕКОТОРЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НАИМЕНОВАНИЙ РЯЖЕНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА	90
<i>Ирина Юрьевна Винокурова</i> ПРОЕКТ «МИФОЛОГИЯ ВЕПСОВ. ПОДГОТОВКА ЭНЦИКЛОПЕДИИ»: ИСТОРИЯ РАБОТЫ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	99
<i>Хейки Валк</i> СВЯЩЕННЫЙ ИВАНОВ КАМЕНЬ В Д. МЕГУЗИЦЫ В СЕТОМАА: ДОПОЛНЕНИЯ К МАТЕРИАЛАМ Ю. ТРУСМАНА И Л. ЗУРОВА.....	111

<i>Алексей Викторович Васильев</i> АКАДЕМИК А. Й. ШЁГРЕН И ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЕГО НАУЧНОЙ РАБОТЫ «О ФИНСКОМ НАСЕЛЕНИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ИНГЕРМАНЛАНДИЯ».....	133
<i>Алексей Викторович Крюков</i> ПРАВОСЛАВНЫЕ ФИННЫ В ИНГЕРМАНЛАНДИИ.....	139
<i>Александр Иванович Кирьянен</i> О ЧИСЛЕННОСТИ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ И ИЖОРЫ В XVII–XIX вв. ПРИЧИНЫ ДИНАМИКИ	151
<i>Алексей Александрович Бландов</i> НОВГОРОДСКИЕ, МЕДЫНСКИЕ И МАКАРЬЕВСКИЕ КАРЕЛЫ В XXI в.: ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ	161
<i>Дмитрий Александрович Баранов, Владимир Анатольевич Шорохов</i> ЗЕМЛЯ ШПИЦБЕРГЕН. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ.....	169
<i>Ольга Михайловна Фишман</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭСТОНИЮ. БОРИС БИЛЬДЕ И ЛЕОНИД ЗУРОВ В СЕТОМАА (1937–1938)»: ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ	185
Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем, характер и формы религиозности.....	202
<i>Вадим Ибрагимович Мусаев</i> СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ВОПРОС В РИЖСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.....	202
<i>Илья Андреевич Мельников</i> СТАРООБРЯДЧЕСТВО УСТЮЖЕНСКОГО УЕЗДА НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И ПЕСТОВСКОГО РАЙОНА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX–XX вв.	211
<i>Людмила Валентиновна Королькова</i> СТАРООБРЯДЦЫ ГДОВСКОГО УЕЗДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ. XIX–XX вв.....	226
<i>Михаил Витальевич Шкаровский</i> КАТОЛИЧЕСКАЯ ОБЩИНА ЛЕНИНГРАДА В 1945–1991 гг.	239
<i>Ольга Владимировна Калинина</i> ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ СЕТУ И РУССКИХ ПЕЧОРСКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.	

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	250
<i>Лусинэ Степановна Гуцян</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ПАЛОМНИЧЕСКИХ ПРАКТИК И САКРАЛЬНЫХ ЛОКУСОВ АРМЯН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	267
<i>Татьяна Кирилловна Никольская</i>	
ДВИЖЕНИЕ БАПТИСТОВ-ИНИЦИАТИВНИКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	273
Историко-культурный контекст и личность: новое в гуманитарных исследованиях	284
<i>Алексей Юрьевич Жуков</i>	
ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ ПЛЕННИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ 1675–1676 гг. ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА)	284
<i>Александр Иванович Терюков</i>	
ФЁДОР ТУМАНСКИЙ – ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ	295
<i>Татьяна Алексеевна Шрадер</i>	
ПОРЯДОК ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.	306
<i>Алена Алексеевна Михайлова</i>	
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ И «БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС» ГЛАЗАМИ А.К. СЕРЖПУТОВСКОГО (1864–1940)	313
<i>Елена Юрьевна Дубровская</i>	
РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1918–1920) В РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ	326
<i>Наталья Ивановна Ивановская</i>	
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОЕКТУ «ЭТНОГРАФИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ»	336
<i>Марина Львовна Засецкая, Елена Федоровна Кононова</i>	
МИСЯ ШПИС «НА КРАЮ БОЛЬШОЙ РОССИИ»: ФОТОДОКУМЕНТЫ 1930-х гг. ПО КУЛЬТУРЕ ПЕЧОРСКОГО УЕЗДА ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РЭМ.....	345
<i>Нина Михайловна Романова</i>	
А.И. РАЕВА (РАППОПОРТ) – КОМИССАР ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА.....	366
Список сокращений	377
Программа Восьмых Шёгреновских чтений.....	383
Фотоархив	394

Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: проблематика и методики изучения этнической истории и историко-культурного ландшафта; современные проекты и презентации этнокультурного наследия

УДК 904(4)

СЕВЕРНЫЕ ОКРАИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ИСТОРИЯ ПОИСКА КОЛБЯГОВ

Елена Робертовна Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, заведующая Лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева

e.mikhailova@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается история поиска археологических соответствий термину Русской Правды «колбяг». Хотя интерпретация этого термина широко освещена в литературе, его точное содержание до сих пор не установлено. В археологической литературе представлено несколько точек зрения на то, с какой группой древностей следует отождествлять колбягов в зависимости от общих взглядов авторов на содержание ранней русской истории. Колбягов предлагалось отождествлять с носителями приладожской курганной культуры (Д.А. Мачинский, В.С. Кулешов), иноязычными жителями окраин Северо-Западной Руси, несущими пограничную службу (Ю.М. Лесман), переводчиками при скандинавских контингентах (В.А. Назаренко). Ни одна из предложенных гипотез не может считаться убедительно доказанной на современном этапе исследований. По мнению автора статьи, поиск точного археологического соответствия средневековому правовому термину с неизвестным содержанием бесперспективен.

Ключевые слова: колбяги, Русская Правда, Северо-Западная Русь, Приладожье, историография, Средневековье

UDK 904(4)

NORTHERN OUTSKIRTS OF MEDIEVAL RUSSIA: THE KOLBYAG SEARCH HISTORY

Elena Robertovna Mikhaylova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, PhD in History, Head of G.S. Lebedev Laboratory of archeology, historical sociology and cultural heritage

e.mikhailova@spbu.ru

Abstract. The article discusses the history of the search for archaeological correspondences to the term “kolbyag” from the Code of Laws “Russkaya Pravda”. Although numerous works are devoted to the interpretation of this term, its exact content is still not established. The archaeological literature presents several points of view on which group of antiquities should be identified Kolbyag’s, depending on the authors’ general views on the content of early Russian history. It was been proposed to identify Kolbyag’s with the people of the Ladoga barrows culture (D.A. Machinsky, V.S. Kuleshov), foreign-language residents of the outskirts of North-Western Russia carrying the border service (Yu.M. Lesman), translators for the Scandinavian contingents (V.A. Nazarenko). None of the proposed hypotheses can be considered convincingly proven at the present stage of research. According to the author of the article, the search for an exact archaeological correspondence with a medieval legal term with unknown meaning is hopeless.

Key words: kolbyag, Russkaya Pravda (Rus’ Law), North-Western Russia, Ladoga Lake basin, historiography, the Middle Ages

Из ранних русских источников нам известен термин «колбяги», содержание которого до сих пор точно не установлено. Загадочным колбягам посвящено огромное количество исторических и лингвистических трудов¹. В рамках статьи невозможно даже упомянуть их все, и далее речь пойдет преимущественно об авторах, чьи работы имеют отношение к археологии Северо-Западной Руси.

Упоминание колбягов содержится в Русской Правде, уравнивающей в правовом отношении колбягов и созвучных им варягов. Краткая редакция Русской Правды (статья 10) гласит:

«Аще ли ринеть моужь моужа любо отсебе, любо к собе, 3 гривне, а ви- дока два выведеть; или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротуу. (Ста-

тъя 11) *Аще ли челядинъ съкрыется любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и в третии день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривне за обиду²*. Другое упоминание колбягов, которые (как и варяги) могут быть язычниками, содержится в статье «О муже кроваве», которая помещена в Кормчих особого состава перед списками Пространной Русской Правды: «...а оже будет варяг или колобяг крещения не имея <...> ити има роте по своей вере»³.

Третье, и пока последнее бесспорное упоминание колбягов – текст берестяной грамоты № 222, найденной в 1956 г. на Неревском раскопе в Новгороде. «*От Матя к Гюргию. Теперь я пришел. Вот из-за чего я не шел: встречу тебя ... Если же в самом деле они (из-за лакуны неясно, кто) запираются (т. е. не признаются), то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним, потому что они поставили меня [своим за-пирательством] в положение вора. Если колбяги не бежали, в твоих руках распределение долей, деньги по людям (т. е. деньги, которые различные люди должны. – Е.М.) – нет тут тебе убытка ни единой векши*». Грамота № 222 представляет собой письмо некоего Матвея к посаднику Гюргию Иванковичу и датируется в пределах первых двух десятилетий XIII в.⁴ Интересно, что колбяги вновь упоминаются в контексте судебного разбирательства. Однако никаких дополнительных сведений о том, кем они могли бы быть грамота не дает.

Русская Правда – древнейший памятник русского права и один из древнейших русских текстов, начиная с открытия ее в 1737 г. В.Н. Татищевым, вызвала к жизни обширнейшую научную литературу. Татищеву же принадлежит и одна из первых интерпретаций слова «колбяги» – он полагал, что речь идет о жителях польского Колобжега. В поисках его значения историки XIX в. установили несколько фактов, которые легли в основу определенного консенсуса:

1) термин «колбяги», возможно, отразился в топонимике Северо-Запада, например, в названиях погоста Климецкого в Колбегах (ныне д. Колбеки Бокситогорского р-на), погоста Колбежицы (ныне д. Усадище Островского р-на), местности Kolhanginvaara в Карелии и др.⁵;

2) процессуальный статус колбягов (и варягов) определяется исходя из того, что это чужеземцы, у которых может не быть родственных или дружественных связей⁶;

3) термин «колбяги» этимологически восходит к древнескандинавскому *kylfingr* (от *kylfa* – ‘дубинка’)⁷;

4) «варяги и колбяги» – устойчивое выражение, «постоянное формулообразное сочетание»⁸;

5) возможно, «в колбягах... надо видеть какой-нибудь родственный варягам народец»⁹.

Основываясь на этих наблюдениях и результатах собственных исследований, свое мнение о колбягах сформулировал А.А. Шахматов. Он сопоставил упоминания о колбягах со сведениями о кюльфингах в скандинавских и византийских источниках, в том числе отрывочные данные о прибытии кюльфингов в Северную Норвегию откуда-то с востока и об отождествлении Kulfingaland с Гардарики. «Совершенно ясно, что *kulfingar* скандинавских источников должно быть отождествлено с *Koullíuui* источников византийских. <...> Признаем колбягов скандинавами, поселившимися в северо-западной России среди финских племен и покорившими себе некоторые из них. Различие между колбягами и варягами в том, что варяги – это пришельцы, родина которых Скандинавия, а колбяги – это скандинавы, поселившиеся в той или иной области совр. России; возможно различие их по происхождению...»¹⁰

Однако мнение о скандинавской принадлежности варягов не было единственным. А.Л. Дювернуа¹¹ предположил, что постоянное упоминание совместно варягов и колбягов свидетельствует о том, что эта формула должна означать «соседних язычников-иноверцев, с севера – норманнов, с запада – литву», а слово «колбяг» восходит к литовскому *kalba* – ‘речь, говор’. «Литвин, будь он истцом, ответчиком или свидетелем <...> был лишен необходимого условия правоспособности – он говорил невразумительно». Е.А. Рыдзевская, опираясь на ранее предложенную этимологию термина, предложила совсем иное его толкование¹². Исходя из буквального значения слова *kulfa* – ‘дубина, кол’, она (вслед за В.А. Бримом) сопоставила название кюльфингов с самоназванием води и названием эстонской земли «Вайга», происходящими от < *vakja ‘кол; клин’. Можно вспомнить также суждения И. Ю. Миккола о происхождении слова «колбяг» от финского *kaleva* – ‘буйный, смелый’¹³; П.В. Голубовского, К. Нойманна о колбягах как тюркских племенах¹⁴; (вслед за В.Н. Татищевым) Г.В. Вилинбахова (1972), А.Г. Кузьмина (2003), В.В. Фомина (2005) о южнобалтийском происхождении колбягов¹⁵; Т.Е. Новицкой (1984) о том, что колбяги – это «иностранцы вообще»¹⁶, и многие другие. Отдельно следует упомянуть мнение Ю.Д. Бруцкуса о колбягах как богатых скандинавских купцах, противопоставленных варягам – наемным воинам¹⁷.

В 1980-х гг. к поиску загадочных колбягов обратились археологи. Более всего этот сюжет занимал Д.А. Мачинского, который неоднократно писал о колбягах, специально посвятив им две работы: заметку в тоненьком «Тихвинском сборнике» и статью, написанную в соавторстве с В.С. Кулешовым¹⁸. Позднее В.С. Кулешов еще раз обратился к «колбяжской проблеме», несколько развив ранее высказанную точку зрения¹⁹. Опираясь на наработки лингвистов (П. Мунха, А.А. Шахматова, В.А. Брима, Р. Экблома и др.), Д.А. Мачинский и В.С. Кулешов приняли отождествление «кол-

бьягов» с «кюльфингами», но предложили другую этимологию, возводящую скандинавское слово к реконструируемому ими древнегерманскому обозначению меча. Авторы далее несколько противоречиво принимают для кюльфингов / колбьягов оба значения – и «меченосцы», и «дубинщики», конструируя из них своего рода диалектическое единство. Колбьягов они считают реально существовавшим «этносоциумом», который имел в своем составе значительное количество воинов, вооруженных мечами, и должен был проживать «у самого начала пути скандинавов в глубь Руси». Всем этим условиям, по мнению Д.А. Мачинского, удовлетворяет территория Юго-Восточного Приладожья, в курганах которой были обнаружены мечи эпохи викингов, а на р. Воложке известен «погост в Колбеках». Отождествление колбьягов с носителями приладожской курганной культуры было в свое время горячо поддержано Г.С. Лебедевым²⁰.

Надо сказать, что масштабные построения Д.А. Мачинского об этносоциальных и этнокультурных процессах начала русской истории, включая мнение о колбьягах Приладожья, важнейшим центром которых должен был быть упоминаемый в сагах Алаборг – Городище на р. Сясь, стали краеугольным камнем той системы образов, которая в недавней статье С.В. Томсинского получила удачное название «ленинградский неонорманизм»²¹. Это очень яркое и очень важное для истории советской интеллигенции явление, однако, если рассматривать его как чисто научную концепцию, нельзя не отметить несколько важных черт. Во-первых, это стремление к историческому синтезу, часто пренебрегающее необходимостью предварительного аналитического изучения данных разных дисциплин по отдельности. Во-вторых – уверенность, что косвенные свидетельства, даже отрывочные, если они не противоречат друг другу в рамках заявленной концепции, должны рассматриваться как твердо установленные факты. В сочетании с небольшим объемом имевшегося тогда археологического материала, на выходе получались своего рода новейшие мифологические системы.

Однако археология, как известно, – самая точная и приземленная из гуманитарных наук, «ее памятники намертво впечатаны в Землю, на которой мы живем» (Г.С. Лебедев). Нужно вспомнить, что обилие материала, которым сейчас оперирует археология Северо-Западной Руси – достижение буквально последних 30-35 лет. Еще в начале 1980-х гг. основной фонд археологических источников был представлен в основном материалами дореволюционных раскопок, и представления о курганных древностях Северо-Запада в сущности сводились к трем томам «Материалов по археологии России»²². Таким образом создавалось впечатление, что на Северо-Западе есть только три заметных скопления курганных могильников: так называемые гдовские курганы, курганы Ижорского плато и курганы

Южного Приладожья, разделенные чуть ли не зонами археологической пустоты. Из этих трех групп лишь приладожские курганы могут с уверенностью датироваться эпохой викингов. Полевые исследования кон. XX – нач. XXI в. существенно заполнили имевшиеся лакуны.

Благодаря работам С.И. Кочкуркиной, В.А. Назаренко, О.И. Богуславского и других исследователей²³ приладожскую курганную культуру мы тоже представляем себе теперь гораздо лучше. Это одна из нескольких культурных традиций, формировавшихся в пространстве Восточной Балтики в эпоху викингов и выделенная на основе материалов погребальных памятников. Ее самой яркой и специфической чертой является погребальная обрядность: курганы, воспроизводящие идею дома (с очагом, делением на женскую и мужскую половины), с обильным погребальным инвентарем, со многими погребениями в одной насыпи (в т. ч. с частыми захоронениями отдельных черепов). Расцвет этой культуры пришёлся на втор. пол. X в. – перв. пол. XI в.; более ранние памятники единичны, более поздние тоже немногочисленны. К XII – нач. XIII в., когда термин «колбяги» отражается в письменных источниках, погребальные традиции Юго-Восточного Приладожья мало отличаются от общерусских.

Истоки погребальной обрядности приладожских курганов исследователи предлагают видеть в так называемых «домиках мертвых» предшествующей эпохи. Что же касается многочисленных и ярких находок, то среди них действительно выделяются оружие и металлические украшения северо-европейского облика. Однако именно эти предметы не составляют особенности приладожских курганов: это часть той «скандинавской вуали», которая в X–XI вв. покрывает практически всю территорию Восточной Балтики и Северной Руси. Тот же комплекс вооружения и металлических украшений присутствует, в частности, в Северном Приладожье и на Карельском перешейке (с сопоставимым количеством мечей), на Ижорской возвышенности (мечей чуть меньше), по берегам Чудского озера²⁴.

Не случайно В.А. Назаренко в недавно вышедшей статье вновь категорически отказался отождествлять памятники приладожской курганной культуры с какой-либо скандинавской общностью и настаивает на ранее предложенном, демонстративно условном обозначении «приладожская чужь». *«О колбягах Русской Правды замечу, что они названы там дважды и оба раза вместе с варягами, что и стало единственной основой для спекуляций об их этносоциальной близости и прочем. Между тем, Русская Правда - правовой документ, в частности, регламентирующий действия людей, представляющих какой-то интерес для князя, то есть власти, и общества, им представляемого. Она не фиксирует родство мифических этносоциальных групп. Меченосцев на Руси в это время пруд пруди, а сколько мечей было припрятано по сеновалам, мы узнаём сейчас. Вообще-то число мечевых находок на Руси, в частности, в При-*

ладожье (чуть более 20) может поражать воображение лишь весьма малосведущего человека. В одной Норвегии, не сопоставимой с Русью ни по территории, ни по плотности населения, их около двух с половиной тысяч. Зачем Русской Правде наряду с русичами и варягами, хотя и вся прочая грить ходила не с кольями, еще одни меченосцы? Пока идет поиск бессмысленных ответов на этот вопрос, замечу: на мой историко-археологический взгляд, кем были колбяги, выяснено еще 100 и 33 года назад. Это переводчики, от литовского *kalbingas* («говорливый», «болтун») (Дювернуа 1884: 20-26), то есть люди, необходимые для общения с заморскими наемниками-варягами. Только этим они интересны и ценны для Русской Правды, а поэтому и названы только в ней, и всегда вместе с варягами. Если византийские «кулпинги» – те же колбяги, то и в Царьграде они не были лишними»²⁵.

«Скандинавская вуаль» Приладожья была замечена и Ю.М. Лесманом, который вновь вернулся к мнению о том, что колбягами могли называться иноязычные жители Новгородской и соседних земель²⁶. Ю.М. Лесман предположил, что расположенные по окраинам Новгородской земли, удаленные от городских и локальных центров могильники со значительным числом предметов вооружения оставлены особой социальной категорией – своего рода пограничными гарнизонами, которая и попала в правовые документы под именем колбягов. «Намеченная картина заставляет говорить о существовании некоторой культурной общности, объединяющей носителей разных археологических культур, но не включавшей ни одну культуру целиком. Для памятников, на которых найдены рассматриваемые вещи, характерен относительно богатый набор украшений (но находки серебряных изделий и монет относительно немногочисленны) и оружие. Обычно эти памятники (большинство находок происходят из могильников) не связаны с укрепленными поселениями и не несут черт локальных центров. <...> Если гипотеза о существовании указанной группы верна, она может соответствовать той группе, которая фигурирует в Русской Правде (и в дополнении к ней в составе Кормчых книг) под именем кълбяги <...> Представляется, что отсутствие колбягов в числе летописных этнонимов делает более вероятной социальную трактовку, но при этом не лишенную ни этнической, ни географической окраски»²⁷.

Однако и эта точка зрения не может быть принята полностью, так как довольно сильно модернизирует картину, подразумевая единую социально-юридическую структуру и пограничную службу для огромной территории Восточной Европы от Эстонии до Белозерья и костромских лесов. Вряд ли это было возможно в период раннего Средневековья.

Подводя итоги, следует признать, что попытки выделить загадочных колбягов среди восточноевропейских древностей эпохи викингов зашли в тупик, и это закономерно²⁸. Археология – это очень эффективный и точ-

ный метод познания, но, как всякий специальный метод, она имеет серьезные ограничения. Предметом археологии являются разрушенные и фрагментированные остатки материальной культуры, которые могут многое сказать о преемственности или инновациях в культурных традициях, их хронологии и географии, но только в исключительно редких случаях однозначно соотносятся с текстами. Каждое неоспоримое соотнесение – большая удача для исследователей.

Погребения средневековой эпохи предоставляют археологам лишь наборы вещей, помещенных в могилу. Эти наборы отражают, в первую очередь, статус семьи умершего и только **могут** (выделено автором. – Е.М.) иметь некое социальное значение, а убедительно соотнести группы исследованных погребений с категориями, упомянутыми древними юридическими текстами, как правило, не удается. Скорее всего, археология колбягов не найдет, но то своеобразное поле напряжения, которое возникает при сопоставлении разных типов источников, само по себе важно для генерации новых идей и гипотез.

Примечания:

- 1 Основные обзоры см.: Правда Русская. Т. II: Комментарии / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947; *Вилинбахов Г.В.* Некоторые соображения о «колбягах» Русской правды // История и культура славянских стран / Ред. В.В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. С. 18–25; *Кулешов В.С., Мачинский Д.А.* Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской: Сб. статей / Ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 207–227.
- 2 Правда Русская. Т. II. С. 82, 87.
- 3 Правда Русская. Т. I: Тексты / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. (См., напр.: С. 231, 263.
- 4 URL: <http://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/222/>; *Зализняк А.А.* Древне-новгородский диалект. Изд. 2-е, переработанное и допол. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 442.
- 5 *Диев И.* Изъяснение некоторых выражений Правды Русской // ЖМНП. 1839. Ч. XXII. С. 47–80 (отд. II); *Калачов Н.В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Рассуждение, писанное для получения степени магистра. М.: Тип. Августа Семена, 1846. С. III, 15; *Sjögren J. A.* Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden // Sjögren J. A. Gesammelte Schriften. Bd. 1. St. Petersburg Akademie der Wissenschaften, 1861. S. 135–136.
- 6 *Калачов Н.В.* Указ. соч.; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Ярославль: Тип. Г. Фальк, 1872. Вып. 1. С. 28.
- 7 *Miklošič Fr.* Über die altrussischen Kolbjäger // Archiv für Slavische Philologie. Bd. 10. Berlin, 1887. S. 1–7.

- 8 *Дювернуа А.Л.* Кого называло древнерусское законодательство коlobягом // ЧОИДР. М.: Университетская тип., 1884. Кн. 1. С. 20–26.
- 9 *Соболевский А.И.* Очерки русской исторической географии. География Начальной (Несторовой) летописи. Исследование Н.П. Барсова. Варшава, 1885 // ЖМНП. 1885. № 4. С. 304.
- 10 *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг.: 2-я Гос. типография, 1919. С. 48–49.
- 11 *Дювернуа А.Л.* Указ. соч. С. 20–26.
- 12 *Рыдзевская Е.А.*: 1) Несколько замечаний по поводу статьи В.А. Брима «Колбяги» // Докл. АН СССР. Л., 1930. № 8. С. 137–142; 2) К варяжскому вопросу (местные названия скандинавского происхождения в связи с вопросом о варягах на Руси) // Известия АН СССР. Сер. VII. Л., 1934. № 7. С. 511–512.
- 13 *Mikkola J. J. Kaleva* // Kalevalaseuran vuosikirja. N 14. Porvoo; Helsinki, 1934. S. 106–110.
- 14 *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С.238, 325; *Neumann C.* Über zwei unerklärte Völkernamen in der byzantinischen Armee (Kulpinger und Talmatzer) // Byzantinische Zeitschrift. Leipzig: Verlag von B.G. Teubner, 1894. Bd. III. (Jahrgang 1894). S. 376.
- 15 *Вилинбахов Г.В.* Указ. соч. С. 18–25; *Кузьмин А.Г.* Начало Руси: тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. С. 215; *Фомин В.В.* Варяги и Варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. С. 449.
- 16 Российское законодательство X–XX вв. Т. I: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 54.
- 17 *Бруцкус Ю.Д.* Варяги и колбяги // *Seminarium Kondakovianum*. Сб. ст. по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова. Прага: Kondakov institute, 1935. Т. VII. С. 98–100.
- 18 *Мачинский Д.А.* Колбяги Русской Правды и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. Тихвин; 1988. Вып. 1. С. 90–103; *Кулешов В.С., Мачинский Д.А.* Указ. соч. С. 207–227.
- 19 *Кулешов В.С.* Колбяги и Ладожское ярлство (заметки к теме) // Северная Русь и Балтика в середине XII столетия: к 850-летию героической обороны Ладоги и победы на реке Вороной. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. С. 129–139.
- 20 *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 495.
- 21 *Томсинский С.В.* Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги // *Stratum Plus*. 2014. № 5. С. 357–370.
- 22 *Бранденбург Н.Е.* Курганы Южного Приладожья. СПб.: Типография Гл. упр-я уделов, 1895. С. 156., табл.; *Спицын А.А.*: 1) Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. СПб., 1896; 2) Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова. СПб.: Тип. Гл. упр-я уделов, 1903.
- 23 *Бельский С.В.* Вопросы происхождения и основные направления развития погребального обряда в Юго-Восточном Приладожье (860–950-е годы) // Ладога и религиозное

- сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г.): Мат-лы к чтениям / Науч. ред. Д.А. Мачинский; Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. СПб., 1997. С. 130–136; *Богуславский О.И.*: 1) Южное Приладожье. Историко-культурные регионы и их взаимодействие // Древности Поволховья / Под ред. А.Н. Кирпичникова и Е.Н. Носова. СПб. ИИМК РАН. 1997. С. 83–104; 2) Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь в системе синхронных северовропейских древностей // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 90–122; *Кочуркина С.И.*: 1) Памятники Юго-восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. (реки Сясь, Тихвинка, Капша, Паша, Воронежка, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица, северное и западное побережье Онежского озера). Петрозаводск: Карелия, 1989; 2) Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 2017; *Кочуркина С.И., Линеvский А.М.* Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985; *Назаренко В.А.*: 1) Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне: Доклады Первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Л.: Наука, 1979. С. 152–156; 2) Приладожская курганная культура, колбяги и все-все-все // *Ex Ungue Leonem*: Сб. ст. к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 275–290.
- 24 *Михайлова Е.Р.* Памятники эпохи викингов в восточной части Финского залива: «циркумбалтийские элиты» или единый культурный мир? // Скандинавские чтения 2016 г. Этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Т.А. Шрадер; МАЭ РАН. СПб., 2018. С. 7–16.
- 25 *Назаренко В.А.* Приладожская курганная культура... С. 286.
- 26 *Лесман Ю.М.* Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // Российский археологический ежегодник. СПб.: Юридическая книга, 2011. № 1. С. 396–420.
- 27 Там же.
- 28 Ср. аналогичное мнение Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, сформулированное на материале письменных источников (см. *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // *Мельникова Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия. Избр. тр. М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2011. С. 162.

УДК 726.825

КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ КАК ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКЕРЫ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В XII–XX ВВ.

Александр Леонидович Потравнов, Татьяна Юрьевна Хмельник

Интернет-проект «Регионавтика Северо-Запад», г. Санкт-Петербург, независимые исследователи

regionavnica@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследований по выявлению закономерностей распределения типов монументальных каменных крестов на основе анализа собранной авторами базы данных о более чем 2000 существующих каменных крестов. Определены характерные (на основе сходства/различий формы лопастей) типы каменных крестов по исторически значимым территориям – Новгородская земля, Псковская земля, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское.

Ключевые слова: каменный крест, монументальный крест, литовское, кресты в круге, кресты с ромбовидными лопастями, Новгородская земля, Псковская земля, Великое княжество литовское.

UDK 726.825

STONE CROSSES AS IDENTIFICATION MARKERS OF THE POPULATION OF THE NORTH-WESTERN RUSSIA AND ADJACENT TERRITORIES IN THE 12th–20th CENTURIES

Alexander Leonidovich Potravnov, Tatyana Yuryevna Khmelnik

Internet project «Regionavnica North-West», St. Petersburg, independent researchers

regionavnica@gmail.com

Abstract. The article presents the results of studies to identify patterns of distribution of types of monumental stone crosses based on the analysis of a database of over 2000 existing stone crosses collected by the authors. The authors had revealed the most common types of stone crosses (based on the similarity / differences in the shape of the blades) in historically significant areas – Novgorod land, Pskov land, Grand Duchy of Lithuania, Grand Duchy of Moscow.

Key words: stone cross, monumental cross, Novgorod land, Pskov land, the Grand Duchy of Lithuania, crosses in a circle, crosses with diamond-shaped blades

Традиция изготовления и установки монументальных каменных крестов в христианской Европе насчитывает, судя по археологическим данным, не менее 1500 лет. Каменные кресты на Северо-Западе России оказываются не столь древними артефактами – самым старым образцам «всего» около 900 лет, а наиболее молодым – около 100. Однако изучением этих уникальных объектов прошлого начали заниматься только в нач. XX в. В классической работе А.А. Спицына 1903 г.¹ впервые была сделана попытка классификации «старых русских каменных крестов» на основе целого ряда критериев (пропорции, изображения и т.д.) и некоторым типам он стал присваивать названия по территории, где они чаще всего встречались – «новгородский», «петербургский». И.А. Шляпкин в своей работе 1906 г.², посвящённой «крестам новгородским до XV века», предложил иной подход, где главным критерием (вместо пропорций) было предложено использовать 9 вариантов формы креста. При этом никакого анализа по особенностям географического распределения предложенных типов выполнено не было, хотя упоминания о местах нахождения (включая Владимир, Нарву, Псков и т.д.) этих крестов приводились. Только во втор. пол. XX в. академик В.В. Седов посчитал необходимым нанести на карту места обнаружения ранее опубликованных каменных крестов, не различая их по ранее выявленным типам. Седов связывал эти кресты с расселением новгородских словен. Например, кресты, отмечаемые в Витебской губ., он также связывал именно с ними³. Кроме того, Седов считал, что на Псковской земле каменные кресты «известны главным образом там, где встречаются и жалничные могилы». Однако, к сожалению, все трое учёных располагали весьма незначительным количеством описаний (известна форма креста, надписи, материал, местонахождение). Так, в упоминаемой работе Спицына по новгородским и псковским землям даны прорисовки всего 59 каменных крестов. По Печорскому р-ну Псковской обл. в архиве Седова сохранились прорисовки только 26 каменных крестов. Для сравнения, в ходе своей работы мы осмотрели и сделали фотофиксацию 109 каменных крестов только в одном Печорском р-не.

Таким образом, оказалось, что вопросом комплексного изучения закономерностей распространения различных форм каменных крестов до

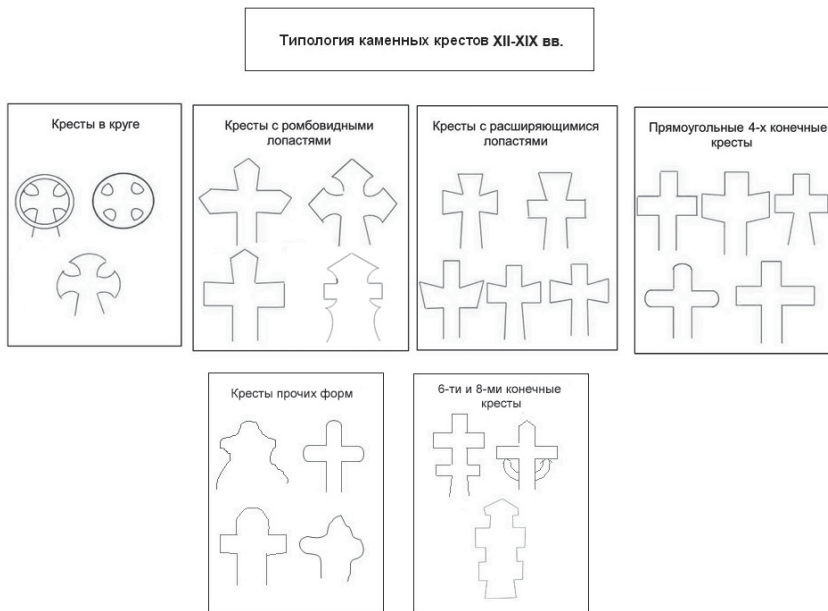

Рис. 1. Подгруппы и типы каменных крестов

нашего исследования никто не занимался. В основе нашей работы лежат достоверные сведения (фотографии или прорисовки сведения о материале и местонахождении) о более чем 2000 существующих (или по крайней мере достоверно существовавших) монументальных каменных крестах на Северо-Западе России и сопредельных территориях. География исследования включает: Брянскую, Вологодскую, Калужскую, Ленинградскую, Новгородскую, Московскую, Псковскую, Смоленскую, Тверскую и Ярославскую области, Республику Карелия и Республику Беларусь. Таким образом, оказывается, что на достаточно обширной территории зафиксировано значительное количество оригинальных материальных объектов, которые не только изготавливались на протяжении почти 800 лет, но и несли вполне определенную смысловую и функциональную нагрузку.

В ходе своей исследовательской работы мы:

- провели группировку каменных крестов на основе разработанной нами типологии;
- внесли координаты мест обнаружения каменных крестов (учтенных по типам) в геоинформационную систему с привязкой к современным и историческим границам на кон. XV в.

Для работы мы используем открытую геоинформационную платформу QGIS версия 2.18. Нанесение на карту единичных объектов осуществляется по GPS-координатам, которые мы определяли на местности с помощью портативного навигатора Garmin GPSmap 62stc.

В условиях, когда за последние 150 лет происходило практически тотальное перемещение каменных крестов, фиксирование мест находки позволяет минимизировать ошибку в выявлении региональных особенностей их изготовления. Мы исходим из того, что каменные кресты, сохранившиеся на территориях в сельской местности, обычно перемещались на небольшие расстояния (не более 20 км) – в ближайшую часовню, на соседний погост или в деревню, что часто подтверждается различными письменными и устными источниками⁴. Хотя нам были известны единичные примеры, когда крест оказывался перемещён на очень большие расстояния – сотни километров, но это, скорее, исключение, чем правило. При таком подходе очень важным становится количество достоверно описанных и зафиксированных крестов – поскольку это позволяет при дальнейшем анализе рассматривать не каждый отдельный крест, а целые группы объектов, находящихся на определённой территории. При этом чем больше оказывается объектов на локальной территории, тем меньше вероятность ошибки в определении региональных особенностей. Если мы где-то встречаем каменный крест определённого типа, то этот факт ещё не дает оснований для серьёзных выводов. Если мы встречаем ещё два-три однотипных креста на небольшой территории, то это уже заставляет задуматься о тенденции. Если же оказывается, что на вполне определённой территории встречается десять, двадцать однотипных крестов, а на соседней территории фиксируем кресты совсем другого типа или подгруппы, то можно говорить о закономерности.

Таким образом, исследование каменных крестов на уровне исторически значимых регионов, с одной стороны, нивелирует погрешность различного вида внутренних и локальных перемещений, а с другой – наглядно демонстрирует закономерности распространения разных типов каменных крестов на значительных территориях (рис. 1).

В данной статье мы не будем подробно рассматривать типы и подгруппы каменных крестов - об этом, как и о многих других вопросах, связанных с проблематикой каменных крестов можно узнать в нашей книге «Безмолвные стражи прошлого. Монументальные каменные кресты», изданной в 2018 г.⁵ Цель данной статьи заключается в том, чтобы на обобщенных материалах нашего исследования наглядно продемонстрировать выявленные закономерности, которые позволяют сделать вывод о том, что каменные кресты можно и нужно рассматривать как самостоятельные идентификационные маркеры населения на исторически значимых территориях.

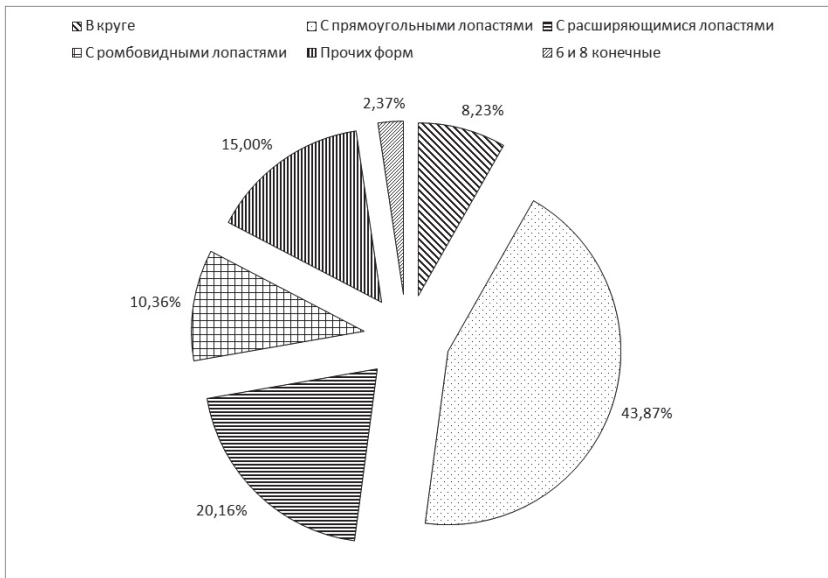

Рис. 2. Структура распределения более чем 2000 каменных крестов на уровне подгруппы

Подчеркнём: при изучении территорий надо учитывать форму каменных крестов, поскольку в ходе нашего исследования выяснилось, что именно отличие в форме лопастей каменных крестов на протяжении столетий стало одним из важных критериев для их идентификации.

Все данные о каменных крестах, используемые в настоящей статье, получены в результате авторского исследования на местности и поэтому мы уверены в их достоверности.

Результаты группировки более чем 2000 монументальных каменных крестов на указанной территории в рамках разработанной авторами типологии на уровне подгрупп представлена на рис. 2.

Такая структура, на наш взгляд, вполне объяснима: наибольшая доля оказывается у подгруппы с крестами самой простой формы – «с прямоугольными лопастями», доля которых составила 43,87% от общего количества всех известных каменных крестов. При этом кресты с наиболее сложными формами («с шестью и восемью лопастями», «кресты в круге») оказываются самыми малочисленными – 2,37% и 8,23% соответственно. Доли, занимаемые крестами остальных трех подгрупп, оказались достаточно сопоставимым - от 10,36% до 20,16%.

При этом важно обратить внимание на тот факт, что доля крестов типа «единичных и неопределенных форм», входящих в подгруппу «кресты

прочих форм», составляет всего около 10% от всей известной нам совокупности. В связи с этим еще один важный вывод, который можно сделать из анализа представленной диаграммы, заключается в том, что почти 90% всех известных каменных крестов можно группировать в предложенные нами подгруппы и типы на основе сходства/различий в форме лопастей.

Таким образом, оказывается, что форма лопастей каменных крестов служит важным фактором при идентификации каменных крестов.

Следующим важным шагом в изучении каменных крестов служит анализ распределения на изучаемой территории сделанной нам группировки в рамках предложенной типологии на основе сходства/различий формы лопастей.

Для этого рассмотрим структуру распределения монументальных каменных крестов по историческим территориям (с учетом границ на кон. XV в.) на уровне подгрупп (рис. 3). Для наглядности сопоставления на гистограмме используются относительные, а не абсолютные значения количества крестов (рис. 3).

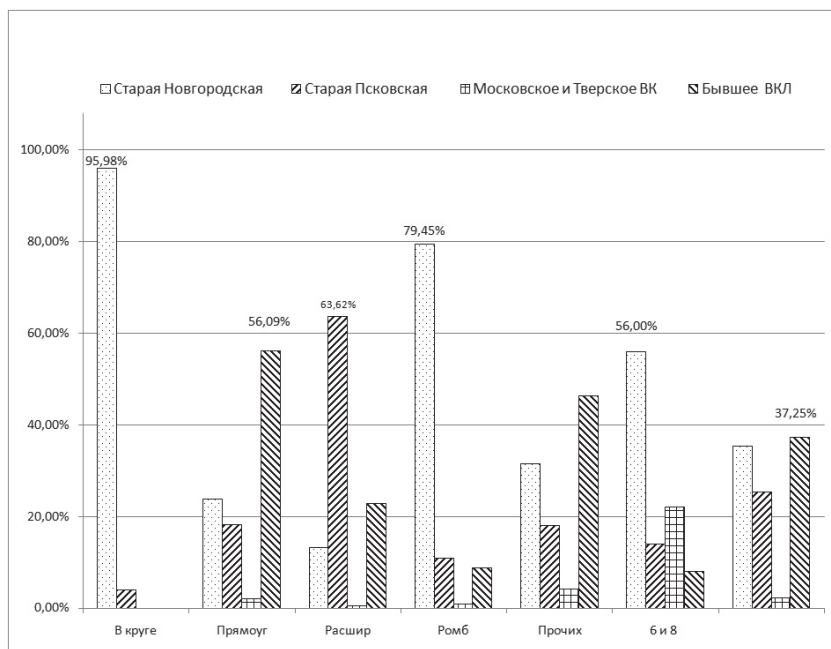

Рис. 3. Структура распределения подгрупп каменных крестов РФ и Беларуси с учетом границ на кон. XV в.

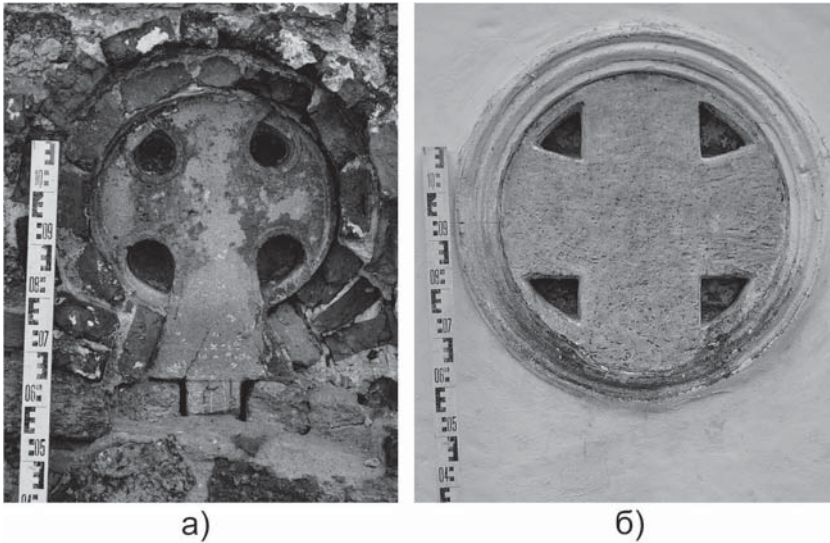

Рис. 4. «Кресты в круге»: а) г. Великий Новгород; б) г. Изборск

Таким образом, исходя из представленной структуры распределения каменных крестов на уровне подгрупп, можно сделать следующие выводы:

1. каменные кресты подгрупп «кресты в круге» и «кресты с ромбовидными лопастями» были в основном зафиксированы на территории старой Новгородской земли (95,98% и 79,45% соответственно);
2. на территории Новгородской земли больше всего было обнаружено и крестов подгруппы «с шестью (восемью) лопастями» (56,00%);
3. кресты подгруппы «с расширяющимися лопастями» фиксировались преимущественно на старой Псковской земле (63,62%);
4. кресты подгрупп «с прямоугольными лопастями» и «прочих форм» чаще всего встречаются на территориях, входивших ранее в состав Великого княжества Литовского (56,09% и 46,37% соответственно).

Таким образом, получается, что анализ распределения даже на первом шаге декомпозиции (на уровне подгрупп) наглядно демонстрирует отсутствие равномерности и выявляет определенные «предпочтения» для каменных крестов разных форм по исторически сложившимся территориям. При этом надо учитывать, что при проведении этого анализа не проводилась предварительная работа по уточнению некоторых некорректных данных, связанных, к примеру, с перемещением музейных экспонатов в XX в. Так, в коллекции Псковского музея-заповедника находится более 10 камен-

ных крестов, характерных для новгородской земли и находившихся ранее (до Великой Отечественной войны) в Новгородском музее-заповеднике.

Дальнейшее изучение распределения на уровне типов и подтипов позволит уточнить выявленные закономерности в использовании различных форм каменных крестов на территории.

Так, при внимательном рассмотрении подгруппы «кресты в круге» на основе отличий в форме лопастей и техники исполнения надписей можно выявить характерные отличительные особенности новгородских (рис. 4.а) и псковских (рис. 4.б) подтипов внутри этой подгруппы (рис. 4).

Более того, если сравнивать эти типы и подтипы с каменными крестами, вписанными в круг, но изготовленными в разное время на территории современной Эстонии, Германии или Великобритании, то мы так же увидим отличия в форме лопастей и изображениях⁶.

В составе подгруппы «кресты с ромбовидными лопастями», где суммарная доля этих крестов на территории Новгородской земли составляет 79,45%, мы выделили четыре типа каменных крестов. Распределение этих типов по историческим территориям представлено на рис. 5. Для наглядности и сопоставления неравномерности количества крестов в каждом типе по вертикальной оси отмечены абсолютные величины (количество крестов), но подписи к наибольшему значению в каждом типе указаны в процентах относительно доли исторической территории в данном типе. Например, тип 1.2.1. Общее количество крестов – 65 экз., при этом 86,15% из них (56 крестов) обнаружены на старых новгородских землях. Аналогичный подход мы будем использовать и на других графиках распределения (рис. 5).

В данном случае наглядно видно, что в трех из четырех типов доля крестов, обнаруженных на Новгородской земле, превышает 86%! При этом, если внимательно изучить распределение крестов, отнесенных нами к типам 1.2.2 и 1.2.4, то можно увидеть, что практически все образцы были нами обнаружены на территории, тяготеющей к Ижорскому плато. То есть, в составе крестов этой подгруппы есть типы, которые были распространены на весьма локальной части Новгородской земли, а есть типы (1.2.3 и 1.2.1), которые использовались на всей территории Новгородской земли и за ее пределами.

Аналогичная картина складывается и при изучении распределения типов внутри подгруппы крестов «с расширяющимися лопастями», где доля крестов, обнаруженных на территории Псковской земли, составляет около 64%. Шесть типов этой подгруппы были нами сформированы на основе сходства/различия расширяющихся лопастей. Например, расширяются все три, две боковые или одна верхняя лопасть. Кроме того, были выявлены и другие особенности: например, расширение

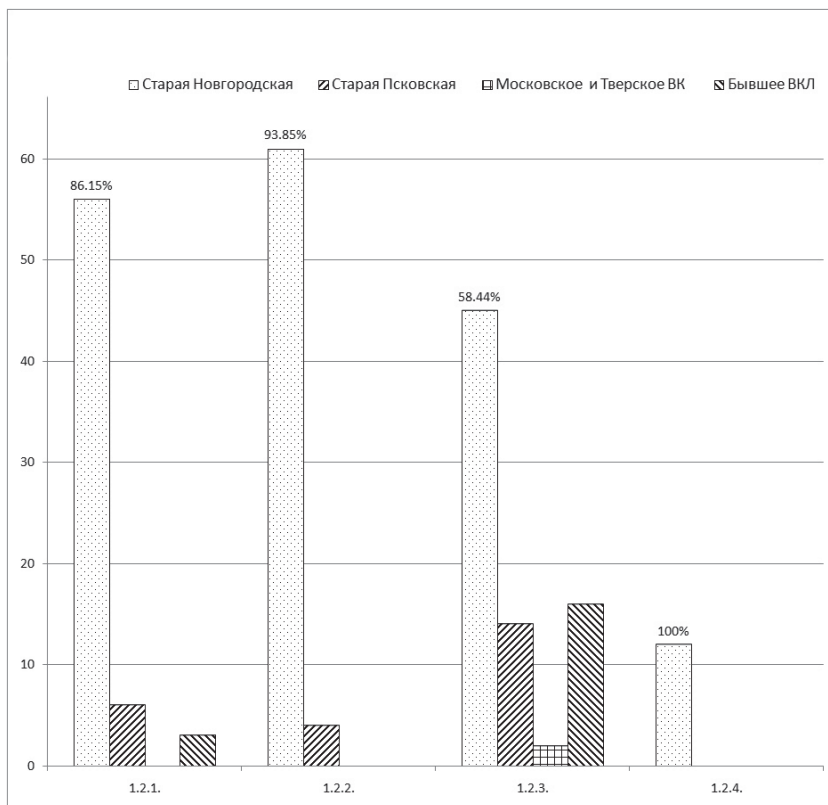

Рис. 5. Распределение типов в подгруппе «кресты с ромбовидными лопастями»

могло происходить либо только по одной стороне лопасти, либо оно шло симметрично – с обеих сторон.

Результат распределения более 400 каменных крестов этой подгруппы, разбитых на 6 типов по историческим территориям, представлен на рис. 6.

Итак, в этом случае также можно увидеть, что существуют четыре типа крестов, характерных исключительно для Псковской земли (доля каждого более 66%). Наиболее наглядным примером может служить распределение крестов типа 1.3.5, который был выделен еще в 1970-е гг. В.В. Седовым под названием «изборский»⁷ (рис. 7а). Мы среди известного нам количества артефактов смогли отнести к этому типу 77 крестов. Подавляющая часть крестов этого типа выполнена из известняка, характерного для каменноломен Изборска, и была обнаружена на территориях в радиусе около

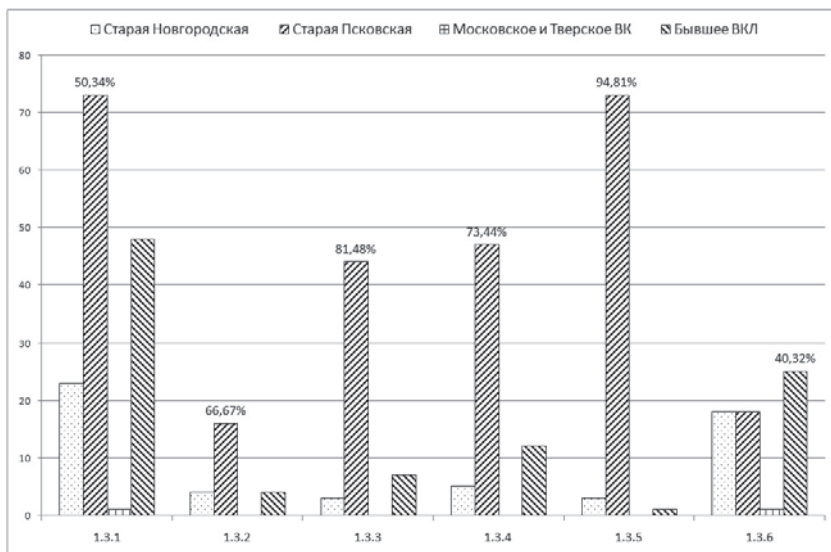

Рис. 6. Распределение типов в подгруппе «кресты с расширяющимися лопастями»

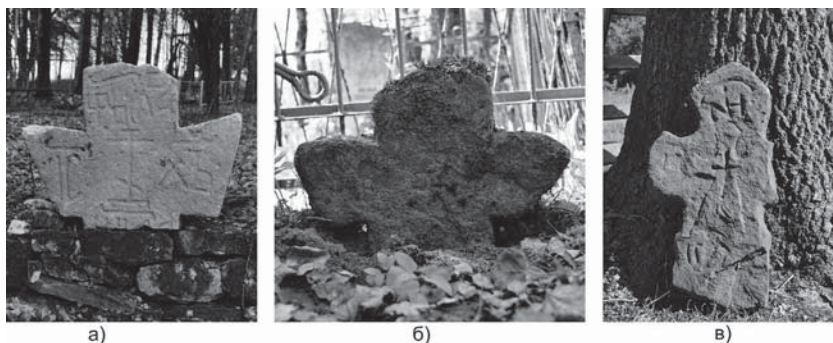

Рис. 7. Кресты на территории современной Псковской обл.: а) д. Залесье; б) д. Доброе Поле; в) д. Раскопель

50 км от места изготовления. Однако некоторые кресты перевозились и на расстояния более 100 км. А на более удаленных землях кресты подобной или сходной формы изготавливались из местного материала (песчаник, гнейс, известняк), но с использованием местных традиций (в части изображений и пр.). Т.е. на удалении от традиционных мест изготовления первоначальная форма еще оказывала важное значение, но при этом происходило смешение различных типов.

Два другие типа (1.3.1 и 1.3.6) активно использовались на соседних территориях - Новгородская земля и Великое княжество Литовское. При этом, если внимательно рассмотреть карту с местами обнаружения крестов типа 1.3.6 (т.е., кресты у которых расширяется только одна – верхняя – лопасть), то увидим, что большая часть их была обнаружена вдоль границ старой Псковской земли, а также у северных границ земель бывшего Великого княжества Литовского. Этот факт, на наш взгляд, является свидетельством культурного обмена среди населения на пограничных территориях.

В подтверждение этого приведем два примера заимствования формы, характерной для одной территории, при использовании на другой территории, удаленной от традиционного центра изготовления:

- крест из д. Доброе Поле (рис. 7б). Форма креста приближена к «зборскому» типу, но артефакт изготовлен из красного песчаника, а надпись немного отличается от псковского «стандарта» (см. крест из д. Залесье);
- крест из д. Раскопель (рис. 7в). Здесь мы видим типичный для Ижорского плато (Новгородская земля) крест, обнаруженный на берегу Чудского озера, т.е. на территории Псковской земли, где он был изготовлен из местного материала – красного песчаника.

Группа крестов с шестью и восемью лопастями относится к самой малочисленной группе (подгруппе) каменных крестов в рамках разработанной авторами типологии (их число менее 3% от всей известной нам совокупности каменных крестов). Однако, несмотря на свою малочисленность, распределение крестов этой группы по историческим территориям также имеет свои закономерности, которые наглядно продемонстрированы на рис. 8.

Кресты двух первых типов преимущественно (со значениями 66,67%) встречаются на территории старой Новгородской земли, а кресты третьего типа «шестиконечные с треугольным навершием («московские»)» встречаются исключительно на территориях, тяготеющих к Москве (100%), и не фиксируются на Новгородской и Псковской землях, а также на территории Великого княжества Литовского.

В подгруппе крестов «с прямоугольными лопастями» мы можем увидеть уже несколько иную ситуацию (рис. 9). Во-первых, это самая массовая подгруппа каменных крестов: здесь сосредоточено почти 44% от всех известных нам крестов на рассматриваемой территории (рис. 1). Во-вторых, несмотря на большое количество (около 900 экземпляров) и пять выявленных нами типов, почти 72% (около 650 крестов) мы отнесли к одному типу 1.4.4. («обычные»).

Распределение типов крестов в подгруппе «с прямоугольными лопастями», кроме отмеченного ранее, имеет следующие особенности.

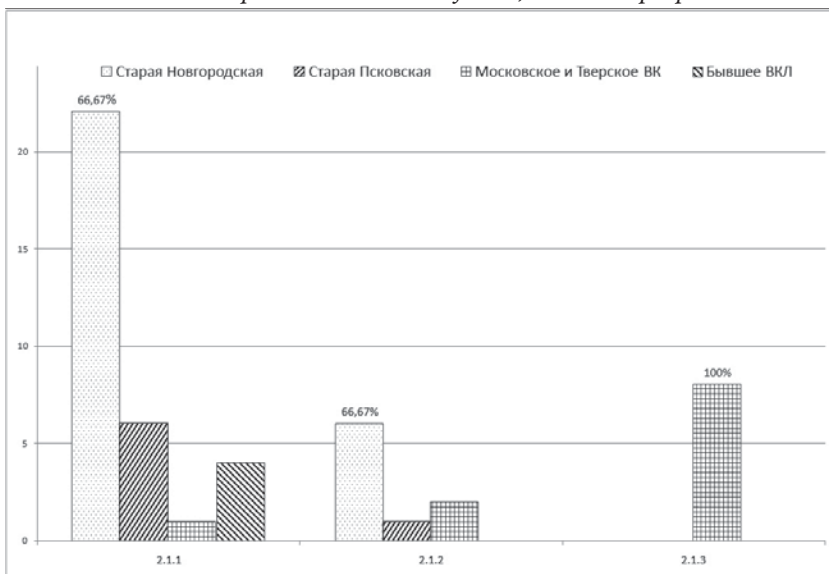

Рис. 8. Распределение типов в группе «кресты с шестью и восемью лопастями»

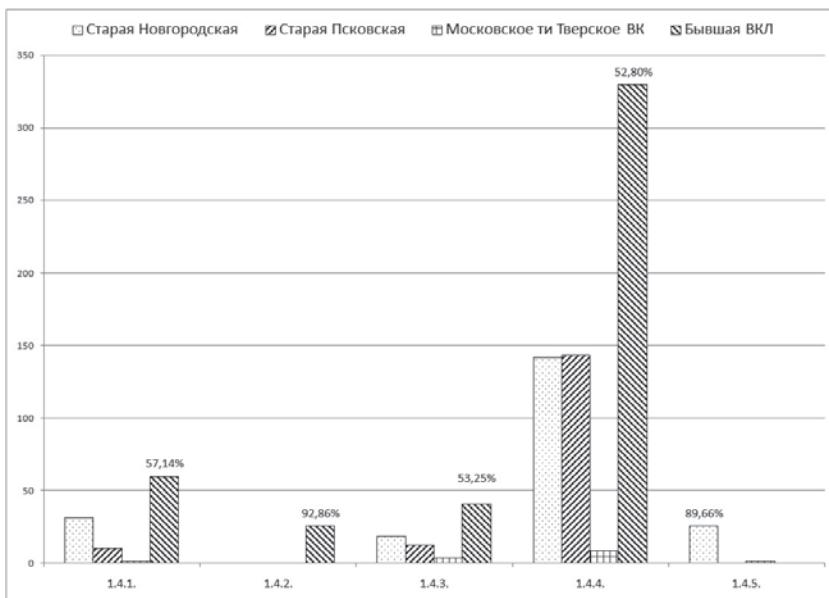

Рис. 9. Распределение типов в подгруппе «с прямоугольными лопастями»

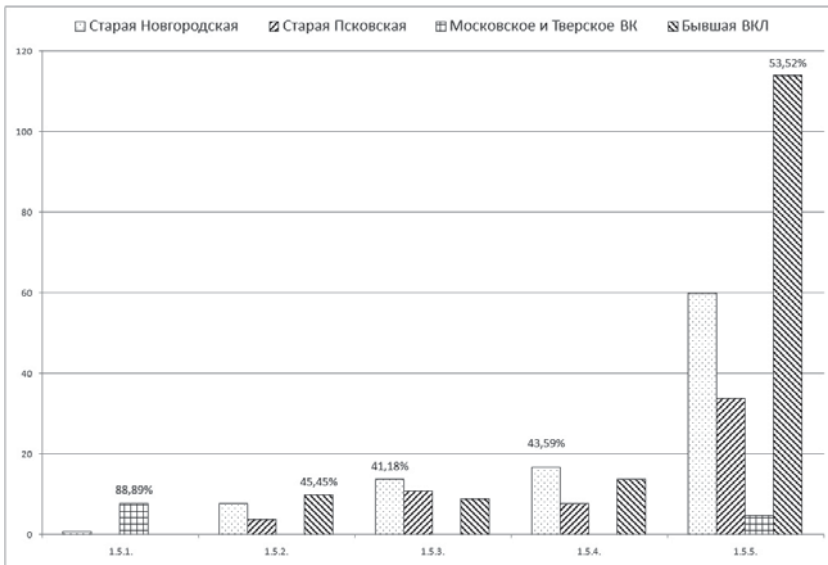

Рис. 10. Распределение типов в подгруппе «кресты прочих форм»

Во-первых, в четырех из пяти типов этой подгруппы доля крестов, обнаруженных на территории бывшего Великого княжества Литовского, превышает 50%. Во-вторых, кресты типа 1.4.5 («тесовский») оказались характерными (доля – 89,66%) для Новгородской земли, а кресты типа 1.4.2 («панцирные») с долей 92,86% – для земель ВКЛ.

Таким образом, в структуре типов мы видим явное доминирование земель бывшего ВКЛ и явное доминирование крестов одного типа.

Эта диспропорция в распределении, на наш взгляд, связана с тем, что кресты именно этой подгруппы использовались более длительное время – с XV по XX вв.

Практически схожая ситуация складывается и с подгруппой «кресты прочих форм» (рис. 10).

В этой подгруппе также есть доминирующий тип 1.5.5 («кресты единичных и неясных форм») с долей почти 67% (более 200 экз.). При этом самый малочисленный (9 экз.) оказывается тип 1.5.1., ставший характерным (доля 88,89%) для территории Московского Великого княжества. Кресты других типов распределены по исследуемой территории достаточно равномерно без ярко выраженных ареалов. Вероятнее всего, это также связано с тем, что кресты, вошедшие в эту подгруппу (за исключением типа 1.5.1), относятся к наиболее поздним артефактам, что зачастую подтверждается вырезанными на них

датами (XIX–XX вв.), материалом, из которого эти объекты изготовлены (валунный материал с полей), следами грубой обработки (включая колку камня) и пр.

В ходе исследования выяснилось, что традиция изготовления каменных крестов в некоторых местностях иногда обретала «второе дыхание» начиная с сер. XIX в. В частности, в юго-западных районах Ленинградской обл. встречаются кресты форм, которые традиционны для территории Эстонии XIX в. Вероятно, это связано с активным переселением на восток безземельных эстонцев-крестьян.

Ещё одним наглядным примером служат каменные кресты Порховского у., которые изготавливались в специальной мастерской по заранее выбранным шаблонам и типоразмерам. Самая ранняя дата, которая нами была обнаружена на одном из этих крестов, – 1847 г., самая поздняя – март 1921 г. Количество сохранившихся крестов работы этой мастерской исчисляется сотнями, все они находятся на старых кладбищах бывшего Порховского уезда и прилегающих территорий.

Таким образом, мы кратко рассмотрели распределение 26 типов каменных крестов по 4 историческим территориям (Новгородская земля, Псковская земля, Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское и прилегающие к нему земли). В результате анализа выяснилось, что подавляющее большинство типов – 80,77% (или 21 тип из 26) имеют свои, преобладающие (т.е. когда доля одной территории превышает 51% от общего числа крестов в типе) ареалы распространения. В связи с этим, мы полагаем, что выявленные закономерности в распределении типов каменных крестов, основанные на сходстве/различии формы лопастей, позволяют признать каменные кресты, использовавшиеся в погребальном обряде в качестве поминальных (могильных) символов, в качестве одного из идентификационных маркеров населения для исторических сложившихся территорий северо-запада России и сопредельных земель в определенных периоды времени.

На следующих этапах работы предусматривается дальнейшее изучение выявленных закономерностей с учетом дополнительных критериев - изображения (узоры) и датировки, которые позволят построить хронологическую шкалу использования типов (подтипов и вариантов) каменных крестов по каждой исторически значимой территории.

Примечания:

- 1 Спицын А.А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // ЗОРСА. 1903. Т. 5. Вып. 1., С. 203–234.

- 2 Шляпки И.А. Древние русские кресты. [Т.] 1. Кресты новгородские до XV века, неподвижные и не церковной службы. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова. 1906.
- 3 Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 182.
- 4 Глазов В.Н. Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опоченском и Новоржевском уездах // ЗРАО. Нов. сер. 1901. Т. 12. Вып. 1–2 (Труды отделения славянской и русской археологии. Кн. 5). С. 210–227.
- 5 Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю. Безмолвные стражи прошлого. Мону­ментальные каменные кресты. М.: Вече, 2018.
- 6 Потравнов А.Л., Хмельник Т.Ю. Каменные кресты Балтийского региона // С. 286–295.
- 7 Седов В.В. Изборские каменные кресты // Средневековая Русь (сб. стат. памяти Н. Н. Воронина) / Редкол.: Г.К. Вагнер, Д.С. Лихачев (предс.), П.А. Раппопорт М.: Наука, 1976. С. 102–107.

УДК 341.222.26

ОСОБЕННОСТИ РУБЕЖНЫХ КАМНЕЙ ОСТРОВА КОТЛИН (РЕТУСААРИ) В XVII В. ПО ШВЕДСКИМ КАРТАМ ВЫБОРГСКОГО И НОТЕБУРГСКОГО ЛЕНОВ

Вилле Лааксо

Финляндия, Университет г. Турку, археолог

vilaakso@gmail.com

Вячеслав Григорьевич Мизин

г. Санкт Петербург, независимый исследователь

perpettum@rambler.ru

Тимо Мухонен

Финляндия, Университет г. Турку, археолог

tiilmu@utu.fi

Елена Алексеевна Окладникова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, профессор, доктор исторических наук*

okladnikova-ea@yandex.ru

Юхо Руохонен

Финляндия, Университет г. Турку, археолог

jukaari@utu.fi

Аннотация: В статье представлены материалы архивных и полевых историко-культурных исследований, проведенных авторами на территории Ленинградской обл. (2016–2017 гг.). Предметом исследования стала локализация рубежных камней на о-ве. Котлин, относящихся к русско-шведской границе (XIV–XVI вв.) и шведской границе между Нотебургским и Выборгским ленами (XVII в.). Авторы выражают благодарность сотрудникам НИОР БАН, и в частности ст. научному сотруднику Вере Григорьевне Подковыровой, за содействие в работе с этим атласом и ценные научные комментарии.

Ключевые слова: рубежные камни, о-в Котлин, Средневековье, русско-шведская граница в XIV–XVII вв.

UDC 341.222.26

SOME FEATURES OF BOUNDARY STONES ON KOTLIN ISLAND (RETUSAARI) IN 17th CENTURY ACCORDING TWO SWEDISH MAPS OF VYBORG AND NOTEBURG COUNTIES

Ville Laakso

*University of Turku, Department of Archaeology, archaeologist,
vilaakso@gmail.com,*

Vyacheslav Grigorievich Mizin

*St. Petersburg, independent researcher
perpettum@rambler.ru,*

Timo Muhonen

*University of Turku, Department of Archaeology, archaeologist
tiilmu@utu.fi,*

Elena Alekseevna Okladnikova

*Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, professor, Doctor of History,
okladnikova-ea@yandex.ru,*

Juha Ruohonen

*University of Turku, Department of Archaeology, archaeologist
jukaru@utu.fi*

Abstract. This paper presents the materials archival and history and culture field studies conducted by authors on the territory of Leningrad Oblast. The subject of the study was location and features of medieval boundary stones on Kotlin Island (at present territory of St. Petersburg). The basic sources for this study are old Swedish maps of the 17th century from the archives of St. Petersburg and Helsinki.

Key words: boundary stones, Kotlin Island, the Middle Ages, Russian-Swedish border in the 15th-17th centuries

Введение

Основной функцией пограничных камней Невского края была маркировка конкретных географических районов в Шведское время (XVII в.) и государственных границ между Швецией и Россией в XIV–XVI вв. Впервые необходимость обозначения границ между шведскими и новгородскими владениями возникла в результате обострения политической ситуации в нач. XIV в. В этом отношении самой ранней отправной точкой демаркации границ между Швецией и Новгородом является Ореховецкий мирный договор 1323 г. Граница между Новгородом и Швецией была определена в том же году, но конкретизирована она была позднее, вероятно, в XV в. При этом более поздние границы известны совершенно точно на основе списков граничных точек и по изображениям пограничных маркеров на картах. В качестве маркеров использовались деревья, камни и скалы. Камни, которые отмечались межевыми знаками, получили название рубежных. Именно эти рубежные камни, нарисованные на шведских картах XVII в. – это исторические объекты, которые, наравне с культовыми сооружениями (кирхами), домами светских поселений, дорогами, формировали исторический ландшафт Невского края того времени. Шведские картографические атласы и отдельные карты сегодня хранятся в Швеции Финляндии и России. Но один из наиболее интересных атласов находится в собрании БАН в Санкт-Петербурге. Это атлас рукописных карт центральной части Ингерманландии (Дудергоф и окрестности). Он открывается перечнем сброшюрованных карт, заверенным печатью. Сами карты были выполнены во втор. пол. XVII в. В описи отдела рукописей БАН имеется следующая информация об этом атласе:

«Текст карт на немецком языке. На перечне карт шифр “ККЧ”, на первом от переплёта листе “МзМ”. На корешке переплёта выписаны сначала “КК”, под ними “ММ”. Кроме того, на корешке атласа имеются остатки наклейки:” ... военно-топогр...№ 35612».

Более поздний номер атласа - № 4305. Он наклеен на переплет и повторён на первом листе. В атласе XVII в. собраны листы 31-й рукописной карты Дудергофского прихода Нотебургского лена. Публикацией и научным анализом шведских сводных карт XVII в. занималась шведская исследовательница, профессор из Стокгольма У. Эренсворд. В России в силу исторических обстоятельств оказалось аккумулировано крупное собрание шведских планграфических и топографических атласов (1680–1700-е гг.), основным местом хранения которых сегодня является Санкт-Петербург. Известный специалист по истории градостроительства СПбГАСУ профессор С.В. Семенцов писал: *«Шведские атласы до времени основания СПб. были предметом научного анализа А. И. Гиппинга, А. А. Куника, А. С. Лапто-Данилевского, С. Бонсдорфа, Л. Багрова и Х. Келина и др. Архив-*

ные труды А. И. Гиппинга и С. Бонсдорфа сопровождалась копиями планов и карт допетербургского времени, особенно в классическом томе иллюстраций к работе А. И. Гиппинга, изначально подготовленном А. А. Куником, но законченном и изданном А. С. Лаппо-Данилевским в начале XX века». Шведские карты из собрания БАН демонстрировались на сводной выставке, посвященной 300-летию Петербурга, к этой же дате был переиздан труд А.И. Гиппинга, а также атлас карт и планов к нему А.С. Лаппо-Данилевского.

Обзор рубежных камней о-ва Котлин

Длина о-ва Котлин составляет около 10 км, ширина – 1,5 км. В настоящее время он относится к Кронштадту, одному из районов Санкт-Петербурга. Упоминание о камнях с нанесенными на них знаками, расположенными на о-ве Ретусаари (Котлин), содержится в 1-м межвом протоколе к Тязвинскому мирному договору 1595 г., известному также как «Вечный мир между Россией и Швецией». Прежде чем обсуждать пограничные знаки на о-ве Котлин, полезно обратиться к некоторым сравнительным материалам – объектам, расположенным севернее, например, рубежным камням горы Варпавуори. Границы, связанные с Тязвинским мирным договором, ранее уже изучались, например, в контексте памятников истории юго-восточной Финляндии и именно тех мест, где участок границы между Россией и Швецией проходил от о-ва Котлин до горы Варпавуори. Сохранились упоминания, что на следующей части границы, от горы Варпавуори, были использованы различные виды пограничных знаков. К ним относятся вырезанные на скалах, деревьях и камнях короны и кресты, а также неопределенные «отметки» и вырытые ямы. Последними также была отмечена и граница по Столбовскому мирному договору 1617 г. Рубежные ямы заполнялись древесным углем. Также упоминается, что на таких ямах иногда сверху насыпали кучи камней. Способ маркировки границ древесным углем нельзя считать чем-то исключительным. Известно, что, например, в Дании и Южной Швеции уголь помещался под рубежные камни. В этом отношении в Финляндии известны два интересных названия пограничных точек – Хиилитюннери (Hiilitynneri) и Хили Тыннери (Hili Tynneri), которые означают одно и то же: «бочка древесного угля». Эти названия позволяют предположить, что такие бочки иногда зарывались на границах Финляндии. В современных России и Финляндии археологические исследования отметок на границах в соответствии с Тязвинским и Столбовским мирными договорами могут дать интересные результаты. Проблема, конечно, состоит в сложности нахождения таких мест, что, вероятно, потребует длительной и систематической полевой работы. Однако это может быть легче в тех случаях, когда ямы покрыты небольшими (как кажется очевидными) каменными кучами.

К пограничным знакам относятся также вырезанные на камнях крюки (шв. «Krook»). Граница 1595 г., простирающаяся от нынешней финляндско-российской государственной границы до горы Варпавуори, также представляет интерес с точки зрения пограничных отметок. К их числу принадлежат кресты, короны, Т-образные и L-образные надписи (крюки), буквы и даты, такие как «1595». Вырезанные на камнях кресты также использовались в качестве пограничных знаков для демаркации границы по Столбовскому договору 1617 г.

Подробное упоминание некоторых пограничных камней на о-ве Котлин содержится в документе от 1595 г. Для нашего исследования интересно сравнить описание этих камней из текста 1595 г. с их маркировкой на двух более поздних шведских картах – Нотебургского лена втор. пол. XVII в. из собрания Отдела рукописей БАН (Санкт Петербург) и карты Выборгского лена 1643–1645 гг.

В период шведского владычества о-в Котлин был поделен между Выборгским и Нотебургским ленами. Северо-западная часть острова принадлежала приходу Кивеннапа Выборгского лена, юго-восточная часть относилась к приходу Дудергоф Нотебургского лена. На карте Выборгского лена, составленной Эрихом Аспегреном в период с 1643 по 1645 г., о-в Котлин ориентирован так, что север находится в нижней, а юг в верхней части карты. Карта в атласе Нотебургского лена, датируемая 1670–80 гг., ориентирована в соответствии с современными правилами геодезии: север находится сверху, юг – внизу. На карте Выборгского лена отмечены всего четыре камня, расположенные в ключевых точках поворота пограничной линии, при этом карта содержит их подробные изображения. На карте Нотебургского лена отмечены шесть камней с описаниями.

Камни с крестами помимо изображения (чаще это кружок с крестом) подписаны: «steen med X» («камень с крестом»). Можно отметить, что все три источника – текст Тявзинского мирного договора 1595 г., карта Выборгского лена и карта Нотебургского лена дополняют друг друга, выявляя определенную динамику изменения границы. Пограничными маркерами чаще становились приметные камни, известные чем-либо среди местного населения, т.е. знаковые. Старожилы этих мест часто использовали эти камни в качестве географических ориентиров. Поэтому можно заключить, что рубежные камни были далеки от случайного выбора из всех аналогичных по размеру и форме камней, располагающихся в области разграничения. Ввиду чего представляется необходимым рассмотреть рубежные камни на о-ве Котлин в деталях, а именно: сравнить уже названный текст Договора от 1595 г. с отметками на шведских картах XVII в., а также сопоставить между обозначения межевых камней на двух картах. Дело в том, что шведское картографирование Ингерманландии является достаточно

Текст Тявзинского мирного договора 1595 (только текст)	Карта Выборгского лена 1643-45 гг. (только рисунки)	Карта Нотебургского лена 2 пол. XVII в. (рисунки и комментарии к ним)
1. «трёхгранный камень, обозначенный новым крестом» Информация отсутствует	1.	1. «Большой треугольный камень с крестом»
Информация отсутствует	Информация отсутствует	2. «Маленький камень с крестом»
Информация отсутствует	Информация отсутствует	3. «Высокий камень с крестом, называемый Сабелстен»
4. «круглый камень, на нём крюк»	4.	4. «Камень с вырезанным крюком»
5. «до двух камней, на них 2 новых креста»	Информация отсутствует	5. «Круглый камень с крестом в окружении 8 камней (изображено 2 камня с крестами)
6. «Sadelsten» (Седельный камень)	6.	6. Информация отсутствует
7. «Большой камень на берегу против устья р. Сестры, на нём крест»	7.	7. «Большой высокий камень с крестом в центре, стоящий напротив Систербек» (шв. название реки Сестра)

Рис. 1. Сравнительная таблица с указанной очередностью отметок камней (нумерация с запада на восток)

Распределение рубежных камней острова Котлин (Ретусаари) на шведских картах Выборгского (вверху слева) и Нотебургского (внизу справа) ленов

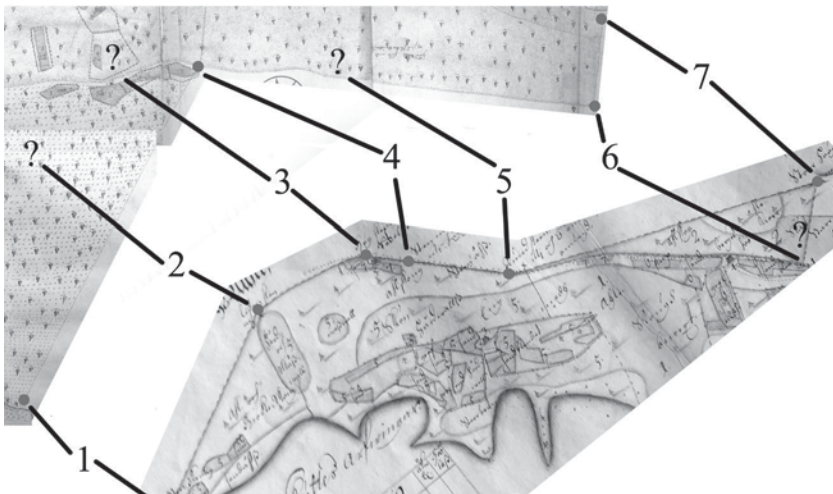

Рис. 2. Сводная карта линии границы о-ва Котлин

Условные обозначения:

Красные точки – отметки камней на картах

? – примерные места камней, отмеченных только на одной из карт

1 – Большой треугольный камень с крестом

2 – Маленький камень с крестом

3 – Высокий камень с крестом, называемый Sabelsten

4 – Камень с вырезанным крюком

5 – Круглый камень с крестом в окружении 8 камней (2 камня с крестами)

6 – Sadelsten («Седельный камень»)

7 – Большой высокий камень с крестом в центре, стоящий напротив Систербек (устье р. Сестры)

информативным источником сведений о состоянии местности в XVII в., и исследователи не раз обращались к ним. Достаточная детализация многих объектов, таких как церкви, часовни, камни, дороги, позволяет использовать шведские карты как источник информации о местности. Основные рассматриваемые сведения, касающиеся рубежных камней о-ва Котлин, представлены в виде таблицы (рис. 1).

На основании названных выше двух карт в ходе исследования была составлена сводная карта, представляющая общее распределение рубежных камней на о-ве Котлин (рис. 2). Сравнение приведенных фрагментов этих карт показывает изменение линии межевания, произошедшее в период между датами создания двух карт (1643–45 и 1670–80 гг.). Так, рубежный камень Sadelsten (№ 6) во втор. пол. XVII в. утратил свое межевое значение. Граница прошла от камня № 7 до камня в круге № 5. Интересно, что последний камень не был отмечен на карте 1643–45 гг., но при этом упоминается в тексте 1595 г. Камень с вырезанным крюком (№ 4) отмечен на обеих картах одинаково – в восточной части одного из земельных наделов, располагающихся южнее каменной гряды пересекающей остров (упоминаемой как «каменная грива» в тексте 1595 г.). С учетом того, что на обеих картах отмечена каменная гряда в этом месте и ее поворот, можно предположить, что камень, названный Sabelsten («Седельный камень») (№ 3), находился в месте поворота гряды на юг, в районе отмеченного на карте 1643–45 гг. хутора. Место камня № 2 на карте 1643–45 гг. точно определить достаточно сложно, можно лишь констатировать, что в 1640-х гг. этот район еще не был освоен и не было нужды в уточнении границы, проведенной прямой линией от камня № 1, отмеченного на карте, до камня с крюком (№ 4). Приведем описания этих семи камней.

1. Камень № 1 расположен на южном берегу о-ва Котлин. В тексте договора 1595 г. он описан следующим образом: *«Вначале – на островок, называемый Ретусаари; с русской стороны на берегу большой трёхгранный камень, обозначенный новым крестом»*. Интересен сам факт наличия изображения камня с крестом на обеих рассматриваемых картах (рис. 3, 4). Вероятно, этот камень исполнял только межевую функцию. В качестве примера дошедшего до наших дней, можно привести валун у с. Копорье с высеченным на нем межевым крестом (рис. 5).

2. Камень № 2 в тексте договора от 1595 г. не указан, вероятно, он получил межевое значение после пересмотра границ Выборгского и Нотебургского ленов во втор. пол. XVII в. Этот камень отмечен только на карте Нотебургского лена (рис. 6).

3. В тексте договора 1595 г. камень № 3 не упоминается. Как и предыдущий рубежный камень, он, вероятно, стал выполнять межевую функцию после пересмотра границ между Выборгским и Нотебургским ле-

*Рис. 3. Рубежная отметка камня № 1 на карте Выборгского лена (1643–45 гг.).
Рисунок в общих чертах передает форму и размер камня*

нами. Этот камень отмечен только на карте Нотебургского лена (рис. 7). Примечательно, что название «Sadel sten» / «Sabel sten» в 1595 г. уже упоминался камень с таким названием. Однако согласно оценке анализа картографической информации ясно, что речь идет о двух разных камнях в двух разных точках границы, первоначально упоминаемый в тексте 1595 г. и отмеченный на карте Выборгского лена 1643–45 гг. Седелный камень (№ 6, см. ниже) при пересмотре границы между Выборгским и Нотебургским ленами во втор. пол. XVII в. перестал выполнять функцию межевого маркера. «Седелный камень» или *Satulakivi* – довольно распространенное финское название для больших валунов, происходящее от особенности их формы – наличия сверху углубления, напоминающего седло лошади. При этом маловероятно, что на таком маленьком о-ве как Котлин было два камня с одинаковым названием, возможно при переименовании старое название перешло на новую пограничную точку, заменившую старый Седелный камень. Заметим, что у Седелного камня, упомянутого в договоре от 1595 г. (в данном обзоре № 6), маркировка не упоминается, а у

Рис. 4. Рубежная отметка камня № 1 на карте Нотебургского лена (втор. пол. XVII в). Подчеркнута упомянутая в тексте договора треугольная форма камня. Перевод надписи на карте: «Большой треугольный камень с крестом»

Рис. 5. Пример вырезанного на камне межевого креста. Окрестности с. Копорье, Ломоносовский р-н, Ленинградская обл. Фото В. Г. Мизина, 2011 г.

Рис. 6. Рисунок камня № 2 на карте Нотебургского лена приведен без детализации.
Перевод надписи на карте: «Маленький камень с крестом»

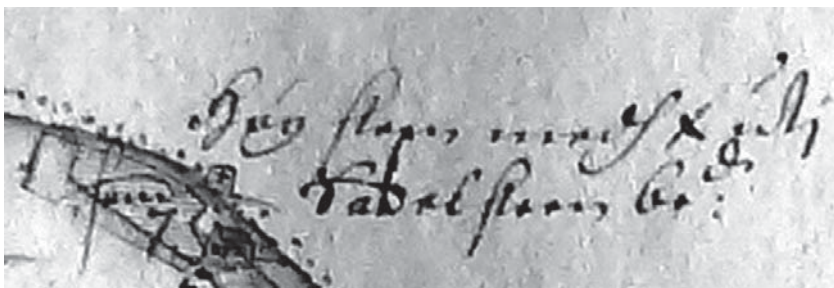

Рис. 7. На карте Нотебургского лена отмечен вид камня № 3 в профиль с крестом, форма рисунком не подчеркивается. Поясняющий текст гласит: «Высокий камень с крестом называемый Сабелстен». Скорее всего, в названии камня имеет место опечатка и «d» заменено на «b»

камня № 3 на карте Нотебургского лена указан вырезанный крест. Можно предположить, что, помимо межевого, этот камень мог иметь и другое назначение (см. ниже относительно камня №6).

4. Про камень № 4 в тексте договора 1595 г. написано: «... через мох к березе из двух стволов, на которой новый межевой знак и возле которой круглый камень, на нем крюк». На карте Нотебургского лена и на карте Э. Аспегрена 1643–45 гг. изображения камней совпадают (рис. 8, 9). Интересно, что отметка границы была вырезана на березе, а не на камне. Следует учитывать, что комбинация березы с несколькими стволами и камня с теми или иными знаками (включая следы, чашки, естественные углубления и другие знаки) характерна для ряда природных почитаемых мест Ингерманландии. В качестве примеров можно упомянуть почитаемые места возле сел Ильеши, Каложицы и Мартышкино. Что касается упоминания о

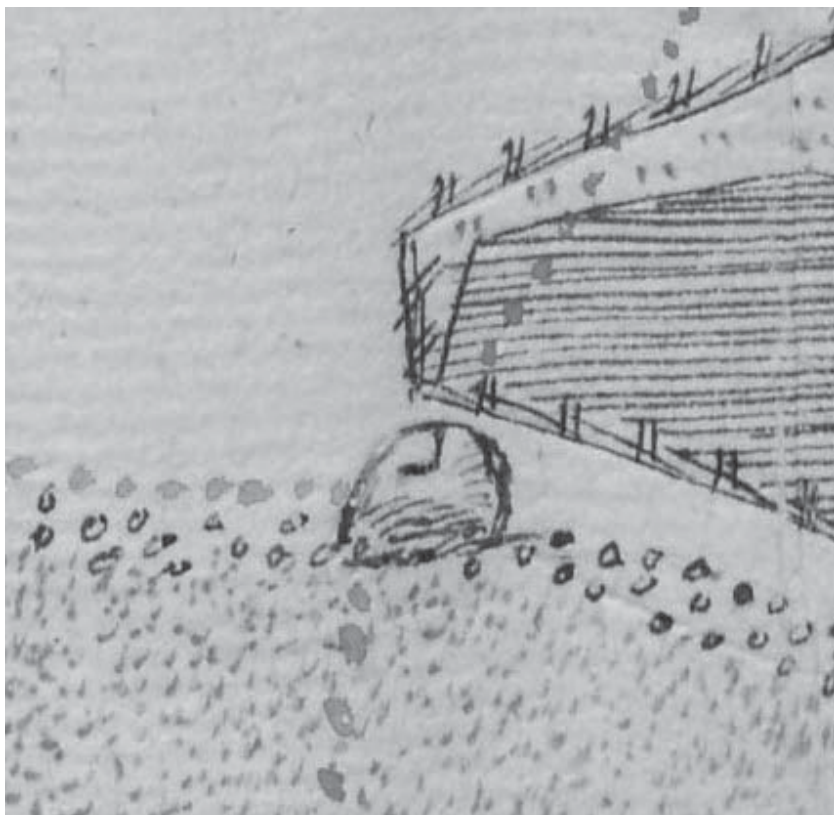

Рис. 8. Рубежная отметка камня № 4 на карте Выборгского лена (1643–45 гг.). На камне прорисован вырезанный L-образный крюк

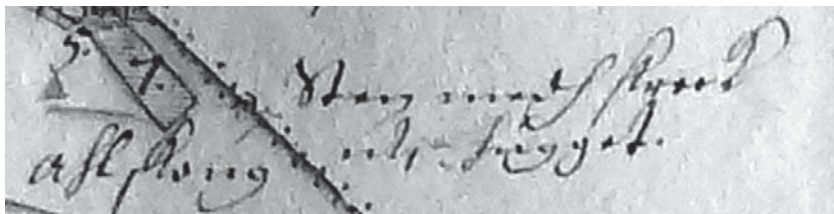

Рис. 9. Рубежная отметка камня № 4 на карте Нотебургского лена (втор. пол. XVII в).
Текст на этой карте гласит: «Камень с вырезанным крюком»

Рис. 10. Возможный аналог камня с крюком № 4 (знаки L- и T-образные). Валун на фотографии находится на горе Варпавуори, где проходила граница в соответствии с Договором 1595 г., начинавшаяся на о-ве Котлин. Фото В. Лааксо. 2010 г.

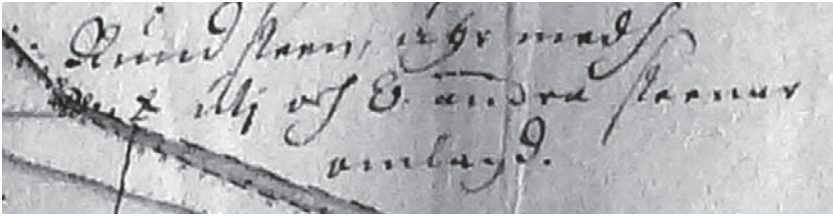

Рис. 11. Камень № 5 на карте Нотебургского лена. Поясняющая надпись гласит: «Круглый камень с крестом в окружении 8 камней»

крюке на камне, можно предположить, что это может быть отпечаток копыта, то есть резное (или естественное) изображение в форме подковы. Такие камни известны в Ленинградской обл.

Однако этот крюк может также быть аналогом определенных отметок на пограничных камнях в Финляндии. Так, например, крюк был вырезан на камне горы Варпавуори и упоминается в связи с Договором 1595 г. (рис. 10). Существует и географически более близкий аналог – огромный камень «Пяйвякиви» («Солнечный камень») 6,75 м в длину, 5 м в ширину и 3,6 м в высоту, который стоял в бывшем финском приходе Вуоксела в Карелии, на нем изображен резной крюк и крест. Эти знаки можно увидеть на картах начиная с 1556 г. Он упоминается как «Райякиви», то есть граничный камень. «Пяйвякиви» продолжал функционировать как старый пограничный знак между Россией и Швецией в т.ч. и после Договора 1595 г. Исходя из этого мы можем высказать предположение, что помимо межевого, этот камень, возможно, мог иметь и другое значение, например, упоминаться в фольклоре, иметь имя собственное и т.п.

5. В тексте Договора 1595 г. камень № 5 описывается таким образом: «...далее до двух камней, на них 2 новых креста». Эти камни не отмечены на карте Выборгского лена 1643–45 гг. На карте Нотебургского лена изображен камень с крестом, находящийся в каменном круге из восьми камней (рис. 11). Сам камень расположен на каменном гребне («грива» в тексте). Интересно, что на карте изображен крест и на одном из камней, окружающих центральный камень. Таким образом, на этом рисунке указаны два вырезанных креста на двух камнях, что в точности соответствует тексту Договора 1595 г. Тот факт, что высеченный крест является знаком границы, не может быть поставлен под сомнение, но каменный круг не характерен для межевого маркера. Кроме того, неясно, зачем понадобился круг камней вокруг камня с вырезанным крестом. Возможно, этот каменный круг уже существовал на этом месте как хорошо известный и заметный элемент ландшафта, и через него была проведена граница. Следует отметить, что

подобные конструкции в виде валуна в обрамлении круга камней известны на о-вах Северной Ладogi, упоминаются в фольклоре о-ва Гогланд в Финском заливе. Однако в обоих этих случаях нет никаких свидетельств, подтверждающих межевую функцию подобных каменных конструкций. По-видимому, помимо межевого маркера каменный круг, возможно, мог иметь какое-либо иное значение.

6. Про камень № 6 в тексте Договора 1595 г. сказано следующее: «...потом до *Sadelsten* (*Седельный камень*)». Этот камень отмечен только на карте Выборгского лена (рис. 12). Название камня связано, как указывалось ранее, с особенностью его формы – наличием сверху седловидного углу-

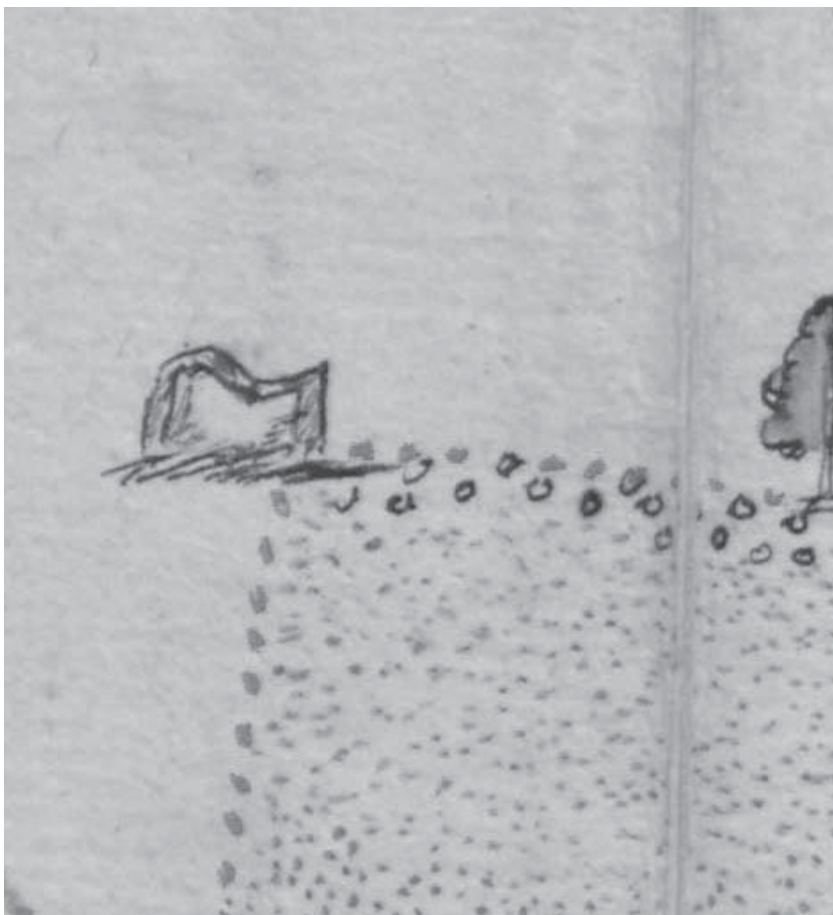

Рис. 12. Рисунок камня № 6 (*Sadelsten*) на шведской карте Выборгского лена хорошо подчеркивает седельную форму камня

Рис. 13. Вероятный аналог Садельстена с о-ва Котлин – седлообразный камень, расположенный на территории средневекового комплекса каменных сложений на о-ве Эссари, недалеко от Выборга. Фото В.Г. Мизина. 2005 г.

бления. Подобные седельные камни известны в рассматриваемом регионе. В качестве примеров можно привести камень Сатулакиви в северном Приладожье (обследован В.Г. Мизиным в 2010 г.), с которым связано предание о монастырском кладе, а также Седловатый камень недалеко от пос. Котлы, в связи с которым упоминается, что «возле него пугает». Камень седловидной формы (рис. 13) есть также в составе комплекса каменных сложений на о-ве Эссари вблизи Выборга. Несмотря на то, что называть седельные камни почитаемыми нет оснований, несомненно, такие объекты в фольклоре были связаны с разнообразными преданиями, ввиду чего являлись знаковыми для определенной местности. Поэтому, нет ничего удивительного в том, что в рассматриваемом случае именно по такому приметному камню, имеющему имя собственное, была проведена граница на о-ве Котлин. Некоторые седельные камни в качестве пограничных знаков известны также в Финляндии; например одно упоминание относится к 1464 г., а другое – 1553 г.

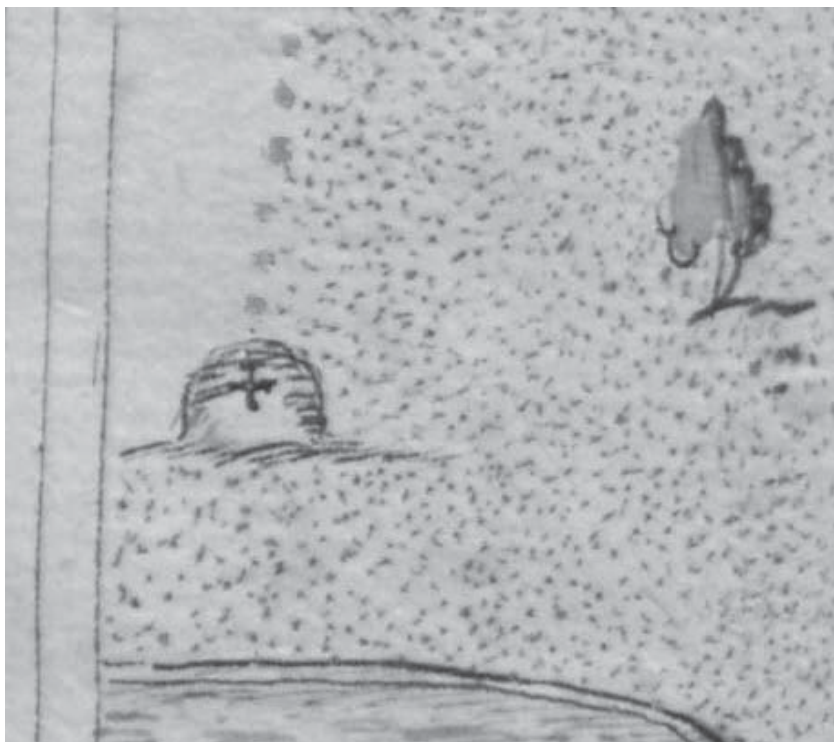

Рис. 14. Рубежный камень № 7 на карте Выборгского лена

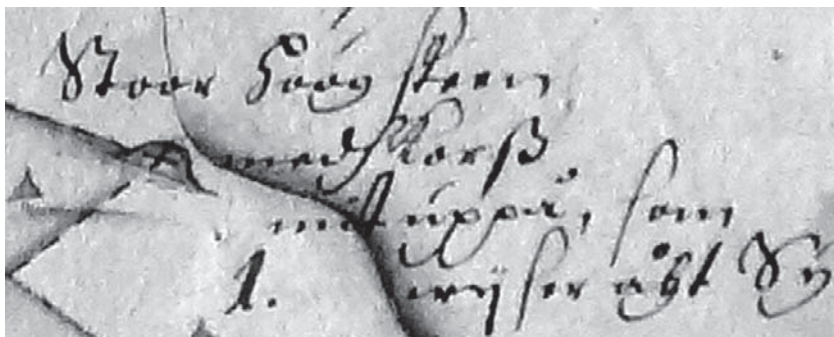

Рис. 15. Рубежный камень № 7 на карте Нотебургского лена. Перевод надписи на карте:
«Большой высокий камень с крестом в центре, стоящий напротив Систербек»

7. В тексте Договора 1595 г. приведено описание камня № 7: «...до большого камня на берегу против устья р. Сестры, на нем крест». Камень отмечен на обеих рассматриваемых картах (рис. 14, 15).

Выводы

1. Неоднородность старейших пограничных отметок на о-ве Котлин вызывает интерес, но не является уникальной: в других местах русско-шведской границы 1595 г. наблюдалась схожая ситуация. Это указывает как на отсутствие унификации при межевании, так и на то, что за ключевые точки границ принимались известные на местности и выделяющиеся объекты, чаще всего камни.

2. Детальные изображения пограничных камней на карте Выборгского лена 1643–45 гг. можно считать одними из самых ранних изображений знаковых камней на территории современной Ленинградской обл.

3. Локализацию рассмотренных объектов на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей в настоящее время можно признать бесперспективной ввиду сильной антропогенной нагрузки на местность в течение последних 300 лет. При этом проведенное исследование позволяет частично реконструировать и природный контекст местности в рассматриваемый период времени, втор. пол. XVII в., поскольку в приводимых документах упоминаются такие элементы ландшафта, как «мох» (болото), «каменная грива» (гряда).

УДК 913

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОПИСАНИЙ Н.Я. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ ПРИЛАДАЖЬЯ И ПРИОНЕЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII В.¹

Татьяна Евгеньевна Исаченко

Санкт-Петербургский государственный университет кафедры страноведения и международного туризма, г. Санкт-Петербург, доцент, кандидат географических наук

tatiana.isachenko@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу научных трудов академика Н.Я. Озерецковского. На примере описаний, выполненных в ходе экспедиции 1785 г., показана возможность и перспективность использования исследований академика в качестве научных данных для комплексной оценки регионов и реконструкции культурных ландшафтов Европейской территории России в кон. XVIII в. В качестве основного метода был использован метод историко-географического районирования. Всего было выделено в Приладожье 8 историко-географических районов, в Прионежье – 9 историко-географических районов.

Ключевые слова: Н.Я. Озерецковский, Ладожское оз., Онежское оз., культурный ландшафт, природно-культурный комплекс, историко-географическое районирование.

UDK 913

INTERPRETATION OF N.YA. OZERETSCOVSKY SCIENTIFIC WORKS FOR THE CULTURAL LANDSCAPE RECONSTRUCTION OF THE COASTAL PART OF LAKE ONEGA AND LADOGA LAKE IN THE LATE XVIII CENTURY

Tatiana Evgenievna Isachenko

St. Petersburg State University, St.-Petersburg Department of Country Studies and International Tourism Associate Professor, PhD in Geographical sciences

tatiana.isachenko@gmail.com

Abstract. The article analyzes the scientific works of academician N.Ya. Ozeretskovsky. The author shows the possibility and prospects of using of academician investigations as scientific data for the complex assessment of the regions and cultural landscapes study of European Russia in the late 18th century on the base of the descriptions made in the course of the expedition in 1785. The method of historic-geographical regionalization was used as the main approach to study cultural landscapes. The author determined 8 historical-geographical regions at the coastal area of Lake Ladoga and 9 historical-geographical regions at the coastal area of Lake Onega.

Key words: N.Ya. Ozeretskovsky, Ladoga lake, Lake Onego, cultural landscape, natural-cultural complex, historic-geographical regionalization

Николай Яковлевич Озерецковский (1750–1827) родился в с. Озерцом Дмитровского у. Московской губ. в семье священника. Он получил образование в семинарии Троице-Сергиевой лавры, а затем был направлен на службу в Санкт-Петербургскую Академию наук. В 1785 г. Н.Я. Озерецковский возглавил академическую экспедицию, организованную для исследования побережий и островов Ладожского и Онежского оз. (рис. 1).

Экспедиция Н.Я. Озерецковского длилась четыре месяца. За это время были обследованы западное, северное (за исключением отрезка г. Кексгольм (Приозерск) – г. Сортавала) и восточное побережья Ладожского оз. от г. Шлиссельбурга до устья р. Свири; по р. Свирь сойма¹ Н.Я. Озерецковского вышла в Онежское оз., где были подробно изучены западное, восточное и южное побережья. В связи с недостатком времени сложный, сильно изрезанный северный берег Онежского оз. был описан фрагментарно, равно как и южный берег Ладоги, мимо которого сойма, возвращаясь в Санкт-Петербург, прошла без остановок. Только в 1805 г., когда Н.Я. Озерецковский, завершая путешествие на оз. Ильмень, проплыл на лодке по Ладожскому каналу от г. Новая Ладога до Шлиссельбурга, он смог составить некоторые описания южного побережья Ладоги. В ходе экспедиции 1785 г. Н.Я. Озерецковский совершал экскурсии, отдаляясь от побережий Ладожского и Онежского озер на расстояние до 50 км в погосты Кидея, Вытегорский и Шуйский, города Олонец и Пудож, на Кончезерский завод и Дворецкий рудник. Он обследовал порог Кивач, предположительно посетил Рускеальские мраморные ломки, монастыри Данилов

Рис. 1. Карта маршрута экспедиции Н.Я. Озерецковского в 1785 г., выполненная на современной основе с реконструкцией гидрографической сети в бассейнах р. Вуоксы, оз. Сандал, р. Свирь и береговой линии Ладожского и Онежского оз. на период кон. XVIII в.

и Лекса. Отклонение от основного маршрута для поездки по Нигозеру и оз. Сандал к Тивдийским мраморным ломкам позволило Н.Я. Озерецковскому исследовать особенности и этих водоемов, превратившихся в XX в. в озера-водохранилища. В 1786 г. в «Новых ежемесячных сочинениях» издается «Описание Ладожского озера и реки Свирь»²; в 1791 г. в журнале «Месяцеслов исторический и географический» печатается «Обозрение Онежского озера»³. В 1792 г. выходит книга «Путешествие академика Н. Озерецковского по озерам Ладожскому и Онежскому»⁴, а в 1805 г. – ее второе издание, дополненное материалами путешествия вокруг оз. Ильмень⁵.

Маршрут экспедиции 1785 г. проходил по издавна освоенным регионам, поэтому Н.Я. Озерецковского трудно назвать первопроходцем, однако его описания являются первым комплексным исследованием островов и побережий Ладожского и Онежского озер и отличаются такой разносторон-

Рис. 2. Карта маршрута экспедиции Н.Я. Озерецковского в 1785 г. по Ладожскому оз.

ностью и достоверностью, что до сих пор ученые различных специальностей ссылаются на его труды как на первоисточник.

Привязка объектов. Н.Я. Озерецковский в своих описаниях точно определяет местоположения всех описываемых объектов, указывает расстояние между ними, только не всегда понятно как определяются расстояния: по воде, суше или по кратчайшей линии. Проведенные расчеты показывают, что Н.Я. Озерецковский использует в качестве меры длины путевую версту (1,0668 км). Часто он указывает расстояние от объектов до разных

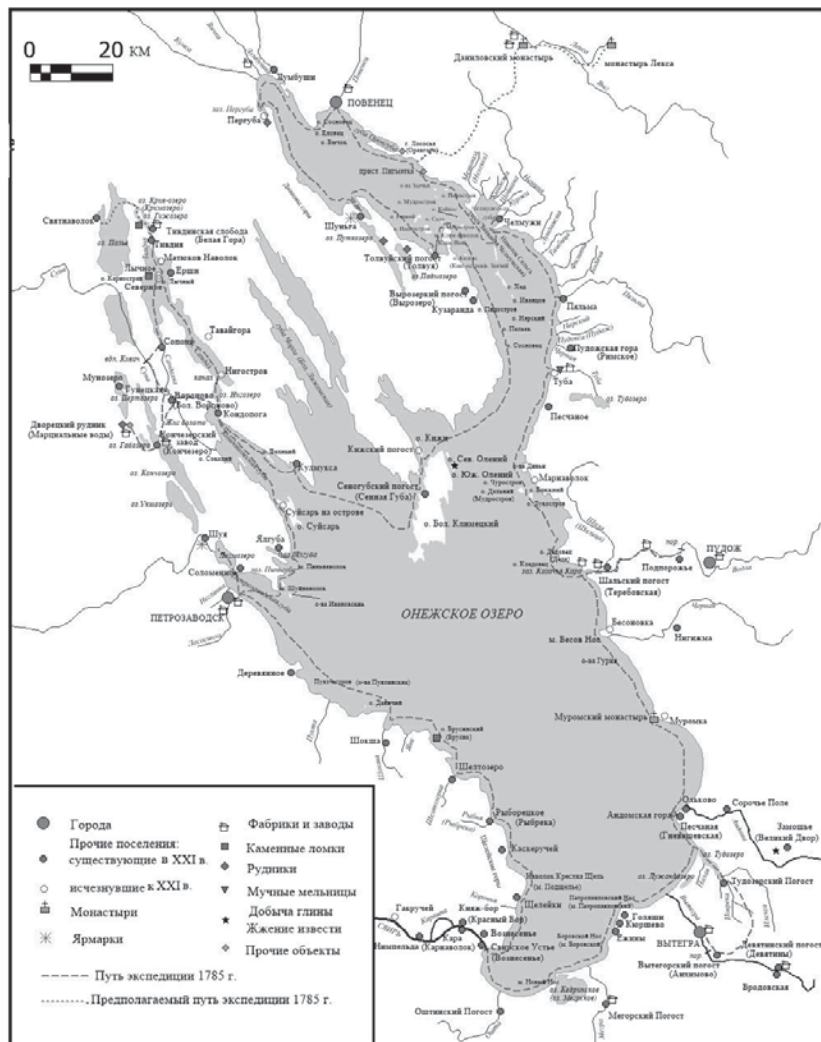

Рис. 3. Карта маршрута экспедиции Н.Я. Озерецковского 1785 г. по Онежскому оз.

точек, определяет их расположение в системе существовавших сухопутных дорог, что позволяет точнее привязать к карте описываемый объект. На карты, отражающие маршрут экспедиции 1785 г., нами нанесены все географические объекты (410 объектов), упоминаемые в описаниях Н.Я. Озерецковского; приведены как их современные географические названия, так и топонимы, бытовавшие в XVIII в. (рис. 2, 3).

Ученый упоминает и описывает 234 природных географических объекта, среди них: реки, озера, острова, проливы, губы и заливы, а также 176 объектов, связанных с освоением территории, среди которых: населенные пункты, монастыри, места проведения ярмарок, заводы и фабрики, рудники и каменные ломки, мучные и пильные мельницы, бейшлоты на каналах. Сопоставление составленных карт с актуальной современной ситуацией позволило определенным условным знаком показать населенные пункты, заброшенные и исчезнувшие к XXI в. Картографическая интерпретация маршрута экспедиции Н.Я. Озерецковского дала возможность оценить освоенность территории и пространственную дифференциацию природопользования в регионе в кон. XVIII в.

Верификация описаний. Анализ описаний показал, что помимо личных наблюдений Н.Я. Озерецковский приводит данные исторических и актуальных на тот момент документов, анализирует географические карты и приводит сведения, предоставленные ему местными жителями. Так, описывая острова и проливы Салмы (окрестности пос. Салми в Республике Карелия), Н.Я. Озерецковский прибегает к расспросам местных жителей и соотносит полученные сведения с картой. В издании «Путешествия...» 1812 г. прилагается и «начертание» островов, выполненное приказчиком Маковкиным, достоверность которого подтверждается сопоставлением с картой Княжества Карельского, размещенной в атласе И.К. Кирилова⁶ и картами Выборгской губ. (наместничества) 1772 г.⁷ и 1784 г.⁸, которыми мог пользоваться Н.Я. Озерецковский. Однако в процессе камерального анализа было выявлено существенное несоответствие описаний 1785 г. современным ландшафтной ситуации и расселению в районе островов и проливов Салмы. Н.Я. Озерецковский, описывая упомянутые острова и проливы, перечисляет четыре крупных острова (Уксинский, Лунгальский, Мызинский, Манецкий), которые отделяли Салму (пролив между материком и указанными островами) от Ладожского оз. Также он упоминает пять проливов (Люзи, Пелля, Улахта, Перьямансалми и Пролив без названия), посредством которых Салма сообщалась с озером. В пределах четырех островов ученый отмечает 10 поселений (201 двор), подчеркивая, что при каждой деревне имелись пахотные угодья и сенокосы.

Камеральный анализ современных карт и космоснимков позволил выявить наличие только двух островов (Лункулансаари и Мантинсаари) и по-ова Уксалонпя. Также не удалось обнаружить два из пяти проливов (Люзи и Улахта). Изучение статистических сведений показало, что по официальным данным постоянного населения на островах нет (рис. 4).

Нами были проведены полевые ландшафтные исследования, базирующиеся на ландшафтно-динамическом подходе, которые позволили определить расположение исчезнувших деревень и заросших угодий, очерта-

Рис. 4. Сопоставление ситуации в районе о-ов и проливов Салмы на период кон. XVIII в. и на 2017 г.

ния осушенных болот, скрытых под лесной растительностью. Было выявлено следующее.

1. Пролив Люзи существовал в XVIII в., сегодня на его месте расположено небольшое озерцо, откуда вытекает ручеек (р. Люсиноя), впадающий в Ладожское оз. на западном побережье п-ова Уксалонпя. Ранее существовала протока, соединяющая это озерцо с Салмой (современный залив Уксунлахти). Русло протоки было искусственно углублено, что позволяло на лодке коротким путем выходить из Салмы в Ладогу. Колебания уровня озера способствовали постепенному зарастанию этой системы, а в XX в. насыпь дороги, перерезавшая русло протоки, завершила трансформацию бывшего о-ва Уксинский в п-ов Уксалонпя. Соответственно, Салма, описанная Н.Я. Озерецковским, из пролива стала превращаться в залив. На современных картах северная часть Салмы обозначена заливом Уксунлахти.

2. Между материком и о-вом Лункулансаари сохранился Пролив Перемья (совр. пролив Перьямансалми), глубина которого зависит от колебаний уровня Ладожского оз., в отдельные годы его невозможно пройти на лодке. Северная часть пролива-протоки заросла тростником и эта тенденция нарастает, угрожая ему исчезновением. На современных картах южная часть Салмы, примыкающая к проливу Перьямансалми, обозначена заливом Лункуланлахти.

3. Пролива Улахта, который разделял в XVIII в. о-ва Лунгальский и Мызинский сегодня не существует. Два острова объединены в один – Лункулансаари. Ландшафтные исследования показали наличие на месте пролива фрагментов протоки и болотного массива с толщиной торфа более 1 м.

Это заставило усомниться в существовании здесь в кон. XVIII в. пролива: за 230 лет в средней тайге вертикальный прирост торфа составляет всего 13-15 см. Однако наличие фрагментов протоки позволяют предположить, что узкий пролив-протока с заболоченными берегами мог постепенно заплыть торфом. Протока перерезана насыпью дороги, что также способствует активизации процессов заболачивания.

4. В настоящее время из 10 поселений на островах не осталось ни одной деревни с зарегистрированными постоянными жителями. Процесс запустения островов начался в 1940 г. после ухода отсюда финского населения. Последующее укрупнение поселений и угодий, проведение комплексной мелиорации усугубили этот процесс. Окончательный удар по системе расселения был нанесен в 1990-е гг.: с развалом сельского хозяйства и закрытием малокомплектных школ острова постепенно обезлюдели. Самый большой и самый заселенный Манецкий о-в, где во времена Н.Я. Озерецковского существовало 3 деревни (117 дворов), сегодня имеет одного постоянного жителя, который не хочет покинуть свой дом. На п-ове Уксалонпя, где было 2 деревни (34 двора), поселения отсутствуют. На о-ве Лункулансаари, где располагались 5 деревень (50 дворов), на месте бывшей мызы Куралакс существуют частные дачные дома, а на месте д. Лунгала размещены две базы отдыха коттеджного типа и несколько новых дачных домов. Рекреационно-селитебное освоение острова связано с наличием дороги и моста через пролив Перьямансалми. Исчезновение описанных Н.Я. Озерецковским деревень происходило в разное время. На месте некоторых из них остались фундаменты и зарастающие угодья, которые визуальнo определяютс я в ландшафте. Но некоторые прекратили существование давно, и определить их расположение можно только, выявив черты сельскохозяйственной освоенности в почвах под лесными сообществами. Нами было подтверждено существование и определены места размещения на островах 10 деревень, описанных Н.Я. Озерецковским.

Исследования показали, что ландшафтная ситуация и система расселения в районе Салмы в кон. XVIII в. в целом соответствовала описаниям 1785 г.

Топонимика. Н.Я. Озерецковский скрупулезно фиксирует все географические названия, получая сведения от местных жителей, однако часто он воспринимает их на слух. Проживание на одной территории русских, финнов и карел приводит к появлению нескольких названий одного географического объекта. Разночтение топонимов часто касается специфики произношения русскими финских и карельских названий. Опираясь на материалы, собранные ученым, можно понять историю формирования современных географических названий, проанализировать различия местных говоров. Помимо этих данных исследователь приводит исторические топонимы, комментирует версии их происхождения.

Юридический статус земель, сословная принадлежность жителей и зависимость крестьян. Следуя описаниям Н.Я. Озерецковского, можно проследить как административное деление России кон. XVIII в., так и юридический статус земель. В «Путешествии...» подробно описаны владельческие, государственные, монастырские земли; приведены документы, отражающие право монастырей на землевладение; представлены сведения, указывающие на принадлежность островов и поселений к уездам, волостям и погостам, определен сословный статус жителей поселений: (купцы, мещане, крестьяне); особо подчеркнута зависимость крестьян, преобладание или наличие помещичьих, экономических, государственных, обельных крестьян.

Характеристика берегов Ладожского и Онежского озер. Значительное место в «Путешествии...» отведено описанию особенностей берегов Ладоги и Онего. Характеризуя берега, Н.Я. Озерецковский обращает внимание на их очертания, высоту, заболоченность, преобладание песчаных, каменистых или скальных участков. Описание прибрежной зоны ориентировано прежде всего на мореплавателей и включает: расположение мысов и бухт; характеристику особенностей дна, изрезанности береговой линии; указание прибрежных глубин; наличие в воде луд (скалистых островков, не покрытых лесом и *одинок* (одиночных камней)). Ученый оценивает побережье по наличию мест, где корабли могли бы укрыться в непогоду.

Гидрографическая сеть: реки, малые озера. Кроме р. Нева и Свирь Н.Я. Озерецковский упомянул в описании 76 рек и 21 малое озеро. Он обращает внимание на цвет воды, который связывает с особенностями питания рек; характеризует их полноводность и режим; отмечает изменение уровня воды по годам и сезонам, специфику вскрытия рек. Глубины, характер течения, наличие порогов – все, что служит для оценки пригодности рек для судоходства, становится предметом пристального внимания исследователя. Подробные описания гидрографической сети региона на кон. XVIII в., выполненные Н.Я. Озерецковским, содержат интересные историко-географические сведения об этих объектах, в последующее время значительно измененных как в ходе естественной эволюции, так и в результате человеческой деятельности.

Горные породы. При описании северных берегов Ладоги и Онего Н.Я. Озерецковский большое внимание уделяет местам добычи строительного камня – гранита, мрамора, гранатов, а также железным и медным рудникам, особо подчеркивая их значение для развития регионов. Среди прочих полезных ископаемых отмечена добыча белой глины и стекольных песков на восточном берегу Онежского оз., где их разработка определяет направление освоения территории.

Растительность и животный мир. Описывая растительность и животный мир, Н.Я. Озерецковский обращает внимание как на общий тип растительности, так и на отдельные виды растений и животных, встреченных в ходе экспедиции. При продвижении судна к северным берегам озер (в область Балтийского кристаллического щита. – *Т.И.*) в описаниях хвойных лесов на смену ели приходит сосна. Освоение территории прочитывается в описании и по замещению хвойных пород мелколиственными и интродуцированными широколиственными породами. В тексте присутствуют фенологические наблюдения, позволяющие проанализировать особенности ряда процессов и явлений, характерных для кон. XVIII в. Н.Я. Озерецковский акцентирует внимание на полезных и эстетических качествах отдельных видов растений и животных, некоторые из которых сегодня стали редкими и занесены в Красную книгу регионов.

Расселение. Наиболее пространные и обстоятельные сведения собраны Н.Я. Озерецковским о народах, населяющих территорию, и особенностях традиционного освоения ландшафтов. Большое внимание он уделяет городам, с указанием количества разнообразных строений, и числа горожан в соответствии с условиями. Описывая различные поселения, ученый приводит число дворов, количество и состав жителей, их хозяйственные занятия. Наблюдательный исследователь отмечает связь организации селений и хозяйства с особенностями разных народов.

Этнические и религиозные особенности. Н.Я. Озерецковский подробно описывает этнические и религиозные различия жителей побережий, обращая внимание на особенности языка, верований, традиций, традиционного хозяйства, обустройства жилища, организации быта, пищевого рациона, вовлечения местного населения в промышленное освоение регионов.

Хлебопашество и скотоводство. Описывая традиционное хозяйство жителей Н.Я. Озерецковский прослеживает связь природных особенностей территории и возможности выращивания тех или иных сельскохозяйственных культур: оценивает и специфику рельефа, и состав подстилающих пород, которые определяют формирование плодородных почв, и наличие в почве камней, затрудняющих обработку пашни. Кроме того, ученый отмечает различия в подборе посевных культур в зависимости от природных условий и местных традиций.

Промышленное развитие. Н.Я. Озерецковский соотносит промышленное развитие территорий с различными факторами: близостью столичного Санкт-Петербурга, расположением на торговых путях, наличием месторождений облицовочного камня, добычей железных и медных руд, разработкой месторождений стекольных песков и керамических глин. Исследователь приводит подробные сведения по территориальной организации каменных ломов, железоделательных заводов, стекольного производства.

Лесной промысел. Особую статью доходов населения прибрежных территорий Ладожского озера в кон. XVIII в. составлял лесной промысел. Н.Я. Озерецковский проанализировал особенности его организации в зависимости от транспортной близости Санкт-Петербурга и возможности строительства на реках пильных мельниц. На западном берегу Ладоги и вблизи устья р. Свирь лесной промысел был ориентирован на обеспечение столицы дровами и строевым лесом. С северного и восточного побережий дрова и бревна в столицу возить было невыгодно, поэтому там на порожистых реках ставят пильные мельницы, а в столицу везут уже готовый тес. На Онего значаение лесного промысла было невелико, Н.Я. Озерецковский упоминает заготовку дров и жжение угля для обеспечения промышленных предприятий.

Рыбный и охотничий промыслы. Н.Я. Озерецковский анализирует особенности охотничьего промысла и организацию рыбной ловли на различных побережьях. Он описывает промысловых рыб и прослеживает изменения подхода к рыбному промыслу в зависимости от типов озерных берегов и возможности сбыта рыбы. На основании данных ученого выделяются районы промышленной и промысловой рыбной ловли, что дает возможность оценить вклад той и другой в традиционное хозяйство регионов.

Прочие «способы пропитания». Помимо перечисленных занятий населения Н.Я. Озерецковский описывает традиционное выращивание льна, а также различные промыслы: жжение угля, извести и смолы, заготовку ивовой коры для кожевенных заводов, изготовление толстых веревок из свиных щетин и пр.

Торговля. Особое внимание в описаниях Н.Я. Озерецковского уделено торговле. Он не только подробно рассказывает о традиционных центрах проведения ярмарок, но и обращает внимание на торговые связи поселений как с Санкт-Петербургом, так и с северными и внутренними районами России.

Историко-географическая дифференциация побережий. Разносторонний анализ описаний островов и побережий Ладожского и Онежского оз., выполненных Н.Я. Озерецковским, позволил сделать следующие выводы: 1) для описаний характерна высокая степень достоверности и комплексности; 2) описания могут служить отправной точкой для изучения динамики природно-культурных комплексов островов и побережий; 3) описания позволяют возможность выявить традиционные культурные ландшафты, имеющие длительную историю развития. Наиболее значимым для оценки культурных ландшафтов побережий в кон. XVIII в. стало определение: а) структуры расселения, б) типов поселений, в) этнического и конфессионального состав населения, г) предпосылок и структуры сельскохозяйственного природопользования, д) направлений промышленного развития территорий. На основе данных, собранных Н.Я. Озерецковским,

Рис. 5. Историко-географическое районирование побережий Ладожского оз. (названия р-нов даны в тексте)

установлены: центры освоения, направление торговых связей, степень влияния столицы на развитие регионов. Также прослежена взаимосвязь природной специфики с развитием отраслей специализации территорий в кон. XVIII в.: промышленного освоения, лесного, рыбного и охотничьего промыслов, хлебопшества и скотоводства. В отличие от описаний побережий Ладоги, характеризуя Онежское оз., Н.Я. Озерецковский меньше внимания уделял этническим особенностям территории, реже соотносил специализацию районов с нуждами столицы. Вместе с тем он более деталь-

но проследил торговые связи с северными и центральными регионами России, подробнее описал природные и историко-культурные достопримечательности (Андомскую гору, порог Кивач, Кижский погост, первый российский курорт «Марциальные воды» и др.), получившие в XXI в. статус объектов природного и культурного наследия. Для каждой описываемой территории Н.Я. Озерецковский выделял самые характерные черты. В одном случае, он уделял большее внимание природным особенностям, в других – этнической составляющей, промышленному освоению, разработке недр и т.д., акцентируя внимание на том, что наиболее полно отражало своеобразие региона. Такой подход позволил выявить дифференциацию территории, в скрытом виде присутствующую в материалах Н.Я. Озерецковского, и разработать историко-географическое районирование прибрежной части Ладожского и Онежского озер для рубежа XVIII–XIX вв. Всего выделено и описано 17 историко-географических районов. Все фактические данные, приведенные в характеристиках районов, взяты из описаний Н.Я. Озерецковского (рис. 5, 6).

В Приладожье для рубежа XVIII–XIX вв. выделено восемь историко-географических районов.

I. Невско-Волховский историко-географический район простирался от г. Шлиссельбурга вдоль Ладожского канала до г. Новая Ладога, выполняя приоритетную транзитную функцию. Южное побережье Ладожского оз. отличается низкими песчаными и каменистыми берегами, глубины озера здесь крайне незначительны, отсутствуют бухты для укрытия судов. Осями развития территории служили р. Нева и Волхов, а также Ладожский канал, которые и определяли расселение в районе. Здесь проживало преимущественно русское население. Предпосылки для развития промышленности (ситцевая и «выбойчетная» фабрики в Шлиссельбурге) и промыслов обуславливались хорошей связью с Санкт-Петербургом и другими регионами. Помимо обеспечения функционирования водной системы, основным занятием жителей была рыбная ловля, доход от которой напрямую зависел от сбыта пойманной рыбы в столице. Шлиссельбург и Новая Ладога являлись центрами развития района, однако его транзитная функция накладывала отпечаток на их жизнь, делая лишь промежуточными пунктами на пути следования в столицу.

II. Невско-Приладожский историко-географический район простирался от устья Невы до южной границы Выборгской губ. (севернее устья р. Авлога), выполнял преимущественно сырьевую функцию, обеспечивая столицу строевым лесом, дровами и рыбой. Берега Ладожского оз. были здесь низкие и каменистые, устья рек имели небольшие глубины, и суда в них заходить не могли. Рядом с русскими традиционными деревнями исследователем было отмечено соседство «чухонцев» (так Н.Я. Озе-

Рис. 6. Историко-географическое районирование побережий Онежского оз.
(названия р-нов даны в тексте)

рецовский называл финнов, проживавших на Карельском перешейке). Жизнеобеспечение и доходы как владельцев земель, так и местных жителей были связаны прежде всего с рыбной ловлей. Мелкую рыбу крестьяне использовали в пищу, а крупную, помимо оброка, отвозили на продажу в Санкт-Петербург. Особую статью доходов населения составлял лесной

промысел. Крестьяне поставляли в столицу дрова и строевой лес. Потребность в безопасных гаванях предопределила строительство в 1784–1787 гг. уникальной пристани (Гавани Остермана), которая стала центром развития района. Его связь со столицей осуществлялась как водным, так и сухопутным путем. Такое местоположение, обеспечивающее выгодный сбыт продукции в С.-Петербурге, делало рентабельным завоз сюда сырья из других регионов для развития промышленности района (стекольный завод в д. Морье). Скотоводство и хлебопашество ориентировалось на нужды местного населения.

III. Вуоксинско-Коневецкий историко-географический район занимал территорию от южной границы Выборгской губ. до г. Кексгольм, включал о-ва Коневец и. Восчаный (Воссинасаари). Он выполнял промышленно-сырьевую функцию, специализируясь на производстве теса, поставках строевого леса и рыбы в столицу. Н.Я. Озерецковский отмечает изменения очертаний берегов Ладоги, появление бухт, глубины которых позволяли заходить туда крупным судам. Русское население постепенно сменяется финским. Немногочисленные русские деревни по мере продвижения на север приобретали черты финских поселений. Ориентация на нужды столицы здесь была выражена слабее, что накладывало отпечаток на специфику организации рыбного и лесного промыслов. Рыбная ловля из общинной превращалась в промышленную. Менялся подход к заготовке леса: вместо дров промышленники отправляли в столицу с пильных мельниц строевой лес и готовый тес. Центром развития территории был залив Чертова Лахта, откуда осуществлялась связь со столицей и другими регионами. Город Кексгольм (Приозерск), находившийся на северной границе района, не имел большой значимости, служа транзитной территорией во время проведения ярмарок на о-ве Валаам. В качестве зарождающегося центра развития района в нач. XIX в. можно рассматривать монастырь на о-ве Коневец.

IV. Валаамский историко-географический район соотносился с землями Валаамского монастыря и может быть определен как сакральный ландшафт. Район включал острова скалистого Валаамского архипелага, которые принадлежали монастырю. Они были хорошо освоены: здесь имелись пашни, огороды, луга и пастбища для монастырского скота; было налажено промышленное производство кирпича, добыча железного песка. Монастырь полностью обеспечивал себя рыбой. Широкие связи монастыря позволяли нанимать работников даже в центральной России. Основными источниками доходов были пожертвования и деньги, вырученные от проводившейся ежегодно ярмарки, на которую съезжалось много народа, в том числе олонецкие и тихвинские купцы. В отличие от Коневецкого монастыря Валаамский сформировал из своей округи особый историко-географический район.

V. Сортавальский историко-географический район протянулся вдоль побережья от г. Кексгольм до Импилахтинского погоста. Он выполнял добывающую и промышленно-сырьевую функцию, специализируясь на добыче камня и производстве теса. К северу от Кексгольма очертания берегов резко менялись: появлялись глубоко врезавшиеся в сушу заливы и многочисленные скалистые острова, что делало плавание вдоль берегов менее опасным. Территория района относится к Балтийскому кристаллическому щиту, практически на всех реках существуют пороги, препятствующие судоходству. При описании территории Н.Я. Озерецковским большое внимание уделялось характеристике каменных ломок: мраморных – на о-ве Ювень (Калкисаари) и в Рускеальском погосте; гранитных – на о-ве Тулола (Тулолансаари) и около д. Сумерия. Быстрое течение рек и обилие леса позволяли строить пильные мельницы, лесной промысел был ориентирован на поставку теса в столицу и другие регионы. Каменистые места затрудняли хлебопашество, недостаток хлеба компенсировался поставками из Новой Ладogi и Шлиссельбурга. Жители района – преимущественно финны и карелы лютеранского вероисповедания. Центром развития района служил г. Сортавала, куда каждый год в январе на недельную ярмарку съезжались российские и шведские финны и карелы.

VI. Салминский историко-географический район занимал территорию Салминского погоста, южная граница которого совпадала с границей между Выборгской и Олонецкой губ. Район являлся переходным от промышленно-сырьевого, специализирующегося на производстве теса, к сельскохозяйственному. К югу от Питкяранты берега Ладogi значительно изменялись: начинался ровный, низкий, песчаный берег. С появлением удобных пахотных земель основным занятием крестьян становится хлебопашество и скотоводство. Также местные жители строили соймы и лодки для рыбного промысла. На продажу район поставлял тес, производившийся на многочисленных пильных мельницах: реки здесь глубокие, и галиоты могли подняться вверх по течению непосредственно до пильных амбаров. Жители района – преимущественно православные карелы. Здесь не было выраженной точки роста, поселения равномерно размещались в глубоких устьях рек и на крупных островах.

VII. Олонецкий историко-географический район простирался от границы Выборгской губ. до р. Гумбарки, имел преимущественно сельскохозяйственную направленность при сопутствующей промышленно-сырьевой, специализировавшейся на производстве теса. Территория района на рубеже XVIII–XIX вв. относилась к Олонецкому у., среди населения здесь преобладали государственные и экономические крестьяне. Плодородная почва, сформировавшаяся на безвалунных суглинках и глинах, выположенная, удобная для распашки территория способствовали развитию хле-

бопашества. Помимо обычных для прибрежных районов культур – ржи, ячменя, овса – в районе сеяли пшеницу и выращивали лен. Высокобонитетные сосновые леса и глубокие реки предопределили выгоду лесного промысла. Н.Я. Озерецковским отмечено 12 пильных мельниц и амбаров, откуда приготовленный тес отправляли в Санкт-Петербург. Рыбная ловля обеспечивала только собственные нужды местного населения. Недалеко от устья р. Олонки на берегу Ладожского оз. находился Андрусов монастырь. В районе проживали преимущественно православные карелы. В г. Олонец, который является центром развития района, два раза в год проводились однодневные ярмарки, куда товары привозили даже из Лапландии.

VIII. Свирско-Приладожский историко-географический район простирался от р. Гумбарка через устье р. Свирь до р. Волхов. Район выполнял сырьевую функцию и приоритетную транзитную, значительно усилившуюся после постройки Сясьского (1802) и Свирского каналов (1810). В районе проживали преимущественно русские. Район описан Н.Я. Озерецковским скупо, поскольку судно по соображениям безопасности шло в отдалении от южного берега Ладоги. Подробно охарактеризованы только устье р. Свирь, сама река и поселения на р. Оять. В описании путешествия на оз. Ильмень в 1805 г. приведены сведения о ладожских каналах. На юго-восточном и южном отлогом берегах по мере приближения к столице рыбная ловля вновь становилась промышленной, а лесной промысел снова ориентировался на заготовку дров для Санкт-Петербурга. Реки, впадающие в Ладогу, здесь были шире, чем на севере, что определяло и специфику поселений: деревни, расположенные на противоположных берегах были мало связаны друг с другом. Недалеко от устья р. Свирь находился Александро-Свирский монастырь, где три раза в году проводились ярмарки.

В Прионежье для рубежа XVIII–XIX вв. выделено девять историко-географических районов.

I. Свирско-Прионежский историко-географический район простирался от р. Ошты до с. Щелейки. Территория была перекрыта суглинистыми и супесчаными моренными отложениями, на которых преобладали низкобонитетные местами заболоченные леса. Для юго-восточного побережья Онежского оз. был характерен прямой, песчаный берег, поселения здесь тяготели к берегам р. Свирь. У района не было явно выраженной специализации, жители обеспечивали себя ловя рыбу и выращивая хлеб. Местные жители каждую весну отправлялись в Санкт-Петербург на рыбную ловлю в устье Невы, где продажа улова приносила отходникам существенный доход. В районе проживали преимущественно русские. Центр развития, как таковой, отсутствовал.

II. Вепский историко-географический район простирался от с. Щелейки до г. Петрозаводска. Территория здесь была перекрыта озерными

песками, которые по мере удаления от побережья сменялись озерно-ледниковыми песками и суглинками, местами на поверхность выходили кристаллические породы (диабазы, кварциты). Н.Я. Озерецковский подробно описал каменные ломки на о-ве Брусинский (Брусно), обуславливающие промышленно-сырьевую специализацию района. На побережье преобладали сосновые леса; селения и сельскохозяйственные угодья размещались вдали от берега, где почвы были более плодородными. Хлебопашество и рыбная ловля обеспечивали нужды местных жителей. На этой территории проживало преимущественно православное вепское население. Поскольку экспедиционное судно не часто подходило к берегу, Н.Я. Озерецковский не смог точно определить состав населения, местных жителей он называл карелами. Выраженный центр развития района отсутствовал.

III. Петрозаводский историко-географический район простирался от г. Петрозаводска до Кондопожской губы, включая ее западное побережье. Территория, относящаяся к району Балтийского кристаллического щита, сложена нижнепротерозойскими породами (кварцевыми конгломератами, кварцитами, доломитами и пр.), местами перекрыта мореной, изобилует озерами. Основными функциями района были промышленно-сырьевая (добыча руд и выплавка металла) и торговая, а вспомогательными – кустарная (выплавка железа из болотной руды) и промысловая (охота, рыбная ловля). Здесь проживало русское и карельское православное население, преобладали государственные и экономические крестьяне. Центрами развития были Шуйский погост и г. Петрозаводск, где в кон. XVIII в. находились медеплавильный и пушечный заводы. Кроме петрозаводских заводов Н.Я. Озерецковский описывает Кончезерский завод, на котором осуществлялась выплавка меди. Большой доход приносил вывоз в столицу разнообразных материалов, производимых на заводах Петрозаводска. Местная торговля была связана с небольшой ежегодной ярмаркой в Шуйском погосте.

IV. Сандальский историко-географический район простирался от северного побережья Кондопожской губы вглубь материка вдоль оз. Сандал; восточная граница района проходила по губе Чорга (Большая Лижемская). Территория сложена нижнепротерозойскими породами (кварцитами, шунгитами, мраморами и пр.), местами перекрыта мореной, изобилует озерами, с сильно изрезанными береговыми линиями. Району были присущи сырьевая (добыча камня) и торговая функции, в качестве сопутствующих выступали кустарная (выплавка железа из болотной руды) и промысловая (рыбная ловля) функции. Хлебопашество и скотоводство практически полностью обеспечивали нужды местных жителей. Здесь проживало русское и карельское православное население. Центром развития было с. Святнаволок. Длинные губы, на которые разделяется Онежское оз., фак-

тически делают этот район не прибрежной, а внутренней территорией. Озера Сандал, Палье и Нигозеро, объединенные в одну водную систему, являлись центрами освоения района. Существование заболоченных территорий, болот и озер позволяло жителям д. Тивдия и с. Святнаволоку добывать болотную железную руду и делать из нее крицы и уклад⁹ на продажу. В описаниях ученый уделил много внимания каменным ломкам, с которыми связано развитие территории. В силу специализации района в нем преобладали государственные крестьяне. Существенное отличие Сандальского р-на состояло в наличии плодородных почв, формирующихся на шунгитсодержащей морене (Н.Я. Озерецковский называл шунгит «черным шифером»), что в XVIII в. во многом определяло успешность хлебопашества и зажиточность деревенских жителей. Торговые связи района охватывали огромную территорию. Помимо доставки мрамора и рыбы в Санкт-Петербург местные купцы торговали «мягкою рухлядью, которую скупали в лопских или лапландских погостах» и хлебом, который закупали в Нижегородской губ.

V. Заонежский историко-географический район занимал территорию от губы Чорга (Большая Лижемская) до Пергубы, Заонежский п-ов, включая многочисленные острова и д. Челмужи, которая располагалась на восточном берегу Повенецкого залива. Территория сложена нижнепротерозойскими породами (кварцитами, сланцами, шунгитами, известняками и пр.), местами перекрыта мореной и флювиогляциальными отложениями. Значительные площади были заняты пашнями и покосами. Торговля, сельское хозяйство и промыслы (жжение извести, рыбная ловля) были основными функциями района. Территория района представляет собой низменную, местами заболоченную местность, в пределах которой встречаются отдельные покрытые лесом скалистые кряжи. Характеризуя структуру расселения в районе, Н.Я. Озерецковский отмечает, что она была связана с островами и побережьем Онежского оз. Проживали в районе в основном экономические крестьяне. На Оленьем о-ве (Южный Олений) местные жители добывали известняк, из которого жгли известь и доставляли ее на Петрозаводский железодельный завод. На шунгитсодержащей морене формировались плодородные шунгитовые почвы, что делало хлебопашество и скотоводство продуктивным. В районе проживало русское население (так называемая локальная этническая группа русских Заонежья). Центром развития служил Шуньгский погост, где проходили две годовые ярмарки. Д. Челмужи, несмотря на расположение ее на восточном берегу Заонежского залива, по историко-культурным особенностям в кон. XVIII в. тяготела к Заонежскому району.

VI. Повенецкий историко-географический район простирался вдоль северного и восточного побережья Повенецкого и Заонежского заливов

до р. Пяльмы. Территория сложена архейскими и протерозойскими породами (граниты, диабазы, кварциты и пр.), по побережью перекрытыми четвертичными озерными песками. Району были присущи приоритетная транзитная (торговая) и промышленно-сырьевая (добыча и обработка камня) функции, а в качестве сопутствующей – промысловая (добыча смолы). Побережье было слабо заселено: скудные песчаные почвы, формирующиеся на озерных песках, делали хлебопашество практически невозможным. Здесь проживали русские. Центром развития служил г. Повенец. Н.Я. Озерецковский в качестве основной функции территории выделяет транзитную торговлю, которая осуществлялась через этот город. Каждое лето сюда приходило до 20 и более галиотов с вином, солью, хлебом и съезжалось множество богомольцев по пути к Соловецкому монастырю. Транзитную функцию выполняла и пристань Пигматка, построенная монахами Даниловского монастыря для обеспечения связи Выгорецкой обители с внешним миром.

VII. Даниловский историко-географический район формировался вокруг Выгорецкой обители, состоящей из четырех монастырских комплексов. Его территория сложена породами архейского возраста, перекрытыми мореной, образующей холмисто-моренный рельеф, покрыта хвойными лесами, местами заболоченными, встречаются болота. Район имел приоритетную сакральную функцию. Хлебопашество, скотоводство, коневодство, выделка кожи, производство льняного полотна, изготовление медных и кожаных изделий, отхожие промыслы – все было направлено на продажу и обеспечение монастырских насельников и богомольцев. Здесь проживали преимущественно старообрядцы. Районообразующим центром служил Даниловский мужской монастырь, ведущий свою историю с кон. XVII в., где проживало в общей сложности более 780 чел. Он находился на р. Выг в 50 км от побережья Онежского оз. В 20 км от Даниловского монастыря при р. Лекса располагался женский старообрядческий монастырь Лекса, где проживало более 930 чел. Монастырское хозяйство основывалось на скотоводстве и коневодстве; выращивании конопли и льна для производства холстов. Хлеб монастыри были вынуждены покупать на пожертвования и деньги, вырученные от различных монастырских промыслов: выделки кож, выплавки меди и производства медных изделий.

VIII. Пудожский историко-географический район простирался от р. Пяльмы до р. Андомы, включая ряд небольших островов, расположенных вблизи берега. Территория перекрыта ледниковыми песками, супесями и суглинками, значительны площади озерных песков, встречаются выходы пород архейского (гранитоиды) и протерозойского (мрамор около р. Пяльмы) возраста. Приоритетными функциями района были сельскохозяйственная и промышленная (производство стеклянной посуды,

выращивание и обработка льна). Наличие озерных отложений, содержащих кварцевые пески, и обширных по площади лесов вблизи побережья способствовало развитию стекольного производства. Стекольные заводы находились в нижнем течении р. Водла, что обеспечивало вывоз готовой продукции на галиотах. На заводах изготавливали стеклянные бутылки, банки, которые отправляли в Санкт-Петербург. Сельскохозяйственно-промышленное развитие территории было связано с выращиванием и обработкой льна, для чего около г. Пудожа было построено пять заводов. Местный лен, отличающийся необычным серебристым оттенком, поставлялся в г. Олонец, на Шуньгскую ярмарку, в Санкт-Петербург. Хлебопашество и рыбный промысел полностью обеспечивали нужды местных жителей. В районе проживало русское население. Центрами развития служили г. Пудож и Шальский погост.

IX. Вытегорский историко-географический район, начинаясь севернее р. Андомы, простирался до р. Ошты. Территория сложена песчаными и глинистыми девонскими отложениями, местами выходящими на поверхность, кое-где перекрытыми ледниковыми песками, супесями, суглинками и глинами. Значительные территории занимают болота и заболоченные леса. Району были присущи торговая, сырьевая (добыча глины) и промышленная (судостроение, изготовление парусины) функции, в качестве сопутствующих выступали кустарная (глиняная посуда) и промысловая (рыбная ловля) функции. Для территории было характерно чередование низких заболоченных и высоких хорошо дренируемых побережий Онежского оз. Наличие глин определило специализацию района. Свойства белой девонской глины, очень вязкой и состоящей из весьма мелких частиц, предоставляли многочисленные возможности ее использования, соответственно ее добыча приносила большую прибыль. Глину добывали около д. Замошье (Великий Двор), где она залегала маломощными слоями. Ее поставляли не только на ближайшие стекольные заводы на р. Водле, но даже на стекольный завод на р. Морье на западном берегу Ладоги. Выгодное торговое положение района определило его приоритетную торговую функцию. По территории района проходит водораздел рек, текущих на юг, север и запад. Идея создания судоходного канала принадлежала ещё Петру I, но канал, связавший реки Вытегру и Ковжу, был построен только в нач. XIX в. Несмотря на его отсутствие, во времена Н.Я. Озерецковского через Вытегорскую (на р. Вытегре) и Бадожскую (на р. Ковже) пристани осуществлялась торговля с низовыми поволжскими городами. Расположение района на водном пути стимулировало развитие судостроения: в Вытегре, Мегорском и Оштинском погостах строились галиоты, на двух полотняных фабриках в Вытегре ткали толстые полотна для парусов. Хлебопашество полностью обеспе-

чивало нужды местных жителей. В районе проживало русское население. Центром развития был г. Вытегра.

Историко-географическая интерпретация описаний экспедиции 1785 г. позволила выявить и охарактеризовать культурные ландшафты побережий Ладожского и Онежского оз. на рубеже XVIII–XIX вв., что дает возможность проследить трансформацию побережий «Великих европейских озер» за 230 лет.

Примечания:

- 1 Исследования, положенные в основу настоящей статьи, выполнены при поддержке гранта РФФИ 16-05-00480.
- 2 Сойма – небольшое (до 9 м) парусное судно.
- 3 *Озерецковский Н.Я.* Описание Ладожского озера и реки Свирь // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. IV.
- 4 *Озерецковский Н.Я.* Обзорение Онежского озера // Месяцеслов исторический и географический на 1791 год. С. 41–122.
- 5 *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб.: Импер. акад. наук, 1792.
- 6 *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг озера Ильмень. 2-е изд. СПб.: Импер. акад. наук, 1812.
- 7 Атлас на некоторые наместничества Российской Империи. 1722–1731 гг. / Сост. И.К. Кирилов. URL: <http://old-maps.livejournal.com/11011.html>.
- 8 Карта Выборгской губернии. 1772 г. URL: <http://clubklad.ru/maps/2661/#map>
- 9 Карта Выборгской губернии (наместничества). Выборг, 1784 г. URL: <http://clubklad.ru/maps/2661/#map>
- 10 Уклад, или сырцовую сталь, получали из железной крицы (твёрдой губчатой массы железа со шлаковыми включениями).

УДК 94(47)082

НАЧАЛО ИСТОРИИ ПАРКА МОНРЕПО: «ШАРЛОТТЕНТАЛЬ» ПЕТРА СТУПИШИНА

Юлия Игоревна Мошник

ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», г. Выборг, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Julia.moshnik@gmail.com

Михаил Витальевич Ефимов

ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», г. Выборг, старший научный сотрудник

Mikhali.v.efomov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена первому этапу формирования усадебно-паркового ансамбля Шарлоттенталь под Выборгом. Первые работы по обустройству загородного дома и сада были предприняты здесь в сер. XVIII в., когда имение принадлежало обер-коменданту Выборга П.А. Ступишину. Именно Ступишин и его первая жена Шарлотта заложили основу исторического ядра парка, впоследствии получившего европейскую известность под названием Монрепо.

Ключевые слова: Выборг, Монрепо, П.А. Ступишин, Шарлоттенталь, усадьба, парк

UDC 94(47)082

BEGINNING OF THE MON REPOS PARK'S HISTORY: PETR STUPISHIN'S "CHARLOTTENTAL"

Julia Igorevna Moshnik

FBIC LO "Vyborg - Associated Museum-Reserve", Vyborg. PhD in History, Senior Researcher

Julia.moshnik@gmail.com

Mikhail Vitalievich Efimov

FBIC LO "Vyborg - Associated Museum-Reserve", Vyborg. Senior Researcher

Mikhali.v.efomov@gmail.com

Abstract. The article discusses the first stage of the formation of the estate and park ensemble Charlottental near Vyborg. The first works on the arrangement of a country house and garden was undertaken in the mid 18th century under the chief commandant of Vyborg P.A. Stupishin. Stupishin and his first wife Charlotte laid the foundation of the historical core of the park, which later received European fame as “Mon Repos Park”.

Key words: Vyborg, Mon Repos, P.A. Stupishin, Charlottental, manor, park

Для абсолютного большинства ценителей Монрепо начало его истории Монрепо как паркового ансамбля связано лишь с именами баронов Николаи (Людвига Генриха (1737–1820) и его сына Пауля (1777–1866)). Монрепо привычно называют «садом поэта», имея в виду парк, каким его создавал немецкий поэт и российский придворный Л.Г. Николаи. Однако первые два десятилетия существования парка им владел другой человек, принадлежавший к другой культуре, видевший этот парк – сколько можно предполагать – иным, чем Николаи.

До настоящего времени мы располагаем весьма ограниченными сведениями о деятельности Ступишина как создателя парка, однако даже эти сведения до сих пор не привлекли к себе должного внимания. Цель настоящей статьи – вписать «труды и дни» Ступишина в историю имения и парка Монрепо.

В 1760 г. выборгский обер-комендант Петр Алексеевич Ступишин получил права наследственной собственности на казенный геймат¹ Лилл Ладугорд с условием сохранения их за казной и выплаты полагающихся податей и начал строительство здесь своей загородной резиденции.

Петр Алексеевич Ступишин (24 июня 1718 г. – 20 февраля 1782 г.) был представителем одного из русских дворянских родов, восходящих к XVI в. В русской истории хорошо известны младшие братья Петра Алексеевича. Полковник Егор Алексеевич Ступишин (1731–1791), комендант Верхояицкой крепости, в ноябре 1773 – мае 1774 г. руководил обороной крепости от нападавших на нее пугачевских отрядов, участвовал в карательных рейдах по Исетской и Уфимской провинциям. Его упоминает Пушкин в «Истории Пугачева» и черновых фрагментах рукописи. Генерал-майор Иван Алексеевич Ступишин (1734–1806) в 1780–1796 гг. был первым пензенским наместником. В его имении в с. Любятине Пензенского у. была библиотека из книг на русском и французском языках. Генерал-поручик Алексей Алексеевич Ступишин (1722–1786) был первым нижегородским наместником. Отец всех названных Ступишиных, полковник Алексей Васильевич Ступишин, служил в выборгском крепостном гарнизоне.

В декабре 1730 г. Петр Алексеевич Ступишин был определен в военную службу, и, уже получив образование, поступил в Инженерную школу в

Санкт-Петербурге, а вскоре после ее окончания был командирован в Выборг для участия в строительстве крепости Корон-Санкт-Анна. Петр Алексеевич дослужился до звания генерал-поручика, был военным комиссаром Старой Финляндии, обер-комендантом Выборга, а с 1780 г. – выборгским губернатором. 9 июня 1762 г. он награжден орденом св. Анны I-й степени; больше этой наградой в царствование императора Петра III никого не удостоивали. В подчинении у Ступишина была не только Выборгская крепость, но и все русские крепости вдоль российско-шведской границы (в наше время большая часть их находится на территории Финляндии).

Первой супругой П.А. Ступишина была дочь выборгского купца Шарлотта. Сведений о ней почти не сохранилось. Известно только, что она исповедовала лютеранство. По мнению исследовательницы истории Монрепо Э. Руофф, Шарлотта Ступишина была, вероятнее всего, финкой². Скорее всего, это не так, и Шарлотта родилась в одной из выборгских немецких купеческих семей. Именно в ее честь имение получило новое название – Шарлоттенталь. В этом браке родилось два сына, Петр и Николай, и дочь.

После смерти первой супруги (не раньше 1771 г.), П.А. Ступишин женился на вдове Элеоноре Доротее Тауберт (в девичестве Шумахер). Ее отцом был одиозный секретарь Петербургской Академии наук Иоганн Даниэль Шумахер (Schumacher Johann Daniel, 1690–1761), уроженец Кольмара (Эльзас), а первым мужем – не менее пресловуто-известный И.А. Тауберт (1717–1771), член правления Петербургской Академии Наук и член Императорского вольно-экономического общества. Имя Доротеи Ступишиной значится в числе подписчиков немецкоязычного “St. Petersburgisches Journal”³.

Ступишин оставил о себе добрую память в Выборге. По словам историка Выборга Й. Руута, «к счастью для города <...> губернаторы Николай Энгельгардт⁴ и Петр Ступишин были спокойными и доброжелательными представителями власти»⁵. Стараниями Ступишина ветхие выборгские строения были отремонтированы, поскольку губернатор вернул ряд полномочий магистрату, который, в свою очередь, занялся восстановлением города.

В самом городе обер-коменданту Ступишину принадлежал дом на территории крепости Корон-Санкт-Анна (он обозначен на плане Выборга 1768 г.). По утверждению Й. Руута, Ступишин на собственные средства построил в том же районе городе, рядом с Фридрихсгамской дорогой, большие казармы, т.н. «Корпусной двор» для солдат, которые в 1760-х гг. принимали участие в строительных работах в Шарлоттенталь⁶.

Среди изменений, которые П.А. Ступишин ввел в городскую жизнь Выборга, став губернатором, следует отдельно отметить организацию балов и маскарадов. По его мнению, местные жители должны были принимать

участие в общественных увеселениях «по великолепному примеру других цивилизованных народов». Можно предположить, что сам губернатор предпочитал именно маскарады. В описи его наследства указан, например, принадлежавший ему черный шелковый плащ-домино. Первоначально для маскарадов использовалось здание театра, построенное в крепости Корон-Санкт-Анна на мысу Терваниеми⁷ в 1760-х гг. Став губернатором, П.А. Ступишин в 1781 г. распорядился, чтобы впредь маскарады устраивались в деревянном здании ратуши (так называемом «красном городском доме»), расположенном на площади, позднее получившей название Соборной и ставшей к кон. XVIII столетия административным центром Выборга.

Устраивая публичные праздники в Выборге, Ступишин хотел не только порадовать знатных горожан. Ему было важно, чтобы его заслуги были замечены при дворе. Так, он был чрезвычайно обижен тем, что организованный им бал в честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира в 1775 г. нашел лишь незначительное отражение в петербургской прессе⁸.

Сразу же после утверждения указа об определении дворов выборгскому губернатору и обер-коменданту П.А. Ступишин обращается в Государственную камер-коллегию в контору лифляндских и эстляндских дел с доношением о том, что *«оной геммант во владение на часть обер комендантскую достался мне, то магистрат свою правость мне уступил, а по усмотрению моему оной геммант совсем в великой пустоши находица, так что со оного положенного оброку ни по какой мере получить не можно, и для того дабы оказанной в пустоте находящийся геммант Лилл Ладугорд в хорошее состояние привести, чтоб с оного положенной оброк и протчее как мне так и впред будущим обер комендантам получать беспрепятственно было возможно, принял я намерение на том пустом месте построить строение, для пашен и сенных покосов лес вырубить и разчистить места и каналы прорыть из собственного моего кошту и по тому обстоятельству чтоб оной геммант Лилладугорд во владение для меня так и наследников и потомков моих отдан мне был вечно»*⁹. Помимо просьбы об изменении статуса пожалованной земли (из служебной собственности в наследственную), «Доношение» Ступишина содержит также просьбу о снижении суммы назначенного магистратом поземельного налога на тридцать лет, поскольку приведение поместья в порядок так, чтобы оно могло приносить доход, требовало существенных затрат из собственных средств обер-коменданта. В цитируемом документе особенный интерес для нас представляют предполагаемые действия, которые Ступишин планирует осуществить для обустройства новообретенного имения: он готов начать мелиоративные работы, расчистить землю от камней, провести рубки и хочет построить загородный дом для своей семьи. Поскольку Ступишин неоднократно

называет доставшееся ему имение «пустотой», можно предположить, что к 1759 г. усадебных строений, сада и хозяйственных сооружений в Лилл Ладугорде не было. С другой стороны, приуменьшить хозяйственную ценность имения было в интересах обер-коменданта. По словам А.А. Кищук, «Ступишин разместил рядом с дворами крестьян новую усадьбу»¹⁰.

В июле 1760 г. в контору лифляндских и эстляндских дел поступает новое «Доношение» от бригадира Ступишина, в котором речь идет о колодеце на территории Лилл Ладугорда, использовавшемся горожанами и русскими войсками. Ступишин сообщает, что колодец, который «издревле стоит» на принадлежащих ему землях «ныне не весьма в хорошем состоянии почему почти и городские жители воду из оного не берут, и ежели из оного из городу довольно воду брать и возить будут, то я с моею охотою в удобность для всех моим коштом тот колодец исправить в состоянии и содержать оной имею...»¹¹

По всей вероятности, уже в первые годы после приобретения имения Ступишину удалось существенным образом изменить хозяйственную ситуацию к собственной выгоде, прежде всего за счет аренды и расширения пастбищных лугов, которые обер-комендант предоставлял горожанам за плату. «Описание о привилегиях города Выборга и состоянии его ... по 1766 год» характеризует деятельность Ступишина таким образом: «<...> Вступя во владение оного, (Ступишин) не токмо берет за скотский выгон по шестнадцати рублей, но и принадлежащую к тому гемманту рыболовную воду <...> отдает на аренду за пятнадцать рублей в год, а как он господин генерал - майор на том гемманте выстроил изрядный загородный двор и землю немалыми иждивениями одобрил, которое иждивение <...> до двух тысяч пятисот рублей простирается»¹².

«Описание...» – самый старый из известных нам документов, указывающих на то, что П.А. Ступишин действительно много внимания уделял благоустройству своего имения. С другой стороны, этот же документ недвусмысленно указывает, что обер-комендант серьезно осложнил жизнь обитателям Выборгского форштадта, поскольку арендовавшему выпасы магистрату было трудно выплачивать значительную сумму за аренду земли, и некоторым местным жителям приходилось гнать скотину через весь город, чтобы воспользоваться бесплатными пастбищами с восточной стороны от крепости.

При Ступишине в Шарлоттентале начались работы по выравниванию территории, расчистке от камней, была устроена подъездная дорога к усадебному дому, высажена аллея, возведена дамба. Благоустройство территории включало осушение низинных лугов, строительство колодцев, насыпку растительного грунта, посадку растений. Большой объем строительных работ был выполнен солдатами местного гарнизона.

Некоторое представление о строениях в имении Шарлоттенталь и собственности семьи Ступишиных дает опись наследства Петра Алексеевича, составленная летом 1783 г., после кончины губернатора председателем уездного суда М.Г. Беком¹³. В описи Шарлоттенталь охарактеризован как «установная квартира» с несколькими жилыми домами и хозяйственными постройками. Упомянуты в списке «старое здание без печи, состоящее из большого зала и одной большой и трех маленьких комнат помимо сеней, всего 10 $\frac{2}{3}$ сажени длиной и 4 $\frac{1}{2}$ сажени шириной», «другое жилое помещение в одну линию из нескольких комнат с печами длиной 8 сажени и шириной 5 S сажени», «жилое помещение из четырех комнат, сеней, кухни и бани», «домик у сада, отделанный досками, кухня с сенями», «жилой дом длиной 4 $\frac{2}{3}$ сажени и шириной 2 $\frac{1}{2}$ сажени из двух комнат», «здание на берегу из трех комнат и сеней длиной 9 сажени и шириной 2 S сажени» – то есть 6 строений, которые, вероятно, использовались семьей Ступишина и ее гостями. Расположение этих построек относительно друг друга в описи не указано. Более того, из списка невозможно понять, какое здание было главным усадебным домом Ступишиных в Шарлоттентале. Только размеры и очередность в списке (оно указано первым) позволяют предположить, что это было «старое здание без печи». Однако если исходить из того, что Ступишин начал строительство усадебного дома ок. 1760 г., то аттестация «старое здание» для постройки, которой было меньше четверти века, выглядит странной. Возможно, впрочем, что «старое» здание досталось Ступишину вместе с землей от прежнего владельца мызы Лилл Ладугорд генерала Адальберта де Вишери де Кулона, бывшего обер-коменданта Выборгской крепости¹⁴.

По предположению А.А. Кищук, проводившей в 1983 г. археологические исследования с целью установления расположения жилого дома Ступишина, он находился в нескольких метрах к юго-западу от веранды существующего ныне усадебного дома Монрепо. На этом участке обнаружен большой камень на материковом основании, который трактован А.А. Кищук как угловой камень здания¹⁵. Этот же исследователь связывает жилой дом Ступишиных в Шарлоттентале с изображением на картине Я. Меттенляйтера «Вид имения Монрепо», написанной художником в 1796 г.¹⁶ Оба предположения не имеют каких-либо серьезных обоснований. На картине Меттенляйтера, вне всякого сомнения, изображен дом, построенный по проекту архитектора Я. Рампо уже в то время, когда имение принадлежало принцу Фридриху Вильгельму Карлу Вюртембергскому. Обнаруженный камень, если он и являлся опорой фундамента некоего строения сер. XVIII в. мог и не относиться к усадебному дому.

Столь же спорно указанное в этом же исследовании местоположение оранжереи, самого крупного строения в Шарлоттенталь, «длиной 38 S сажени и шириной 2 S сажени, разделен[ой] на восемь отделений». В ходе

исследований 1983 г. было обнаружено основание П-образной постройки с выступающими боковыми крыльями, обращенными в сторону парка, расположенной перпендикулярно старейшей парковой аллее (так называемой «Ступишинской»). Если признать это расположение верным, Шарлоттенталь может быть отнесен к редчайшим примерам усадебно-парковых комплексов, где не главный жилой дом, а служебная постройка являлась центральным, средообразующим сооружением¹⁷. Такое положение следует признать вероятным, но почти неправдоподобным. Логичнее и естественнее представить, что эта П-образная постройка с видом на залив и с подъездной аллеей, и была усадебным домом Ступишинских. Очевидно, что вопрос о том, где располагались главные усадебные постройки ступишинского периода, еще требует дополнительного исследования.

Помимо жилых домов семьи П.А. Ступишина и оранжереи в описи наследства названы большое жилое помещение для слуг, 2 комнаты для челяди, курятник, 4 скотных двора с большим сараем, 2 маленьких скотных двора, 3 свинарника, конюшня на 15 лошадей, двойная будка, 2 ледника и сарай, коровник, кабачок, несколько сараев, погребов и будок, а также ветряная мельница.

Сведения о зеленых насаждениях в Шарлоттенталь в описи очень краткие: *«здесь есть два больших сада, в котором стоит очень много частично фруктовых, частично засохших и диких деревьев. Также под ним расположена средних размеров рыбалка, но совсем никакого леса и никаких лугов»*. Виды деревьев в описи не указаны, однако можно предположить, учитывая возраст сохранившихся в парке деревьев, что к ступишинскому периоду относится липовая аллея; вероятно, в те же годы было посажено несколько дубов. Судя по упоминаниям в письмах Л.Г. Николаи и И.М. Николаи сыну Паулю, написанных после приобретения Монрепо в 1788 г., в парке было много кустов сирени. Эти посадки с большой долей вероятности могут быть отнесены к ступишинским временам.

Согласно А.А. Кищук, «[п]ланировка парка была регулярной, что соответствовало тенденциям паркостроения в России середины XVIII в.». При этом исследователь считает возможным говорить *«о самостоятельной интерпретации владельцем усадьбы известных ему приемов решения регулярной парковой композиции»*¹⁸. О «регулярном, “елизаветинском” стиле парка» пишет и Б.М. Соколов¹⁹. Крупнейший специалист по истории Монрепо Э. Руофф и авторитетный английский исследователь П. Хейден, напротив, утверждают, что Ступишин начал разбивку ландшафтного парка²⁰.

Вопрос о том, какой парк задумал создать Ступишин – регулярный или ландшафтный – можно было бы считать примером бесплодных спекуляций на скудном фактическом материале. Заметим, однако, что никаких бесспорных доказательств в пользу регулярного парка нет. Версия о сту-

пишинском парке как регулярном создает еще одну трудность. Если 22 года Ступишин создавал парк регулярный, то его преемникам – Фридриху Вюртембергскому и Л.Г. Николаи – пришлось бы не только обустроить неосвоенную Ступишиным территорию, но и переделывать регулярный парк в ландшафтный. Свидетельств этому, по крайней мере, до сегодняшнего дня, не обнаружено.

Эва Руофф задает, вместе с тем, совершенно обоснованный вопрос: откуда Ступишины получили импульс к созданию парка пейзажного стиля, если первый ландшафтный парк в России английский садовый мастер Джон Буш начал создавать по воле Екатерины II на Пулковских высотах лишь в 1772 г.? Руофф предполагает, что, возможно, «в семье Ступишиных читали роман Жан-Жака Руссо “Юлия, или Новая Элоиза”, в котором содержится яркое описание красот естественного парка, или опубликованный в 1760 г. справочник управляющего хозяйством “Der Hausvater” Отто фон Мюнхгаузена, в котором в трех письмах описаны правила создания пейзажного парка. Рассказывают, что именно этот труд привлек внимание Екатерины II к идее пейзажного парка»²¹.

Отметим также, что у нас нет оснований предполагать в Ступишине «садово-паркового революционера». Проживший десятилетия в Выборге, став одним из самых влиятельных лиц в городе, стал бы Ступишин обустроить свою резиденцию столь эксцентрическим образом, поставив в центр имения оранжерею в 80 м длиной?

Опись наследства П.А. Ступишина дает представление о том, насколько зажиточной была семья губернатора. В ней приведен обширный список столового серебра и кухонной утвари на значительную сумму, превышающую 1400 руб., большой список форменной и прочей одежды, мебель, среди которой упомянуты большие и дорогие зеркала, а также бильярд с принадлежностями, осветительные приборы, значительные запасы вина, круп, специй и пр. Кроме того, Ступишину принадлежало 14 лошадей, 22 коровы и 3 быка. Упомянуты в описи 5 саней, крытый возок, 2 кариолки, 1 линейка, обитая желтой кожей, и 1 лодка. Всего собственность покойного губернатора была оценена в 2971 руб. 57 ½ коп.

Заслуживают внимания упоминания в описи о произведениях искусства в доме Ступишиных. В числе «разной мебели» указаны «шесть картин в черных рамах и под стеклом, по 10 копеек», «портрет Её императорского величества без рамы», «портрет Петра III в золоченой раме», «турецкий портрет» и «13 изображений в черных рамах, под стеклом, по 25 копеек». Если судить по этому списку, трудно назвать П.А. Ступишина коллекционером или любителем живописи. Однако упоминание о помещенном в золоченую раму портрете императора, убитого за 20 лет до составления документа о наследстве, при сопоставлении с портретом вдовы Петра III,

Екатерины, для которого рамы не нашлось (в расцвете екатерининского царствования!), возможно, говорит не только о чувстве признательности, которое Ступишин испытывал по отношению к Петру III, но и о его отношении к узурпировавшей престол Екатерине.

В том же списке мебели значится «одна Библия на немецком языке с другими непригодными более книгами» – всего на сумму в 3 руб. Определенно, чтение в семье Ступишиных было не так популярно, как маскарады.

После смерти П.А. Ступишина Лилл Ладугорд перешел в собственность его наследников. Для вдовы Петра Алексеевича Доротеи Ступишиной было крайне неприятно узнать о значительном долге, который перешел к ней вместе с наследством мужа. Она сообщила в письме неустановленному лицу: «Мой покойный супруг оставил мне после своей столь горестной для меня кончины двух сыновей и дочь. Сразу по моем приезде сюда я при достойных людях проверила бумаги моего супруга и обнаружила в них, что его долги составляют 14 900 рублей. Напротив того, его наследство заключено: в маленькой деревне о 23 душах, находящейся в России, и в расположенных недалеко от города Выборга крестьянских землях, или так называемых мызах <...>, каковые вместе составляют лишь два манталь, по здешнему наименованию, и могут быть оценены на основании владельческого права обыкновенно не выше, чем по 500 рублей за манталь, или, в общем, в 1000 рублей. Среди оных есть имение, прежде называемое Старым Выборгом, а ныне – Шарлоттенталем, на которое, в рассуждении близкого положения к городу, мой покойный супруг употребил много труда и значительные средства, пользуясь постоянно выделяемой десятой частью доходов окрестных имений. Но поскольку неимущие в распоряжении свободной десятой части не могут содержать указанное имение, то и оно не может быть продано за ту цену, в какую обошлось его устройство моему покойному супругу, несмотря на более высокие доходы, чем ожидалось, по отношению к вложенным капиталам. В сем затруднительном для меня положении с отказом от унаследованного имущества и долгов моего покойного супруга Вы, досточтимый друг, можете усмотреть, что первое далеко не соответствует последним»²². Сыновья Ступишина – Петр и Николай – также «не нашли для себя удобным дальнейшее владение разросшимся имением, однако с согласия брата их отца, а их природного опекуна, господина генерал-аншефа, сенатора и кавалера Алексея Алексеевича Ступишина, посредством письменной договоренности от июня месяца... 1784 года поручили назначенным властями опекунам... выставить на продажу и уступить желающим права на упомянутое оставшееся по наследству от их покойного отца имение Шарлоттенталь»²³.

Таким образом, семья П.А. Ступишина предпочла отказаться от наследства, чтобы не выплачивать долги, и имение Шарлоттенталь со всей недви-

жимостью, полями, посевами и прочими угодьями, скотом, садами и оранжереями и урожаем 1784 г. было выставлено на продажу за 3000 рублей.

Имение было продано, Ступишины уехали из Выборга. Мы до сих пор мало что знаем о сыновьях и внуках П.А. Ступишина (и ничего о судьбе дочери). Ничто в их биографиях, кажется, не вызывает в памяти те десятилетия, которые Ступишин обустроивал свой выборгский Шарлоттенталь. Однако именно благодаря Ступишину возник тот парк, который впоследствии стал называться Монрепо.

Примечания:

- 1 Казенный геймат – имение, передаваемое казной в наследственную собственность владельцу, который обязуется исправно выплачивать установленные подати в казну и пользуется правом возможного выкупа имения в полную собственность за ревизионную плату. Императорская государственная камер-коллегия 12 мая 1760 г. утвердила за П.А. Ступишиным и его потомками «*неотъемлемое право спокойно владеть <...> казенным имением Лилл-Ладугорд... со всеми прилегающими полями и угодьями до тех пор, покуда ежегодно выплачиваются надлежащие государственные подати и указанное имение поддерживается в хорошем состоянии в соответствии с экономическими предписаниями*» [Valtio arkisto (Helsinki)]. Цит. по: Материалы научного архива ГИАПМЗ «Парк Монрепо». ГП – А – 24/93. Генплан развития. Историко-архивные и библиографические изыскания. Текстовые материалы. Т. 2. Кн. 3. К. 10–12. Пер. с нем. С.Г. Халипова).
- 2 Ruoff E. Das finnische Monrepos. “Ein Garten für das Herz, ein Garten für den Geist” // Die Gartenkunst. 1992. № 1. S. 35.
- 3 В. Ступишин ошибочно считает подписчицей журнала свою первую супругу Шарлотту (Ступишин В. Предки и однофамильцы. М.: Academia, 2004. С. 38). “St. Petersburgisches Journal” (Bd. 1–10, 1776–1780) готовился для печати С.Г. Арндтом, издавался И.И. Вейтбрехтом и печатался в типографии Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса у Й.К. Шнора. В журнале печатались как переведенные с русского языка сочинения А.А. Вяземского, А.Т. Болотова, А.П. Сумарокова, П. Рычкова и др., так и оригинальные статьи академиков П.С. Палласа, И.А. Гильденштедта, И. Г. Георги, С. Румовского, профессора Московского университета Г.Ф. Миллера. Исторической тематике были отведены страницы в каждом номере журнала. В нем печатался также немецкий вариант книги И.В. Бакмейстера «Опыт об императорской библиотеке и Кунсткамере». Кроме того, в журнале публиковались все новые официальные материалы в переводе на немецком языке Видимо, именно «St. Petersburgisches Journal» первым начал печатать перечни новых книг, выходящих в Санкт-Петербурге (Зверева И. Санкт-Петербургские периодические издания URL: http://www.rusdeutsch-panorama.ru/jencik_statja.php?mode=view&site_id=34&own_menu_id=3444).

- 4 Энгельгардт Николай Васильевич, генерал-майор, Выборгский гражданский губернатор в 1766–1778 гг.
- 5 Ruuth J. Viipurin kaupungin historia. Viipuri, 1908. S. 542.
- 6 Idem. S. 644. Тот же автор указывает, что в этом здании позднее располагался госпиталь.
- 7 Современное название Терваниеми – Смоляной Мыс.
- 8 См. письмо Ступишина неустановленному лицу в Москве от 4 августа 1775 г.: *«Повод сему дает мне найденная в последней газете статья о Выборге, в коей очень кратко и, если так позволено сказать, самыми скупыми выражениями описаны устроенные здесь по случаю мира торжества, стоившие мне, конечно, немалых средств. Я полагал, что поступаю согласно моему долгу и воле государыни, делая посредством значительных расходов примечательным празднование столь торжественного дня для всех присутствовавших знатных особ и всей здешней публики., и полагаю, что не ошибаюсь, рассчитывая на опубликование того, какие в различных местах принимаются меры по устройению всеобщей радости согласно высочайшей монаршей воле. В уведомлении, переданном Вашему Превосходительству господином профессором Крафтом, ничто не преувеличено, но затронута лишь самое главное; однако, совершенно вопреки моему чаянию, я нахожу статью составленной таким образом, что охотнее желал бы, чтобы о Выборге вовсе не было упомянуто»* (цит. по: Материалы научного архива ГИА-АПМЗ «Парк Монрепо». ГП – А – 24/93. Генплан развития. Историко-архивные и библиографические изыскания. Текстовые материалы. Т. 2. Кн. 3. Л. 21–22).
- 9 Цит. по: Материалы научного архива ... Л. 13–14). Здесь и далее орфография и пунктуация цитируемых документов сохранены.
- 10 Кищук А.А. Парк Монрепо в Выборге. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 20.
- 11 Цит. по: Материалы научного архива ... Л. 18.
- 12 Там же. Л. 19.
- 13 Там же. Л. 29–42.
- 14 Проскурякова М.Е. «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 42–43.
- 15 Кищук А.А. Указ. соч. С. 127–129.
- 16 Там же. С. 142.
- 17 «Не усадебный дом, а оранжерея, поставленная поперек долины, планировочно организовала пространство парка, вытянувшееся от нее в сторону залива с центральной композиционной осью в виде аллеи <...> В практике отечественного усадебного строительства достаточно распространен прием организации паркового пространства зданием, но использование для этого оранжереи – исключительно редкий пример» (Кищук А.А. Указ. соч. С. 132).
- 18 Там же. С. 21, 22.
- 19 Соколов Б.М. Монрепо на карте романтической эпохи // Монрепо: Альманах / Ред.-сост. М.В. Ефимов, Ю.И. Мошник. Выборг: ЛОГУКГИАПМЗ «Парк Монрепо», 2010. С. 9.

-
- 20 *Ruoff E.* Monrepos: muistojen puutarha. Helsinki: WSOY, 1993. S. 12; “[Peter von Stupischen] laid out a landscape garden” (*Hayden P.* Russian Parks and Gardens. London: Frances Lincoln, 2005. P. 154).
- 21 *Ruoff E.* Op. cit. S. 13 / Пер. с фин. Ю. Мошник.
- 22 РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 660. Л. 258–259 (цит. по: Материалы научного архива... Л. 25).
- 23 Цит. по: Материалы научного архива... Л. 44–45.

УДК 980-930.2(470.331)+(=511.112)»16»

РОЛЬ МАТЕРИАЛОВ ПИСЦОВОГО ДЕЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в. В ИЗУЧЕНИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ «КОРЕЛЯН» НА ТЕРРИТОРИЮ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Анна Игоревна Савинова

Тверской государственный университет, г. Тверь, аспирант

Nuta_Savinova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются материалы писцового делопроизводства как главный источник в практике изучения переселения и расселения «корелян» или «зарубежских выходцев» (термины источника) на территории Бежецкого Верха, на землях которого к кон. XVIII в. сформировалось не менее 13 карельских дворцовых волостей. Первым полноценным источником для изучения географии расселения, правового положения и обживания хозяйственного пространства из разряда подворных переписей является переписная книга Бежецкого Верха 1646 г. В статье представлена хронология проводившихся регулярных подворных переписей населения, во время которых фиксировались «зарубежские выходцы», и специальных описаний с целью учета пришлого населения в формате отписных и селидебных (термин источника) книг, формуляры которых отражают как общие положения подворных переписей, так и уникальные социально-экономические и социокультурные характеристики. Совокупность материалов писцового дела позволяет наметить возможные пути миграции «корелян» с территории северной и западной Карелии на земли Бежецкого Верха и Новгородской земли, получить статистические данные о пришлом населении, о процессе расселения и размещения поселений.

Ключевые слова: «кореляне», «зарубежские выходцы», материалы писцового дела, переписные книги, Бежецкий Верх, расселение

UDC 980-930.2(470.331)+(=511.112)»16»

THE ROLE OF THE SCRIBE'S MATERIALS OF THE SECOND HALF OF THE 17th CENTURY IN THE STUDY OF «KORELYANE» MIGRATION ON THE TERRITORY OF THE UPPER VOLGA REGION

Anna Ivanovna Savinova

Tver State University, Tver, PhD student of the Department of Russian history

Nuta_Savinova@mail.ru

Abstract. The article considers the scribe's materials as the main source in the practice of studying the migration and resettlement of «korelyane» or «zarubezhskie vyhodcy» (source terms) on the territory of Bezhetsky Verkh. By the end of the 18th century about 13 Karelian Palace volosts were formed in this area. The first full-fledged source from the category of regular household censuses for the study of the geography of settlement, legal status, and habitation of the economic space is the census book of Bezhetsky Verkh of 1646. The article presents the chronology of both General household censuses of the population, where «zarubezhskie vyhodcy» were recorded as well as special descriptions in order to take into account the newcomers in the format of *otpisnye* books, the form of which reflects both the general data of the household censuses and unique socio-economic and socio-cultural characteristics. The set of materials of the scribal work allows to identify possible ways for migration of «korelyane» from the territory of North and West Karelia to the lands of Bezhetsky Verkh and Novgorod land and enable to obtain statistical data on the incoming population on the process of resettlement and location of settlements.

Key words: «korelyane», «zarubezhskie vyhodcy», census book, Bezhetsky Verkh, resettlement

Материалы писцового дела активно используются исследователями для изучения статистики народонаселения, географических и кадастровых аспектов землевладения и социально-экономической жизни населения XVI–XVII вв. Применительно к вопросу о переселении «корелян» и формировании карельских дворцовых волостей на территории Бежецкого Верха спектр источников вариативен, начиная от первой переписной книги г. Бежецка и Бежецкого у. В переписи И.Д. Колычова в 1646¹ г. и заканчивая специальными отписными, селидебными (термин источника) книгами, отражающими процесс учета и перемещения «зарубежских выходцев» на

дворцовые земли. Именно «зарубежскими выходцами»² «корелы зарубежные»³, «кореляне»⁴ или «прихожие родом кореляне»⁵ именовались в исторических источниках перебежчики с территории карельских погостов. Информативный кругозор таких источников варьируется в зависимости от целей и характера переписи. В большинстве случаев формуляр содержит описание местности с указанием конкретного топонима, дворности поселения, населения, этничности жителей. Отдельные источники отражают возраст поселенцев, характер земельного пользования. В выборочных описаниях присутствуют казуальные характеристики, позволяющие представить процесс обживания хозяйственного пространства, огораживания дворов, постановки изб и отношений с местной элитой.

Отдельные аспекты в истории карельского переселения на земли центральной части Московского государства на базе материалов писцового дела освещались как отечественными, так и зарубежными исследователями. В рамках исследовательских работ Ю.В. Готье⁶, А.Н. Вершинского⁷, А.С. Жербина⁸, В. Салохеймо⁹, А.Н. Головкина¹⁰, представлена численность карел-переселенцев во второй половине XVII в. в самом общем виде со ссылкой на переписные материалы сер. XVII – нач. ала XVIII в. Анализ указанных работ показал, что материалы писцового дела использовались авторами фрагментарно для решения конкретных задач. Опыт детального внимания к переписным книгам XVII в. как к источнику для изучения карельских перебежчиков отражен в исследовании З.В. Дмитриевой¹¹. На основе комплекса переписных материалов, с акцентированием на «переписных карельских книгах» 1651 г. и вытной переписной книги 1665 г. с привлечением данных переписных материалов 1646 и 1678 гг., автор статьи занималась изучением состава, подсчетом средней численности семьи карельских беженцев и отдельных характеристик экономико-хозяйственной жизни карел-переселенцев на землях Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерье и на территории Бежецкого Верха. Данные статистики, касающиеся карел-переселенцев, взятые из материалов архива Кирилло-Белозерского монастыря, важны для проведения сравнительно-сопоставительного анализа положения карельских выходцев на землях Бежецкого Верха и Белозерья, так как Кирилло-Белозерский монастырь являлся одним из основных промежуточных пунктов на пути миграции карел в центр русского государства.

Коллектив исследователей в составе Н.Ю. Болотиной, А.И. Комиссаренко, А.Ю. Кононовой¹² реализуют проект, предполагающий изучение экономических характеристик хозяйства карел-перебежчиков, поселившихся на дворцовых землях в Бежецком Верхе. Опираясь на копии писцовых книг карельских дворцовых вотчин, а именно «Отписной книги вотчинных карельских деревень стольников князей П.С. и Б.С. Прозоровских в Кейсемской волости Бежецкого уезда» Ф.М.Аксакова¹³ (1665), «Дозорных

и переписных книг карельских дворцовых вотчин Бежецкого Верху» Д.Г. Тютчева¹⁴ (1669–1670) и «Писцовой книги Кейсемской волости Угличского уезда» А. Елякова¹⁵ (1698) подсчитали средний размер надела земли, выделяемого карелам, проиллюстрировали отношения между государством и помещиками по вопросу приема карельских крестьян, что, несомненно, является новым «словом» в историографии карел Верхневолжья.

Представленный анализ историографии свидетельствует о том, что ранний постпереселенческий период (втор. пол. XVII в.) размещения карел на территории Тверского региона по-прежнему остается белым пятном в истории этого «разделенного» этноса. В последнее десятилетие интерес к данному вопросу в научном сообществе значительно возрос, о чем свидетельствует появление новых публикаций, в которых представлена тщательная работа с архивными документами XVII – нач. XVIII в.

Применительно к территории Бежецкого Верху хронология составления регулярных и «специальных» (термин автора) переписей «корелян» и «зарубежских выходцев» ведет свое начало от 1646 г. Именно в первой кампании подворной переписи тяглого населения наряду с русскими указываются «зарубежские выходцы», преимущественно «кореляне». В дальнейших кампаниях подворной переписи тяглого населения в 1677–1678 гг.¹⁶, 1709¹⁷, 1710¹⁸ гг. карельское население учитывалось наряду с русским вплоть до второй ревизии 1747 г. Исследование материалов переписей XVIII в. посвящено прежде всего изучению полноты передачи данных о карельских выходцах. Работа с материалами ревизий и метрическими книгами показала фрагментарное упоминание карельского населения в отличие от источников втор. пол. XVII в.

В начале 1650¹⁹-х гг. была составлена «Переписная книга карел по Бежецкому Верху»²⁰, краткая археография которой представлена в одной из последних публикаций Н.Ю. Болотиной, А.И. Коммисаренко, А.Ю. Кононовой²¹. По утверждению авторов, данная книга была составлена по наказу из Пушкарского приказа в 1650–1651 гг., и считается первой официальной переписью непосредственно переселившихся. Составление переписной книги строилось иначе, чем типичный формуляр переписных книг того времени. В тексте описания землевладения присутствуют временные и географические связи переселенцев начиная от времени выхода переселенца или семьи переселенцев и заканчивая конечным пунктом проживания на момент составления переписи. В 1662 г.²² Федором Аксаковым по наказу из приказа Тайных дел была проведена первая «специальная» перепись корелян с целью выявления числа переселенцев и перевода их в разряд дворцовых крестьян. Аксаков должен был переписать всех корелян, которые «вышли из-за Свейского рубежа» и платили откупные деньги сами, а так же тех, которые жили за феодалами, но не были записаны за ними в писцовых и переписных книгах, и ни у кого «не брали ссуд»²³, после чего отписать всех на великого государя.

До тех пор, пока шел процесс поиска селитебных земель для этих корелян, им предписывалось оставаться на местах проживания на момент переписи. Феодалам запрещалось выселять корелян и брать с них налоги в этот период. По отписным-переписным книгам Аксакова (сохранилась фрагментированная копия) на царя было отписано в Ярославском, Угличском, Бежецком, Новоторжском у. корелян-выходцев на государственных порозжих землях и из-за феодалов, на которых феодалы «крепостей не положили и в писцовых и переписных книгах за ними не написаны старого и нового выходу» 1143 двора²⁴. В 1665²⁵ г. Федор Аксаков был направлен в вотчину стольников князей П.С. и Б.С. Прозоровских в с. Кесьма Есеницкого стана Бежецкого у. для перевода в фонд дворцовых земель деревень и пустошей, на которых проживали «записные кореляне» и которыми владели князья Прозоровские.

В Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗ) в записях 1665 г. указывается на перепись «корелян» писцом Никифором Поленовым²⁶, тем не менее, результаты данной переписи Поленова в виде той или иной записной книги к настоящему времени в фондах ведущих архивов автором не выявлены. А.Н. Жербин упоминает эту перепись и относит ее к 1663 г. В подшивке копий с писцовых, отписных и вывозных книг Углицкого, Бежецкого, Новоторжского, Ярославского и Городецкого у. дворцовых корельских сел и деревень²⁷ говорится, что Никифор Поленов до Осипа Лихарева поселил в Бежецком уезде 19 дворов «корелян»²⁸. Помимо Никифора Поленова в 1668²⁹ (в ПСЗ – 1666 г.) и 1669³⁰ гг. направлялись в те же уезды Осип Лихарев (упоминаются как строельные и селидебные книги³¹) и Данило Тютчев соответственно, которые должны были уже по отписным книгам Аксакова вывозить «корелян» от феодалов и селить на государевых порозжих и оброчных пустошах, и в впредь «корелянам» было велено селиться только на государственных оброчных и порозжих пустошах³². Согласно ПСЗ, в 1674³³ г. на те же территории направлялись писцы Никита Селиванов и Иван Лихачев, в 1678³⁴ г. Василей Хорошев, в 1682³⁵ г. Василий Резанов, а в 1686³⁶ г. Иван Тютчев для продолжения процесса учета «корелян» и формирование карельских дворцовых волостей. С 1692 г. все писцовые дела были переданы для завершения воеводам³⁷: в 1692 г. – Ивану Суморокову; 1695 и 1696 гг. – Ивану Моркову; в 1698 г. – путному ключнику Афанасью Еякову. Им же велено было всех карел по вышеописанным книгам и тех, кто не попал в учетную документацию, но был зафиксирован в книгах Аксакова и сбежал, свозить на прежние места. Практически все переписные-отписные-селитебные книги по итогам указанных кампаний сохранились в формате фрагментированных копий XVIII в. Совокупность вышеупомянутых источников практически полностью отражает процесс и механизм формирования карельских дворцовых волостей, которых к нач. XVIII в. насчитывалось не менее 13: Чамеровская, Кесемская, Пятницкая,

Сандовская, Борисоглебская, Кошевская, Юркинская, Ивицкая, Медвежегорская, Прудовская, Бельская, Михайлогородская, Дорская³⁸.

В подшивке копий с писцовых, отписных и выводных книг Углицкого, Бежецкого, Новоторжского, Ярославского и Городецкого у. дворцовых корельских сел и деревень сохранилась копия книги 1665³⁹ г. авторства Федора Михайловича Аксакова и подьячего Михайло Оловянникова с подобным предварительным описанием земель, предназначенных для корельских селений, которые подвергались специальному осмотру с последующим указанием, сколько семейств «корелян» могут быть в них поселены.

Текст наказа в данной книге следующий:

«Лета 7173 года октября в 5 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича Всея Великие и Малые и Белыя Росии самодержца указу Федор Михайлович Оксаков да подьячей Михайло Оловянников приехав в Ярославской уезд в Верховской стан взяв с собою тутюшних и сторонних людей старост и целовалников и крестьян и старожилы и с теми сторонними людьми и старожилы оброчные порозжие пустоши что были на оброке Пречистые Богородицы Ламские Пустыни за слушкою за Ивашкою Кондратьевым описали и сметили сколко на которой пустоши пашни паханые и перелогу и лесу пашенного и непашенного и сена и что на которой пустоши поселитца корелян и то писано порознь под всякою пустошью»⁴⁰.

В книге представлено описание 88 пустошей в Верховском стане Ярославского у. (территория современного Весьегонского р-на Тверской обл.) по р. Сырой Ветке (Сыроверке). Для каждой пустоши отдельно прописано количество пашни (паханой и перелогу), леса пашенного и непашенного, количество сена в копнах; в конце описательных характеристик пустоши указывается число дворов, которые могут быть поставлены и поселены на данной территории. В случае, если пустошь была непригодна для селитьбы, писцы указывали причину (водена, безугодна, поросла лесом, поросла мхом, худа, отдалена от всех описываемых пустошей).

В итогах к книге представлены общее количества пашни, леса и сена на 88 описываемых пустошах, из которых *«...выбрали кореляня селидебных трицать шесть пустошей и на тех на трицати на шти пустошах поселитца корелян сто сорок дворов а на досталных селитца не хотят потому что безугодны»⁴¹*. Организованные таким образом корельские села вошли в состав дворцовых земель, и жители их несли повинности, схожие с повинностями других русских дворцовых крестьян⁴².

Совокупность материалов писцового дела позволяет изучить широкий спектр проблем, связанных с миграционными процессами в XVII в., подробным образом описать ряд исторических аспектов, касающихся государственной политики в отношении карельских переселенцев. Детальная информация в отписных и селидебных книгах предоставляет возможность изучить разме-

щение поселений с карельскими выходцами, с последующей локализацией, визуализировать границы карельских дворцовых волостей, динамику их формирования, представить демографическую статистику и процесс внешней и внутренней (на территории Бежецкого Верха) миграции «корелян» в целом.

Примечания:

- 1 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 25. Л. 835. – Переписная книга г. Бежецка и Бежецкого уезда, переписи И.Д. Колычева.
- 2 Там же. № 986. Л. 165. – Переписная книга дворцовых сел, деревень и оброчных пустошей Бежецкой и Деревской пятин Новгородского уезда (переписчик не установлен).
- 3 Там же. Д. 11440. Л. 1063. – Переписная книга г. Городецка и Бежецкого уезда переписи Д.Г. Тютчева.
- 4 Там же. № 25. Л. 82об.
- 5 Там же. Л. 194об.
- 6 *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М. 1906.
- 7 *Вершинский А.Н.* Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. // Исторический сборник. М., 1935. Т.4. С. 73–105.
- 8 *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск, 1956.
- 9 *Saloheimo Veijo.* Entisen esivallan alle, uusille elosijoille: ortodoksikarjalaisten ja inkeroisten poismuutto 1500 – ja 1600-luvuilla. Tampere: Pohjois-Karjalan historiallinen yhdistys, 2010.
- 10 *Головкин А.Н.* История Тверской Карелии; Карелы: от язычества к православию. Тверь, 2008.
- 11 *Дмитриева З.В.* «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Краеведческий альманах / Гл. ред. Ф. Я. Коновалов. Вологда, 2003. Вып. 5. С. 81–90.
- 12 *Болотина Н.Ю., Комиссаренко А.И., Кононова А.Ю.* Сведения о пахотных землях карельских дворцовых крестьян в писцовых книгах карельских дворцовых вотчин во второй половине XVII в. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3. С. 380–386.
- 13 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5(м). Д. 3551. Л. 353–369об. – Копии: с писцовых, отписных и выводных книг Углицкого, Бежецкого, Новоторжского, Ярославского и Городецкого у. в дворцовых карельских сел и деревень а также государевы грамоты указы и селидебные памяти письма: путного ключника Афонася Елякова да подьячего Петра Болтунова, Василья Резанова, да подьячего Гаврила Кошкина, стольника Ивана Сумарокова, Федора Аксакова, да подьячего Михаила Оловянного 1665–1717 год. За скрепою секретарей: Петра Соколова и Тимофея Климова (первые годы находятся середине рукописи) (1665–1717 г.)
- 14 Там же. Л. 33–153об.
- 15 Там же. Л. 1–32 об.; Л. 253–257об.
- 16 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 11440.

- 17 Подробнее см.: *Полевая А. В.* Дворцовые карельские волости Бежецкого уезда в первой четверти XVIII в.: территория и население // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2018. № 3. С. 87–96.
- 18 РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.11449. - Переписная книга дворян, церковнослужителей, крестьян Каменского, Мещерского, Пироговского, Ивановского станов; Дорской и Сулежской волостей Бежецкого уезда переписи Федора Борисовича Нерыцкого.
- 19 Отдел рукописей РНБ. Q.IV.366. - Переписная книга Бежецкого Верха 1650–1651 гг.
- 20 *Saloheimo Veijo. Bezhetskin ylängön karjalaisuutelo vuosilta 1650–1651. Joensuun yliopisto. Karjalan tutkimuslaitoksen monisteita.* 1992. № 5.
- 21 *Болотина Н.Ю., Коммисаренко А.И., Кононова А.Ю.* Писцовые и переписные книги как источник изучения хозяйственной деятельности и социального быта крестьян-корелян-переселенцев в Бежецкий Верх в XVII - начале XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXXI Междунар. науч. конф. Москва, 12–14 апр. 2018 г. М., 2018. С.93–96.
- 22 РГАДА. Ф.1239. Оп.2. Кн.1451. - Выписи из переписных книг о количестве душ дворянской Чамеровской волости.
- 23 О корелях, вышедших из - за Шведского рубежа, о приписании их к Дворянским селам и о ведении оных в приказ Большого Дворца: [Боярский приговор, 1698, фев. 23] // ПСЗ. Собр. 1-е. 1830. Т. 3. С. 430. [Док.] 1619.
- 24 Там же.
- 25 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч.5(м). Д. 3551. Л. 353–369 об.
- 26 О корелях, вышедших из-за Шведского рубежа. С. 430.
- 27 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5(м). Д. 3551.
- 28 Там же. Л.34.
- 29 Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч.2. Д. 11461. Л. 1–74. - Селидебная книга записных корелян старого и нового выхода и бельских корелян на пустошах в Бельской волости Новоторжского уезда поселения осыпа Никитича Лихарева и подъячего Филиппа Космынина.
- 30 Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч.5(м). Д. 3551. Л. 33–153 об.
- 31 Там же. Л. 33.
- 32 О корелях, вышедших из-за Шведского рубежа. С. 430.
- 33 Там же.
- 34 РГАДА. Ф.1239. Оп.2. Кн.1450. - Выписи из переписных книг о количестве душ дворянской Чамеровской волости.
- 35 Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 5(м). Д. 3551. Л.153–234.
- 36 Там же. Ф.1239. Оп.2. Кн.1450. Л. 288–341.
- 37 О корелях, вышедших из-за Шведского рубежа. С. 431.
- 38 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч.5(м). Д. 3551. Л. 235 об.
- 39 Там же. Л. 342–352об.
- 40 Там же. Л. 342.
- 41 Там же. Л. 352–352об.
- 42 *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 191.

УДК 81'373 (091)

О НЕКОТОРЫХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ НАИМЕНОВАНИЙ РЯЖЕНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРО-ЗАПАДА¹

Сергей Алексеевич Мызников

Институт славяноведения РАН, г. Москва, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН

myznikovs@rambler.ru

Аннотация. В этой статье представлен анализ некоторых наименований ряженных. В основе работы лежат данные, собранные в ходе полевых исследований и различных диалектных словарей. В статье анализируются лексические единицы, которые имеют различные этимологические версии. Приведенные данные не исчерпывают весь регистр наименований ряженных, и в дальнейшем вполне возможна верификация этимологических версий по мере накопления новых данных.

Ключевые слова: ряженные, диалектный, словарь, говоры, этимология, неисконный.

UDK 81'373 (091)

CONCERNING SOME NAMES OF MUMMERS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF THE NORTH- WEST IN THE ETYMOLOGICAL ASPECT

Sergej Alekseevich Myznikov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

myznikovs@rambler.ru

Abstract. This article presents an analysis of some titles of mummers. The research based on the data collected during field investigations and in different dialectal dictionaries. The article regards lexical units that have different etymological versions. Extensive material shows their existence in Russian dialects. The cited data does not exhaust the entire register of names of mummers, and verification of etymological versions is quite possible as new data while accumulating.

Key words: mummers, dialectal, dictionary, dialects, etymology, non-original

1 Сноски даны внутри текста согласно правилам публикации словарных статей.

В данной статье предполагается осветить некоторые этимологические аспекты наименований ряженных, которые зафиксированы в русских говорах Северо-Запада. По данным фольклорных и диалектных источников ряженные обычно фигурируют как персонажи на Святках, Масленице, реже – на свадьбе. Ср., например: **Ряди́ха** ‘ряженная’ Нижегород. (Даль). *А мы в соседне село поехали рядихами на свадьбу, во смеху-то было.* Пинеж. Арх., 1975 (СРНГ 49: 342). **Ря́женка** ‘ряженный на святках’ (Даль). *Ря́женки, ряженки идут.* Вельск Арх, 1956 Яросл. (СРНГ 49: 348). **Ря́жены** ‘ряженные’: - *Паска и Святая неделя ходют ряжены.* Цивильск Казан., 1897 (СРНГ 49: 348).

Причем следует отметить, что заимствованные наименования ряженных фиксируются в различных контактных зонах, так, например, в русских говорах Башкортостана отмечаются единицы, которые имеют соответствия на татарско-башкирской почве: **Деу́ли, деу́ля** ‘ряженные под Новый год’ Башк. (СРГБ: 91), при татар. *дию* ‘див, демои, нечистый дух’ (Ганиев 2004: 90), башк. *диуана* ‘сумасшедший, умалишённый, помешанный’, ‘юродивый, блаженный’ (БШКРС 1996: 165).

На Северо-Западе в условиях этноязыковых контактов в вепсских и карельских диалектах в ряде случаев прослеживается восточнославянская традиция, ср., например, вепс. *bukeid* ‘ряженные’ (СВЯ: 50), вепс. *kudes* ‘ряженный (на Святках)’ (СВЯ: 238), *čud’uuk* ‘ряженный’ (СВЯ: 64); кар. *smuutta* ‘ряженный’ (ССКГК: 571). Причем семантически тождественны следующие вепсские и карельские данные: вепс. *čud’uuk* ‘ряженный’ (от корня чуд-) и кар. *kitta* ‘ряженный’, при первичном значении ‘диво; чудо’ (ССКГК: 245).

В ряде случаев наименование на карельской почве осеннего праздника, связанного с завершением сбора урожая, в ходе которого также присутствуют ряженные, заимствуется в новгородские говоры, но уже со сдвигом семантики: ср. кар. твер. *kegri* ‘ряженный в древний осенний праздник, связанный с завершением аграрного цикла’ (СКЯП: 93), ‘страшилище, которым пугают детей’ (SKES: 178), кар. *kekri* ‘старый осенний праздник, кекри, окончание полугодия в прошлом’, ‘человек, наряженный пугалом’, ‘изображение старика, помещенное в углу избы на празднование кекри’ (KKS 2: 119, 120), кар. *kekri, kegri* ‘старинный осенний праздник’ (ССКГК: 195). Ср. русск. диал.: **Ке́гря** ‘черт, нечистая сила’ Окулов. (НОС 4: 38). ‘Старый мужчина, старик’ Борович. (НОС 4: 38). **Те́гря** «страшилище, которым пугают» Валд. (НОС 11: 28). **Те́гри** ‘то же’ Валд. **Ке́гри** (НОС 11: 28). Авторы SKES отмечают также фин. *kekri, keyri, köyri, köyry* ‘бог у карел’, однако ничего не могут сказать об источнике этого слова (SKES: 178). У сегозерских карел *кегри* – некое существо в образе зверя; также существовал праздник «кегри», приходившийся на середину октября и связанный с подведением итогов земледельческих работ, с рыбной ловлей, с прядением (Маслова 1937). Ранее в дохристианских верованиях прибалто-финнов отмечалось,

что *Кекри* заботится о здоровье скота, *Кякри* прибавлял скот (Чистович 1856). Ср. также *Тергя Юмо* ‘бог Тергя’, отмечаемый у марийцев Нижегородской области (Морохин 1994: 92).

На территориях, смежных с эстонцами в русских говорах уже фиксируются эстонские проникновения: **ма’ртики** ‘ряженные, ходившие в марди-пяэв по домам с песнями, танцами и пр.’ Причудье (Мехикоорма) (Мюркхейн 1973: 4). Ср. эст. разг. *tardid* ‘то же’ из собств. мужского имени Mart (Мюркхейн 1973: 4).

Ка’дрики ‘ряженные в кадрияэв’: - *Кадрики ходилив белом*. Причудье (Мехикоорма) (Мюркхейн 1973: 4). Ср. эст. разг. *kadrid* ‘то же’ от женского имени *Kadri*. При том, что **ка’дрипяэв** ‘эстонский народный обрядовый праздник 25 ноября’ Причудье (Мехикоорма) восходит к эст. *kädrpäev* ‘то же’ (Мюркхейн 1973: 4).

Имеются случаи, когда весьма затруднительно разграничить данные славянского, балтийского и прибалтийско-финского происхождения. **Куле’с, куле’ш** ‘ряженный на Святках’ Никол., Великоуст. (СГРС 6: 247). **Куля’жки** ‘ряженные (на святках)’ Верхотур. Перм., 1852 (СРНГ 16: 77). **Кули’к** ‘ряженный’: - *Это всё окрутники да кулики всё спортили*. Бокситогор. Тихв., Подпорож. (СРГК 3: 56). **Кули’к** ‘ряженный’: - *Кулики – ряженные это. Кто вичор куликами-то ходил?* Тихв. (НОС: 481). Вряд ли следует отделять от **кулик** ‘ряженный’, польск. *kulik* ‘поезд ряженных на масленице, которые ходят от дома к дому якобы в поисках птицы’. Ср. латыш. *kēļiuos lekt* ‘сходить переодетым’, *kulnieks* ‘ряженный’ (Фасмер 2: 411).

При этом имеется тождественный семантически и близкий фонетически материал в Оболенье: **Кухля’к** ‘ряженный (в святочных играх)’ Пудож. КАССР, 1973 (СРНГ 16: 183). «Маскированные» Петрозав. Олон. (Куликовский 1899). **Ку’хля’к** ‘ряженный’: - *Зимой ходили кухляки после Рождества*. Прионеж. Пудож. Медвежьегор. (СРГК 3: 78). **Ку’хлик** ‘ряженный’: - *Ране ходили кухлики на Рождество, сейчас нет этого, да и ране мало ходили*. Медвежьегор. (СРГК 3: 78). Ср. кар. *huhlakka* ‘ряженный’ (ССКГК: 110), кар. *kuhlakka* ‘ряженный’ (ССКГК: 239).

Примыкают сюда и, вероятно, следующие данные: **Ху’хленики** ‘ряженные’: - «В деревнях Олонецкой губернии ходят хухляками на святках из избы в избу вечером и даже днем; днем маскированных можно встретить в и г. Петрозаводске. Более предпочтительный костюм: красная рубаха и полотенце через плечо, затем маскируются дедом седовласым, медведем в шубе, вывернутой наизнанку и т.п. Маски употребляются в городе мещанами и мастеровыми; крестьяне же масок не носят, а заменяют их полотенцем, подложенным под шапку и спускающимся на лицо. Под Новый год маскированные носят с собой петуха для разного рода гаданий» Пудож. (Авдеевская вол.) (Куликовский: 130). **Хухляки** ‘то же’ Пудож., Повен., Петрозав.

(Куликовский: 130). **Ху'хляк** 'ряженный': - *А эти наряжены назывались у нас, сперва то же само в Рождество вот и до Крещения ходили, назывались хухляки.* Медвежьегор. **Ху'хлик** 'ряженный': - *Под Новый год ряженные ходили, хухликам назывались; рядились кто как мог. Хухликами и мужчины, и женщины рядились.* Медвежьегор. (СРГК 6: 739). **Ху'хольник** 'водяной' Пудож. (Пелусозеро) (Черепанова 1979: 105). 'Черт' Пудож. (Погост) (Черепанова 1979: 105). **Хохля'к** 'ряженный' Пудож. (Черепанова 1979: 105). **Хухольник**, **кукольник** 'ряженный на святках' Мезен., Кем., Кольск. (Подвысоцкий: 194).

М. Фасмер считает, что лексема **хухольник** преобразована из **кукленик**, **кукольник** 'комедиант' (Фасмер 2: 287). О.А. Черепанова возводит к карельским источникам (Черепанова 1979: 108), ср. также кар. *huhlakka* 'привидение, призрак', 'странно, чудачковато одетый': - *Huhlakat* ходили между Рождеством и Новым годом (KKS 1: 317); кар. *hiihelniekka*: «*молодые люди и девушки ходят одетые хухляками вокруг деревни, с руками и глазами спрятанными под легкую ткань, необычно одетые, распевая веселые песни и танцуют, стуча в дома*» (Кестеньга), кар. *hiihelniikka* 'то же' (Ухта), кар. *hiihelniikka* 'то же' (KKS 1: 351). Лексему **хохля'к** О.А. Черепанова возводит к фин. *höhlä*, кар. *huohla* 'смешной, забавный, чудной', 'дурак, придурковатый' (Черепанова 1979: 109).

Трудно сказать, связан ли с предыдущими данными следующий материал: **Куля'ш** 'в суеверных представлениях - чертенок или водяной' Волог., Вят. (СРНГ 16: 78). **Кулиши** 'в суеверных представлениях - маленькие чертенята разных цветов, появляющиеся во множестве в деревнях на святках' Глазов. Вят. (СРНГ 16: 69). **Куль** 'в суеверных представлениях - черт' Тобол., 1899 (СРНГ 16: 73). Лексема **куль** рассматривалась как заимствование из хант. *kol* 'то же', также *kul'* (Karjalainen 1: 397). См. также: Фасмер 2: 412; Черепанова 1979: 106; Черепанова 1983: 87; Аникин 2000: 320. Имеются сходные коми данные, ср. коми летск., печор., среднесысол. *кул* 'водяной, обитатель вод' (ССКЗД: 39), коми *куль* 'бес, черт', при удм. *кыль* 'болезнь (всякая)', общеперм. * *kul'* 'злой дух', на основании чего авторы КЭСЯ возводят эти данные к коми источникам (КЭСЯ: 145). Авторы SKES вводят коми слово в общий финно-угорский контекст, при фин. *kolja* 'великан', *koljo* 'гигантских размеров', 'угрюмый, мрачный, холодный', 'имя великана в фольклоре', эст. *koll* 'приведение, призрак, пугало, страшилище' (SKES: 210). Причем слово распространено на пермской почве, ср.: удм. глазов. *kil'* 'брюшной тиф', удм. елабуг. *kil'* 'чума, инфекционная болезнь, холера', коми *kul'* 'гнилая душа - ругательство' (SKES: 210). По мнению авторов SKES из коми языка слово было заимствовано в мансийский и хантыйский, ср. манс. пелым. *kul'* 'бес, дух леса', хант. *köl* 'бес, водяной' (SKES: 211). Причем на финно-угорской почве это гнездо также неосконно, возводится к индоевропейским данным, ср. готск. *halja* 'ад, преисподняя', др.-норв. *hel* 'богиня царства мертвых', др.-швед. *hæl* 'тот свет, смерть' (SK-

ES: 211). Кар. *kuul'aššikka* 'ряженный' восходит уже к результатам обратного русского воздействия (ССКГК: 254).

Е.Л. Березович пытается рассматривать, вероятно, уже контаминационные единицы на исконной почве: **кулешме'нец**, **кулешме'нчик** 'нечистая сила, появляющаяся на Святки': - «Кулишменцы на шкурах йиздили, по деревне люди-то видали. Кулишменчики из рички выскочат и в ричку вернутся. У их из рота огонь. На шкурах издют. Кулишменцы бегают в Страшный вечер. У их шкуры мохнатые, шапки треугольные, из рота дым и огонь. Плеханы-те по ричку придут – кулишменцы в воду». Костром. (Березович 2016: 20). Кроме того, для лексемы **куля'ш**, аргументация имеет ареальный характер: «Факт появления слова **куля'ш** в орловских говорах укрепляет нас в мысли о том, что стоит допустить и версию об исконном происхождении обсуждаемого слова» (Березович 2016: 21).

Имеются также единицы, которые широко представлены в севернорусских, уральских, сибирских говорах с весьма неоднозначной этимологической трактовкой.

Шили'ку'н 'ряженный в Святки' Арх., Вят., Камч., Сиб. (Опыт). Соликам. Перм., Южн. Сиб., Полев. Свердл. (КСРНГ). **Шили'кун** 'ряженный в Святки' Тугар. Свердл. (СРГСУ 7: 59). «**Шиликунами** называются такие нарядчики, которые одеваются в белое (покойницкая одежда), на голову надевают остроконечный берестяной колпак, в рот вставляют репные зубы, лицо расписывают себе углем и белой глиной» Тобол. (КСРНГ). 'Домовой' Иркут. (Опыт). **Шили'кун** «колдун, человек, знающийся с бесами, являющийся в виде разных животных или просто в образе человека, но не естественного, а обладающего чем-нибудь бесовским» Енис. Енис. (КСРНГ, 1906). **Шили'кун** 'черт, бес, нечистый дух' Перм. (КСРНГ, 1848). **Шилику'н** черт, который бегаёт в Крещенье на кочерге. Поддор. (НОС 12: 93). **Шилику'н** 'то же' Сольвыч., Ярен. Волог. (Дилакторский). Перм. (КСРНГ). Верхот. Перм., Сиб. (КСРНГ). «Черт, дьявол» Ирбит., Тугар. (СРГСУ 7: 50). 'Святочный черт, бес' Вят., Слобод., Котельн. Вят. (КСРНГ, 1848). Шадр. Перм., Яран. Вят. (КСРНГ). «Бесы, являющиеся по народному поверью в образе людей с железными зубами, в остроконечных шапках в святочное время» Каргоп. (Б. Шалга) (Куликовский). **Шили'кун**. Тобол. (КСРНГ). 'Безобразный, смешной человек' Тюмен., Тобол. Ишим. (КСРНГ). «**Шиликунами** зовут людей, имеющих голову, вытянутую в вертикальном направлении». Каргоп. (Б. Шалга) (Куликовский). **Шили'кун** 'озорник' Курган. (КСРНГ). **Шелико'нов** **затапывать** 'зимой во время больших праздников ездить на запряжённых лошадях по деревне' - В само' Крещиэнье шели'конов зата'пывали, когда' ма'ски зако'нчатся ходи'ть; у'тром на ко'нях всё е'здят, то'пчут, то'пчут доро'гу-то. Усть-Цильма (Ставшина 2008). **Шелико'нов** **топтать** 'то же': - Крещиэньэ – зимо'й на коня'х гоне'ли, пе'рвой пра'зник по'сле Рожества,

по дере'вне е'здыт, на вечёрках куде'сят до Крешизэ'нья, а в Крешизэ'ньё шули'конов то'пчат, бе'сов. Печор. (Верховская) (Ставшина 2008).

Шули'куны 'нечистая сила' Пинеж. (Сульца, Шиднема, Нюхча) (Сими́на). **Шули'конов топтать** 'то же': - На ко'нях е'здыт ребя'та в после'днюю ночь, шулико'нов то'пчат, на ко'нях гоне'ют на между'тке, по у'лице, и да'вят шули'конов. Печор. (Скитская) (Ставшина 2008). **Шулюко'нов топтать** 'устраивать шумные игры, танцы, пляски накануне или во время больших праздников': - Дак мы шулюкунов топтали: одна изображала ёлочку, а мы вокруг неё прыгали, скакали, плясали, притопывали, сами музыку изображали - губами, подпевали. Хохотали-то! Называлось: шулюкунов топтали. Печор. (Ёрмица) (Ставшина 2008). **Шулико'ничать, шулику'ничать** «ходить, ездить переряженным во время Рождественских Святков. Отсюда **шулико'нство, шулику'нство** – переряжание в Святки; **шулико'н, шулику'н** (также **свя'тошник**) – переряженные на Святки. Несмотря на повсеместный обычай переряжаться на святках (делается это только от Рождества до Богоявления), сами **шуликоны** считают это грехом, для очищения которого (чтобы смыть с себя личину беса) нередко погружаются обнаженными в прорубь тотчас после водосвятия в день Богоявления. Повсеместно, за исключением Мез. и Кем. уездов и Кольского полуострова, где **шиликоны** называются: **ху'хольник, ку'кольник, калику'ла**, а шиликоничать – ху'хольничать, ку'кольничать». (Подвысоцкий: 194). **Шулюханы** 'ряженные' Терск. (СРГК 5: 133).

Имеется вариант с другим консонантизмом: **Чиликун** 'ряженный на святках' Арх. (КСРНГ, 1963). **Чили'куны** 'дух, выходящий из воды во время святков' Каргоп. Арх. (КСРНГ, 1928). **Чилику'н** 'нечистая сила' Пинеж. (Куш-копала, Шотово) (Сими́на).

М. Фасмер считает этимологию этого гнезда неясной (Фасмер, 4, 438). Поиски истоков слова **шуликун** идут в разных направлениях, Д.К.Зеленин еще в 1930 г. предложил в качестве источника конструкт тюрк. *süliik-kan* 'хан пивок' (Зеленин 1930: 237). Р.Г. Ахметьянов полагает, что коми слово *шулейкин* «*маленькие злые подводные духи, которые выходят из воды в день Нового года и до Крещения разгуливают свободно, по ночам пугая людей*» (Белицер 1958: 319), ср. также мар. *шүльиш* 'дух' (РМС, 86), можно сопоставить с тюркскими данными, ср. татар. диал., башк. *шулган* злой дух, один из двух сыновей первочеловека, впоследствии подводный царь, который имеет под водой бесчисленные стада' (БХИ, 33–144, 145–187), якут. *сүлүкүн* 'хозяева подводного мира, которые выходят в дни Нового года из воды (Пекарский: 348). Трудно сказать, является ли данный материал является преобразованием, вызванным иноязычным (финно-угорским) влиянием, первично русского – со ликом, - соликом, соликун – шоликун – **чиликун -шиликун, ср.** например: личины, наличники (маски ряженных) (Фаминцын: 86–87), ликственник 'ряженный', т.е. с маской, с ликом (Черепанова 1979: 101). Много работает над происхо-

ждением данного слова О.А. Черепанова. Мнение о его источниках претерпело различные трактовки, большей частью в контексте поисков иноязычных этимонов. Одна из таких версий – предположение о том, что лексемы шули'ку'н, шили'ку'н в значениях 'ряженный', 'бес, черт' возникли на основе заимствования из морд. *шылыган, шлыган* 'головной убор мордовских женщин по форме напоминающий капюшон' (Черепанова 1975: 135; Черепанова 1979: 108). Кроме того, она высказывает мысль о возможности связи с эвенк. *хуликун* 'маленький (по размеру)' (Черепанова 1975: 136). На наш взгляд такого рода семантические преобразования с мифологической лексикой при заимствовании происходят крайне редко. Кроме того, миграция диалектных слов в западном направлении с восточных территорий не имеет устойчивых фиксаций. Позднее проводилось сопоставление с мар. *шўлыкан* 'грустный, унылый, мрачный, тоскливый' (Черепанова 1975: 135), коми данными (Черепанова 1984: 101). Ср. также **сю'ля** «черные люди, похожие на чертяку» Верхнетоем. Арх. (СРНГ 43: 186).

Приведенные данные не исчерпывают весь реестр наименований ряженных, а верификация этимологических версий вполне возможна по мере накопления новых данных.

Примечания:

1 Сноски даны внутри текста согласно правилам публикации словарных статей.

Список литературы и источников:

- Альбинский В.А., Шумов К.Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья // Русский фольклор. Вып. 26. Проблемы текстологии фольклора / Отв.ред Т.Г.Иванова Л.: Наука. 1991. С. 173.
- Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2 изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука. 2000.
- Березович Е.Е. «Кулеши накулесили, накудесили...»: еще раз о происхождении русского диалектного демони́ма кулеш // Демонология как семиотическая система. Тез. докл. IV Междунар. науч. конф. Москва, РГУ, 15–17 июня 2016 г. / Сост. и ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. М., 2016. С. 19–23.
- БХИ – Башкорт халк ижады. Эпос /Ред.Н.Т. Зарипов. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1972.
- Быт севернорусской деревни / Сост. Ю.И. Дюжев. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006.
- БШКРС – Башкирско-русский словарь / Ред. Ахмеров К.З. Баишев Т.Г., Каримова Г.Р. М.: ГИИНС, 1958.
- Ганиев, 2004 — Татарско-русский словарь. 4-е ид., испр. и доп. / Под ред. проф. Ф.А.Ганиева. Казань: Тат. кн. изд-во, 2004.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб.: Тип. М.О. Вольфа. 1880–1882.

- Дилакторский П.А. Словарь областного вологодского наречия по рукописи П.А. Дилакторского. СПб.: Наука, 2006 [Рукопись 1902 г.].
- Еллидинский Я. Корель Олонекской губернии // Олонецкий сборник: Мат-лы для истории, географии, статистики и этнографии Олонекского края. Петрозаводск, 1902. Вып. четвертый. С. 115–120.
- Зеленин Д.К. Загадочные демоны шуликуны // Zud swoiacski. Krakow, 1930. Т. 1, ст 2. С. 220–238.
- КРОЧК – Безносикова Л. М., Айбабина, Е. А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.
- КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Словарном кабинете им. Б.А. Ларина филол. фак-та СПбГУ).
- КСРНГ – Картотека «Словаря русских народных говоров» (хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН).
- Куликовский Г.И. Дополнение к Словарю олонекского областного наречия // ЭО. 1899. № 1, 2.
- Куликовский – Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук, 1898.
- КЭСЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Наука, 1999.
- Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука, 2006.
- Лурье М.Л. Ряженный и зритель: формы и функции ритуального контакта (битьё) // Судьбы традиционной культуры: Сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой / Ред.-сост. В. Д. Кен. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С.106–127.
- Лурье М.Л. Ряженные-мастера на святках // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: Докл. III науч. конф. «Рябининские чтения–99» / Редкол.: Калашникова Р.Б. и др.; Гос. историко-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск: КарНЦ, 2000. С. 195–201.
- Маслова Г.С. Kegrin räivä у карел Калининской области // СЭ, 1937, № 4. С. 150–152.
- Морохин Н.В. О растительном культе мари Нижегородской области // Финно-угроведение, 1994. № 2. Йошкар-Ола. С. 90–97.
- Мюркхейн В. Эстонские лексические заимствования в одном из русских говоров Эстонской ССР // СФУ. 1973. IX, 1. С. 1–9.
- НОС – Новгородский областной словарь. Отв. Ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Вып. 1–13. Петербург, Петроград-Ленинград, 1907–1930.
- ПЛГО – Материалы полевых лингвогеографических обследований автора.
- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Изд. 2-го Отд-ния Акад. Наук, 1885.

- РМС – М.В. Васильев, З.В. Учаев. Русско-марийский словарь. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003.
- СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–6 / Под ред. А.К. Матвеева; М.Э. Рут. Екатеринбург: Изд-во УралГУ, 2001–2014.
- Симина – Картоотека пинежских говоров, собранная под руководством Г.Я. Симиной (хранится в ИЛИ РАН).
- СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994.
- СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии / Под редакцией З.П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. / Гл. ред. А.С. Герд. СПб.: СПбГУ, 1994–2005.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7 / Под. ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1964–1988.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т. 1–44. Л., СПб.: Наука, 1965–2011.
- ССКГК – Федотова В.П., Бойко Т.П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Петрозаводск, [б.и.], 2009.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
- Ставшина, 2008 – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. Сыктывкар: Наука, 2008.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1964–1973.
- Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- Черепанова О.А. Шуликуны. Образ и слово // Севернорусские говоры. Межвуз. сб. Вып. 4 / Отв. ред. А.С. Герд, В.В. Колесов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 97–106.
- Черепанова О.А. Демонологическая лексика севернорусских говоров // Там же. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. С. 131–137.
- Черепанова О.А. Об одной семантической модели в севернорусских говорах (о названиях ряженных в севернорусских говорах) // Там же. Вып. 3 / Отв. ред. Н.А. Мещерский, А.С. Герд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 99–111.
- Чистович И. История православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащей Санкт-Петербургской епархии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1856.
- Фаминцын А.С. Скоморохи на Руси. СПб.: Тип. Э. Арнольда, 1899.
- Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors: SUS toimituksia, 1915.
- Karjalainen K. F. Ostjakisches Wörterbuch. Bd I., II. Helsinki: SUS, 1948.
- KKS – Karjalan kielen sanakirja. Osa 1–5. Helsinki: SUS, 1968–1997.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–7. Helsinki: SUS, 1955–1981.
- SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Osa 1–3. Helsinki, SKS toimituksia, 1992–2000.

УДК 39.308

ПРОЕКТ «МИФОЛОГИЯ ВЕПСОВ. ПОДГОТОВКА ЭНЦИКЛОПЕДИИ»: ИСТОРИЯ РАБОТЫ И ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ирина Юрьевна Винокурова

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, доктор исторических наук, заведующая сектором этнологии

irvin@sampo.ru

Аннотация. В статье представлены история работы над энциклопедией «Мифология вепсов», изданной в 2015 г., и основные результаты изучения вепсской мифологии. Импульсом для создания этого труда послужил международный проект «Энциклопедия уральских мифологий» (руководители: Анна-Леена Сиикала, Владимир Напольских, Михай Хоппал), начатый в 1990-е гг., основная цель которого состояла в том, чтобы подготовить на русском и английском языках серию энциклопедических словарей, включающих свод сведений по традиционному мировоззрению, народной религии и мифологии народов уральской языковой семьи. В энциклопедии «Мифология вепсов» удалось наиболее полно определить следующие тематические блоки: мифологический пантеон, природные объекты и явления, мир флоры и фауны, народная космогония и космография, обряды жизненного и календарного циклов, основывающиеся на мифологических воззрениях. Особую группу составили статьи о мифологии болезней. Привлечение сравнительных данных по мифологическим традициям родственных и соседних народов позволило выделить пласты различного происхождения, (финно-угорский, прибалтийско-финский, балтийский, славянский, русский), связанные с вепсской мифологией, которые могут быть важными аргументами в решении спорных вопросов по этнической истории и этнокультурным контактам вепсов. Национальные проекты последних лет свидетельствуют, что знания по вепсской мифологии имеют не только научный, но и широкий практический потенциал.

Ключевые слова: вепсы, традиционное мировоззрение, народная религия, мифология, энциклопедия

UDK 39.308

PROJECT «MYTHOLOGY OF VEPSIAN. ENCYCLOPEDIA PREPARATION»: HISTORY OF WORK AND MAIN RESULTS OF RESEARCH

Irina Yuryevna Vinokurova

Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science, Doctor of History, Head of the Ethnology Section

irvin@sampo.ru

Abstract. The article presents history of work on the encyclopedia «Mythology of Vepsian», published in 2015 as well as the main results of studying Vepsian mythology. Begun in 1990s the international project «Encyclopedia of the Ural mythologies» (team leaders Anna-Leena Siikala, Vladimir Napolskih, Mihai Hoppal) appeared as an impulse for creation of this work. The main goal of the international project consisted in preparation in Russian and English languages a series of encyclopedic dictionaries representing the arch of data on traditional outlook, national religion and mythology of the people of the Ural language family. It became possible to present the following thematic blocks most fully in the encyclopedia «The mythology of Vepsian»: mythological pantheon, natural objects and phenomena, flora and fauna world, national cosmogony and cosmography, ceremonies of vital and calendar cycles which are based on mythological views. Articles about mythology of diseases formed the special group. The author was able to allocate the layers of a various genetic origin connected with Vepsian mythology (Finno-Ugric, Baltic-Finnish, Baltic, Slavic, Russian) due to attraction of comparative data on mythological traditions of the related and neighboring peoples. These can be important arguments in the solution of controversial questions on ethnic history and ethnocultural contacts of the Vepsian. National projects of the last years testify that knowledge of Vepsian mythology has both scientific and wide practical potential.

Key words: the Vepsian, traditional outlook, national religion, mythology, encyclopedia

Воссоздание и изучение мифологической картины мира и его отдельных фрагментов у различных этносов – тема, которая стала одной из самых популярных среди этнологов, этнолингвистов и фольклористов в кон. XX – нач. XXI в. Вслед за накоплением и осмыслением знаний по мифологии перед исследователями возникала и такая проблема как выбор жанра для систематизации и представления огромного исследовательского материала. Вышедшая в 1980–1982 гг. двухтомная энциклопедия «Мифы народов

Рис. 1. Здание в Мекриярви, где в декабре 1994 г. проводилось совещание, посвященное международному проекту «Энциклопедия уральских мифологий»

мира» продемонстрировала успешный опыт одного из способов демонстрации результатов исследования мифологических систем разных этнических общностей в виде емкого и относительно лаконичного описания, к которому в дальнейшем обратились многие исследователи¹.

Возможно, эта двухтомная энциклопедия стала импульсом для создания в нач. 1990-х гг. проекта «Энциклопедия уральских мифологий», руководимого выдающимися исследователями в области мифологии Анной-Леной Сиикала (Финляндия), Владимиром Напольских (Россия) и Михаем Хоппалом (Венгрия). Основная цель проекта состояла в том, чтобы создать на русском и английском языках серию энциклопедических словарей под общим названием «Энциклопедия уральских мифологий», которая «будет представлять свод сведений по традиционному мировоззрению, народной религии и мифологии народов уральской языковой семьи (саамов, финнов, карел, ижоры, вепсов, эстонцев, води, ливов, мордвы, марийцев, удмуртов, коми, венгров, манси, хантов, ненцев, энцев, нганасан, селькупов)»².

Более 20 лет назад автор статьи была приглашена участвовать в данном международном проекте. На координационном совещании в декабре 1994 г. в местечке Мекриярви (рис. 1), где располагается база университета г. Йоэнсуу были утверждены основные исполнители проекта – ученые из

России, Венгрии, Финляндии, Эстонии и Швеции. Для многих из собравшихся, в том числе и меня, этот проект определил основное направление научных исследований на долгие годы. Именно тогда и был обозначен замысел работы по подготовке энциклопедии «Вепская мифология».

Будучи инициативным, проект «Энциклопедия уральских мифологий» не имел постоянных источников финансирования. Предполагалось, что его российские участники будут заниматься подготовкой своих томов «Энциклопедии», включив ее в рабочие планы соответствующих научных и образовательных учреждений. На подготовку рукописей к печати отводилось примерно – 5–6 лет. Однако уже тогда было ясно, что уровень полноты изучения мифологии различных уральских народов не одинаков, и это обстоятельство отразится на сроках издания определенных томов. Кроме того, время выполнения проекта будет зависеть и от количества задействованных специалистов, работающих над каждым томом, который также колебался от 1 до 8 чел.

Что касается вепсов, то к тому времени работ, посвященных их мифологии, было чрезвычайно мало. Даже в уже упоминаемом солидном российском энциклопедическом издании «Мифы народов мира» вепсы, в сравнении со многими другими финно-угорскими народами, никак не были представлены. Для реконструкции вепсской мифологической системы требовались интенсивные полевые сборы и архивные изыскания. Руководители проекта, учитывая ситуацию, предполагали, что вряд ли удастся подготовить отдельный том по вепсской мифологии. Первоначально планировалось объединить в один том вепскую, ижорскую, ливскую и водскую мифологии. Однако в ходе совещания в Мекриярви было решено объединить финскую, карельскую, ижорскую и вепскую мифологии и руководителем авторского коллектива назначить Анну-Леену Сиикала.

После совещания в 1994 г. автор решила начать подготовку энциклопедических статей с описания галереи животных в вепсской мифологии. Первым этапом работы над ней стал сбор полевых материалов по специально разработанной программе. Полевые исследования кон. XX – нач. XXI в., проведенные с помощью вопросника, показали, что поверья и мифологические рассказы о животных до сих пор не потеряли актуальности у вепсского сельского населения. Комплекс мифологических представлений о мире фауны оказался значительным и сложным фрагментом традиционного мировоззрения вепсов. В 1995–2005 гг. научно-исследовательская деятельность автора (с некоторыми отступлениями, связанными с необходимостью выполнения других коллективных исследований) в основном сосредоточилась на реконструкции и анализе этой темы. Итогом ее стала монография «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт

Рис. 2. Обложка энциклопедии «Вепсская мифология»

реконструкции)», изданная в 2006 г. при финансовой поддержке РГНФ (№ 04-01-16041).

В последующие годы автор продолжала заниматься восполнением других звеньев вепсской мифологии, собирая материал в экспедициях и ведя архивные изыскания. С 2007 по 2009 г. эта тема разрабатывалась в рамках исследовательского проекта, поддержанного РГНФ (№ 07-01-00254а), и завершилась серией публикаций, связанных с подготовкой энциклопедии.

Накопленные материалы и исследования позволили представить вепсскую мифологию в систематизированном энциклопедическом виде как отдельную книгу (том) «Мифология вепсов» (рис. 2), изданную при поддержке РГНФ (№ 15-01-16044/д) в 2015 г.³ Она содержит толкование 369 мифологических терминов, выделяемых в вепсской традиции. Отбор словарных статей в энциклопедию и неизбежные пропуски в основном обусловлены степенью научной разработки той или иной темы и жестко обозначенными сроками окончания работы.

При подготовке книги автор по возможности придерживалась структуры, предложенной руководителями проекта «Энциклопедия уральских мифологий». Энциклопедию «Вепсская мифология» открывают три обзорных очерка, представляющих общую историко-культурную характеристику вепсов, историю изучения вепсской мифологии, анализ вепсской мифологической системы с выделением ее основных звеньев. Наши предшествен-

ники, опубликовавшие исследования по мифологии коми (1999), хантов (2000), манси (2001), селькупов (2004), мордвы (2006), марийцев (2007)⁴, следуя той же структуре, включили в издания указатели статей только на языке рассматриваемого народа. Автор энциклопедии «Вепсской мифологии» отошла от этого принципа, поместив в нее помимо вепско-русского русско-вепский указатель, облегчающий поиск нужной словарной статьи для русскоязычного читателя.

Большую часть издания занимает словарь вепских терминов, обозначающих реалии, которые имеют разную степень мифологической наполненности в вепсской культуре. Для раскрытия темы отдельной статьи использован максимальный комплекс разнообразных источников: публикации по истории, языкознанию, этнографии, фольклористике, археологии; документы архивов (АКНЦ, ААН, АМАЭ, МИР, АРГО, АРЭМ, SKS) и полевые материалы. Среди публикаций ключевое место занимает «Словарь вепского языка» М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен⁵. С его помощью удалось создать основу энциклопедии – словник, без которого ее подготовка вряд ли стала бы возможной.

В энциклопедии удалось представить мифологический пантеон, в который входят всевозможные божества, духи, существа различного про-

Рис. 3. Предмет детского творчества, посвященный знанию вепских духов-хозяев, в клубе с. Вонозера Лодейнопольского р-на Ленинградской обл. Фото В.Б. Бовина. 2011 г.

исхождения, представляющие собой персонифицированные природные и социальные силы (рис. 3). В результате проделанной работы было выявлено более 68 названий представителей вепского пантеона и дано описание галереи образов вепской низшей мифологии (около 27 словарных статей), включающей целый ряд общераспространенных и хорошо известных (в том числе и в традициях соседних народов) персонажей (духи-хозяева леса, воды, дома, двора, бани, риги), а также множество духов, популярных на определенной территории вепского расселения (например, *Magatai Matti* – спящий Матвей у северных вепсов, *ličkeine* – дух, олицетворяющий кошмар у средних и южных вепсов, *küharo* – у южных вепсов).

Помимо пантеона, в энциклопедии наиболее полно представлены следующие тематические блоки мифологической системы вепсов: природные объекты и явления, мир флоры и фауны, народная космогония и космография, обряды жизненного и календарного циклов, основывающиеся на мифологических воззрениях. Особую группу составляют статьи о «мифологии» болезней.

В энциклопедию включены термины и понятия, отражающие специфику культуры вепсов как прибалтийско-финского народа, которые трудно соотносимы с русской традицией. Например, термин *rühä* – «пост» и соответствующее этому значению особое мифологическое содержание, когда-то переводился как «граница», «ограда».

В то же время, говоря о результатах исследования вепской мифологии, хочется вспомнить недавнее высказывание ведущего отечественного исследователя мифологических традиций Ю.Е. Березкина: *«Даже имея большой объем новой информации, трудно доказать ее ценность для науки в целом, если она не используется для получения другой новой информации. Подобный кумулятивный процесс всегда осуществляется в контексте исторической направленности»*⁶.

Данное высказывание как нельзя верно и заставляет рассматривать некоторые полученные результаты с исторической точки зрения. Привлечение сравнительных данных по мифологическим традициям родственных и соседних народов позволило определить этнические корни различных явлений, связанных с вепской мифологией, которые могут быть важными аргументами в решении спорных вопросов по этнической истории и этнокультурным контактам вепсов. Самым ранним, плохо сохранившимся, является пласт культурных явлений, восходящий к финно-угорскому периоду. Любопытные данные финно-угорского происхождения были получены при исследовании концепции души в вепской мифологии. У вепсов не сохранились представления, характерные для многих финно-угорских народов, о существовании у человека двух или более душ, имевших свои названия. Так, у коми-зырян. *лов* – «душа», «дух», «дыхание», а

орт – «душа-тень, двойник человека»; у удмуртов *лул* – «душа-дыхание»; *урт* – «душа-двойник»⁷. Одна из душ связана с дыханием. Считалось, что с ее уходом в виде пара человек умирает. Вторая душа представлялась подвижной тенью, двойником человека. По поверьям многих финно-угорских народов, во время сна человека эта душа покидает его тело, а с его пробуждением возвращается, поэтому спящего нельзя будить внезапно, иначе путешествующая во время сна душа не успеет вернуться обратно⁸. Если же поступить таким образом, то человек будет ощущать тяжелую сонливость, слабость и даже находиться в бессознательном состоянии. У вепсов известна только одна душа, связанная с дыханием человека, называется *'heng'*. Тем не менее, след былых финно-угорских представлений о душе-тени, двойнике человека остался в вепском названии эпилепсии *ičhi-ine* – болезни, сопровождающейся потерей сознания, самоконтроля (вепс. *iče* 'сам, сама, само')⁹. По мнению исследователей, в древности у финно-угорских народов наиболее ранним названием подвижной души-тени, которая могла покидать тело человека во время сна и представлять самого человека или его эго, у хантов было *is*, у мордвы – *es*, у коми – *ac*, у саамов – (*j*)*ies*, у финнов – *itse* (в настоящее время фин. *itse* означает самое себя)¹⁰.

Следующим по времени является прибалтийско-финский пласт. К прибалтийско-финскому периоду можно отнести появление персонажа Сюнд – *Sünd*, который под влиянием христианизации на большей части вепсской территории приобрел значение 'Бог-Творец', Иисус Христос (повсеместно). Однако первоначально под этим термином у вепсов понимался «предок», «прародитель», пребывающий на земле в период зимних Святок – *sündum*. Данное утверждение основывается на привлечении культурных аналогий родственных народов, а также на данных по северным вепсам, у которых, наряду с христианизированными представлениями о *Sünd*, встречаются и более ранние. В северновепсских верованиях и обрядности, связанных с приходом *Sünd*, как и в универсальном культе предков, важное место отводилось его кормлению, обычно горячей пищей, с целью обогрева. Одним из угощений являлись блины – поминальное блюдо. Блины, испеченные специально для *Sünd*, носили название *kotad* – «башмаки» и *hatrad* – «портянки». По северновепским поверьям, «накануне Рождества делали Сюнду "башмаки и портянки". Их не мазали маслом. Как мертвым не смазывали сапоги, так Сюнду не смазывали башмаки»¹¹. Семантика обуви чрезвычайно актуальна в представлениях о предках. Она не дает им мерзнуть во время пребывания на земле и необходима при уходе на «тот свет». Аналогичные представления существовали и у южных карелов.

Помимо блинов, обязательным угощением для Сюнда у северных вепсов была коврига хлеба из ржаной муки под названием *sündunkourig* (букв.

«коврига Сюнда»). В течение зимних Святков ночью ковригу с солонкой клали на стол, предварительно постелив скатерть как знак почтительно-го отношения к Сюнду, «чтобы Сюнд мог есть». Верили, что когда Сюнд придет на землю, он скажет: «*Oli talos leib milei*» – «Был в доме хлеб мне»¹². Выпекание аналогичного хлеба под названиями *joulu leipä* («рождественский хлеб» – фин., эст.) или *sünnün leibü* («хлеб Сюдю» – кар.), который оставался нетронутым на столе в течение Святков и предназначался для мифологических персонажей иного мира, а затем использовался в аграрных обрядах, было характерно также для других прибалтийско-финских народов – финнов, эстонцев, сету, ижоры, карелов¹³.

В процессе исследования удалось обнаружить также культурные заимствования.

Влиянием балтов на прибалтийско-финскую общность, в составе которой в ту далекую пору находились и древние вепсы, можно объяснить и наличие обнаруженного в южновепском мифологическом пантеоне духа зерна, называемого «кюхаро», «кахаро» – *kühärö, kaharö*. Сведения о данном персонаже были записаны Л. Кеттуненом и А.А. Киселевым. Л. Кеттунен рассказывает, как в д. Сташково утром Нового года приносили в ригу горшок с кашей, всей семьей становились вокруг него, и, прежде чем начать есть, кланялись в каждый угол риги и произносили заклинание, в котором просили духа помочь им собрать и смолотить зерно¹⁴. Как выяснилось, вепский дух *kühärö* ведет свое происхождение из древнебалтийского мифологического пантеона. В мифологии балтийских племен был известен бог *Curche (Kurke)*, совпадающий с *kühärö* названием и некоторыми функциями. О нем также сохранились чрезвычайно фрагментарные сообщения. Это божество имело отношение к ниве и земледельческим обрядам. Согласно древнейшему свидетельству (1249 г.), пруссы изготовляли изображение *Curche (Kurke)* раз в год при сборе урожая и поклонялись ему¹⁵.

Мощный пласт составляют русские (шире – славянские) заимствования. С помощью славянских аналогий удалось объяснить непонятные, на первый взгляд, вепские поверья. Так, южные вепсы до сих пор рассказывают, что весной на земле можно встретить какое-то вещество наподобие киселя или холодца – *taivaz* – «небо». Считалось, что «*taivaz lanksi maha*» – «небо упало на землю». Найденную кисельную массу используют для выведения веснушек. Подобные представления известны и вепсам Прионежья. По северновепским поверьям, осенью и весной в утреннее и ночное время охотники часто находили в лесу упавшее с неба маленькое «небо» (*taivaz*) – небольшой комоч, мягкий, белый, как загуста, который зимой в снегу нельзя было обнаружить. Его приносили домой, где он таял, оставляя воду. «Небо растаяло», – говорили. Этой водой мазали болячки на нёбе, этот способ лечения так и называли «*taivhal*

Рис. 4. Евгений Фотеев исполняет танец медведя во время выступления вепсского хора на открытии новой экспозиции Шелтозерского вепсского этнографического музея в декабре 2014 г. Фото И.Ю. Винокуровой

voita kibedad) (букв. «небом намазать болячки»)¹⁶, в его основе лежал принцип: подобное следует лечить подобным (т. е. «небом» лечить нёбо). Как выяснилось, в славянской мифологии небо представлялось в виде купола, который, как полагали славяне, состоял из жидкой массы – «хляби небесной», заключенной твердую оболочку, ниже располагался воздушный слой¹⁷.

Итоги изучения вепсской мифологии имеют не только научный, но и широкий практический потенциал. Об этом свидетельствуют национальные проекты последних лет.

В 2006 г., используя результаты исследований по мифологии, коллектив ансамбля песни и танца Карелии «Кантеле» подготовил театрализованную программу «*Vepsänman noiduz*» («Вепские фантазии»). В нее вошли многие реконструированные по крупицам вепсские ритуалы с образами животных, например, самобытный вепсский обряд сжигания кострички «*Re-voi, revoi, rüngule*», который пока не удалось встретить ни у одного другого народа. Гадания на животных были включены в сценарий видеофильма «Вепская свадьба», подготовленный «Союзом вепсской молодежи Каре-

лии». Наконец, в 2008 г. на основе монографии «Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции)» (2006) сотрудниками телерадиокомпании «Карелия» (В. Славовым и Л. Смолиной) был создан учебный фильм на вепском языке «Živatad vepsläižiden elos». На различных культурных мероприятиях состоялось несколько презентаций этого фильма. Он служит хорошим дополнением к лекциям о вепсах, которые читают студентам во многих городах России.

В вепских деревнях успешно проводятся фольклорные праздники, организаторы которых в качестве символа вепской национальной культуры и соответственно праздника уже не раз выбирают петуха. Думается, что эту тему можно продолжить. Образы других почитаемых животных у вепсов, например, медведя, водоплавающей птицы, лошади также могут стать центральными и при подготовке дальнейших театрализованных представлений, школьных праздников.

Данные по вепской мифологии использовались при создании новой, открывшейся в конце 2014 г. экспозиции Шелтозерского вепского этнографического музея, в песенном репертуаре Вепского хора (рис. 4).

Примечания:

- 1 Мифы народов мира / Гл. редактор С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. 671 с.; 1982. Т. 2. 718 с.
- 2 *Напольских В. В.* Предисловие // Мифология коми / Рук. авт. кол-ва Н.Д. Конаков. Науч. ред. В.В. Напольских. М.: Изд-во ДИК, 1999. С. 4.
- 3 *Винокурова И. Ю.* Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.: цв. ил.
- 4 Мифология коми / Рук. авт. кол-ва Н. Д. Конаков. Науч. ред. В. В. Напольских. М.: Изд-во ДИК, 1999; Мифология хантов / Рук. авт. кол-ва. В. М. Кулемзин. Томск: Изд-во Томского университета. 2000. (Энциклопедия уральских мифологий, Т. 3); Мифология манси / Гл. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001; Мифология селькупов / Рук. авт. кол-ва Н. А. Тучкова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004 (Энциклопедия уральских мифологий. Т. 4). 382 с.; Мифология мордвы: энциклопедия. Изд. 2-е, испр. и доп. Саранск: Красный Октябрь, 2006. 332 с.; *Тойдыбекова Л. С.* Марийская мифология: Этнографический справочник. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. 312 с.
- 5 *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепского языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1972. 745 с.
- 6 *Березкин Ю. Е.* О мифологии // ЭО. 2017. № 4. С. 6.
- 7 *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: АН СССР, 1959. С. 117.

- 8 Penttikäinen Ю. Жизненный цикл и годичный ритм природы в финском фольклоре // Традиционная духовная культура народов Европейского Севера: ритуал и символ: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. Сыктывкар: СГУ, 1990. С. 44.
- 9 Там же.
- 10 Häkkinen K. Mistä sanat tulevat. Suomalaista etymologiaa. Helsinki, 1990. S. 185.
- 11 SKS. – Perttola, № 138.
- 12 Ibid. № 139.
- 13 Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994. С. 38.
- 14 Kettunen L. Tähelepanekuid vepslaste mutologiast // Eesti Kirjandus. 1925, № 9. Lk. 371–372.
- 15 Топоров В. Н. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник: Сб. науч. тр. / Отв.ред.: Топоров В. Н. М.: Наука, 1972. С. 306.
- 16 Rainio J. Vanhaa äänisvepsäläistä lääkintätietoa // Kalevalaseuran vuosikirja. № 53. Porvoo; Helsinki, 1973. S. 309.
- 17 Сказания древних славян / Сост., пред., прим. З. М. Гуревича, Н. Л. Шестопаловой. М.: Респекс, 1998. С. 105.

УДК 398.3

СВЯЩЕННЫЙ ИВАНОВ КАМЕНЬ В Д. МЕГУЗИЦЫ В СЕТОМАА: ДОПОЛНЕНИЯ К МАТЕРИАЛАМ Ю. ТРУСМАНА И Л. ЗУРОВА

Хейки Валк

Тартуский университет, Институт истории и археологии, PhD, заведующий Археологического кабинета

heiki.valk@ut.ee

Аннотация. На русском языке первый краткий обзор празднования Иванова дня в д. Мегузицы (эст. Meeksi; сето Miikse), основанный на данных 1885 г., был опубликован Юрием Трусманом¹. Подробные данные об этом содержатся в записях Леонида Зурова 1937 и 1938 гг.² Настоящий обзор дополняет эти материалы, включая анализ динамики разных элементов обрядности. В настоящее время почитаемый Иванов камень возле которого уже с давних времен известно празднование Иванова дня (24.VI / 07.VII), находится на территории Эстонии около границы с Россией в историческом ареале Сетомаа (рис. 1). Этот регион³, входивший до 1920 г. в состав Псковской губ., населен двумя этносами – сето и русскими; и в настоящее время по нему проходит государственная граница.

Ключевые слова: священный камень, ручей, лечение, жертвование, сето, Иванов день, народное православие

UDK 398.3

SACRED ST. JOHN'S STONE IN THE VILLAGE OF MIKSE IN SETOMAA: ADDITIONS TO THE MATERIALS OF J. TRUUSMANN AND L. ZUROV

Heiki Valk

University of Tartu, Institute of History and Archeology, PhD in History, Head of the Centre for Archaeological Research and Infrastructure

heiki.valk@ut.ee

Рис. 1. Расположение Иванова камня на границе б. Псковской и Лифляндской губ.

Abstract. The first brief description of the Saint John Day's celebration in the village Meguzitsi (Estonian Meeksi, Seto Miiakse) based on the data of 1885 was published by Yuri Trusman. The detailed information about it is in the notes of Leonid Zurov of 1937–1938. The current survey supplements these materials including the analysis of dynamics of various ceremonial elements. Today the worshipped Ivanov stone near which the celebration of the Saint John Day (June 24 / July 7 in the Gregorian Calendar) was celebrated from times immemorial is situated in the territory of Estonia close to the border with Russia in the historical area of Setomaa (fig.1) This region which formed part of the Pskov Governorate until 1920 is populated by two ethnic groups Seto and Russians and currently the state border passes across it.

Key words: sacred stone, stream, healing, offering, Seto, St John's Day, popular Orthodox Christianity

История и исследование

Иванов камень впервые упоминается под названием «Теплый камень на кургане при ручья»⁴ как пограничный знак в 1561 г. в письме Ивана Грозного Псково-Печерскому В 1859 г. Иванов день в д. Мегузицы в Сетомаа (эст. Meeksi ; seto Miiakse, нем. Meecks) посетили члены Эстонского учено-

го общества (Gelehrte Estnische Gesellschaft). Материалы этой экспедиции легли в основу первой публикации на тему почитания камня в журнале/газете «Das Inland»⁵. Причиной посещения этого камня может быть то обстоятельство, что Ф. Р. Крейцвальд, автор эстонского национального эпоса «Калевипоэг», много лет работавший уездным врачом у. Выру, соседнего с Псковской губ., был активным членом общества. О камне в д. Мийксе он знал уже в 1849 г.⁶

Именно публикация в «Das Inland» могла послужить причиной, почему в 1860-е гг. Иванов день в д. Мийксе⁷ посетил известный языковед Ф.Й. Видеманн в период сбора материала для эстонско-немецкого словаря и грамматики эстонского языка⁸. Его краткие впечатления об увиденном опубликованы в фольклорно-этнографическом обзоре, посвященном эстонцам⁹. Но в Фольклорном архиве Эстонии в коллекции Якоба Хурта¹⁰ от него имеется и более подробное рукописное описание посещения праздника Иванова дня¹¹.

Вероятно, независимо от публикации Трусмана (1890) краткие сведения о событиях у камня в Иванов день поступили в фольклорные собрания Я. Хурта в кон. XIX – нач. XX в. Об Ивановом камне неоднократно писал эстонский собиратель фольклора Я. Сандра, который жил недалеко от границы с Псковской губ. (в 5 км от д. Мийксе по прямой). Краткие сообщения о почитании камня поступали в Фольклорный архив Эстонии и в 1920–1940 гг.; с 1939 г. к ним добавились и фотографии. С 1950-х по 1980-е гг. о празднования Иванова дня имеются лишь отрывочные сведения. Важный источник изучения этого явления – запись 1972 г., сделанная фольклористкой К. Салве (Эстонский литературный музей) в дневнике полевых работ¹².

Интерес автора к Иванову камню возник в результате ознакомления с фольклорными собраниями. Это и послужило причиной посещения праздника Иванова дня в 1993, 1996 и 1997 гг.¹³. Вопросник экспедиций Тартуского университета по собиранию народных верований сето в 1994–1996 гг. содержал и вопросы, касающиеся Иванова камня. Автор статьи многократно приезжал на этот праздник в д. Мийксе и позже – как в качестве участника, так и наблюдателя.

Изучение тематики почитания Иванова камня в XX в., кроме публикации материалов Л. Ф. Зурова¹⁴ в научной литературе ограничено краткими заметками. С нач. XXI в. вышли статьи К. М. Плоткина и автора настоящей статьи соответственно на русском и английском языках¹⁵. В них камень рассмотрен вместе с камнем св. Анны, расположенным вблизи д. Пельси и почитаемым сходным образом¹⁶. Комментарии к материалам Зурова представлены в новом коллективном издании, посвященном экспедициям Музея человека¹⁷.

Исторический контекст и исторические данные

Иванов камень находится в непосредственной близости от исторической границы Лифляндской и Псковской губ. у ручья Мийксе (рис. 2). По этому же ручью в Средние века проходила граница Псковского княжества и Ливонии, а в кон. XVI и в XVII в. граница Московского княжества с Польшей (до 1625 г.) и Швецией (до 1710–1721 гг.). В настоящее время камень находится на территории Эстонской Республики, в 2,5 км от границы с Российской Федерацией. По прямой линии на расстоянии в 20 км от г. Печоры (Псковская обл.) и 25 км от г. Выру (Эстония).

Сетоская д. Мийксе расположена в границах б. Псковской губ., однако камень находится на территории Лифляндии, на западном берегу ручья. Хотя д. Мийксе является в настоящее время малоизвестной приграничной деревней, но в древние времена через неё проходила историческая дорога из Пскова и Изборска в Тарту¹⁸, которая, судя по археологическим данным, существовала еще до прибытия крестоносцев¹⁹. Камень расположен у этой дороги; в 1341 г. рядом с ней в поле у деревни состоялась битва лифляндских и псковских войск²⁰. Культурный слой средневековой деревни начинается приблизительно в 100 м от камня.

Вероятно, Иванов камень упоминается уже в письменных источниках XVII в. под названием «*Poha kivi* («Священный камень») ок. Нейгаузена» (ныне Вастселийна). Этот камень, на котором, по преданиям, отдыхала Дева Мария по пути из Нейгаузена в Печоры, упомянут как место большого идолопоклонства²¹. Название *Pühä kivi* встречается и в сетоской традиции XX в. Другого камня под таким названием в приходе Вастселийна нет.

«Теплый камень», упомянутый в 1561 г., – не единственный с таким названием в округе Вастселийна. Другой Теплый камень был расположен у дороги из Нейгаузена в Печоры у современной д. Плесси на расстоянии ок. 3 км от д. Мийксе также на исторической границе. О том, что разные источники упоминают разные камни, свидетельствует план 1674 г., где у дороги из Нейгаузена в Печоры указано место камня, названного *Warmer Stein*²² («Теплый камень»). О пограничном знаке с названием «Теплый камень» – о камне круглой формы и маленьких размеров, находящимся рядом с пограничным постом по пути из Нейгаузена в Печоры, пишет в 1664 г. и член голландского посольства Н. Витсен²³. О том, что в 1561 г. упомянутый Теплый камень – именно тот, который находится у д. Мийксе, свидетельствует его расположение у ручья; у подножья средневекового кургана; вблизи места другого Теплового камня, таких признаков нет. Вероятно, камень в XVI в. находился на склоне горки, откуда он мог сползти как в результате воздействия ручья, текущего у его подножья, так и в результате человеческого вмешательства.

В 1673 г. бранденбургский посол Й. А. фон Бранд сообщает о том, что в полночь накануне Иванова дня народ собирается около Нейгаузена на гра-

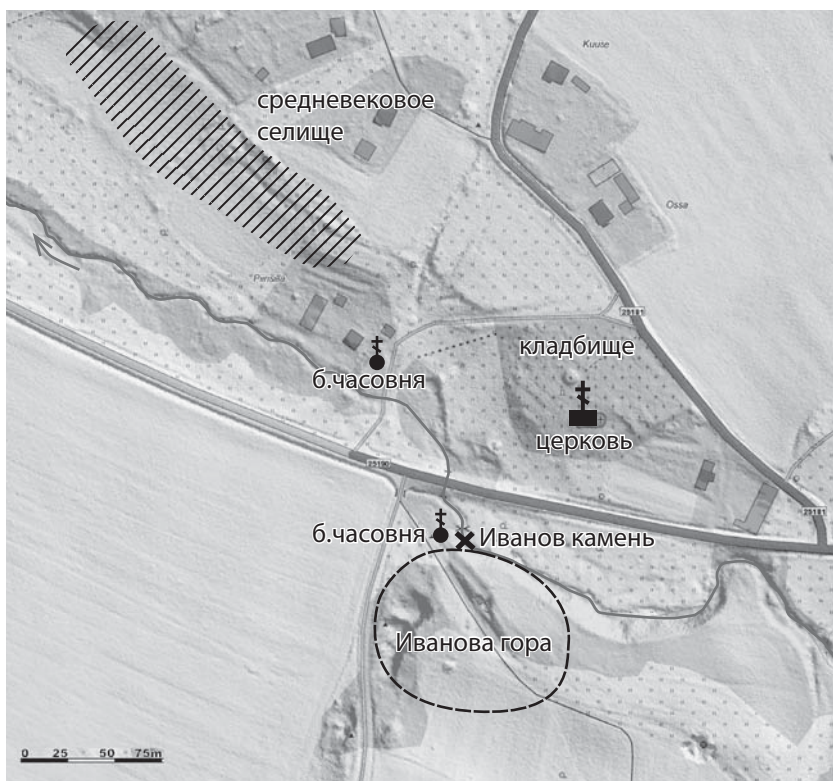

Рис. 2. Расположение Иванова камня в д. Межузицы (совр. Муйксе)

нице с Россией у Теплого камня (*Warmer Stein*), на котором со странными шептаниями складывают вылепленные из воска формы рук, ног и головы, а также овец и баранов²⁴. Скорее всего это сообщение касается именно Иванова камня, а не второго Теплого камня в д. Плесси. Трудно предположить, что два камня с одиноковыми названиями, расположенные друг от друга на расстоянии не более 3 км, одновременно могли быть связаны с празднованием Иванова дня.

Иванов камень – внешний вид и его изменения

В настоящее время Иванов камень лежит непосредственно у подножья небольшой горки с названием *Jaanimägi* (Иванова гора), на которой находится средневековое кладбище. Так как камень большей частью покрыт землей и дерном (рис. 3), его точные размеры трудно определить. Видимая высота камня ок. 70–80 см., поверхность непокрытой части неровная,

Рис. 3. Иванов камень и Иванов ручей. Фото Х. Валка. 2017 г.

со следами разрушения, глубокой трещиной. В ручье у камня лежат его обломки.

Внешний вид, как и расположение камня, в течение времен изменялись. В 1860-е гг. размеры камня фиксировались ок. 3×2×1 фут²⁵ или 3×2,5×1 фут²⁶. Согласно описанию Трусмана²⁷, камень был расколот на несколько фрагментов. Длина самого большого осколка составила ок. 2,5 фута, ширина несколько меньше. Кроме того, рядом лежали еще 2 маленьких обломка и 3–4 осколка торчали из земли. По воспоминаниям старожилов того времени, камень неоднократно разрушался; на их памяти он имел сажень (ок. 2,1 м) в диаметре и аршин (ок. 70 см) в высоту. Хотя в настоящее время камень расположен непосредственно на берегу ручья (то же зафиксировано и на фотографиях 1930-х гг.), но, по описанию Ф. Й. Видеманна²⁸, камень лежал на расстоянии около 20 шагов от ручья: очевидно русло с течением времени изменилось.

Среди местных сето широко распространена легенда о разрушении камня, замуровывании его обломков в стену хлева усадьбы Мийксе (на лифляндской стороне ручья на расстоянии 400 м от камня) и возвращении их после падежа скота, которое связали с использованием обломков при строительстве. Подобные предания зафиксированы как Ю. Трусманом²⁹, так и Л. Ф. Зуровым³⁰. Стены каменного хлева сохранились и стояли еще в 1997 г. под крышей (рис. 4). В 1990-е гг. местные жители указали место в стенах, где были замурованы обломки почитаемого камня. Легенду об этом рассказывают у камня и в настоящее время, хотя носителей традиции становится все меньше.

Согласно полевым материалам Зурова³¹, камень был взорван «примерно 60 лет назад» (т. е. приблизительно во время экспедиций Трусмана), хотя и в 1885 г. говорили о разрушении камня в прошлом. Так как в памяти старожилов сохранились воспоминания о его первоначальной форме, разрушение камня должно было датироваться перв. пол. XIX в., на что указывает и сообщение 1849 г. о том, что осколки камня три раза были замурованы в стены разных построек, однако каждый раз на следующую ночь они сами возвращалась на старое место³². Более подробное указание на время чуда дает фольклорное сообщение, по которому камень велел разрушить злой помещик Вийдо Липарт (*Viido Lipart*) из усадьбы Вастселийна (Нейгаузен)³³. Вийдо – народный дериват от имени Гуйдо. Помещик Гуйдо фон Липхарт (1801–1842), близкий друг Фр. Р. Крейцвальда, интересовался историей и изучением памятников старины³⁴.

Относительно внешнего вида Иванова камня следует обратить внимание на то обстоятельство, что ситуация кон. 1930-х гг. значительно отличается от современной. На старых фотографиях камень выше уровня земли, чем сейчас (рис. 5, 6). В настоящее время большая часть поверхно-

*Рис. 4. Каменных хлев, в стены которого были замурованы осколки Иванова камня.
Фото Х. Валка. 1996 г.*

сти камня покрыта дерном, а в кон. 1930-х гг. на самом камне могли сидеть 5–6 чел³⁵. Маловероятно, что подобные изменения могли произойти без участия людей.

Архивные источники свидетельствуют о том, что в 1959–1963 гг. в рамках государственной атеистической политики особое внимание уделяли борьбе с паломничеством в священные места. Так как Иванов камень относился к наиболее известным местам православного паломничества в Эстонии, то крестные ходы и церковные службы возле него были запрещены епископом православной церкви в Эстонии в 1959 г. по поручению представителя Совета Русской православной церкви³⁶. Согласно этим источникам в 1963 г. священника Й. Кулдмаа обвинили в противодействии советской власти, т. к. он не исполнял приказ о ликвидации Иванова камня. По этой причине в сентябре–октябре он был отозван эстонским епископом. По архивным материалам, камень был тогда закопан в землю, после чего в ноябре священник был возвращен на свою должность. Хотя устных преданий о закапывании камня пока зафиксировать не удалось, хочется верить, что земельные работы у камня в это время действительно производились. Кажется, однако, что после восстановления священника, часть грунта с камня снова удалили.

Рис. 5. Иванов камень и Иванов ручей. Фото Вильяма Кирсса. 1939 г. ERA mf 01073

Рис. 6. Современный вид Иванова камня и Иванова ручья. Фото Х. Валка. 2017 г.

Участники Иванова дня: количество и происхождение

Зуров оценивает количество участников праздника у Иванова камня в 1938 г. в разных материалах по-разному – от 2000 до «больше 3000 людей»³⁷. В нач. XX в., до закрытия границы Эстонии с Россией, на праздник «скапливались большими тысячами»³⁸ или ок. 5000 чел.³⁹ В 1926 и в 1928 гг., после закрытия границы, насчитывалось лишь более 1000 участников⁴⁰. Сейчас в праздновании Иванова дня обычно участвует 300–400 чел., а если праздник совпадает с выходными днями, то 600–700 чел. Количество участников зависит и от погоды.

Значительно изменился ареал проживания участников. До революции упоминаются паломники из Псковской, Новгородской и Витебской губ.; окрестностей Острова, из Латвии, Эстонии (г. Юрьев – ныне Тарту), Подмосковья, Киева. В данных за 1904 г. упоминался русский крестьянин, который прошел 500 верст пешком из Подмосковья⁴¹. Как в кон. 1930-х гг., так и в 1972 г. в празднике участвовало много русских. В 1982 г. упомянуто присутствие на празднике паломников из Ленинграда⁴². В 1993 г., когда граница еще не была закрыта, к камню за помощью приезжала семья с Украины.

В отличие от прошлого, когда празднование Иванова дня в д. Мийксе привлекало большое количество участников из разных частей Сетомая, в настоящее время это в первую очередь событие местного значения, собирающее прихожан церкви д. Мийксе, проживающих в разных деревнях, а также прежних жителей этих деревень, приезжающих из разных мест Эстонии. По традиции, кроме сето, на празднике присутствует и местное русское население. Если в прошлом основной причиной присутствия на празднике во многих случаях служил священный камень, в настоящее время первичным является участие в празднике в целом. Видимо, во многих случаях главную роль играет желание встретиться с родственниками. Особенно важно посещение кладбища и поминание умерших после окончания церковной службы. Среди людей среднего и молодого возраста многие в богослужении вообще не участвуют, хотя в церкви можно видеть людей разных поколений. Несмотря на то, что камень и празднование Иванова дня кратко упоминаются в туристических изданиях, и праздник иногда посещают иностранные туристы, Иванов день не стал для них туристическо-коммерческим событием.

Обряды у Иванова камня

На основе фольклорных данных можно выделить три разные причины посещения Иванова камня в Иванов день: 1) прошение о благополучии скота и хозяйства; 2) лечение; 3) завет. Все они были связаны с жертвоприношениями.

Подробное описание событий у камня в 1937 и в 1938 гг. дает основание для сравнения динамики ритуалов в более длительной временной перспективе. Описание Видеманна 1860-х гг. в общих чертах соответствует наблюдениям Зурова 1937–1938 гг.⁴³, но дополняет его некоторыми деталями. Согласно Видеманну, ритуальные действия у камня начинались с восходом солнца, в чем легко узнать связь праздника с летним солнцестоянием. Видеманн упоминает огромное количество свечей – камень ими буквально покрыт. Об этом Трусман и Зуров уже не пишут. В описании Видеманна в ритуалах центральное место занимает акт жертвоприношения женщинами камню и нищим.

Обрядность у камня в настоящее время намного отличается от описанного Зуровым. Исчезнувшими обрядами являются сжигание свечей на камне, хотя редко на камне можно найти лежащую незажженную церковную свечу. Обряд лечения осколками камня, упомянутый как Видеманом и Зуровым, так и в 1940-е гг., полностью исчез, так же, как и проливание через них воды и обряд обмазывания камня маслом или творогом. Ушел из бытования и обычай брать «камушек» с собой. Последние единичные сведения о лечении осколками камня приходится на 1972 г., а о прижигании обнаженной нижней части спины к камню относятся к 1993 г.⁴⁴ Важнейшим действием у камня и сейчас является лечение посредством контактной магии и жертвоприношений. Основным условием излечения по-прежнему остается вера в целительную силу камня.

Изменения касались и состава даров-пожертвований (см. таблицу). До конца 1940-х гг. среди них центральное место занимали продукты крестьянского хозяйства: творог, сыр, масло и т. п., а также шерсть, предметы одежды и ткани, изготовление которых, как и одежды, дожило в Сетомаа до сер. 1940-х гг.

Жертвоприношения на Иванов камень

	Продукты	Предметы	Свечи	Деньги
Видеманн 1860-е гг.	масло, сыр, Käsemilch (молочная сыворотка), Käsebuter (сырное масло)	ткани, одежда, чулки, пояса	Свечи (много)	
Трусман 1885 г.	масло, творог, хлеб, лепешки, яйца	хлеб, ткани, лапти	свечи (от каждого)	
Сандра и др. 1895– 1904 гг.	масло, творог, сметана	ткани, одежда, шерсть	свечи	монеты (немного)

Зуров 1937–1938 гг.	масло, творог, мо- локо, сметана	шерсть, рубашки, поршни, одежда, ткани, красные нитки	свечи	монеты
1993–2018 гг.	сыр, яйцо, конфеты (все реже)	шерстяные носки, чул- ки, платки, пучки шер- сти (все реже)	свечи (редко)	монеты (мно- го)

Денег до конца 1940-х гг. жертвовали мало. В рамках Иванова дня обряд впервые упоминается в 1928 г.: «некоторые пожертвовали деньги, 10 копеек или больше»⁴⁵. Хотя уже в 1897 г. среди предметов, которые можно было найти на камне в будние дни, упоминаются некоторые монеты⁴⁶.

Динамику изменений с 1950-х до конца 1980-х гг. трудно проследить из-за недостаточной документации: интерес к сетоской культуре в то время был ограничен песенной традицией, подробных описаний Иванова дня найти не удалось. Краткие данные известны только с 1972 г.

К настоящему времени обряд приношения на камень продуктов почти полностью исчез: иногда среди монет лежит конфетка и изредка кусок домашнего сыра. Очевидно, исчезновение традиционных даров связано с коллективизацией, проводившейся в Эстонской ССР с 1949 г., и прекращением существования крестьянских хозяйств как экономических единиц. Сейчас жертвованиями служат в основном мелкие монеты (рис. 7), иногда и банкноты. Наличие и количество последних зависит от года – если кто-то

Рис. 7. Пожертвования на Ивановом камне. Фото Х. Валка. 2011 г.

первую положил, прибавляются и другие. Иногда на камень по традиции несут и предметы одежды – пару носков, чулок, носовой или головной платок. Вероятно, эти дары, как и раньше, связаны с лечением соответствующих частей тела.

Трусман и Зуров упоминают камень только в контексте Иванова дня, когда они посещали праздник. Кроме этого праздника, хозяйки жертвовали на камень шерсть и в день св. Анны (*Annõpäiv* 26.VII / 08.VIII). То же раздавалось и нищим⁴⁷. Однако для местных камень имел значение и в будние дни. Повседневные пожертвования мяса, молока, шерсти и монеток упоминаются уже в 1897 г.⁴⁸ Традиция пожертвования вещей продолжалась до последних десятилетий. В 1987 г. (до появления «неоязычества») около камня были повязаны вышитые полотенца⁴⁹. В октябре этого же года на камне лежал пучок белой шерсти. В 2007 г. на ветке растущего у камня куста был привязан истлевший кусок ткани.

Иванов ручей

Так как камень расположен непосредственно на берегу ручья, важное место в ритуалах Иванова дня принадлежит и воде. Вода считается лечебной либо только в Иванов день, либо в течение двух последующих дней. Как в материалах XIX – нач. XX в., так и в отчетах Зурова упоминается купание в Ивановом ручье с целью выздоровления. После купания надевали новую одежду, а старую отдавали нищим. Следует заметить, что как Видеманном (1860-е гг.)⁵⁰, так и в устных сведениях 1928 г. упоминается, что мужчины и женщины купались вместе, без стеснения – *«нет разницы, кто мужчина, кто женщина»*⁵¹. В 1938 г. Зуров⁵² уже пишет о «стеснении» голого тела, возможно, как результате культурных изменений 1930-х гг. в Сетомаа. Хотя в настоящее время считают, что ручей обладает лечебной силой от камня до места впадения в р. Пимжу, но судя по фотографиям 1930-х гг., люди мылись также и выше по течению от камня.⁵³

Купание в ручье в Иванов день последний раз упоминалось в 1972 г.; в настоящее время традиция утрачена. Обряд лечения водой сейчас ограничивается мытьем глаз или лица, мытьем больных ног случается редко. Деньги бросают в ручей и в наши дни – после окончания церковной службы дно ручья блестит от монеток малой ценности, обычно до 20 евроцентов (рис. 8). Хотя это делают люди разного возраста, но в основном бросают монетки дети. Много монет бросают с мостика через ручей. Воду берут с собой редко.

Пожертвования и нищие

Одними из центральных персонажей в событиях Иванова дня в д. Мийксе до 1940-х гг. были нищие. В нач. XX в. они собирались как из Сетомаа (Псковской губ.), так и из Лифляндии, их многочисленное присутствие у

Рис. 8. Монетки в Ивановом ручье. Фото Х. Валка. 2005 г.

камня фиксировалось и в 1930-е гг. По оценке 1928 г., они составляли более 1/10 участников праздника, т. е. более ста⁵⁴. К этому же времени относятся упоминания о том, что никто не может уйти без оказания помощи нищим.

Пожертвования на камень – продукты, шерсть, ткань и одежду – собирали нищие. Как Трусманом⁵⁵, так и в 1938 г. Зуровым отмечается, что дары должны были обязательно коснуться камня. Имелся и второй способ раздачи нищим масла и творога – женщины отмеряли каждому по три ложки. Так было и в 1885 г., и в 1930-е гг. Драки между нищими за дары занимали и в описании Видеманна, и в заметках нач. XX в. существенное место. Последние данные об участии в празднике нищих относятся к 1972 г. Еще в это время дары (деньги и шерсть) на короткое время оставляли на камне, откуда их собирали нищие. По воспоминаниям того времени еще недавно нищие дрались между собой. В нач. 1990-х гг. нищие к Иванову камню уже не приходили за жертвованиями.

Угасание традиции оказало влияние на судьбу даров. Если в прошлом дары, положенные на камень, собирались нищими, то в 1993 г. уже объясняли, что жертвования сами исчезнут, хотя никто из местных их не тронет⁵⁶. К настоящему времени ситуация изменилась. Уже в сер. 1990-х гг. монеты с камня и из ручья собирали дети, чтобы покупать сласти в автолавках, приезжавших специально на праздник. В настоящее время монетки, которые дети не успели собрать, передаются в церковь.

Различие обрядовых напластований в почитании

Время, когда началось почитание камня, определить сложно, но можно предположить, что это связано с началом заселения местности вокруг Мийксе. Древнейшими археологическими памятниками у деревни были курганы – судя по их размерам, втор. пол. I тыс. н. э.⁵⁷ – расположенные в 700 м к востоку от камня. Культурный слой поселения пока не изучен. Судя по случайным находкам керамики, уже в XIII–XIV вв. на этом месте существовало поселение.

О долгом сохранении дохристианского пласта в сакральном комплексе, связанном с Ивановым камнем, свидетельствуют данные о почитаемых деревьях. В 1885 г. около камня стояли старые лиственные деревья, по предположению Трусмана, остатки священной рощи⁵⁸. До 1930-х гг. роща не сохранилась. Зуров пишет, что она была когда-то «поваленная бурей»⁵⁹. В народной памяти по 1990-е гг. сохранились воспоминания о почитаемом дубе с названием *Jaanimäe tamm* («дуб Ивановой горы»), который имел лечебную силу. Возможно, именно это дерево было тем, под которым, согласно народному преданию, когда-то отдыхал Иван-Креститель.⁶⁰

Об архаичном восприятии почитаемого места свидетельствуют топонимы *Kohupiimakivi* («Творожный камень») и *Püha kivi* («Священный/Свя-

той камень»), встречавшиеся до сер. XX в. Расположенная рядом с камнем горка с древним кладбищем на ней также имела разные названия – кроме *Jaanimägi* («Ивановая гора») еще *Pühämägi* и *Pühäkivimägi* («Святая гора», «Гора священного камня»). Различные сочетания со словом *pühä* типичны для почитаемых и жертвенных мест природного характера в Южной Эстонии. Также и сам праздник имел в прошлом разные наименования: кроме Иванова дня (*Jaanipäiv*) его еще называли «Праздник камня» (*kivi pühä*) или «День пожертвования» (*ohvri päiv*)⁶¹. Следует особо отметить, что молоко для масла и творога, приносимых на камень, доилось особым способом: в течение трех недель по четвергам, причем стоя на коленях⁶². Упоминание четверга как сакрального времени в эстонских верованиях восходит к древнескандинавскому календарю и, несомненно, связано с дохристианским пластом верований. Жертвование пищевых продуктов также имеет дохристианское происхождение.

Жертвование воска и восковых фигурок как проявление католической традиции упоминалось еще в источниках XVII в. Этот обряд является составной частью народного католичества в Эстонии⁶³.

С 1860-х гг. сохранились сведения о часовне около камня, с 1885 г. – о часовне на другой стороне ручья, напротив камня. Вторая часовня стояла у дороги из деревни к камню. В часовнях хранились осколки Иванова камня, и в Иванов день там также происходило лечение ими⁶⁴. В кон. XIX в. православных святынь в д. Мийксе было даже три: существовал и «молитвенный дом», который в 1939 г. назывался «церковь»⁶⁵. В 1928 г. монахом Псково-Печерского монастыря отцом Дорофеем была построена новая часовня непосредственно рядом с камнем; к 1930-м гг. часовни напротив камня уже не было. В 1952. г. в д. Мийксе выстроили новую церковь. В связи с этим часовни были снесены по поручению властей. Местные жители деревни от разрушения святынь отказались⁶⁶.

С сер. XIX в. по 1940-е гг. в описаниях Иванова дня упоминается присутствие священников, которым народ жертвовал множество продуктов. Согласно данным 1946 г., продукты животноводства освящали в часовне. Следует особо отметить, что жертвы за излечение не освящались⁶⁷. Очевидно, присутствие духовенства прекратилось в связи с запретами властей с кон. 1950 – нач. 1960-х гг. С 1990-х гг. до недавнего времени данных об участии священников в ритуалах, связанных с камнем и ручьем, нет. Крестный ход к камню после обхода вокруг церкви впервые состоялся в 2017 г. при участии митрополита Эстонской апостольской православной церкви Стефана (рис. 9). Тогда же освятили и ручей, но к камню на противоположном берегу ручья через мостик не приближались.

В послевоенное время в связи с постройкой новой церкви в сакральном комплексе в д. Мийксе возник новый важный локус – кладбище

Рис. 9. Крестный ход к Иванову ручью. Фото Х. Валка. 2017 г.

Рис. 10. Поминаение на кладбище в д. Мийксе. Фото Х. Валка. 2014 г.

рядом с церковью. Поминовение усопших на новом кладбище у церкви по завершении церковной службы (рис. 10) для местных жителей и приезжающих родственников в настоящее время является важнейшей частью обряда.

Новейшее развитие традиции

В последние десятилетия в традиции произошли определенные трансформации. Костер накануне Иванова дня, который еще в начале 1990-х гг. жгли на горе рядом с камнем, переместился на новое место – специальную площадку в деревне. Можно наблюдать изменения в обрядности, связанной с камнем и ручьем. Если в 1972 г. к камню ходили главным образом по окончании церковной службы, то в начале 1990-х гг. это стало происходить во время богослужения⁶⁸. Сейчас камень посещают как во время церковной службы, так и по ее окончании, одновременно с поминовением умерших на кладбище.

Количество участников в лечении у камня сокращается вместе с уходом старшего поколения. Если в 1990-х гг. у камня стояла очередь (лечились преимущественно по одному, хотя одновременно могли быть и 3–4 женщины), то сейчас камень большую часть церковной службы «не занят». Женщин с покрытой головой, носителей старых традиций, которых еще в 1990-е гг. было много, с каждым годом становится все меньше, а стариков в костюмах и со шляпой на голове почти уже нет. Лечение и жертвование монет на камень, однако, продолжается, так же, как бросание монет в ручей. То же касается поминовения умерших на кладбище с принятием пищи. Несмотря на уменьшение числа жителей в окрестных деревнях, тенденции сокращения количества участников не наблюдается. Наличие собственного транспорта дает возможность приезжать на праздник и издалека.

Заключение

Иванов день в д. Мийксе, связанный с почитанием священного камня и лечением водой священного ручья, следует рассматривать как соединение разных – местных дохристианских и православных – традиций. Древнее празднование летнего солнцестояния в сакральном локусе у чудотворного камня в течение времен смешалось с традициями православного паломничества. Также переплелись вера в магическую силу священного камня с христианскими верованиями, согласно которым чудотворными свойствами обладает не камень, а духовные силы, связанные с христианским миропониманием. Сведения об обрядности Иванова камня, собранные на протяжении более 150 лет, свидетельствуют о значительных изменениях в традиции почитания. Вместе с тем в наши дни фиксируется преемственность некоторых обрядовых форм и их смыслов.

Примечания:

- 1 Трусман Ю. Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 40–42.
- 2 Zouff L. Dyrkan av stenar, källor och träd bland setokeser och ryssar i Petseri-området // Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea. 1940, № 4. S. 62–76; Зуров Л. О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда. О почитании камней, источников и деревьев. Результаты этнографической работы, выполненной для парижского музея Человека // Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938) / Науч. ред.: Т. Бенфугаль, Х. Валк, О. Фишман. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2019. (в печати).
- 3 Валк Х. Сетомаа – земля, народ и культура на историческом пограничье // Экспедиции музея человека... (в печати); Setomaa 2. Vanem ajalugu muinasajast kuni 1920. aastani / Koostanud ja toimetanud H. Valk, A. Lillak, A. Selart. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2009.
- 4 Автор использует в статье современное название деревни Miikse –Мийксе (южн. эст. диалект).
- 5 Все указанные в статье фольклорные материалы хранятся в Эстонском фольклорном архиве Эстонского литературного музея в Тарту (ERA). Затекустовые ссылки приведены в соответствии с правилами, принятыми в этом архиве. См.: Список сокращений в конце настоящего сборника.
- 6 Трусман Ю. Указ. соч. С. 40.
- 7 Hartmann E. Neuhausen und die Pleskauschen Esten // Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Est- und Kurlands. Geschichte: Geographie, Statistik und Literatur. 1860. № 34. S. 625–630.
- 8 Fr. R. Kreuzwaldi kirjavahetus, I. Kirjad Fr. R. Faehlmannile. D. H. Jürgensonile ja teistele 1833–1866 / Toim. E. Ertis, R. Pöldmäe ja A. Vinkel. Tallinn: Eesti Raamat, 1976. Lk. 461.
- 9 Wiedemann F. J.: 1) Ehstnisch-deutsches Wörterbuch. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften., 1869; 2) Grammatik der ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte. St.-Petersbourg: MM. Eggers et Cie, H. Schmitzdorff, 1875.
- 10 Wiedemann F. J. Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. St. Petersburg: Commissionäre der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften 1876. S. 415–416.
- 11 H, Wiedemann 1, 45/51. – Фонд Ф. Й. Видеманна в коллекции Я. Хурта.
- 12 RKM 290, 618/21 (1972).
- 13 Valk H. Mälestusi Meeksi Jaanipäevast // Mäetagused, 9. Hüperajakiri. Tartu, 1999. Lk. 146–174; URL: <http://www.folklore.ee/tagused/nr9/setu.htm>
- 14 Zouff L. Op. cit.
- 15 Плоткин К.М.: 1) Ареал сету: жертвоприношения и граница // Финно-угры и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцовом регионе: Сб. ст. / Отв. ред. О. М. Фишман. – СПб.: Арт-Люкс, 2002. С. 197–209; 2) Ареал сету: жертвоприношение и граница // Вопросы этнической истории народов России: Межвуз.

- сб. / Под ред. А.В.Гадло. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 105–114; *Valk H.* Pre-Christian and Christian: Rites at two holy stones in Setomaa, south-eastern Estonia // *Folk Beliefs and Practice in Medieval Lives* / Ed. by A.-B. Falk, D.M. Kyritz. (BAR International Series, 1757). Oxford: John and Erica Hedges Ltd. Archaeopress, 2008. Pp. 67–78.
- 16 См. также: *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках // *Экспедиции музея человека...* С. 269–293.
- 17 *Вястрик Э.-Х.* Дохристианские традиции сето // *Экспедиции музея человека...* С. 547–552.
- 18 *Валк Х.* Об истории основных путей из Изборска на запад // *Изборск и его округа: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. 2007–2008 гг.* ГИАПХМЗГ. Изборск, 2009. С. 94–101.
- 19 *Valk H., Kiudsoo M., Malve M.* The village cemetery and chapel site of Loosi – a spot at Late Iron Age and medieval road from south-eastern Estonia to Izborsk and Pskov // *Pühakud, piiskopid, linnad ja linnused. Ajarännakud kesk- ja varauuasega. Uurimusi Jaan Tamme auks. Muinasaja Teadus*, 27. Tallinn; Tartu, 2018. Lk. 145–182.
- 20 Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 24, 95.
- 21 *Kõpp J.* Kirik ja rahvas. Sugemeid eesti rahva vaimse palge kujunemise teelt. Lund, 1959. Lk. 221.
- 22 Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году = *Några Observationer Angående Ryssland = Some Observations Concerning Russia: Альбом / Гос. архив Швеции, Ин-т славистики Стокгольмского ун-та; Подготовка, адаптация текста на современный шведский язык: Э. Лёфstrand, У. Биргерд и Л. Нордквист; перевод на рус. язык Г. Коваленко. М.: ЛомоносовЪ, 2012. Л. 38, 39, С. 288–290.*
- 23 *Витсен Н.* Путешествие в Московию 1664–1665. Дневник / Пер. В.Г. Трисман. СПб.: Symposium. 1996. С. 47, 51, 54.
- 24 *Brand J. A.* Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Pleskovieu, Gross-Neugardien, Twerin und Moscovien. Wesel, 1702.
- 25 *Wiedemann F. J.* Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. S. 416.
- 26 Н, *Wiedemann 1*, 45/51.
- 27 *Трусман Ю.* Указ. соч. С. 40–41.
- 28 *Wiedemann F. J.* Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. S. 415.
- 29 *Трусман Ю.* Указ. соч. С. 40–41.
- 30 *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках. С. 269, 279–281, 289.
- 31 Там же. С. 291.
- 32 Fr. R. Kreutzwaldi kirjavahetus. Lk. 461.
- 33 Н II 70, 557/61 (12) (1904). – Hurt (Коллекция Я. Хурта).
- 34 *Rosenberg T.* Ühest Fr. R. Kreutzwaldi sõprussuhtest (Vastseliina noor mõisahärä Guido von Liphart) // *Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat 2003. Tartu: Eesti Rahva Muuseum. 2005. Lk. 27–31.* Вряд ли исторический камень мог быть разрушен по указанию Липхарта. Скорее всего, народная память связывает разрушение камня не с его личностью, но с временем его жизни. Как у Трусмана, так и в фольклорных источниках о роли разрушителя упоминается не помещик усадьбы Вастселийна (Neuhausen), а арендатор усадьбы Мийксе (Meeks).
- 35 *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках. С. 267.

- 36 *Sõtsõv A.* Eesti Õigeusu piiskopkond Nõukogude religioonipoliitika mõjuväljas 1954–1964. *Dissertationes Theologiae Universitatis Tartuensis.* Tartu, 2008. Lk. 107, 152.
- 37 *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. М.: [б. и.]. Вып. 1. 2014. С. 39.
- 38 *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках. С. 281.
- 39 *Zouroff L.* Op. cit. P. 65; *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках. С. 269.
- 40 *H, Jõgever 2, 175/81 (1928).* – Фонд Я. Йыгвевера в коллекции Я. Хурта; *Setomaa tsässonad / Koostanud A. Raudoja ja T. Mäkeläinen.* Tartu, 2011. Lk. 487.
- 41 Н II 70, 557/61 (12) (1904).
- 42 RKM II 364, 439 (4) (1982).
- 43 *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках. С. 273–290.
- 44 Полевые наблюдения Э.-Х. Вястрика (Тарту) 1993 г.
- 45 *H, Jõgever 2, 175/81 (1928).* Следует отметить, что в это время серебрянные копейки уже давно не были в обороте. В Эстонии с 1919 г. существовала своя валюта – марка.
- 46 Н II 60, 769/71 (1) (1897).
- 47 ERA II 235, 109/14 (3) (1939).
- 48 Н II 60, 769/71 (1).
- 49 *Плоткин К.М.* Указ. соч. 2002. С. 206.
- 50 *H, Wiedemann 1, 45/51.*
- 51 *H, Jõgever 2, 175/81 (1928).*
- 52 *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках. С. 287.
- 53 MQB PF 0016992, 0016996, 0017001 – Фотоколлекция Музея на наб. Бранли.
- 54 *H, Jõgever 2, 175/81 (1928).*
- 55 *Трусман Ю.* Указ. соч. С. 42.
- 56 *Valk H.* Mälestusi Meeksi Jaanipäevast. Lk. 152.
- 57 *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма. С. 121; рис, 45, 46.
- 58 *Трусман Ю.* Указ. соч. С. 41.
- 59 *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма... С. 39.
- 60 *Зуров Л.Ф.* О дохристианских пережитках... С. 270.
- 61 Н II 60, 769/71 (1) (1897).
- 62 *Wiedemann F. J.* Ehstnisch-deutsches Wörterbuch. S. 416.
- 63 *Kõpp J.* Op. cit. Lk. 220–231; *Wiedemann F. J.* Aus dem inneren und äusseren Leben der Ehsten. S. 415.
- 64 *Setomaa tsässonad / Koost A. Raudoja ja T. Mäkeläinen / Toim H. Alumäe.* Tartu: Setu Kultuuri Fond. 2011. Lk. 484–492.
- 65 *Ibid.* Lk. 492; ERA II 248, 617/8 (1) (1939).
- 66 EKRK I 74, 223 (14) (1974).
- 67 RKM II 14, 295/7 (1946).
- 68 *Valk H.* Mälestusi Meeksi Jaanipäevast. Lk. 148–152, 159–161, 165.

УДК 947

АКАДЕМИК А. Й. ШЁГРЕН И ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЕГО НАУЧНОЙ РАБОТЫ «О ФИНСКОМ НАСЕЛЕНИИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ И О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ИНГЕРМАНЛАНДИЯ»

Алексей Викторович Васильев

*Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад.
И.П. Павлова, г. Санкт-Петербург, профессор, доктор медицинских наук*

alvicvas@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена информация о впервые переведенном на русский язык научном труде академика А. Й. Шёгрена «Ueber die finnische Bevölkerung des St.Peterburgische Gouvernements und ueber den Ursprung des Namen Ingermanland» («О финском населении Санкт-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия»), изданном в 1833 г. в Петербурге на основе его дневниковых записей в период этнографо-лингвистической экспедиции по Санкт-Петербургской губернии. Именно в этой работе Шёгреном предложена оригинальная теория происхождения наименования Ингерманландия на основе изучения шведских и русских летописей и документов.

Ключевые слова: А.Й. Шёгрэн, первый перевод, русский язык, 2017

UDK 947

ACADEMICIAN A. J. SJÖGREN AND HIS SCIENTIFIC WORK «ON THE FINNISH POPULATION OF THE ST. PET PROVINCE AND ABOUT THE ORIGIN OF THE NAME INGERMANLAND» TRANSLATED INTO RUSSIAN

Alexey Viktorovich Vasilyev

Pavlov First St. Petersburg State Medical University, St. Petersburg, Professor, Doctor of Medicine

alvicvas@yandex.ru

Abstract. The article provides information on the first time translated for into Russian academic work of Academician A. J. Sjogren «Ueber die finnische Befolkerung des St.Peterburgischhe Gouvernements und ueber den Ursprung des Namen Ingermannland» («On the Finnish population of St. Petersburg province and the origin of the name Ingermanland»), published in 1833 in Petersburg on the basis of his diary records in the period ethnographic-linguistic expedition in St. Petersburg province. It was in this work Sjogren proposed the original theory of the origin of the name Ingermanlandi based on the study of Swedish and Russian chronicles and documents.

Key words: A. J. Sjogren, the first translation, Russian language, 2017

Имя и научное наследие академика А. Й. Шёгрена (1794–1855) хорошо известны учёным-этнографам, лингвистам, историкам и краеведам¹. Нескольким лет тому назад в Санкт-Петербурге на лекции по истории «Земли Инкери» финский этнограф и историк Тойво Флинк с сожалением констатировал, что до сих пор не переведена с немецкого языка одна из первых и интереснейших научных работ по этнографии Ингерманландии, автором которой был известный российский учёный, выходец из Финляндии академик Андреас Йоган Шёгрэн (Андрей Михайлович Шёгрэн)². Автор статьи немедленно предложил свою помощь в переводе исследования Шёгрена и с увлечением взялся за дело. Откровенно говоря, книга 1833 г. издания «Ueber die finnische Befolkerung des St.Peterburgischhe Gouvernements und ueber den Ursprung des Namen Ingermannland» («О финском населении Санкт-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия») ³ оказалась «крепким орешком»: пришлось столкнуться со старой немецкой лексикой, большим количеством высокопарно-книжных, ныне устаревших слов и выражений, немецкими и финскими диалектизмами. На немецком языке в то время традиционно издавалась почти вся научная литература в Российской империи, но, будучи широко образованным учёным и талантливым лингвистом, Андреас Шёгрэн с лёгкостью вставлял в текст своей книги цитаты на различных наречиях финского, на латинском и шведском языках, что, несомненно, повышало доказательную составляющую его исследования. При переводе книги на русский язык были преднамеренно оставлены оригинальные финские, ижорские, водские, карельские слова и тексты, сохранены старые финская орфография и алфавит с явными следами шведско-немецкого влияния, что может представлять историко-научный интерес для читателей – этнографов, лингвистов и историков⁴.

Обширные исторические данные свидетельствуют о весьма длительном совместном проживании славянских и финских племён в Карелии,

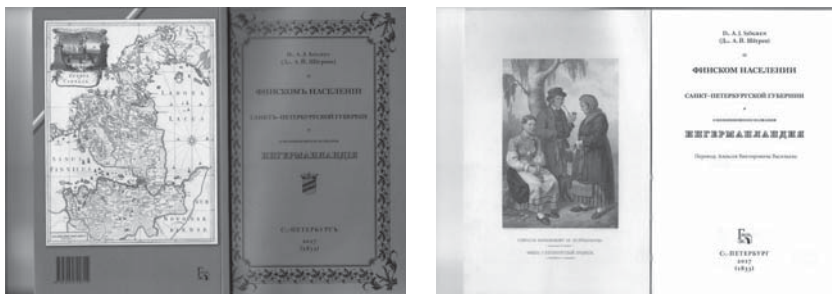

Рис. 1, 2. Обложка и титул издания Dr. A. J. Sjögren (Докт. А. Й. Шёгренъ). «О финском населении Санкт-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия» / Пер. А.В. Васильева. СПб.: Гйоль, 2017.

Санкт-Петербургской губернии и прилежащих к ним территориях, что не могло не сказаться на их культуре, традициях, обычаях, ведении хозяйства. Известны многочисленные встречные заимствования слов в обеих языковых группах. Тем не менее, невероятная сложность финского языка ставила его носителей в несколько изолированное положение по отношению к окружающим народам. Первый и хорошо известный этнографам и лингвистам текст на финском языке представляет собой берестяную грамоту, найденную при раскопках в Великом Новгороде. Крайне любопытно, что автор этого документа пользовался не латиницей, а кириллицей. Рождение финской письменности в XVI в. явилось личной заслугой Микаэля Агриколы, первого лютеранского епископа Финляндии, просветителя и переводчика Библии на финский язык. Кроме Нового Завета, он перевёл на финский язык (который до него ещё не был письменным), некоторые части Ветхого Завета и много назидательных сочинений. Первую книгу на финском языке он издал в 1543 г. Это был букварь «ABC-kiirja». Этот год считается годом рождения финской письменности. На протяжении столетий это были единственные книги на финском языке, а школьное обучение в Финляндии велось на шведском, так как правящая администрация в своё время стремилась к «шведизации» жизни финнов, а документация и книги писались только на шведском языке. После завоевания Россией юго-восточных территорий и Водской Пятины Шведского королевства, населенных многочисленными финноязычными народами в XVII–XVIII вв., языком официального и межнационального общения стал русский, а коренное население продолжало в повседневной жизни пользоваться своими родными диалектами финского языка. Такие известные российские историки, как В.Н. Татищев, И.Г. Георги, Н.М. Карамзин и другие внесли значительную лепту в дело изучения финноязычного населения («чухонцев») Санкт-Петербургской губ. Наименование «чухно» впервые было

упомянуто в Псковской летописи 1444 г. В словаре М. Фасмера высказывается утверждение, что это слово образовано от этнонима «чудь» путём прибавления устаревшего экспрессивного суффикса «-хно», известного в народных русских говорах применительно к именам нарицательным (Михаил – Михно, Максим – Махно и т.д.)⁵. В официальных документах Российской империи это название стало применяться ко всему прибалтийско-финскому населению окрестностей Санкт-Петербурга. Помимо множества хуторов и мелких селений на правом берегу Невы (Выборгская сторона), ещё задолго до 1700 г. на месте нынешнего Строгановского сада вблизи впадения Чёрной речки в Большую Невку располагались финские деревни Кискена и Вихари, от Малого Сампсониевского проспекта до Гордонова переулка – дд. Эйкие и Макура, на месте бывшей Головинской дачи вдоль берега Чёрной речки – д. Торка, у Ботанического сада на Аптекарском острове (Корпи-саари) – д. Путтукс. Кстати, следует напомнить, что все острова, на которых и поныне располагается Санкт-Петербург, имели финские названия: Хирви-саари (Васильевский), Койву-саари (Петровский), Янис-саари (Заячий) и др.

Языковой барьер имел важные последствия. Великое множество финнов, не владея русским языком, постоянно проживали в сельской местности, подчас в очень глухих и богом забытых лесных урочищах, никогда не выбирались за пределы своего церковного прихода, и общее их количество оставалось неизвестным властям.

В связи с этим нельзя не упомянуть ещё один любопытный исторический факт, и я позволю себе привести цитату из сочинения П.Н. Петрова «История Санкт-Петербурга съ основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям в губернияхъ в 1703–1782 годы». Ниже приведенный текст относится ко времени царствования Елизаветы Петровны. *«Доклад Сената о ревизии, по высочайшем утверждении его 17 сентября 1742 г., предписывал: немедленно произвести перепись чухон в Петербургской губернии и в самой столице (выделено автором. – А. В.), с тем чтобы обложить их общим для крестьян подушным налогом, отменив до того существующую повинность их поставлять для конной гвардии фураж. А самая перепись, начатая тогда же в Петербурге, должна была открыть, как не без основания полагал Сенат, множество проживавших здесь (чухон) без всякого вида, за ничтожное вознаграждение и вовсе без него, из-за хлеба, работавших на фабриках»⁶.*

Сейчас нам трудно сравнивать уровень жизни сельского населения в Финляндии и на более плодородных землях Санкт-Петербургской губ. и Карельского перешейка. Везде она была тяжёлой, а в иные годы и просто бедственной. Так, автор слов современного гимна Финляндии «Наш край» (Маамте) известный поэт Й. Л. Рунеберг в своём очерке «О природе фин-

ляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края» (1832 г.)⁷ писал, что в некоторых селениях центральной части страны слова «он круглый год ест чистый хлеб» и «он неимоверно богат» значат одно и то же. И в беллетристике, и в научных публикациях всегда отмечалось невероятное трудолюбие финнов.

Интересным является и тот факт, что некоторые весьма уважаемые в российской истории личности были так или иначе связаны с финской культурой⁸. Например, няня поэта А.С. Пушкина – Арина Родионовна предположительно была по происхождению ижоркой из д. Суйда Копорского у. Санкт-Петербургской губ.; великий русский полководец А.В. Суворов в своей биографии упоминал, что помимо немецкого, французского и турецкого владеет ещё и финским языком, которым пользовался, к удивлению своих подчиненных, в период службы в кон. XVIII в. в Финляндии и Ингерманландии во времена Екатерины II, общаясь с финнами и «чухонцами».

Вот этих-то «чухон» по прошествии более чем половины столетия, в 1820-е гг., и отправился изучать молодой ученый Андреас Йоган Шёгрэн. Он, как никто другой, подходил для решения поставленной задачи – описать места обитания, традиции и обычаи, особенности языка коренного финноязычного населения Санкт-Петербургской губ. Исследования Шёгрена основаны на результатах его более чем пятилетних путешествий по Ингерманландии (Ингрии, или Инкери) и дневниковых научных заметках. По мнению многих известных этнографов, помимо многих научных открытий именно благодаря его исследовательской работе прибалтийско-финское племя водь было выделено в отдельный народ, со своим языком и местом обитания на южных берегах Финского залива. Шёгреном была выдвинута и оригинальная гипотеза происхождения наименования «Ингерманландия». Представлялось весьма интересным подготовить и издать перевод на русский язык книги Андреаса Йогана Шёгрена – первой фундаментальной научной работы о финноязычных жителях древней земли Инкери.

Примечания:

- 1 Многие стороны его научной жизни и биографии достаточно подробно изучены и освещены. См.: Андрей Михайлович Шегрен // ЖМНП. Ч. LXXXVI. 1855. Отд. 5. С. 1–8; Перечень сочинений академика Шегрена, напечатанных с 1821 по 1854 год // Уч. зап. Имп. Академии наук по I и III отделениям. Т. 3. Ч. 4., 1855. С. 569–583; *Ahlqvist A.E. A.J. Sjögrenin elämäkerta ja kirjoitukset* // Kieletär. Helsinki, 1875. № 1. С. 3–20; *Korhonen M. Finno-Ugrian Language Studies in Finland. 1828–1918.* Helsinki. 1986: *Branch M. A. J. Sjögren. Studies of North* // MSFUo. Vol. 152. 1973; *Терюков А.И.*: 1) Финно-угорская этнография в Петербурге – Ленинграде (XIX – 30-е гг. XX вв.) // Современное фин-

- но-угроведение: Опыт и проблемы: Сб. науч. тр. / Редкол. О.М. Фишман (отв. ред.), Е.А. Рябинин, И.В. Дубов; ГМЭ. Л., 1990. С. 7–11; 2) А.И. Шегрен и граф Н.П. Румянцев // Румянцевские чтения: Мат-лы науч.-практ. конф. по итогам н.-и. работы Рос. гос. б-ки (25-27 апр. 1995 г.). Ч. 2. / Сост. Л.И. Илларионова и др.; РГБ. М., 1996. С. 256–262; 3) А.И. Шегрен и М.А. Кастрен // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный аспект и личность / Редкол.: Е.Н. Кальщиков, С.Б. Коренева, А.В. Прохоренко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Европейский Дом, 1998. С. 3–15; 4) К вопросу о методике этногенетических исследований академика А. И. Шёгрена // Памяти А.И. Шёгрена (1794–1855): Сб. докл. / Авт.-сост. С. Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 52–63; *Киселева Т. В.*:1) Андреас Иоганн Шёгрэн – основатель финно-угроведения в России. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007; 2) Шёгрэн – академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения: Тез. док. / Отв. ред. К.В. Чистов. СПб., 1993.
- 2) Существуют различия в написании имени Шёгрена: Андреас Иоханес / Андреас Иоганн / Андреас Иоганн / Андрей Михайлович.
  - 3) Ueber die finnische Bevölkerung des St.Peterburgischhe Gouvernements und ueber den Ursprung des Namen Ingermannland von Dr. A. J. Sjögren. St. Petersburg. 1833.
  - 4) *Dr. A. J. Sjögren* (докт. А.И. Шёгрэн). О финском населении Санкт-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия / Пер. с нем. А.В. Васильева. СПб.: Гйоль. 2017.
  - 5) *Фасмер М.С.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.
  - 6) *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга съ основания города до введения в действие выборнаго городского управления по учреждениям в губернияхъ в 1703–1782 годы. СПб.: Тип. Глазунова, 1885. С. 328–329.
  - 7) О природе финляндской, о нравах и образе жизни народа во внутренности края; Вечер на Рождество: Ст. Рунеберга: [Стихотворение Рунеберга] / Пер. со швед. Я. Грот. [СПб., 1840].

УДК 81'373.235

ПРАВОСЛАВНЫЕ ФИННЫ В ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Алексей Викторович Крюков

Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, соискатель

kauko@mail.ru

Аннотация. Православные финны – часть финского населения Ингерманландии (Ленинградская обл.). Данная группа сложилась, главным образом, в XIX в. из различных этносоциальных элементов. Основой, на которой произошла их консолидация, были религия (православная церковь) и финский язык (ингерманландский диалект). Этническое самосознание православных финнов в прошлом было двойственным (финны-русские), где этноним «русские» выступает в качестве конфессионима, а «финны» – лингвонима. В течение XX в. этническое самосознание представителей данной группы в массе своей претерпело определенную динамику, вектор которой был направлен от двойственного этнического самосознания к финскому. В силу суммы причин православные финны учитывались статистикой как русские. Вплоть до последнего времени православные финны не были предметом интереса этнографов.

Ключевые слова: Ингерманландия, финны, финский язык, православие, конфессионим, лингвоним, языковой сдвиг, этническая мимикрия, криптоэтничность.

UDK 81'373.235

ORTODOX FINNS IN INGRIA

Alexey Viktorovich Krukov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Science, St. Petersburg, PhD student

kauko@mail.ru

Abstract. Orthodox Finns are a part of the Finnish population of Ingria (Leningrad Region). Mainly, this group has consisted in the 19th century of various ethnosocial elements. The religion (Orthodox Church) and Finnish language (Ingrian finns dialect) were a basis of their consolidation. The ethnic consciousness of orthodox Finns in the past was dual (Finnish and Russians), and the ethnonym «Russians» acts as a confession name. Within the 20th century the ethnic consciousness of representatives of this group largely has undergone certain dynamics which vector has been directed from dual and uncertain ethnic consciousness to Finnish. For these reasons orthodox Finns were considered as Russians in statistics. Up to the last time orthodox Finns were not a subject of ethnographers interest.

Key words: Ingria, the Finns, Finnish, Orthodox Christians, confession name, glossonym, language shift, ethnic mimicry, cryptoethnicity

История вопроса

Литературы, посвящённой данному вопросу, по-видимому, не существует. Автор затрагивал проблему о православных финнах в очерках об ижорах Карельского перешейка¹ и Центральной Ингерманландии². Отдельные упоминания о православных финнах или «финноязычных русских» (скорее всего, это разные названия одной и той же группы населения) относятся к 1880–1930 годам. Вероятно, первым к изучению православных финнов обратился Вячеслав Егоров в 1929 г.³

Источники

Данная статья написана на основе наблюдений и полевых материалов автора. Используются материалы Национального архива Финляндии (КА. SA) – церковные книги финских приходов Ингерманландии (Inkerin kirkonkirjat) и личные карточки ингерманландцев, перемещённых в Финляндию в 1942–1944 гг. (Inkerin siirtoväen kortit).

Первые открытия (1986–1988)

С самого начала полевых исследований автором финнов Всеволожского р-на Ленинградской обл. (1986) обнаружился неожиданный факт: многие местные жители, которых окружающие считали финнами, имели русские имена и фамилии и называли себя русскими (*venäläiset*). При этом они говорили по-фински (многие слабо владели русским языком) и связывали себя с финским народом. Пришлые (некоренные) жители не отличали их от финнов, а собственно финны («ингерманландцы») принимали их за своих. В дальнейшем именно эти *venäläiset* считали себя православными финнами. Именно с этим типом самоидентификации столкнулся и автор статьи.

Финны и православие

Не вызывает сомнений, что при формировании этносов важная роль принадлежит религии. История финского народа в полной мере подтверждает этот тезис. Финская этничность сложилась на основе лютеранской конфессии и на базе языка финской лютеранской церкви (*suomen kirkko* ‘финская церковь’, *suomen kieli* ‘финский язык’), который впоследствии стал общенациональным языком.⁴ Только в XX в., когда завершалось формирование финского этноса, в него влилась масса православных из северного Приладожья.⁵ На рубеже XIX–XX вв. иноконфессиональные группы населения Финляндии ещё не считались финнами: православных

жителей Северного Приладожья называли «русскими» (*venäläiset*), хотя они, очевидно, русскими не являлись.⁶ Это явление, присущее Выборгской губ., находит параллель в истории финского населения Петербургской губ., которое тоже делилось на «финнов» (*suomalaiset*), т.е. лютеран, и «русских» (*venäläiset*), т.е. православных.

«Русские» – конфессионим

Термины «православные» и «лютеране» принадлежат к области применения официального, нормативного языка. Официальные названия конфессий – «православие», «лютеранство» – относятся к сфере идеологии, они далеки от простонародных представлений. Реальные народные названия данных конфессий являют собой оппозицию: лютеранская церковь называется «финской» (*suomen kirkko*), а православная – «русской» (*venäjän kirkko*). Это относится и к названиям вероисповеданий (*suomen usko* ‘финская вера’, *venäjän usko* ‘русская вера’) и к названиям принадлежащих к ним коллективов (*suomenuskoiset* ‘верующие по-фински’ и *venäjänuskoiset* ‘верующие по-русски’). Очевидно, этнонимы *suomalaiset* ‘финны’ и *venäläiset* ‘русские’, применительно к двум группам финноязычного населения Ингерманландии, представляют собой конфессионимы⁷.

Явление, когда нерусское в этническом отношении население считалось русским, само по себе не редкость. «Русскими» финны называли православных карел Выборгской губ., «русскими» считали себя ижоры⁸. В советское время «русскими» записывали вепсов⁹. Надо сказать, что в России нередко принимают за русских представителей других народов¹⁰. Причина данного явления кроется в этнической мимикрии нерусского населения под русских вследствие принадлежности к православию¹¹. Конфессиональное единство с русскими было, по всей видимости, шагом на пути к ассимиляции этих этносов.

«Финноязычные русские» в Петербургской губернии

Упоминания о «финноязычных русских» в Ингерманландии фиксируются со втор. пол. XIX в. Источник сообщает о русских крестьянах, которые «с трудом объясняются по-русски и обыкновенно говорят по-фински»¹². Названия деревень (Тяглино, Ряболово) свидетельствуют, что, по крайней мере, в одном случае речь идёт об ижорах (Тяглино). В XIX в. финноязычных православных ещё не называли финнами; церковнослужители нередко обходили вопрос о родном языке прихожан¹³.

Православные финны в переписи населения 1897 г.

Перепись населения 1897 г. учитывала конфессиональную принадлежность и родной язык. Согласно материалам переписи, в Петербургской

губ. основная масса лиц с родным финским языком – лютеране, но были и православные. Можно предположить, что данные 1897 г. о численности православных с родным финским языком (12 288 чел.) относятся к православным финнам¹⁴.

Православные финны в переписи населения 1926 г.

В переписи населения 1926 г. православные финны Ленинградской губ. повсеместно записаны русскими.¹⁵ Основанием к этому послужило, видимо, их самоназвание *venäläiset* ‘русские’, а родной язык и этничность этих людей не были приняты во внимание¹⁶. Из данных о родном языке по Ленинградской губ. видно превышение числа лиц с родным финским языком (145 635 чел.)¹⁷ над числом лиц финской национальности (125 884 чел.)¹⁸, которое прослеживается по многим волостям, где проживало финское население¹⁹. Таким образом, эта разница (около 20 тыс. чел.) в какой-то мере отражает численность православных финнов²⁰.

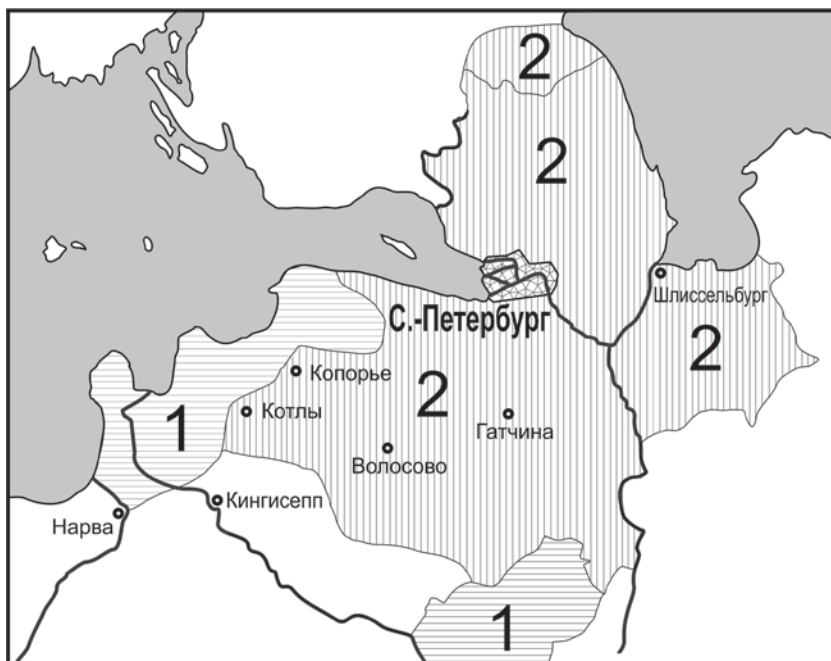
Происхождение православных финнов Ингерманландии

На основании устных сообщений и сведений из церковных книг лютеранских приходов автором выявлены различные этнические и социальные элементы, смешение которых привело к появлению в Ингерманландии новой этноконфессиональной группы – православных финнов:

- а) коренное население, обозначенное в источниках XIX в. как «ижоры»;
- б) коренное население, предположительно ижорского происхождения;
- в) воспитанники, выросшие в финской среде;
- г) русские, утратившие русский язык в финском окружении;
- д) православные карелы, переселившиеся из финской и русской Карелии;
- е) финны, перешедшие в православие.

Представителей всех этих групп, кроме последней, вроде бы нет оснований считать финнами, даже если их первым языком был финский. Однако по мере смешения перечисленных групп (смешанные браки) в кон. XIX – нач. XX в. произошло слияние этих групп в более или менее однородную массу православных финнов. Иными словами, различие происхождения переставало иметь значение, ему на смену пришло некоторое единство – конфессиональное, культурное и языковое.

Православные финны в Ингерманландии проживали дисперсно, в одних деревнях с финнами-лютеранами, лишь кое-где составляя половину или даже большинство населения (Высокие Черёповицы, Колодези, Раболово). Ареал расселения православных финнов (карта) локализуется восточнее ареалов ижорских диалектов²¹ и совпадает с территорией компактного расселения ингерманландских финнов²².

Православные финны и ижоры в XX в.

Условные обозначения:

1. Ареал ижор в XX в. Приблизительно совпадает с ареалами ижорских диалектов (вкрапления водского языка и финских диалектов не показаны).
Финноязычные православные – *venäläiset/vellaset*, рус. ижоры
2. Ареал православных финнов в XX в. Включает ареалы локальных групп ижор Северной и Центральной Ингерманландии, известных по источникам XIX в. Совпадает с ареалом распространения финского языка и с ареалом наиболее компактного расселения ингерманландских финнов (анклавы русского населения и русского языка не показаны). Финноязычные православные – *venäläiset/vellaset*, рус. финны/русские

Православные финны или ижоры?

Православных финнов было особенно много в ареалах ижор Северной и Центральной Ингерманландии, известных по данным XIX в.²³. Проще всего было бы представить православных финнов ижорами, в связи с трансформацией самосознания, обусловленной языковым сдвигом. Однако здесь возникают противоречия. Во-первых, православные финны Северной и Центральной Ингерманландии в XX в. не имели понятия об ижорах, и есть сомнения, что предки этих людей в прошлом называли себя ижорами²⁴. Во-вторых, многие православные финны были родом из деревень, где согласно источникам XIX в., ижоры не жили. Как бы там ни было, можно предположить, что этнической основой православных финнов являлось

автохтонное финноязычное население (условно говоря, ижоры). Скорее всего, его небольшие локальные группы, проживавшие в Центральной, Северной и Восточной Ингерманландии, утратили языковое своеобразие и сблизились в языковом отношении с окружающим финским населением, сохранив православие, и приобретя характерное двойное «русско-финское» этническое самосознание²⁵. При отсутствии финского окружения автохтонное население, должно быть, подверглось обрусению.

Православные финны и «воспитанники»

В представлениях ингерманландских финнов появление и существование православных финнов связано с распространённой в XIX в. практикой брать приёмных детей – «питомцев Воспитательного Дома». Воспитанники, выросшие в финских семьях, не знали русского языка (как считалось, «забыли»), с детства усвоили финский язык и не отличались от финнов²⁶. Приписанные к православным приходам, в жизни они были близки к лютеранам; православная церковь была им чужой, и православными они оставались формально – в силу запрета выхода из православия (до 1905 г.). В дальнейшем, благодаря смешанным бракам, «питомцы» смешивались с православными финнами иного происхождения, а также с финнами-лютеранами.

«Финноязычные русские» и русские-билингвы

В связи с тем, что какое-то количество русских владело финским языком, возникает вопрос о дифференциации православных финнов от русских, владевших финским языком наряду с русским. По наблюдениям автора, в деревнях со смешанным русско-финским населением (Александровка, Елизаветинка, русские устойчиво сохраняли свой язык при разной степени владения финским (неполный и полный билингвизм). Утверждения о двуязычии русского населения чисто русских дд. Вартемяки и Касимово («окруженные финнами, прихожане умеют говорить и по-фински»)²⁷ с учётом наблюдений автора представляется неверным; скорее всего это «умение» сводилось к знанию некоторого количества финских слов и фраз, необходимых для общения. Естественно, ни полный, ни неполный билингвизм не приводил к сдвигу этничности.

Что касается «финноязычных русских», то их главным отличительным признаком было отсутствие владения русским языком. Финны нередко замечали: «они по-русски умели ещё хуже, чем мы». Очевидно, речь идёт о монолингвах. Конечно, не все православные финны были монолингвы, среди них были владевшие русским языком. По наблюдениям автора, в случаях билингвизма с преобладанием финского языка этничность отдельных лиц, семей и небольших групп православного населения была весьма неопределённой. Вопрос заключается в том, кем они были в этническом отно-

шении. Известие о бытовании финского языка внутри некоторой группы «русских» заставляет предполагать их финскую этничность. Основаниями для данного предположения являются замеченные автором тенденции: а) устойчивая сохранность русского языка даже в небольших изолированных группах русского населения, б) связь первого (основного) языка и этнической самоидентификации. Похоже, что лингвоним *suomalaiset* ‘финны’, получивший распространение среди финноязычных православных, способствовал постепенному изменению их этнического самосознания: *venäläiset* (конфессионим) + *suomalaiset* (лингвоним) → *suomalaiset* (этноним).

Перешедшие в православие из лютеран

Некоторые финские семьи, жившие в финских деревнях, считались «русскими» без веских к тому оснований. Это были потомки финнов, формально перешедших в православие из лютеранской церкви (фактически они оставались членами лютеранских приходов). «Русскими» (т.е. православными) называли финнов, заключивших брак в православной церкви. Нечастые в прошлом браки между лютеранами и православными заключались в православных церквях (в силу запрета выхода из православия), для чего лютеранам надо было сначала перейти в православие. Впоследствии финны нередко не могли объяснить, почему их предков считали «русскими».

Прибывшие из других мест

В XIX в. финскую Ингерманландию наводнили так называемые «финляндские карелы» – выходцы из Выборгской губ., мигрировавшие в окрестности Петербурга. Несмотря на своё название – *karjalaiset* – они были лютеранами, т.е. финнами. Однако среди прибывших из Выборгской губ. финнов были и православные. В финской среде их называли «русскими», несмотря на их финские фамилии.²⁸

В небольшом количестве под Петербургом проживали и православные карелы – выходцы из русской Карелии, в прошлом занимавшиеся здесь торговлей. В Ингерманландии их называли *harjulaiset*. В языковом отношении они ассимилировались в финской среде и выделялись только русскими фамилиями.

Православные финны неизвестного происхождения

Происхождение некоторых локальных групп православных финнов неизвестно, поскольку сведений об их происхождении не сохранилось. Это относится к православным финнам деревень Ижорской возвышенности (Лаговицы, Пежевицы, Прологи и др.), Центральной Ингерманландии (Гайколово, Кайболово, Лорвилово, Рынделево и др.), Колтушской вол. (Запольки, Малое Манушкино, Мяглово), Рябовской вол. (Романовка), Восточной

Ингерманландии (Келколово, Пендиково, Тортолово). Эти группы населения не были в своё время изучены, а в настоящее время возможности для их этнографического исследования практически потеряны.

Православные финны в Ингерманландии в нач. XX в.

У православных финнов было двойственное этническое самосознание – и, соответственно два этнонима – конфессионим *venäläiset/vellaset* ‘русские’ и лингвоним *suomalaiset* ‘финны’ – которые использовались в зависимости от ситуации. Факторами, объединявшими православных финнов разного происхождения, были финский язык и принадлежность к православной церкви.

Язык православных финнов назывался «финским» (*suomen kieli*). Фактически это был местный диалект финского языка. Речь православных финнов не отличалась сколько-нибудь заметно от речи местных финнов-лютеран.

Внешность православных финнов была иногда типично финской, иногда менее типичной – но, в общем, они не особенно выделялись среди русских (рис. 1 и 2).

Рис. 1. Осип Владимирович Яковлев (*Valatimerin Juuso*) из д. Березнево, р.1907. Отец и мать – воспитанники. Православные финны

Рис. 2. Анна Григорьевна Митрофанова (*Rikun Anni*) из д. Вуоля, р.1921. Отец – воспитанник, мать – ижорка из д. Софолово. Православные финны

Отношение православных финнов к православию не было единым. Потомки коренных жителей («ижор») были привержены православию, в то время как «воспитанники» находились под влиянием «финской церкви», в которую они нередко впоследствии переходили. Названия основных церковных праздников у православных финнов совпадали с таковыми у местных финнов-лютеран (*paaska* 'пасха', *nellät pyhät* 'троица', *juhanнус* 'иванов день', *joulu* 'рождество'). Чаще всего православные финны составляли меньшинство в своих церковных приходах (кроме Матокского и Троице-мякского приходов в Северной Ингерманландии) и не участвовали сколько-нибудь заметно в церковной жизни. Церковнославянский язык был православным финнам совершенно непонятен, и их православие было, в общем, только традицией. В 1909 г. был основан православный приход в Волгово (Петергофский у.) с финским языком богослужения.²⁹

Фамилии православных финнов – чаще всего русские, обычно образованные от отчеств (часто фамилия дублировала отчество). Изредка встречаются иные русские и финские фамилии. Имена – обычные для православных. Обиходные формы имён – частью заимствованные из русского языка, частью известные у ижор, частью оригинальные. В 1920–30-х гг. у православных финнов была мода на финские имена³⁰.

Традиционные занятия православных финнов – те же самые, что и у основной части финского населения Ленинградской обл.: мясомолочное животноводство и овцеводство, земледелие (хлебопашество, овощеводство), ремёсла, кустарное производство, отходничество (работа на заводах Петербурга, извоз и др.).

Динамика этничности православных финнов в XX в.

В период «коренизации» (1922–1936 гг.) молодёжь православных финнов училась в школах на финском языке, что повлияло на укрепление их финского самосознания. Во время войны те из них, кто в документах были записаны финнами, попали в «трудармию», где они работали как заключённые³¹. Другие, официально считавшиеся русскими, воевали или работали в тылу – как правило, скрывая этничность и родной язык. Православные финны, оказавшиеся в немецкой оккупации, были выселены в Эстонию и далее в Финляндию (в личных карточках переселенцев они обычно записаны как «финны»)³².

Динамика религиозности православных финнов в XX в.

В течение XX в. происходило конфессиональное дробление ингерманландско-финской этнической общности: в кон. XIX – нач. XX в. всё больше финнов отходило от лютеранской церкви и примыкало к различным христианским сектам; после Второй мировой войны многие ингерманландские

финны перешли в православие ввиду отсутствия лютеранских церквей. Отход от традиционной религии коснулся и православных финнов. С 1970-х гг. многие потомки православных финнов примкнули к возрождённой финской лютеранской церкви (Церковь Ингрии), некоторые перешли в другие религиозные организации (баптисты, свидетели Иеговы), либо порвали с религией.

Православные финны во второй половине XX в.

В послевоенное время, опасаясь депортации по национальному признаку, православные финны, как правило, скрывали родной язык и этничность. Применительно ко втор. пол. XX в. можно говорить о криптоэтничности значительной части населения Ленинградской области (ижоры, православные финны, многие ингерманландские финны).³³ В настоящее время этничность православных финнов размывается и исчезает вследствие смешанных браков и выхода финского языка из употребления.

Выводы

1. Православные финны – этноконфессиональная группа смешанного происхождения, в XIX–XX в. составлявшая часть финноязычного населения Ингерманландии.

2. Становлению и существованию этноконфессиональной группы православных финнов способствовало финское окружение.

3. Этнической основой православных финнов в большинстве случаев было автохтонное население, которое, с долей условности, можно называть ижорами.

4. Численность православных финнов оценить довольно трудно, поскольку официально (в документах, при переписях населения) они обычно записаны русскими. По оценке автора, численность православных финнов в Ингерманландии в 1920–30-х гг. составляла не менее 20 тыс. чел.

5. Православным финнам Ингерманландии в XX в. была свойственна динамика этнического самосознания – от «русского» к финскому, и далее

Примечания:

- 1 Крюков А. Ижоры Карельского Перешейка в XX веке // Нет родной сторонки краше: Сб. ст. и мат-ов науч.-просвет. конф., посв. 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины ижорской сказительницы Ларин Параске (1834–1904) / Ред. А.П. Дмитриев. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2006. С. 62–92.
- 2 Крюков А. Ижоры Центральной Ингерманландии в XX веке // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые Междунар. Шёгреневские чтения: Сб. стат. / Науч. ред. Н.И. Ивановская, О.М. Фишман (отв. ред.). СПб.: Изд. дом «Инкери», 2018. С. 78–91.

- 3 Егоров В. Эврейскы Лесколовскаго сельсовета // Сборник Ленинградскаго Общества Исследователей Культуры Финно-Угорских Народов (ЛОИКФУН). Л. 1929. С. 34.
- 4 Мейландер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 2008. С. 25, 47–48, 93–94; Vehvilä S. Suomen historia. Porvoo-Helsinki, 1962. S. 63, 69, 189, 191.
- 5 Merikoski K. Taistelua Karjalasta. Piirteitä venäläistämistyöstä Raja-Karjalassa tsarinvallan aikoina. Helsinki: OY Valistus 1939. S. 44–45.
- 6 Ruutu M. Kansantapoja ja uskomuksia Karjalan Kannaksen itäoissa // SKST, 186 osa. Helsinki 1931. S. 117.
- 7 Егоров В. Указ. соч.. С. 34.
- 8 Крюков А. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Нестор № 10: Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры / Ред. В.И. Мусаев. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 321.
- 9 Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман (науч. ред.), М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, А. И. Терюков и др. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2017. С. 278.
- 10 Автор столкнулся с данным явлением в 2017 г. при работе над главой к сборнику «Жернова», посвящённом памяти жертв политических репрессий. В списках репрессированных уроженцев и жителей г. Сарапула (Удмуртская АССР) совершенно нет удмуртов, в то время как многие из этих списков – уроженцы деревень и сёл Удмуртской АССР, несомненные удмурты – все названы русскими. См.: Жернова. Памяти жертв политических репрессий: Сб. / Сост. и ред. Т.В. Пеганова. Сарапул, [б.и.] 2017. С. 103–183.
- 11 Этническая мимикрия (в России) состоит в широкой распространённости русских фамилий, имён и отчеств у нерусского населения, вследствие чего их принимают за русских.
- 12 Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. VII: Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде / Изд. С.-Петербургского губ. земства. СПб, 1892. С. 19.
- 13 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып 8. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. СПб, 1884. С. 188–194 (церковь св. Духа в Мьяках), 287–290 (Петропавловская церковь в Колтушах), 436–439 (Петропавловская церковь в Грызове), 454–459 (Вознесенская церковь на Федоровском посаде) и др.
- 14 ПВЛ 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. XXXVII. С.-Петербургская губ. Таб. XIV: Распределение населения по вероисповеданиям и родному языку; Изд Центр. Стат. Ком-та МВД. СПб., 1903. С. 96–123.
- 15 Материалы КИПС (1926 г.) част. о противоречат полевым материалам автора (изустные сообщения на тот же период).
- 16 Егоров В. Указ. соч. С. 34.
- 17 ВПН 1926 г. Т. 1: Северный район. Ленинградско-Карельский район. Отдел 1: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. / ЦСУ СССР М., 1928. С. 139.

- 18 Там же, С. 117 (сумма численности «финнов» и «финнов ленинградских»).
- 19 Куйвозовская, Ленинская, Парголово́ская и Токсовская вол. Ленинградского у., Венгисаровская, Гостилицкая, Губаницкая, Красносельская, Ораниенбаумская, Ропшинская, Староскви́орская, Стрельнинская и Трочкая вол. Трочкого у., Врудская и Котельская вол. Кингисе́пского у.
- 20 Числовые данные 1926 г. о родном языке (см. примечание 17) по многим волостям явно неверны (Горская, Наровская и Сойкинская волости Кингисе́пского у., Ковашевская вол. Трочкого у. и др.).
- 21 *Лаанест А.* Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование / Ин-т языка и лит-ры АН ЭССР. Таллинн, 1966. С. 4–5.
- 22 Представители некоторых групп ижор Западной Ингерманландии (д. Курголово и Липово) отрицали свою принадлежность к ижорам и называли себя обычно русскими (ПМА, см. также *Inkerin siirtoväen väestökortit*. прим. 31).
- 23 *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St-Petersburger Gouvernements von Peter v. Köppen.* SPb, 1867. S. 37–41.
- 24 *Крюков А.* Что стоит за этнонимом «ижоры»? // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России: Мат-лы V Всерос. конф. финно-угроведов (25–28.06.2014) / Редкол.: Н.Г. Зайцева (ответ. ред.), И.И. Муллонен (ответ. ред.) и др. / ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2014. С. 38.
- 25 По сведениям автора, в Западной Ингерманландии (в дд. Караваево, Кикерицы, Матовка, Большая Россия) были православные финны водского происхождения, см.: *Erklärender Text.* S. 84.
- 26 *Егоров В.* Указ. соч.. С. 34.
- 27 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып 8. СПб, 1884. С. 179.
- 28 КА – *Inkerin kirkonkirjat. Toksovan rippikirja 1910–36.* S. 64 (mies ven. Erkko).
- 29 Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1914–1915 гг. СПб.: Изд. С.-Петербургского Губ. Стат. Ком-та 1914. С. 257.
- 30 Информанты автора: Кюллики Станиславовна Краснова из д. Кавголово, Вилхо Егорович Тимофеев из д. Малое Сойлово и др.
- 31 URL: <http://www.inkeri.ru/note/1866>. Списки финнов-трудоустроенных Челябинского металлургостроя: Иванов Иван Васильевич из д. Телези, Игнатьев Иван Федорович из д. Кавголово, Круглов Иван Осипович из д. Кавлахта, Федоров Иван Исакович из д. Муттолово и др.
- 32 КА – *Inkerin siirtoväen väestökortisto. Osa 22, jaksot 62 (Gavrilov Pietari, Kelkkula), 234 (Grigorjev Aleksei, Ärttölä); osa 103, jaksot 195 (Ivanov Gavril, Metidisi), 380 (Ivanov Nikolai, Pokkisen-Purskova).*
- 33 Криптоэтничность означает сокрытие родного языка и этничности, в том числе при переписях населения.

УДК 394

О ЧИСЛЕННОСТИ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ И ИЖОРЫ В XVII–XIX ВВ. ПРИЧИНЫ ДИНАМИКИ

Александр Иванович Кирьянен

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет прикладной математики - процессов управления, кафедра моделирования социально-экономических систем, доцент, кандидат физико-математических наук, председатель Петербургской городской национально-культурной автономии финнов-инкери и заместитель председателя общественной организации «Инкерин Лиитто»

kirjanen@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены причины переселения финского населения в Ингерманландию в XVII в. и изменение их численности, указываются повлиявшие на это факторы. Доказывается, что в податной переписи населения 1732 г. было потеряно почти 25 000 финнов. Приводится объяснение, почему численность финского населения Ингерманландии в XVII–XIX вв. выросло более, чем в два раза, а численность ижоры и води осталась на прежнем уровне. Приведены доводы в пользу того, чтобы считать ингерманландских финнов коренным малочисленным народом Российской Федерации.

Ключевые слова: переселение в Ингерманландию, численность финнов и ижоры, податная перепись; коренные малочисленные народы

UDC 394

ON THE NUMBER OF INGERMANLAND FINNS AND IZHORA (INGEROISET) IN THE 17th-19th CENTURIES: REASONS FOR DYNAMIC

Aleksandr Ivanovich Kirjanen

St. Petersburg State University, faculty of applied ma topics - management processes, the department of socio-economic modeling systems, associate professor, PhD in Physico-mathematical sciences, Chairman of Petersburg city urban cultural autonomy of the Finnish Inkeri and deputy Chairman of the public organization «Inkerin Liitto»

kirjanen@mail.ru

Abstract. The article regards the reasons for the resettlement of the Finnish population to Ingermanland. The paper considers the change of the Ingermanland population in the 17th century and the factors that influenced this change. The author proves that in the tax-paying population census of 1732 almost 25,000 Finns were lost. Also, the author gives the explanation of why the number of Finnish Ingermanland population in the 17th –19th centuries more than doubled, and the number of the Izhora and the Vodi (Vadja) remained at the same level. The research proves that the Ingermanland Finns should be considered as indigenous peoples of the Russian Federation.

Key words: Resettlement to Ingermanland; number of the Finns and the Izhora; the tax census; indigenous peoples

Переселение финского населения в Ингерманландию

Коренным населением Ижорской земли (Ингерманландии) являются вода и ижора, принявшие православие еще в XII в. В Средневековье сюда прибыли многочисленные русские поселенцы. Историческое прошлое народов, исконно населявших территорию Ингерманландии, отмечено печатью непрерывных войн, которые велись за обладание регионом, имевшим исключительно важное стратегическое значение. В эту борьбу на разных этапах были вовлечены Древний Новгород, Московское государство, Швеция, немецкие ордена в Прибалтике, поляки, литовцы, датчане, причем особая роль принадлежала католической церкви, стремившейся к расширению своего влияния на землях язычников, каковыми их считала католическая церковь, и к усилению, таким образом, своих позиций¹.

В западных источниках эти земли назывались Watland, Ingardia. В Скандинавии весь северо-запад, то есть земли воды и ижоры, именовался Ingermanland. Термин окончательно закрепился за этим регионом после Столбовского мира 1617 г. между Россией и Шведским королевством, в результате которого территория к югу от Финского залива и по обоим берегам реки Невы отошла к Швеции и стала называться шведской провинцией, Ингерманландией (Ingermanland). Точнее, присоединённые земли получили статус генерал-губернаторства с резиденцией правителя в Ниеншанце, а с начала 50-х гг. XVII в. – в Нарве, которая сохраняла статус местной столицы на всё время шведского господства в Ингерманландии².

К сожалению, в историографии и даже в официальных российских документах эту территорию называют Ингерманландией. Исконно русское название «Ижорская земля» практически не употребляется. На языке коренного населения «Ижорская земля» звучит как Inkeren maa (по-ижорски) или Inkerin maa (по-фински). Maa (маа) означает «земля». Шведы добавили к этому названию слово land – земля и получилось Ingermanland. Российская и советская историография подхватила это название, забыв об исконно русском названии, что более чем странно.

История появления финского населения на территории Ингерманландии также тесно связана с борьбой Швеции и России за обладание этой землёй. Решающими стали события втор. пол. XVI – нач. XVII вв., когда в ходе опустошительной 25-летней войны (1570–1595) значительная часть Ингерманландии подверглась тотальному разорению и поэтому полностью обезлюдела. Православное русское, водское и ижорское население уходило в центральные районы России, в результате чего 95% крестьянских хозяйств оказались заброшенными. По Тявзинскому миру 1595 г. Ингерманландия была возвращена России, но ненадолго, поскольку в результате русской смуты в начале XVII столетия она вновь оказалась под властью шведов³.

На опустошенную войной территорию начали переселяться финские крестьяне, в основном из современных Выборгского и Приозерского р-нов Ленинградской обл, Северного Приладожья и из Саво – части юго-восточной Финляндии вокруг о. Саймаа. Переселенцы из Саво и их потомки назывались *савакот* (савакоты), а переселенцы из Выборгской Карелии – *эурямёйсет* (по названию Аугярää – главного прихода Выборгской Карелии, современный пос. Барышево на берегу Вуоксы)⁴.

Переселение финских крестьян происходило уже с кон. XVI – нач. XVII в., но до Столбовского мира 1617 г. эта территория принадлежала другому государству. Заметим, что Санкт-Петербург в 1703 г. тоже был основан на территории, тогда ещё входившей в состав Шведского королевства⁵.

Миграция финнов была отчасти организованной, отчасти стихийной. Шведское государство предоставляло новопереселенцам значительные льготы при раздаче земель, для них было предусмотрено облегчённое налогообложение⁶. Ингерманландия привлекала безземельных финских крестьян не только свободными землями, но и тем, что жители завоёванной провинции освобождались от несения военной службы. Коренное же православное население Ингерманландии было обложено высокими налогами, ему запрещалось, точнее, не поощрялось исповедовать традиционную православную религию. Усиливалась угроза насильственного обращения в лютеранство. Исход православных крестьян в Россию лишь способствовал переселенческим процессам. В итоге, в результате первой миграционной волны, к 1640 г. финское население достигло семи тыс. чел, составив 30% всех жителей Ингерманландии⁷.

Заметим, что в это число не вошли дети до 15 лет и старики старше 60. Если взять в расчёт среднюю семью, то в ней было 5 детей и хотя бы один человек старше 60 лет. Если исходить из того, что из 5 детей двое, а то и трое были моложе 15 лет, то получается, что половина членов семьи, состоящей из 8 человек (отец, мать, бабушка или дедушка и 5 детей) не была учтена. Следовательно, финское лютеранское население в 7000 чел. надо

умножить хотя бы на два, и тогда получается, что к 1640 г. финнов лютеран было 14 000, что составляло 30% всех жителей Ингерманландии. Таким образом, общее число жителей к 1640 г. было: $14\ 000 \times 10/3 = 46\ 667$. Эта общая численность и численность финнов вполне согласуется с данными Р. Невалайнена и Х. Сихво⁸, согласно которым общее число крестьянских хозяйств в 1643 г. составляло 5427. Действительно, если эту численность умножить на 8 (среднее число членов хозяйства с учётом детей и стариков), то получим $5427 \times 8 = 43\ 416$. Расхождение между 46 667 и 43 416 в 1640 и 1643 гг. вполне допустимо.

Численность населения Ингерманландии в начале правления Петра I

Второе массовое переселение из шведской провинции Финляндия наблюдалось после Русско-шведской войны 1656–1658 гг., во время которой Ингерманландия снова стала ареной военных действий и была подвергнута опустошению: в жерновах войны погибло около трети местного населения. Наибольшие потери (до 60%) пришлось на её западные территории, на старые водские приходы⁹.

На опустошённые земли вновь прибыли переселенцы из Финляндии. По подсчётам этнографов, переселенцы в 1656 г. составили 41,1% от общего населения Ингерманландии, в 1671 г. – 56,9 %, а в 1695 г. – 73,8 %. В 1695 г. всё население Ингерманландии составляло 62 700 чел., из них финны – 45 000¹⁰. Приведём динамику численности населения Ингерманландии (включавшей Ивангородский, Ямской, Копорский и Нотебургский у.) только в 1690-е гг.: 1690 г. – 49 500 чел., 1693 г. – 56 000 чел., 1696 г. – 66 500 чел., 1699 г. – 41 000 чел. Последнее уменьшение населения было вызвано «великим голодом» 1695–1697 гг., приведшим к значительной смертности среди местного населения¹¹.

В ряду этих цифр особняком стоят данные М. Энгмана¹², согласно им на рубеже XVII и XVIII вв. (1695), когда Пётр I стал пробивать окно в Европу, население Ингерманландии равнялось 40 000 – 45 000 чел., и из них 70–75 % составляли финны-лютеране. В действительности, 45 тыс. составляли только финны-лютеране. Такое расхождение вполне объяснимо. Согласно Столбовскому миру 1617 г. России были возвращены захваченные шведами православные земли, но лютеранская Ингерманландия осталась в составе Шведского королевства. В лютеранской Ингерманландии не должно было остаться православного населения, иначе сложнее было бы «узаконить» присоединение этих земель к Шведскому королевству. М. Энгман, вероятно, использовал шведские источники, в которые не были включены православные, и в результате общая численность населения в 1695 г., по М. Энгману – 45 000 чел., а не 62 700. С точки зрения автора данной статьи шведские данные свидетельствуют о чисто конъюнктурном

подходе с превалированием политики «узаконивания» Ингерманландии за Шведским королевством, провозгласившей отсутствие православных в Ингерманландии.

Новое финноязычное население Ингерманландии, в отличие от шведской элиты и администрации, было сугубо крестьянским, занимавшимся традиционными для себя видами сельского хозяйства: земледелием, животноводством и рыболовством. Новый рубеж в истории финского населения Ингерманландии связан с итогами Северной войны. По условиям Ништадтского мира (1721) вся территория Ингерманландии вошла в состав Российской империи. Финское крестьянство, которое уже десятилетия, а то и более столетия проживало здесь, не переселилось в Швецию, в отличие от духовенства, представителей шведской администрации и дворян¹³.

Впоследствии потомки переселенцев, говоривших по-фински и исповедовавших лютеранство (в отличие от православных ижоры и води), составили самостоятельную этническую группу (народ), которая стала называться «ингерманландскими финнами», или «финнами-инкери»¹⁴.

В Ингерманландии эоряймёiset (äyrämöiset) поселились преимущественно в центральной и западной частях, савакот (savakot) — в центральной и северной. Такое разделение сохранялось вплоть до нач. XX в. Известно, что во время службы в Скворицкой церкви, находящейся в Гатчинском р-не, эоряймёiset и савакот сидели по разные стороны центрального прохода в церкви. Браки между представителями разных групп были редким явлением.

Ингерманландские финны – некоренной малочисленный народ Российской Федерации

Отметим ещё один факт. Водь, ижора, вепсы относятся к коренным малочисленным народам Российской Федерации. Их численность – меньше 50 тыс. чел. Их исторической и этнической родиной является современная Ленинградская обл. Ингерманландские финны не входят в реестр коренных малочисленных народов Российской Федерации. Обоснование следующее: ингерманландские финны прибыли из Финляндии в XVII в. В действительности, в приведённых выше цитатах из различных источников следует, что финны переселились из Финляндии, точнее из Шведской провинции Финляндия, в которую входили современный Выборгский и Приозерский р-ны, Северное Приладожье. В настоящее время это территория Российской Федерации, следовательно, ингерманландские финны как потомки савакот и эоряймёiset, должны относиться к коренным малочисленным народам как Финляндии, так и Российской Федерации. Так в мировой практике решается судьба народов, живущих на границе двух или большего числа государств. В 2011 г. общественная организация ин-

германландских финнов «Инкерин Лиитто» подала официальное заявление о включении ингерманландских финнов в реестр коренных малочисленных народов Российской Федерации. Прошло восемь лет. На сегодняшний день вопрос не решён. Более того, никакого официального ответа, в том числе отрицательного, не было получено.

Возможно, сложность проблемы заключается в необходимости уточнения, кем были эти финские переселенцы, так как этот вопрос до сих пор вызывает у исследователей разногласия, несмотря на то, что самоназвания этнических групп – *äygämöiset ja savakot*, обосновавшихся в Ингерманландии, вроде бы говорят сами за себя. В отношении первых можно утверждать, что они переселились сюда из прихода *Äugärää*, расположенного в центральной и северной части Карельского перешейка. Что же касается саваков (савакотов), то некоторые учёные подвергают сомнению традиционный взгляд на то, что единственным местом исхода этой группы был регион Саво в Восточной Финляндии. Их точка зрения, базирующаяся на лингвистических данных и на статистике переселенческого процесса, сводится к тому, что саваки – это понятие собирательное, которое было дано всем переселенцам, перебравшимся в Ингерманландию из-за пределов прихода *Äugärää*¹⁵. В действительности, в особую группу можно также выделить финнов, живущих в юго-западной Ингерманландии в среднем течении р. Луга. Однако это никак не может влиять на признание ингерманландских финнов коренным народом Российской Федерации.

Куда пропали 25 000 финнов из податной переписи населения 1732 г.

В дальнейших расчётах, касающихся динамик численности населения Ингерманландии за основу возьмём 1699 г. с общей численностью 41 000 чел. Это будет соответствовать данным М. Энгмана, О.И. Коньковой¹⁶ и других исследователей, согласно которым общая численность населения составляла 40 000 – 45 000 чел., из них коренного православного населения было всего 25–30%. Если исходить из того, что финское население составляло 73,8%, то $41\,000 \times 73,8/100 = 30\,258$ чел. В этом случае коренное православное население (ижора, воедь, старожилы русские) равнялось $41\,000 - 30\,258 = 10\,742$ чел.

В 1732 г. в Ингерманландии была проведена податная перепись населения. По данным ревизии, из всего населения «старожилы латыши» (финны) составляли 22 986 чел. (37,6%), «старожилы ижоряне» – 14 511 чел. (24%) и «старожилы русские» (деды и прадеды которых жили в Ингерманландии до шведов) – 5883 чел. (9,6%). К этим группам населения следует добавить 10 457 (17%) «переведенцев из российских городов во владения дворцового ведомства». Общая численность населения Ингерманландии

в 1732 г. составила 58 979 чел.¹⁷. Численность «старожильского» населения равнялась: $22\,986 + 14\,511 + 5883 = 43\,380$ чел.

За 35 лет численность православных «старожилов» (ижора, водь, русские) выросла в 1,9 раза $[(14\,511 + 5883) / 10\,742 = 1,9]$, а численность финнов уменьшилась на 24% $(22\,986 / 30\,258 = 0,76)$ или: $30\,258 - 22\,986 = 7272$ чел. В Петровскую эпоху и позднее для финнов сложились условия для развития, поэтому они не возвращались в Шведское королевство, живя с ижорой и русскими на одной земле в одних и тех же условиях. По законам демографии численность финнов должна была бы вырасти также в 1,9 раза и достичь численности $30\,258 \times 1,9 = 57\,490$ чел.

Откуда взялось такое огромное расхождение: 22 986 чел по данным податной переписи 1732 г. и 57 490 по нашим подсчётам? Почему согласно официальным данным произошло значительное уменьшение (на 24%) финского населения $(7272 / 30258 = 0,24 = 24\%)$? Этот феномен тем более вызывает удивление, что через 200 лет после вхождения Ингерманландии в состав Российской империи согласно данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г., численность ингерманландских финнов достигла 109 407 чел., а численность ижоры с водью фактически на изменилась: в 1732 г. их было 14 511 человек, а в 1897 – 13 774 ижора + 1000 водь = 14 774 чел.¹⁸. Парадокс!

Попробуем выяснить причину этого явления. Присоединение к России означало, что, находясь на далёкой окраине Шведского королевства Ингерманландия, вдруг оказалась в центре российской столичной жизни, в непосредственной близости от Петербурга с его дворцами, парадными выездами и пр.¹⁹

Уже в ходе Северной войны были сделаны первые шаги в изменении этнодемографической карты Ингерманландии, поскольку центральная власть стремилась к скорейшему заселению региона постоянными жителями из внутренних регионов страны. Однако поначалу, несмотря на царские указы 1712 г. «О расписании в Ингерманландии земли на участки для поселения крестьян и мастеровых людей» и «О правилах на раздачу в Ингерманландии земель», процесс переселения шёл весьма трудно. Ситуация стала меняться лишь после того, как помещики добились права селить своих «переселенцев» не на свободных, а на заселённых и обработанных участках земли²⁰.

Финских крестьян начали сгонять с земли, передававшейся переселенцам или включавшейся в состав полевого хозяйства двorca. Село Саарское, к примеру, решено было «огородить природными россиянами», поскольку «на туземцев – ижорян и латышей никак не можно было полагаться». (Под латышами имелись в виду жители, исповедовавшие «латинскую» религию, лютеранство, то есть финское население губернии.) Но поскольку пере-

селяться из более южных районов России на северные болотистые земли русские крестьяне не хотели, принуждение при этом носило всеобщий характер. Русских крестьян доставляли в с. Саарское, мызу Славянскую под конвоем. На дворцовые земли в окрестностях Пулкова и с. Саарского за перв. четв. XVIII в. переселили из центральных районов России²¹ более двух тысяч крестьянских дворов что составило 10 457 переселенцев, о которых было сказано выше.

Десятки финских деревень были перенесены на необжитые места, крестьянам отводилась земля, заросшая лесом и кустарником. Так, для заселения Пулковской слободы было разорено и «сведено» в леса 11 финских деревень, в с. Саарском – 10 деревень, в слободе Кузминой – более 15 деревень, Новославянской – 5 деревень и т.д.²². Естественно, что местные крестьяне не желали уступать свои земли. Дело часто доходило до открытых столкновений с «переведенцами». Далеко не все финские крестьяне, выселенные на необработанные земли, были способны встать на ноги и обжиться на новых местах. Многих из разорившихся местных крестьян дворцовая администрация вынуждена была отпустить «кормиться работою своею» и взимать с них только денежный оброк²³. Это означало, что переселённые финские крестьяне были освобождены от налога, то есть от подати. Таким образом, они не попали в податную ведомость 1732 г., как не попали туда и финны, уехавшие на работу в Петербург. С нашей точки зрения, численность финнов в Санкт-Петербургской губ. в 1732 г. следует оценивать в 57 490 чел., а не в 22 986.

Итак, если исходить из численности финнов 57 490 чел. в 1732 г., то к 1897 г. численность ингерманландских финнов увеличилась почти в два раза, достигнув 109 407 чел. Численность же ижоры с водью фактически на изменилась: в 1732 г. – 14 511, а в 1897 – 14 774 чел. Если руководствоваться официальными данными по финнам – 22 986 в 1732г., то прирост будет четырёхкратным, что вызывает сомнение с точки зрения законов демографии.

Отсутствие роста численности у ижоры чаще всего объясняют тем, что многие из них стали записывать себя русскими. Это, частично, так. В царской России учёт населения происходил, в основном, не по национальному признаку, а по религиозной принадлежности, из чего следует, что православная ижора – это русские. Однако говорили и думали они по-ижорски. Ещё в 1950–1970-х гг. многие говорили: *Me olemme vellase / Myö omme vella-set* («Мы – русские»), произносили эту фразу по-фински или по-ижорски.

Что же касается ситуации с финнами, живущими рядом с ижорой и даже ближе к Петербургу и торгующими с Питером постоянно, то они должны были бы скорее ассимилироваться и стать русскими, но происходил обратный процесс – стремительный рост численности финнов. Следова-

тельно, объяснить расхождения в динамике роста численности финнов и ижоры только русским фактором и ассимиляцией нельзя.

Стремление к знанию – главный фактор резкого роста численности населения финнов в XVIII–XIX вв.

С точки зрения автора главным фактором динамики численности финнов и ижоры являлось их стремление к знаниям, которое они могли получить на родном языке. В финской лютеранской церкви брак молодожёнов не освящали, не регистрировали, если молодые не прошли обряд конфирмации, во время подготовки к которой их учили не только закону Божьему, но чтению, письму и счёту. Это было начальное обучение грамотности, причём на финском языке. Неслучайно по данным переписи населения 1897 г. самым грамотным народом Российской империи были признаны грузины, а на втором месте стояли финны.

В православной церкви служба шла на церковно-славянском языке, который ижорянин понимал с трудом. В том же или соседнем селе в финской лютеранской церкви служба шла на финском языке, для него почти родном. Более того, в финской церкви детей учили грамоте на родном языке. Постепенно ижорянин начинает посещать две церкви, а со временем он и тем более его дети, как правило, становятся членами приходов только финской церкви и соответственно – финнами-лютеранами. Даже сейчас, в 20-х гг. XXI в. в деревнях центральной части и на западе Ленинградской обл. можно встретить финна с чисто русской фамилией, которая тянется за ним многие десятилетия, если не столетия. Бесспорно, это потомок ижоры, принявшей еще в XIX – начале XX в. лютеранство и ставший финном.

В результате можно сделать вывод: часть ижор ассимилировалась и стала русскими, но большая их часть перешла в лютеранство ради стремления к получению начального образования на родном языке. Таким образом, численность финского населения к нач. XX в. резко возросло, а численность ижоры не изменилась.

Примечание:

- 1 Суни Л.В. Ингерманландские финны: Исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Э.С. Киуру. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. С. 4.
- 2 Там же. С. 5.
- 3 Там же.
- 4 Гули А., Кирьянен А.И. 300 лет Санкт-Петербургу: «финский след» в истории города. Ингерманландия: в круге втором / Учеб. пособие. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2003.

- 5 Кирьянен А.И., Лабудин А.В., Самодуров А.А. Ингерманландские финны: трудная история // Управленческое консультирование. 2017. № 5 (101). С. 130–141.
- 6 Этнический состав населения // Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О.М. Фишман (науч. ред.), М.Л. Засецкая, Г.А. Исаченко, Л.В. Королькова, О.А. Красникова, А.И. Терюков и др. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2017. С. 234.
- 7 Суни Л.В. Указ. соч. С. 5.
- 8 Inkeri: historia, kansa, kulttuuri / Toimittaneet P. Nevalainen, H. Sihvo. Helsinki: SKS, 1991. S. 72.
- 9 Суни Л.В. Указ. соч. С. 6.
- 10 Haltsonen S. Suomalaiset Inkeria asuttamassa // Suomalainen Suomi. 1941. S. 290.
- 11 Этнический состав населения. С. 234.
- 12 Engman M. St. Petersburg och Finland. Migration och influens. 1703–1917. Helsingfors, 1983. S. 65.
- 13 Суни Л.В. Указ. соч. С. 7.
- 14 Подробнее см.: Чистяков А.Ю. Ингерманландские финны, XVII – начало XX вв.: История и этническая культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998; Многонациональный Санкт-Петербург: История. Религии. Народы: Энциклопедия / Отв. ред. Н. В. Ревуненкова, Н. В. Юхнева; науч. ред. И. И. Шангина. СПб.: Искусство, 2002 и др.
- 15 Суни Л.В. Указ. соч. С. 7; Leskinen H. Inkerin asutus ja väestöryhmat // Itämerensuomalaiset. Jyväskylä, 1995. S. 170–171.
- 16 Конькова О.И. Ижора: Очерки истории и культуры / МАЭ РАН. СПб., 2009. С. 8.
- 17 Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. 2-е изд., исправ. и доп. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 25; Шаскольский И.П. Переселение финских крестьян в Ингерманландию в XVII в. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.М. Фишман; ГМЭ. СПб., 1992. С. 88–89; Троицкий С.М. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источниковедение по истории народов Прибалтики: Сб. ст. / Отв. ред. А. К. Бирон. Рига: Зинатне, 1970. С. 123–124.
- 18 Кирьянен А.И., Лабудин А.В., Самодуров А.А. Указ. соч. С. 130–141; Этнический состав населения. С. 227–228.
- 19 Суни Л.В. Указ. соч. С. 7; Karhu E. Isien sanoma // Carelia. 1994. № 9. S. 94.
- 20 Суни Л.В. Указ. соч. С. 8.
- 21 Там же.
- 22 Индова Е.И. Дворцовое хозяйство в России первой половины XVIII в. М.: Наука, 1964. С. 102.
- 23 Там же.

УДК 39

НОВГОРОДСКИЕ, МЕДЫНСКИЕ И МАКАРЬЕВСКИЕ КАРЕЛЫ В XXI В.: ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Алексей Александрович Бландов

*Школа «Взмах», г. Санкт-Петербург, преподаватель, кандидат исторических наук
vap_87@inbox.ru*

Аннотация. В настоящей статье, основанной на материалах архивных и полевых исследований 2010–2018 гг., рассматривается современное состояние этнотерриториальных групп карел, сложившихся вследствие миграционных процессов XVII в. за пределами своей исторической родины на территории Новгородской, Тверской, Вологодской, Калужской и Нижегородской губ.

Ключевые слова: новгородские карелы, медынские карелы, макарьевские карелы, валдайские карелы

UDK 39

NOVGOROD, MEDYN AND MAKARYEV KARELIANS IN THE 21st CENTURY: ETHNIC IDENTITY AND ETHNIC MEMORY

Alexey Alexandrovich Blandov

*School "Vzmkh", St. Petersburg, PhD in History, Teacher
vap_87@inbox.ru*

Abstract. The article discusses the current condition of the Karelian groups that appeared in the 17th century outside their ethnic homeland – in Novgorod, Tver, Vologda, Kaluga, and Nizhniy Novgorod regions of Russia. The material based on the archival and field research made in 2010–2018.

Key words: Novgorod Karelians, Medyn Karelians, Makaryev Karelians, Valday Karelians

До революции карелы были одним из наиболее многочисленных финно-угорских народов Российской империи. Они проживали в Олонецкой, Архангельской, Новгородской, Тверской, Ярославской и некоторых других губерниях, порой образуя весьма изолированные друг от друга этно-территориальные группы. Одни из этих групп сумели сохранить свой язык и идентичность и постоянно находились в центре исследовательского внимания (например, тверские карелы), другие, напротив, быстро обрусели и никогда не становились объектами специальных исследований. В этой статье речь пойдет именно о таких малоизученных этнографических группах карел, сложившихся вследствие миграционных процессов XVII столетия за пределами своей исторической родины – в Новгородской, Калужской и Костромской губерниях. О состоянии большинства из этих групп достоверные сведения не поступали с сер. или даже с нач. XX в.

Неодинаковую степень изученности различных групп карельского народа наглядно демонстрирует ситуация с так называемыми новгородскими карелами. Они проживали на территории нескольких уездов Новгородской губ., образуя по меньшей мере четыре этнографические группы. В литературе за ними закрепились наименования тихвинских, валдайских, крестецких и боровичских карел. И если тихвинские карелы планомерно исследовались на протяжении всего XX в.¹, то другим группам повезло меньше, в научной литературе они практически не описаны.

В последние годы ситуация стала меняться, и в настоящий момент в нашем распоряжении есть достаточно информативные свидетельства об истории возникновения и постепенного исчезновения ряда карельских анклавов Новгородской губ. В частности, можно утверждать, что основная масса карел прибыла на Новгородские земли из-за шведского рубежа в 1630–1660 гг., а к кон. XVII в. территория расселения новгородских карел в целом сформировалась².

Наиболее полные списки карельских поселений Новгородской губ. были составлены еще в сер. XIX в. местными чиновниками по запросам академика П.И. Кёппена³. В ходе полевых исследований и работы с архивными материалами эти списки были существенно дополнены. В результате в окрестностях Валдая было локализовано более 70 карельских деревень; на территории Боровичского у. – более 30; и по реке Мсте, в границах Крестецкого у. – около 40. Во многих из них удалось побывать автору статьи.

Необходимо сразу отметить, что все попытки найти носителей карельского языка в этом регионе не увенчались успехом. Люди, которые сегодня живут в некогда карельских поселениях, с уверенностью называют себя русскими, даже несмотря на тот факт, что среди их ближайших родственников были лица, свободно говорившие на карельском языке. Отсутствие у современного населения Новгородской обл. карельского самосознания вполне

объяснимо. Карельская тематика почти не отражена на страницах краеведческих изданий, в экспозициях районных музеев и в школьных программах по истории родного края. Нужно полагать, карельская тема редко или вовсе никогда не поднимается в повседневном общении. Конечно, определенные воспоминания о карельском прошлом здесь еще можно услышать. Но, как правило, люди, родившиеся во втор. пол. XX в., уже не слышали живую карельскую речь и поэтому не воспринимают карел как отдельную этническую группу, полагая, что *карелы/кореляки/карельцы* – это лишь прозвище, данное жителям того или иного населенного пункта, а *Корела* – не более чем название той или иной местности: «*А там, ну это, ну прозвище было, там Крепугино, Смёнково – так, как, ну как карельцы да карельцы, как-то так, такое прозвище было*»⁴. «*Корела – вот за Угловкой тут, всё говорили, что: "Пойдемте на праздник в Корелу!"*» А почему ее *Корелой* звали, тоже не знаю»⁵.

Насколько позволяют судить собранные материалы, раньше всего карельский язык был утрачен в Крестецком у., а также в некоторых периферийных районах. Несколько дольше (едва ли не до 1990-х гг.) язык использовался в ряде труднодоступных поселений к югу от Валдая. Однако в большинстве обследованных новгородских деревень карельский язык служил средством общения примерно до сер. XX в. В чем причина неравномерности процесса обрусения – не совсем ясно. О. М. Фишман показала, что для некоторых локальных карельских групп ведущим стабилизирующим фактором являлась их принадлежность к старообрядчеству⁶. Однако на новгородском материале такую четкую зависимость выявить не удалось.

При полной языковой ассимиляции новгородских карел единственным хорошо сохранившимся реликтом карельского языка остается топонимия⁷. Примечательно, что общее количество карельских топонимов, зафиксированных в ходе многолетних авторских исследований, невелико. Типична ситуация, когда из нескольких десятков географических названий, записываемых в какой-нибудь некогда карельской деревне, только одно или два оказываются карельскими. С чем это связано – не вполне понятно, ведь, например, в обрусевших в то же самое время деревнях Прионежского р-на Карелии карельские топонимы и сегодня составляют до 90% всего корпуса географических наименований⁸. Вероятно, русская топонимия преобладала на Новгородчине и во времена активного бытования карельского языка. Возможно, значительная ее часть имеет докарельское происхождение.

Немногочисленны и карельские слова, вошедшие в местные русские говоры. Всего на территории Новгородской обл. таких лексем выявлено несколько десятков. В большинстве своем они представлены в Новгородском областном словаре⁹. Более богатый материал дает изучение местной антропонимии – коллективных и личных прозвищ, а также фамилий деревенских жителей. Многие из них однозначно восходят к карельскому языку.

Карельское влияние заметно и в других элементах культуры. Так, среди потомков валдайских и крестецких карел сохраняются воспоминания о празднике *дне кегри*¹⁰. На нескольких кладбищах Валдайского р-на обнаруживаются *деревья-карскикко*, игравшие важную роль в карельской поминальной обрядности¹¹. Наконец, повсеместно известны *сканицы, сульчины и кукки* – блюда, которые даже сами местные жители однозначно связывают с карелами.

Исторически территория проживания новгородских карел не ограничивалась вышеназванными территориями. В XVII в. довольно значительная группа карельских беженцев переселилась на юг от оз. Ильмень, в Старорусский у.¹². Впрочем, с сер. XVIII в. упоминания о старорусских карелах пропадают со страниц документов. В ходе рекогносцировочной поездки нам не удалось обнаружить каких-либо следов карельского прошлого даже в деревне, которая прежде именовалась Карельские Налючи (ныне д. Налючи Парфинского р-на Новгородской обл.)¹³. Такие же отрицательные результаты дала и поездка в д. Карельское Пестово (Пестовский р-н Новгородской обл.) – известный старообрядческий центр Восточной Новгородчины¹⁴. Это говорит в пользу очень раннего обрусения карел в названных населенных пунктах.

Как показала З.В. Дмитриева, в XVII в. карельские выходцы селились и на землях Кирилло-Белозерского монастыря, на границе Новгородской и Вологодской губерний¹⁵. Судя по дневниковым записям А.М. Шёгрена, еще в 1820-х гг. в ряде деревень Кирилловского у. можно было найти стариков, говоривших по-карельски. Но уже в сер. XIX столетия носители языка там, по всей видимости, отсутствовали, хотя жителей некоторых населенных пунктов продолжали именовать карелами¹⁶.

В XX в. положение дел не изменилось, и несколько деревень в Кирилловском р-не Вологодской обл. по-прежнему обобщенно именовались Корелой: *«Вот эта Корела-то – вот эта вся вот местность до самого Кириллова, не до самого, а до деревни Суховерьхово»*¹⁷. *«Здесь называлась, деревня называлась Карелия, тоже не знаю, почему, чего, так вот там дальше вот туда вот, вот туда вот за канал, туда вот уже пойдут деревни, называются Цыпино»*¹⁸. Сегодня наименование Корела уже не употребляется, но многим известна поговорка, отражающая противостояние двух расположенных по соседству сельсоветов: *«Цыпина идет, Корела отворачивает»*.

Есть некоторые свидетельства, что Корелой также именуют окрестности с. Воскресенское (Ёрга) в Череповецком р-не, а *корляками* зовут уроженцев д. Безменово в Кирилловском р-не Вологодской обл.¹⁹.

Вероятно, еще раньше обрусела другая изолированная группа карел, известная на территории Медынского у. Калужской губернии с 1660-х гг.²⁰ К сер. XIX в. представители этой группы лишь сохраняли самоназвание ка-

релы, но уже не говорили на карельском языке. Это, впрочем, не помешало П.И. Кёппену нанести данную группу на свою этнографическую карту, добавив при этом, что, по его данным, карелы были перевезены в Медыньский у. во втор. пол. XVIII в. из соседнего Гжатского у. Смоленской губ.²¹. Впоследствии эта информация закрепились в литературе, что дало основания некоторым авторам ошибочно называть Смоленщину одним из традиционных регионов карельского проживания²². Между тем, уже через несколько лет корреспондент Русского географического общества сообщал, что, на самом деле, карелы прибыли в Медыньский у. не из Смоленской, а из Новгородской и Тверской губ.²³. О связях медыньских карел с карелами Зубцовского уезда Тверской губ. писал также Д. К. Зеленин²⁴. Действительно, есть сведения, что сами зубцовские (или, как их чаще называют, дёржанские) карелы считали жителей Медыньского у. своими предками и даже ездили к ним в гости по крайней мере до кон. XVIII в.²⁵ Как бы то ни было, уже в XIX столетии медыньские карелы полностью обрусели, а дёржанские, несмотря на свою малочисленность, все же сумели сохранить язык и идентичность²⁶.

В 1940-х гг. среди медыньских карел побывала сотрудница Института этнографии АН СССР, известная исследовательница тверских карел Г.С. Маслова. Ей удалось установить, что на тот момент карелами именовали себя жители более чем 40 деревень, входивших прежде в Дороховскую вол. Медыньского у. Тем самым они отличали себя от проживавших в соседних волостях *ягунов* и *барских*. По мнению Масловой, все три группы имели различный говор, характер и, вероятно, разное происхождение²⁷.

За прошедшие 70 лет ситуация несколько изменилась. Нам удалось посетить некоторые из деревень, указанных Масловой, и убедиться, что деление на три группы уже не актуально. На памяти наших информантов прозвище карелы уверенно употреблялось лишь по отношению к жителям д. Хвощи, где, согласно рассказам, на одном берегу реки жили ягуны, а на другом – карелы: *«Карелы – это в Хвощах. Одни ягуны, а вторые карелы... В общем, до моста было, как я бы, как бы не попутала, это вам надо самим узнавать, куда они были: до моста там корела, а там ягуны, что ль, за мостом»*²⁸. Оба прозвища, по-видимому, не имели негативной коннотации и уже не маркировали каких-либо заметных различий. Впрочем, встречается точка зрения, что карелы, в отличие от ягунов, говорили на более чистом, так сказать, городском языке: *«Карелы – это которые вот чище разговор был, у которых, вроде, похож на московский. Вот это их называли так»*²⁹. В ходе полевых исследований никаких карельских следов в местных говорах обнаружить не удалось. Карельское происхождение могут иметь разве что названия блюд: *шульчины, шкальчины, карюльки*.

Еще одна малоизвестная группа, носившая название карелы, проживала в Макарьевском у. Костромской губ. (ныне Ковернинский р-н Ни-

жегородской обл.). Некие *кореляне* в данном регионе были известны с кон. XVII в.³⁰ И хотя еще в 1920-х гг. 15 деревень к западу от с. Ковернино обобщенно именовались Корелой³¹, никаких сведений о бытовании там карельского языка не имеется.

На сегодняшний день слово «карелы» однозначно ассоциируется лишь с д. Большая Калениха и реже – с рядом соседних населенных пунктов. По всей видимости, еще несколько десятилетий назад это слово активно использовалось в качестве коллективного прозвища. Впрочем, современные жители затрудняются объяснить его значение и лишь в некоторых случаях пытаются как-то связать его со своей конфессиональной принадлежностью (абсолютное большинство из них – старообрядцы поморского согласия): «Карелы, да, мы карелы. [Соб.: А почему вот вы карелы, что это значит?] А вот карелы, потому что у нас, я помню, бабка всё говорила: “А вы карелы”, – это самое, ну у нас вера староверская, во-первых, мы старообрядцы»³². Отмечено также, что иногда карел противопоставляют *кулугурам* – вероятно, представителям другого старообрядческого течения. Нужно полагать, что карелами местные поморцы называли себя и до революции. По крайней мере, в 1920-х гг. в с. Шадрино выпускался рукописный старообрядческий журнал, носивший название «Голос Корелы». Он предназначался именно для читателей из поморской общины³³.

Есть мнение, что местные жители получили такое прозвище не в связи со своей этнической принадлежностью, а по месту исхода своих предков – Корельскому у. Некоторые авторы даже полагают, что карелами именовались бежавшие с Выга русские крестьяне, которые и принесли в Заволжье старообрядчество поморского толка³⁴. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют опровергнуть или принять эту точку зрения. И все же ни в топонимии, ни в разговорной лексике жителей Ковернинского р-на выявить очевидные прибалтийско-финские заимствования не удалось. Однако используется глагол *корелячить* в значении ‘говорить иначе, по-другому’.

Переселение карел в Россию, вызванное русско-шведскими войнами XVII в., привело к существенным изменениям этнической структуры населения ряда регионов и формированию новых локальных карельских групп. Большинство из этих групп обрусело в XIX или XX в., и сегодня они лишь отдельными элементами культуры отличаются от окружающего русского населения. Утратив язык, потомки карел уже во втором–третьем поколении перестают осознавать себя представителями отдельной этнической группы. Какое-то время они еще сохраняют память о своем иноэтничном прошлом, о котором впоследствии будет напоминать только потерявшее свой первоначальный смысл самоназвание или коллективное прозвище.

Примечание:

- 1 Фишман О.М. Жизнь по вере. Тихвинские карелы. М.: Индрик, 2003.
- 2 Бландов А.А. Валдайские карелы в XVII–начале XVIII веков // Финно-угроведение. 2014. № 2. С. 20–30.
- 3 Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 177. – Иногородцы в Новгородской губернии.
- 4 ПМА. Новгородская обл., Хвойнинский р-н, д. Пожарьё, 2016 г.
- 5 ПМА. Новгородская обл., Окуловский р-н, д. Шуя, 2017 г.
- 6 Фишман О.М. Символизация локальной культуры: старообрядческие группы тихвинских и тверских карел // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Мат-лы IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения–2003» / Отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. С. 260–262.
- 7 Васильев В.Л. О влиянии языка карельских переселенцев XVII века на топонимию Новгородской области // Учен. зап. ПетрГУ. 2018. № 6 (175). С. 69–75.
- 8 Муллонен И.И., Мамонтова И.И. Село Суйсарь и его окрестности в географических названиях // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1997. С. 15.
- 9 Новгородский областной словарь / Подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.
- 10 Игры и праздники Валдая / Сост. С.В. Григорьев, В.Б. Назаренко. М.: ОДИ International, 1995. С. 62.
- 11 Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 156.
- 12 Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1956. С. 67; Салохеймо В. Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 462.
- 13 Карельское прошлое этой деревни предполагал еще П.И. Кёппен. См.: Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 5. – Карелы.
- 14 См. статью И.А. Мельникова «Старообрядчество Устюженского уезда Новгородской губернии и Пестовского района Новгородской области в XIX–XX вв.» в настоящем сборнике, с. 211–224.
- 15 Дмитриева З.В. «Карельские выходцы» на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. 5. Вологда, 2003. С. 81–90.
- 16 Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 70б; Д. 177. Л. 40б., 19; Кёппен П. О третьем издании Этнографической карты Европейской России // Вестник имп. РГО за 1856 год. Кн. 2. СПб., 1856. С. 92–94.
- 17 ПМА. Вологодская обл., Кирилловский р-н, д. Кишемское, 2018 г.
- 18 ПМА. Вологодская обл., Кирилловский р-н, д. Вазеринцы, 2018 г.
- 19 Макарова А.А. К вопросу о картографировании этнолокальных групп Белозерья по ономастическим данным // Известия УРФУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 1 (169). С. 68.

- 20 [Холмогоров Г.И. Материалы для истории церквей Калужской епархии] // Калужская старина. 1911. Т. 6. С. 29; *Малинин Д.* К вопросу о происхождении медыньских «карел» // ЖС. 1916. Т. 25. С. 23–28.
- 21 Архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 30, 38; *Кёппен П.* О третьем издании Этнографической карты Европейской России. С. 92.
- 22 Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. Т. 2. СПб., 1863. С. 513; *Рихтер Д.* Корелы // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. 16. СПб., 1895. С. 228.
- 23 Архив РГО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 21. Л. 1. – *Баталин М.А.*, свящ. Этнографические сведения о Дороховской волости Медынского уезда; *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. Пг: Имп. РГО, 1915. С. 578.
- 24 *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. / Отд. рус. яз. и слов. Имп. АН СПб., 1913. С. 235.
- 25 Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Т. XLIII: Тверская губ. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С. XXVIII.
- 26 По нашим данным, в 2018 г. в трех деревнях Зубцовского р-на Тверской обл. оставалось около пяти носителей карельского языка.
- 27 *Маслова Г.С.* Медыньские «карелы» (отчет о рекогносцировочной поездке) // КСИЭ. 1947. Т. 2. С. 54–55.
- 28 ПМА. Калужская обл., Износковский р-н, д. Горки, 2015 г.
- 29 ПМА. Калужская обл., Износковский р-н, д. Хвощи, 2017 г.
- 30 Родина Хохломы. Очерки истории Ковернинского края / Сост. В. Б. Аветисян. Нижний Новгород: Литера, 2000. С. 50–51.
- 31 *Зимин М.М.* Ковернинский край (наблюдения и записи) // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 17. Кострома, 1920. С. 11.
- 32 ПМА. Нижегородская обл., Ковернинский р-н, д. Шадрино, 2017 г.
- 33 *Кобяк Н.А.* О научном значении книжных памятников, полученных НБ МГУ из археологических экспедиций // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. Ч. 1. Ярославль: Ремдер, 2008. С. 53–62.
- 34 *Зимин М.М.* Указ. соч. С. 11; Родина Хохломы. С. 39–40, 41, 44, 48; *Корепова К.Е.* Островок северной традиционной культуры за пределами Севера (бывш. Карельская волость Костромского края) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Мат-лы IV междунар. науч. конф. «Рябининские чтения–2003». / Отв. ред. Т.Г.Иванова; Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2003. С. 189–190; *Островский А.Б.* Старообрядцы и православные в русском сельском социуме. Вторая половина XIX–XX век. Формы общения. Ритуальная специфика: Этнографические очерки. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 125.

УДК 39+910

ЗЕМЛЯ ШПИЦБЕРГЕН. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Дмитрий Александрович Баранов

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, заведующий отделом

dmitry.baranov@list.ru

Владимир Анатольевич Шорохов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук

helveticw@bk.ru

Аннотация. Статья представляет собой ряд небольших этнографических зарисовок, сделанных по результатам двухнедельной экспедиции на архипелаг Шпицберген. Рассматриваются вопросы характера взаимоотношений человека и природы в условиях Арктики, истории освоения островов, формирования различных видов идентичностей у местного населения, выстраивания различных стратегий коммеморации архипелага и его музеефикации.

Ключевые слова: архипелаг Шпицберген, грумманланы, уголь, СССР, арктический туризм, идентичность, коммеморация

UDK 39+910

SPITSBERGEN LAND. ANTHROPOLOGICAL NOTES

Dmitry Alexandrovich Baranov

The Russian Museum of Ethnography, St Petersburg, PhD in History, Head of the Department

dmitry.baranov@list.ru

Vladimir Anatol'ev ich Shorochov

St. Petersburg State University, St Petersburg, PhD in History

helveticw@bk.ru

Abstract. The article is a series of small ethnographic sketches made on the results of a two-week expedition to Svalbard. The authors considered the interaction between human being and nature in the Arctic, the history of the development of the islands, the formation of

various types of identities among the local population, the building of multiple strategies for memorization of the archipelago and its museification.

Key words: Svalbard archipelago, Grumanlans, coal, USSR, arctic tourism, identity, memorization

Данная статья представляет собой несколько кратких антропологических этюдов, основанных на полевых наблюдениях в ходе кратковременной экспедиции на Шпицберген (июль 2015 г.) в составе Д.А. Баранова, О.В. Ганичевой (РЭМ) и В.А. Шорохова (СПбГУ), организованной РЭМ при финансовой поддержке члена Клуба друзей музея С.С. Сардарова. Экспедиция проводилась в рамках проекта «Разная земля», целью которого является репрезентация (книги-альбомы, фотовыставки) визуальных образов культуры народов, живущих в разных природных и историко-культурных условиях, и предлагающих в определенном смысле альтернативные европейскому стилю жизни.

Этюд 1. Разная земля

Название «Разная земля» акцентирует внимание на пространственном измерении культуры, которое предполагает путешествие, дающее возможность отстранения – увидеть «свое» как нечто новое и неожиданное, а «чужое» воспринять в призме узнавания в нем «своего». Поэтому в основе проекта лежат этнографические экспедиции, по результатам которых готовятся книги-альбомы с соответствующими комментариями. Этнографические наблюдения участников экспедиции, выдержки из описаний путешественников и исследователей рубежа XIX–XX вв., как и высказывания людей, с которыми этнографы вели долгие беседы, выступают в книге в качестве комментариев к фотографиям и создают то многоголосье, которое помогает раскрыть смысловой контекст визуальных образов. В фокусе внимания – человек, осваивающий земные пространства, и тот культурный ландшафт, который он создал с помощью ремесел, промыслов, обрядовых практик и символической интерпретации окружающего мира. Проект акцентирует визуальные образы культур, «пропущенные» через объектив фотоаппарата, но претендовать на непредвзятость эти образы не могут, т. к. сам процесс фотосъемки – это результат выбора, обусловленного как общим культурным контекстом, так и поставленными перед фотографом задачами, его интересами и жизненным опытом. В этом смысле содержание фотоальбомов является своего рода зеркалом интересов и предпочтений двух эпох – нач. XX в. и нач. XXI в.

Полевые исследования, заключающиеся, прежде всего, в интервьюировании и фотосъемке, проводились в столице Шпицбергена г. Лонгйирбюене, российских шахтерских пос. Баренцбурге, Груманте и Пирамиде. По

результатам экспедиции вышел очередной, уже 6-й том из серии «Разная земля» – «Земля Шпицберген»¹ и в мае 2017 г. была открыта одноименная фотовыставка в Российском этнографическом музее.

Почему именно Шпицберген? Во-первых, как отмечает один из крупнейших специалистов в области археологии Шпицбергена В. Ф. Старков, архипелаг *«с полным основанием можно отнести к уникальным островным территориям Арктики, где в течение примерно четырехсот лет не прекращается интенсивная хозяйственная деятельность человека... [Шпицберген] по насыщенности своей истории заметно выделяется среди других островных территорий Арктики»*².

Во-вторых, с точки зрения антропологии, Шпицберген – интереснейший объект показа, поскольку здесь проявляются скрытые возможности культуры, ее гибкость и устойчивость, позволяющие человеку не просто выжить в малопригодных для жизни условиях, но и сделать саму Арктику частью своего культурного пространства. В этом смысле особенности местных культурных ландшафтов выступают в качестве беглого наброска биографии жителей архипелага, и распознать их может только тот, кто пережил вместе одни и те же события. Именно здесь наиболее ярко высвечивается чрезвычайно сложный характер взаимоотношений человека и окружающего мира, напоминающий игру между культурой и природой,

Рис. 1. Остатки поморских захоронений XVIII в. Бухта Трюгхамна.
Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

Рис. 2. Пос. Баренцбург. Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

правила которой определяет сама Арктика. И именно на Шпицбергене можно проследить траектории формирования/смены разных видов идентичности его жителей: локальной, этнической, государственной, профессиональной, исторической, языковой.

Шпицберген для многих из нас – загадочный, расположенный недалеко от Северного полюса «ледяной» архипелаг с многочисленными заснеженными горами и сползающими по их склонам ледниками, покрытыми льдом фьордами и бесконечными полярными днями и ночами. Эта земля обладала особой манящей силой на протяжении всей её истории – от поморов и покорителей Северного полюса до современных исследователей и туристов. Знакомство с архипелагом, как с его природой, так и людьми, производит сильное впечатление, поскольку туда попадают люди, прошедшие «отбор», самой судьбой. Здесь можно встретить немца с паспортом несуществующей ГДР, не принявшего реалий современной Европы, и отшельника, который суеде городской жизни предпочел безмолвие арктической пустыни и продолжил в этом смысле знаменитый опыт многолетнего одиночного проживания на архипелаге в кон. XVIII – нач. XIX в. помора Ивана Старостина.

Первые дни ты не понимаешь, как здесь можно подолгу жить, но когда покидаешь архипелаг, то дома все кажется пресным и наигранным, и у тебя наступает, как я это называю, постарктическая депрессия. В общем, там все кажется настоящим, как в смысле подлинности, так и в смысле

Рис. 3. Памятный крест на мысе Старостина. Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

времени. Уже с первых минут пребывания в столице Шпицбергена – Лонгйирбюене, у тебя появляется ощущение осажденности города природой, вызванное то ли нависшими над городом снежными горами, то ли предупреждающими знаками с изображением белого медведя, то ли везде снующими вооруженными охотничьим снаряжением группами туристов или местных жителей. Это чувство в дальнейшем подкрепилось знакомством с многочисленными предписаниями, регламентирующими деятельность и просто повседневное поведение людей. Цель одна – сделать присутствие людей на архипелаге как можно менее заметным. За подобным императивом стоит непростая история архипелага. В самом деле, история освоения и изучения Шпицбергена – это история непрерывных сдвигов и разрывов: поморы, голландцы, норвежцы, шведы соперничали и сменяли друг друга так же, как и морской промысел сменился угольной индустрией и полярными исследованиями, а в наши дни – туризмом. Естественную преемственность и непрерывность здесь трудно обнаружить, они лишь конструируются в головах людей, поэтому все, что не относится к «здесь и сейчас», интерпретируется как «отдаленное» и «чужое».

Этюд 2. Из истории Шпицбергена

Покорение человеком архипелага характеризуется чередой маленьких побед и свершений, но одновременно – больших неудач и стратегических

Рис. 4. Шахтер из Баренцбурга. Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

поражений в борьбе за освоение арктического пространства. «Смотри на меня, но не трогай» – этот императив природы определял место и роль пребывания людей на островах. Действительно, при более близком знакомстве со Шпицбергом создается впечатление, что в вечном соперничестве природы и культуры первая победила, ограничив хозяйственную, научную, культурную, досуговую деятельность посредством норвежского законодательства. Согласно последнему архипелаг поделен на несколько зон, которые делают посещение человеком большей части архипелага нелегитимным. «Приезжаешь сюда, с тобой проводят инструктаж – к туристам не подходи, с земли ничего не поднимай, далеко никуда не ходи, далеко уходишь – пиши заявление, тебе выдадут ракетницу»³.

Даже историческое прошлое архипелага оказалось законсервированным: запрет на большую часть археологических раскопок превратил историю в мертвый нарратив, неизменно воспроизводящийся в устах гидов и на страницах местной прессы⁴. Все, что датируется временем ранее 1946 г., является неприкосновенным, даже мусор превращается в «культурное наследие». Отсутствие летом наблюдаемого суточного времени (солнце в середине лета находится практически в одной точке небесной сферы и днем и ночью), неизменяемость культурного ландшафта (из-за законодательных ограничений на кардинальное вмешательство в окружающую

Рис. 5. Поморская изба и приметный крест. Реконструкция. Пос. Бареницбург.
Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

среду), а также особые свойства арктического воздуха, консервирующего артефакты, создают странное ощущение, что время здесь «плоское» и статичное. За скобки местного арктического пространства вынесены такие атрибуты человеческой жизни, как рождение и смерть – согласно местным законам, рожать и умирать (точнее, хоронить) на Шпицбергене запрещено. В этом смысле, архипелаг никогда не станет родиной человека по рождению, это край вечной смерти и вечной жизни, граница между ними почти непроницаема.

Вопрос о первооткрывателях не имевшего аборигенного населения Шпицбергена сегодня остается дискуссионным. Археологические памятники достаточно убедительно свидетельствуют, что первыми людьми, регулярно посещавшими архипелаг, были промысловики с Русского Севера – поморы. Эти добытчики моржей, белух и песцов оставили после себя множество следов – 70 поселений (из них пять датированы в пределах 1548–1593 гг.), 50 приметных крестов, 54 погребения, множество остатков судов по всему побережью Груманта (так именовали его русские поморы). В XVI–XVIII вв. Шпицберген был основным районом добычи моржового клыка, который высоко ценился на рынках Евразии.

Несмотря на притягательность природных богатств Груманта, посещение этой суровой заокраинной земли, а тем более зимовка там счита-

*Рис. 6. Главный атрибут шахтерского обряда. Пос. Пирамида.
Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.*

лись подвигом, после этого рядовой промысловик превращался в члена уважаемого сообщества бесстрашных и удачливых *гуманланов*. Даже в XX в. Шпицберген продолжал восприниматься как земля, не пригодная для жизни. С. В. Обручев, побывавший на архипелаге в 1920-х гг., так описывал свои впечатления от знакомства с ним: *«Перед нами предстала мрачная бесконечная стена обрывов: черные склоны гор и между ними яркочелые громадные ледники и покрытые еще снегом вершины. Только черное и белое — резкие контрасты гравюры, выполненной смелым мастером. От нее веет холодом, она безжизненна и страшна»*⁵.

Образ жизни *гуманланов* способствовал формированию своеобразных обычаев, обрядов и сложению особого психологического типа, в основе которого лежал принцип: *«Или пан, или пропал!»*. Шпицберген в XVIII–XIX вв. являлся традиционной зоной хозяйственной деятельности поморов. Здесь они охотились и добывали морского зверя. Следы этих промыслов поморов до сих пор определяют во многом особенности культурного ландшафта островов: *«Поморы охотились на морского зверя. Приплывали на кочах. Они были первыми, кто останавливался на зимовку. Привозили с собой сруб, ставили избу. Становище включало в себя, как правило, несколько строений – жилую избу и промысловую, где обрабатывали туши. В течение полярной ночи люди здесь жили, продолжали охотиться на север-*

Рис. 7. Г. Лонгйирбюен. Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

ных оленей и песцов, потому что зимой пушнину можно было добывать. Весной корабль спускали на берег. Вокруг сохранились обводные канавки, чтобы вода подтекала. Такое ирригационное сооружение, чтобы отступала талая вода. Здесь все видно, дерево здесь хорошо сохраняется, потому что бактерий здесь нет»⁶.

Большая часть поморских поселений располагалась на юго-западном побережье Западного Шпицбергена, и только 12 из них были основаны на севере. Именно здесь, на самых северных берегах островов Западный Шпицберген и Северо-Восточная Земля, было найдено несколько последних, все еще существующих поморских промысловых строений. Эти поселения (в Руссевике, Дирксодене и Елветангене) являлись частью комплексной поморской промысловой системы до кон. XVIII в. Морской промысел на Шпицбергене пришел в упадок в перв. пол. XIX в. Ушедших с архипелага поморов сменили немногочисленные норвежские охотники и исследователи со всего мира, стремившиеся закрасить оставшиеся белые пятна на картах Севера.

Этюд 3. Уголь

В 1860-е гг. геологи выявили на Шпицбергене запасы угля. Через три десятилетия промышленную разведку и пробную добычу начали пред-

Рис. 8. Железная дорога из Груманта в порт Колсбей. Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

приниматели Норвегии, Англии, США, Нидерландов, Германии. Проблема снабжения Кольского полуострова углем побудила русское правительство организовать в 1911 и 1912 гг. экспедиции для изучения природных богатств северного архипелага. Первые геологоразведочные работы под российским флагом были проведены летом 1912 г. экспедицией Владимира Александровича Русанова. И хотя добыча угля началась лишь спустя полтора десятка лет, советские специалисты, фигура полярного исследователя остается знаковой для русского Шпицбергена. Недалеко от покинутого порта Колсбей, где когда-то загружали на суда уголь с рудника Грумант, находится «Дом Русанова» – небольшой гостевой дом с экспозицией, посвященной ученому. Его центральная часть представляет собой самое старое сохранившееся русское строение на архипелаге, возведенное членом экспедиции Русанова, горным инженером Рудольфом Лазаревичем Самойловичем в 1913 г.

Однако реальная добыча угля наладилась уже после установления норвежского суверенитета над Свальбардом (норвежское название Шпицбергена) и образования СССР. Международными договорами 1921 г. и 1925 г. архипелаг был закреплен за Норвегией, но право на осуществление хозяйственной деятельности осталось за всеми государствами, подписавшими договор. Советский Союз, а затем Россия играли особую роль на Шпицбергене. В сер. 1920-х гг. советские специалисты начали геологоразведку

Рис. 9. Пос. Баренцбург. Фото Д.А. Баранова. 2015 г.

и переговоры о покупке не используемых иностранными компаниями участков. С 1931 г. вся хозяйственная и научная деятельность русских на Шпицбергене ведется через государственный трест «Арктикуголь».

Во втор. пол. XX в. господство человека на Шпицбергене вновь оказалось под угрозой. После Второй мировой войны значение угля в международной экономике стало неуклонно снижаться. Для сохранения прибыльности рудников в условиях Заполярья требовалось увеличение добычи топлива, которое, в свою очередь, привело к исчерпанию его доступных запасов. В 1961 г. была законсервирована старейшая советская шахта «Грумант». К нач. 1990-х остановилась добыча в Лонгйирбюене. А в марте 1998 г. была добыта последняя тонна угля на самом северном в мире руднике «Пирамида». И если норвежский Лонгйирбюен стал научным и туристским центром архипелага, то российские индустриальные поселки превратились в города-призраки.

Из трех разработанных Россией месторождений единственным, где продолжается добыча угля, является купленный у голландцев в 1932 г. рудник Баренцбург. Это второй по величине поселок архипелага. Он расположен недалеко от выхода из Исфьорда в Гренландское море. Постоянное население Баренцбурга на протяжении последних десяти лет не превышает 400 чел. Культурный ландшафт пос. Баренцбурга определяется двумя факторами – добычей угля и демонстрацией «советскости».

Рис. 10. Аллея им. 60-летия Великого октября. Пос. Пирамида. Фото О.В. Ганичевой. 2015 г.

Уголь с рудника уже давно не поставляется в Россию. Он экспортируется в Великобританию, Данию, Испанию и Португалию. Но согласно самым оптимистичным прогнозам уголь закончится уже через 10 лет, поэтому уже сейчас «Арктикуголь» старается развить арктический туризм, доходы от которого уже сопоставимы с доходами от продажи «черного золота». По установившейся с советских времен традиции на руднике работают шахтеры из Донбасса. Несмотря на сложную политическую ситуацию на Украине и проживание в разных частях Донбасса, шахтеры здесь образуют единое консолидированное сообщество, границы которого поддерживаются разными видами общей идентичности – локальной (Донбасс), гражданской (Украина), профессиональной (шахтеры). Кроме того среди шахтеров (а в настоящее время – среди всего русскоязычного населения Шпицбергена) распространен ритуал «инициации», формирующий новый тип идентичности – полярную: «У нас есть обычай – “топить суку”. Когда ты проработаешь полгода, то должен найти здесь двух полярников, имеющих большой стаж, которые согласны рекомендовать тебя для исполнения этого обряда. Нужно сделать «суку» из железа – от того, как ты провел эти полгода, коллектив решает, насколько тяжелой должна быть собачка. Ее нужно топить в заливе. Если ты хороший человек и щедро проставился, то эта собачка будет легкой, и ее легко можно будет донести до залива. Чем меньше ты пришелся по душе коллективу, тем тяжелее тебе сварят

сваришки собачку. Мне сделали ее из трубы, сварили, прицепили хвостик из цепочки, из арматуры сделали лапки, ушики приварили. Потом взял ее с собой спать, ночь переспал, на следующий день пошли всей толпой на берег топить ее во фьорде и затем все отмечали рождение нового полярника»⁷.

Суровость природных условий породила и специфический полярный нарратив, одной из особенностей которого является представление о болезни «полярке» – психическом расстройстве, вызванным отсутствием в течение почти всего года суточной разницы между дневным и ночным естественным освещением: «Место здесь мрачное, некоторые люди даже там ловили полярку, то есть слегка двигались разумом. Людей здесь старались пичкать всем-всем-всем самым лучшим, что было в СССР, лучшее питание, лучшие стройматериалы, лучшие условия проживания, но все равно некоторые двигались рассудком» / «Когда полярка начинается, здесь вообще тишина, как будто все вымерло. Говорят, самое трудное пережить полярку, а для меня самое трудное – это полярный день»⁸.

Подобные представления оказали прямое влияние на практику заключения трудовых контрактов с шахтерами, предусматривающих временный статус пребывания на Шпицбергене: «Действует система надбавок. На второй год тебе добавляют 20 % к зарплате, через год – 30 %, потом – 100 %. Через 5 лет – все обнуляется. Поэтому невыгодно продолжать оставаться здесь. Ставка сделана на ротацию шахтеров. Скоро шахтеров не останется – уголь кончится»⁹.

Этюд 4. «Витрина СССР»

Самой характерной чертой визуального ландшафта Баренцбурга является его искусственно культивируемый нарочито советский облик: коммунистические лозунги, украшающие дома, доски почета, памятник Ленину и т. д. Эта «советскость» не для внутреннего потребления, а для внешнего зрителя, то есть она имеет характер демонстрации, превратившись в туристический бренд для иностранной аудитории. Несовпадение между повседневными реалиями современной жизни на территории, принадлежащей Норвегии, и репрезентацией «советскости» стало особенно очевидным, когда фасады всех построек поселка стали перекрашивать в веселые яркие тона: «Еще лет 5-7 назад здесь был просто совок, отголоски Советского Союза. Сейчас здесь все делается на манер Анадыря. Потому что пускай здесь 127 дней – солнце, 120 дней кромешной тьмы, а в остальные дни настает нормальная жизнь. Яркие цвета здесь просто необходимы – шахтеры и так сидят в темноте»¹⁰. Это вызвало, по рассказам местного персонала, открытое недовольство норвежских властей, поскольку сводило к минимуму столь привлекательную для туристов суровую экзотику Баренцбурга.

Новым визуальным символом Баренцбурга, формирующим его севернорусский православный ландшафт, стала деревянная часовня, выполненная в традициях северного зодчества. Весьма показательным фактом, указывающим на доминирование общей локальной идентичности жителей поселка независимо от их этнической, гражданской, профессиональной принадлежности: *«Наша православная маленькая избушка, она построена в память двух событий – в 1996 разбился наш самолет – Москва – Лонгйир, 141 человек погиб и потом через пару лет произошел взрыв на шахте, который унес жизнь 40 человек. Архитектором и вдохновителем этой церкви был чеченец по имени Исайя. Многие думают, что это странно – мусульманин строит церковь, но мы в Арктике, мы одна семья, где каждый должен друг другу помогать»¹¹.*

Если шахта в Баренцбурге до сих пор функционирует, то поселок Пирамида был законсервирован, превратившись из «витрины социализма» в объект арктического туризма. Рудник Пирамида находится километрах в 200 к северо-востоку от Лонгйирбюена, на берегу небольшого Биллефьорда, и назван по господствующей над ним горе. Месторождение угля здесь было открыто шведами, однако период их деятельности длился лишь с 1910 по 1927 г. В 1930-х гг. советские полярники вплотную подошли к стадии эксплуатации, но помешала война. А с 1947 г. 350 геологов и строителей начали создавать ту Пирамиду, которая сегодня поражает туристов. В 1956 г. вступила в строй шахта. С 1963 по 1998 г. она была самой северной в мире (1255 км от Северного полюса). Здесь многие вещи поневоле самые северные: бассейн, дворец культуры, бюст Ленина и даже трава, привезенная сюда в 1970-х гг. из воронежского черноземья. С самого начала эксплуатации месторождения его промышленное значение (проектная добыча 235 тыс. т угля в год) уступало политическому. Оплот социализма в капиталистическом мире и одновременно его витрина, Пирамида была редким примером сочетания природного и социально-экономического благополучия. Прямые широкие улицы, фундаментальные пятиэтажки на сваях, просторный дворец культуры с огромными окнами, столовая, отделанная карельской березой, огромный бассейн – это и многое другое служило видимыми символами другой философии освоения арктического пространства: человек пришел сюда всерьез и надолго с целью коренного преобразования природного ландшафта.

В перв. пол. 1990-х гг. стало ясно, что для дальнейшей эксплуатации месторождения необходимы новые вложения, а диверсифицировать экономику поселка трест был неспособен. 31 марта 1998 г. из недр Пирамиды была добыта последняя тонна угля. После окончания добычи большая часть жителей покинула рудник, хотя отель «Тюльпан» принимал туристов до 2001 г. После этого самый северный форпост «нового общественного строя»

пришел в запустение. Туристы с удовольствием разобрали на сувениры остатки библиотеки, местные норвежские вандалы раскромсали чучела в покинутом музее, а практичные моряки и баренцбуржцы демонтировали все, что можно было продать или приспособить к собственным хозяйственным нуждам. В 2007 г. руководство треста «Арктикуголь» вдохнуло новую жизнь в мертвый город, организовав экскурсионные и гостиничные услуги в условиях растущей популярности этого объекта среди европейских туроператоров. Реалии ушедшей эпохи и особенности современной жизни конвертировались в предметы современного искусства и фольклор. Теперь сама Пирамида превратилась в один большой палимпсест: извлекаемые со дна фьорда утопленные железные «суки» украшают теперь улицы поселка, единственное место на Пирамиде, где есть мобильная связь, оборудовано символическим чугунным телефонным аппаратом, самый северный в мире бюст В. И. Ленина превратился в объект паломничества туристов, а гиды рассказывают о первом в Арктике распустившемся тюльпане, в честь которого гостиница получила свое название, а также о фольклорных наименованиях кварталов и общежитий. Так, общежитие для семейных сотрудников рудника в просторечье именовалось «Дурдом», для неженатых мужчин – «Лондон», а для незамужних женщин – «Париж».

Заключение

Современный Шпицберген – зона культурных контактов. Несмотря на то, что статистическое большинство жителей архипелага – норвежцы, их культурное и языковое преобладание здесь ощущается довольно редко. Все здесь напоминает о «ничейном» прошлом. Сам «столичный» Лонгйирбюен был основан американским предпринимателем со звучной фамилией Longyear. Суровые природные условия, слабая заселенность вкупе с транспортной доступностью с нач. XX в. привлекают на архипелаг любителей и профессионалов экстремального, познавательного, круизного и образовательного туризма (с 1993 г. в столице работает Свальбардский международный университет). Шпицберген продолжает оставаться объектом научно-исследовательского интереса геологов, биологов, гляциологов, климатологов, а также весьма привлекательной базой для изучения космоса. Объектом всемирного значения является созданное ООН в Лонгйирбюене «Хранилище семян Судного дня», содержащее образцы семян на случай глобальной катастрофы. Нельзя забывать и о том, что развитие технологий шельфовой добычи ископаемых и перспектива открытия Севморпути делает архипелаг объектом исключительной стратегической важности.

Сегодня на Шпицбергене можно увидеть студентов местного вуза из Индии и Азербайджана, немцев и голландцев, сопровождающих пешие группы, французских каякеров, польских и чешских климатологов, дат-

ских и шведских кинематографистов, финских и венгерских журналистов. И это не считая «рядовых» – сорокатысячной армии туристов со всего мира. Обособленность и крайне жесткие природные условия превращают Шпицберген в своего рода лабораторию, в которой можно наблюдать непрерывный процесс культурного взаимодействия и поддержания групповой солидарности, выстраивания различных стратегий коммеморации архипелага и его музеефикации, а главное – осознания Шпицбергена как единого общечеловеческого дома вне зависимости от идентичностей его обитателей.

Примечания:

- 1 Земля Шпицберген / Науч. ред. Д. А. Баранов. СПб.: Славия, 2016.
- 2 *Старков В. Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. I. Шпицберген. М.: Научный мир, 1998. С. 93.
- 3 ПМА. О-в Шпицберген, г. Баренцбург. 2015 г.
- 4 Разумеется, археологическое изучение архипелага не прекращается, в частности, с российской стороны исследования проводит В. Ф. Старков, но принятый Норвегией закон об охране памятников истории и культуры на Шпицбергене сильно ограничил производство раскопок на этой территории, практически сведя их только к спасательным работам. *Старков В. Ф.* В. П. Алексеев и изучение истории Арктики в Институте археологии. См.: URL: <https://arheologija.ru/starkov-alekseev-i-izuchenie-istorii-arktiki-v-institute-arheologii-ran>
- 5 *Обручев С. В.* Русские поморы на Шпицбергене. М.: Наука, 1964. С. 5.
- 6 ПМА. О-в Шпицберген, г. Баренцбург. 2015 г.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же.

УДК 001.83; 069.8

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ ЧЕЛОВЕКА В ЭСТОНИЮ. БОРИС БИЛЬДЕ И ЛЕОНИД ЗУРОВ В СЕТОМАА (1937–1938)»: ЦЕЛЬ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Ольга Михайловна Фишман

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, доктор исторических наук, заведующая отделом

olga_fishman@mail.ru

Аннотация. В статье, представляющей переработанный и дополненный вариант текста коллективного введения к книге «Экспедиции Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)», изложены цель и результаты многолетнего международного научно-издательского проекта французских, российских и эстонских исследователей, предпринятой в 2012–2017 гг. Первая публикация фонда Вильде–Зурова рассмотрена в контексте источниковедения, историографической характеристики изучения региона и истории проекта. Описаны структура и содержание издания, указаны различия в объективных приоритетах публикации для специалистов из Франции, России и Эстония.

Ключевые слова: международный проект, экспедиции, Борис Вильде, Леонид Зуров, Музей человека, Сетомаа, 1937–1938 гг., публикация, цель, результаты

UDK 001.83; 069.8

INTERNATIONAL SCIENTIFIC-EDITORIAL PROJECT “THE EXPEDITIONS OF THE MUSÉE DE L’HOMME TO ESTONIA. BORIS VILDE AND LEONID ZUROV IN SETOMAA (1937-1938)”: OBJECTIVES AND RESULTS

Olga Michailovna Fishman

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Doctor of History, Head of the Department

olga_fishman@mail.ru

Abstract. The article is modified and amplified version of collective introduction to the book “The expeditions of the Musée de l’Homme to Estonia. Boris Vilde and Leonid Zurov in Setomaa (1937–1938).” The author presents objective and results of the long-term scientific editorial project of French, Russian, and Estonian researchers realized in 2012–2017. The research considers first publication of the Vilde Zurov Foundation in the context of source criticism, of historiography characteristics of the region studies and history of the project. The paper describes the structure and content of publication and outlines differences in objective priorities of the publication for the specialists from France, Russia and Estonia.

Key words: international project, expeditions, Boris Vilde, Leonid Zurov, Musée de l’Homme (Museum of Man), Setomaa, 1937–1938, objective, result

Цель и контекст проекта

Настоящая статья – переработанный и дополненный вариант текста коллективного введения к книге «Экспедиции Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)»¹, являющейся результатом многолетнего международного научно-издательского проекта французских, российских и эстонских исследователей, предпринятого в 2012–2017 гг.

Инициатива создания книги принадлежит Национальному музею естественной истории и конкретно Музею человека (Париж), в котором, как и в ряде других музейных и архивных учреждений Франции, хранятся материалы, собранные в двух археолого-этнографических экспедициях 1937 и 1938 гг., осуществленных по заданию Музея человека русскими эмигрантами Борисом Владимировичем Вильде и Леонидом Федоровичем Зуровым. Объектом их исследования не случайно были избраны территория Печорского края/Сетомаа (часть бывш. Псковского у. Псковской губ. Российской империи; а в 1920–1940 гг. – у. Петсеримаа Эстонской Республики) и расположенные здесь русские и сетуские деревни.

Главная цель международного проекта – публикация малоизвестного в России фонда Вильде–Зурова: объемные архивные материалы (ок. 300 листов), фотодокументы (365 полевых фотографий) и музейные экспонаты (379 номеров, из них 361 относится к этнографии русских, 18 – к этнографии сету), в 2002–2005 гг. рассредоточенные по трем учреждениям в связи с реструктуризацией парижских этнографических музеев. Документы, включая полевые отчеты, написанные в основном на русском языке, деловая переписка, приказы по экспедиции, остались в Музее человека (MNHN), предметные коллекции поступили на хранение в недавно

открытый Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья (МуСЕМ), а фотографии вместе со всей фототекой были переданы в новый этнографический Музей на набережной Бранли (MQB).

Все эти материалы практически не были востребованы во Франции, не издавались и оказались преданными забвению на многие десятилетия. Этому способствовали различные причины, прежде всего, Вторая мировая война, вынудившая прекратить дальнейшие исследования, изменившая планы и судьбы участвовавших в них людей. В 1940 г. Борис Вильде, сотрудник MNHN человека вступил в ряды Сопротивления и был расстрелян нацистами в 1942 г. Леонид Зуров, также член Сопротивления, после войны вернулся к литературной деятельности и не продолжал археолого-этнологических изысканий.

Кроме того, вплоть до 1990 гг. в Музее человека не было не только исследователей, специализирующихся на изучении русского и прибалтийско-финского населения Печорского региона, но и сотрудников, владевших русским языком и способных прочесть написанные в основном на русском языке заметки Леонида Зурова.

Интересна история архива Л.Ф. Зурова, хранящегося помимо Франции и в других европейских странах. Так например, в Российской Федерации это Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына (ДРЗ; Москва). Одну его часть составляют машинописные копии полевых отчетов, отправленных Зуровым после войны в АН СССР и переписка с известными советскими археологами и музейными деятелями (В.В. Седовым, П.А. Раппопортом, В.В. Косточкиным, Т. Н. Михельсон и др.). Другая часть фонда ДРЗ позднее была передана наследницей архива Л.Ф. Зурова, доцентом Эдинбургского университета Милицией Эдуардовной Грин А.И. Солженицину. В 1996 г. материалы этого архива были перенаправлены Александром Исаевичем и Натальей Дмитриевной Солженицыными в Москву, в архив-музей Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», к слову сказать, именно они легли в основу Библиотеки-фонда. В 2005 г. рукописные и машинописные материалы, рисунки, карты, переписку Л. Ф. Зурова объединили в единый фонд (ДРЗ. Ф. 3.), который содержит 140 единиц хранения.

До начала подготовки настоящей публикации машинописные копии полевых отчетов и переписка Л.Ф. Зурова, связанная с организацией и проведением экспедиций в Печорский край, из фонда ДРЗ были впервые введены в научный оборот и опубликованы в 2014 г., благодаря трудам московского исследователя А.Ю. Пономарева².

Кроме того, полевые заметки со всем литературным архивом Л.Ф. Зурова и унаследованным им архивом И.А. Бунина в настоящее время находятся в Русском архиве университета г. Лидса (Великобритания) и до сих пор не изданы. Фонд Леонида Федоровича Зурова (РАЛ) формировался с

1985 по 1991 г. по мере того как М.Э. Грин систематизировала документы и передавала их в архив Лидса и А.И. Солженицину.

В Научно-археологической коллекции археологического архива (А1 22-1) и фондохранилище Таллинского университета хранятся археологические коллекции, переданные Зуровым сразу после завершения полевых работ в архив Тартуского университета. Наряду с его полевыми заметками, переведенными на эстонский язык, они начиная с 1970-х гг. неоднократно использовались эстонскими исследователями для археологических полевых обследований и локализации памятников.

В статьях, посвященных обзору и анализу архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в различных учреждениях Европы, авторы настоящей книги единодушны в том, что их материалы лишь частично совпадают и отнюдь не повторяются в других собраниях. Их перечисление и описание, впервые собранные в одном издании, позволили воссоздать широкий исторический контекст экспедиций 1937 и 1938 гг., но прежде всего в русле научной деятельности Национального музея – колыбели современной этнологии во Франции и инициатора многочисленных экспедиций во все части мира в 1930-е гг.

Именно в эти годы директор Музея человека, крупный ученый, антрополог и американист, профессор П. Риве активно реорганизовал его работу и структуру с позиции этнологии как «новой синтетической науки», объединяющей подходы и методики лингвистики, археологии, первобытной истории, физической антропологии и этнографии при изучении народов и их культур. В музее среди прочих был создан отдел Европы, наняты на работу волонтеры, «просвещенные любители», среди них и Борис Вильде, которому было поручено заняться традиционной культурой народов Прибалтики³. С Л. Зуровым он познакомился в русских литературных кругах Парижа и тот заинтересовал Вильде организацией экспедиции в Печорский край. Он неоднократно бывал там до и после переезда во Францию (1929), осуществляя археологические, этнографические и архитектурно-реставрационные работы по заданию различных учреждений Латвии и Эстонии. В составленном Зуровым и Вильде проекте главный акцент был сделан на обследование населения Печорского края или Сетомаа как специфического региона Европы, *«отмеченного феноменами контакта и угрозой исчезновения традиционной культуры, с целью собрать историческую и этнографическую информацию, зафиксировать устные обряды и традиции, провести фотосъемку и сбор предметов»*⁴. П. Риве одобрил их идею.

История региона

Печорский край – до сих пор весьма интересный и сложный с позиции этнокультурной, конфессиональной и политической истории регион. На-

ходясь сегодня на границе современных России и Эстонии, он и в далеком прошлом играл немалую роль в длительной и беспокойной истории религиозных и политических противостояний разных пограничных государств. Кроме того, его население представлено двумя этнически различными православными общностями: сету – прибалтийско-финского происхождения и русскими – восточными славянами. Следует отметить, что термин «Сетумаа», использованный в книге для обозначения территории проживания народа *сету*, получил распространение в Эстонии с начала 2000-х гг. – времени возрождения интереса к сету и собственно сетоского этнического пробуждения. В научной литературе на русском языке по-прежнему употребляют термины «сету» и «Сетумаа». В нашей книге для соблюдения единообразия во всех статьях использовано написание «сету/Сетумаа». Тем не менее, общепринятый в XX в. вариант сохранен в оригинальных текстах Б. Вильде и Л. Зурова, а также в библиографических ссылках.

Важная роль в истории и культуре местного населения, как в прошлом, так и в настоящем принадлежит Свято-Успенскому Псково-Печерскому мужскому монастырю. В силу сказанного здесь сформировалась особая этноконфессиональная зона, в которой развивалась культура, справедливо названная в свое время Л. Зуровым и Б. Вильде «контактной».

Подтверждают это и уникальные сведения, полученные Л. Зуровым и Б. Вильде перед началом Второй мировой войны и свидетельствующие о высокой степени сохранности местного традиционного историко-культурного ландшафта, памятников культурного наследия и исторической памяти населения. При этом степень изученности русского и сетуского населения Печорского края ко времени проведения экспедиции Музея человека существенно различалась. Так, сетуская этнография, фольклористика и лингвистика уже представляли собой определенное направление в комплексном финно-уроведении, начало которому было положено ещё в кон. XVIII – пер. пол. XIX в. Изучение же русского населения, как справедливо отмечал Л. Зуров, прежде никогда не оказывалось в поле зрения учёных, которые, в основном, интересовались только историей Псково-Печерского монастыря и культурой Псковской земли.

Как в недавнем прошлом, так и сегодня территория Сетумаа, разделенная государственной границей между Эстонской Республикой и Российской Федерацией, переживает по сравнению с 1930-ми гг. неравнозначные этносоциальные и демографические процессы. Продолжается депопуляция сельского населения: его численность сократилось с 56 000 до 13 000 чел. Ускорила начавшаяся еще в 1950-е гг. массовая миграция сету в Эстонию, а русских — в ближайшие города Российской Федерации. Такие процессы

ведут к существенным потерям историко-культурного наследия, к стремительному исчезновению традиций. В связи с этим обширные материалы Зурова и Вильде являются важным документальным свидетельством социокультурной реальности, находящейся на грани исчезновения, и ценным первоисточником для этнологов, археологов, лингвистов и историков.

История проекта⁵

Во Франции к изучению фонда Вильде–Зурова приступили только в начале 2000-х гг., когда были опубликованы статьи сотрудницы Комиссии по публикации французских дипломатических документов Анн Огенюис (2009) и сотрудницы Музея человека этнолога Татьяны Бенфугаль (2010), посвященные жизни Бориса Вильде. В ходе подготовки указанных работ появился интерес к публикации всего фонда не только во Франции, но и в Эстонии, и в России. Это стало еще более очевидным после того как в 2007 г. Т. Бенфугаль вместе с О. Калининой, сотрудницей Российского этнографического музея посетила деревни, в которых работали Вильде и Зуров. Последовавшая в 2011 г. вторая командировка Т. Бенфугаль в тот же район позволила установить контакты с российскими и эстонскими учеными, а в июне 2012 г. в Санкт-Петербурге состоялось первое рабочее совещание, на котором обсудили содержание, кандидатуры участников и график работы по международному проекту. Предложение французских коллег о подготовке совместного издания, получило благоприятный отклик у российских и эстонских специалистов, в частности, и потому, что оно совпало с периодом интенсивных исследований района Сетумаа и самого народа сету, а также признанием в связи с этим высокой значимости документов фонда Вильде — Зурова. Было принято решение, что проект координируется четырьмя научными учреждениями: Национальным музеем естественной истории (Франция), Российским этнографическим музеем (Россия), Тартуским университетом (Эстония) и Институтом сето (Эстония).

Международное соглашение, подготовленное в том же 2012 г., придало проекту официальный статус; оно предусматривало, в частности, публикацию общего труда на трех языках — французском, русском и эстонском. Научная конференция и рабочее совещание в г. Вярска, в центре эстонской части Сетумаа, собрали в октябре 2013 г. большинство участников проекта (рис. 1, 2)

В 2014 г. собрание организационного комитета в Санкт-Петербурге позволило решить вопросы, касающиеся структуры и содержания работы, а также утвердить авторский состав.

Для всех участников проекта было очевидным, что по прошествии многих лет со времени экспедиций Вильде и Зурова публикация фонда не име-

Рис. 1. Участники проекта на научной конференции и рабочем совещании. Слева направо: А. Раудоя, Т. Бенфугаль, М. Засецкая, О. Фшшман, Х. Валк . г. Вярска, (Эстония). Октябрь 2013 г.

Рис. 2. Маре Пихо проводит экскурсию для участников проекта в Музее-усадьбе сету в Вярска. Октябрь 2013 г.

ла бы большого смысла без научного комментария современных исследователей, изучающих Печорский край/Сетомаа в России и в Эстонии. Для адекватной оценки и критического анализа материала с позиции современных направлений в гуманитарных дисциплинах к подготовке издания были привлечены 11 известных специалистов из следующих учреждений Российской Федерации: Российского этнографического музея, Института истории материальной культуры РАН, Института лингвистических исследований РАН, Института истории Санкт-Петербургского университета (Санкт-Петербург); Московского городского педагогического университета; Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника; 11 исследователей из Эстонской Республики: Тартуского университета, Археологического центра Таллинского университета, Института сето, а также 3 специалиста из Франции: Национального музея естественной истории и Комиссии по публикации французских дипломатических документов при Министерстве иностранных дел.

Структура и содержание издания

В соответствии с основными задачами проекта книга разделена на три части⁶.

Первая – «Борис Вильде и Леонид Зуров — исследователи Печорского края / Сетомаа», посвящена этим двум исследователям, истории их экспедиций и архивов, в которых сохранены их документальные свидетельства. Обширная статья Т. Бенфугаль «Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг.» представляет собой первую публикацию по этой теме. Ее содержание будет особенно интересно современным российским этнологах и историографам. Приведенные в ней сведения позволяют сопоставить концепции французской и русской этнологических школ первой трети XX в. и особенно сходные методики полевой работы. Однако объем этой статьи в русской и эстонской версиях сокращен автором по предложению русской и эстонской сторон для акцентирования внимания на подготовке, истории и результатах экспедиций в Сетомаа в 1937–1938 гг.

В этой же части приведены краткие биографии главных персонажей.

Обзор и подробный анализ архивных материалов Б. Вильде и Л. Зурова в Европе предпринят в 4 статьях: Т. Бенфугаль и Ф. Меннесье. «Фонд Вильде–Зурова: историческая справка и классификация»; А. Киристая и Х. Валка «Археологические материалы Леонида Зурова в Эстонии»; И. Белобровцевой «Обзор материалов археологических и этнографических экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в фонде Л. Ф. Зурова в Русском архиве университета г. Лидса (Великобритания)» и О. Фишман «Архив Л.Ф. Зурова в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва)». Ав-

торами биографических очерков являются А. Громова («Леонид Зуров») и А. Огенюис («Борис Вильде»).

Вторая часть книги «Архив Бориса Вильде и Леонида Зурова в Национальном музее естественной истории» является первой публикацией преобладающей части документальных материалов фонда, хранившегося в музее и связанного с подготовкой и осуществлением экспедиций, полевые отчеты и записи, авторские фотографии и карты, фото экспонатов. Собранные воедино они свидетельствуют о безусловной историко-ведческой значимости фонда, включающего широкий спектр оригинальной полевой информации по археологии, этнологии, церковной истории, топонимике, народном православии, культовых памятниках, почитании священных мест, обрядовых практиках православных русских и сету, их семейной и календарной обрядности, материальной культуре (народный костюм, украшения, текстиль, рыболовство). Все собрание фонда представлено на CD, приложенном к книге на французском языке и в интернете в эстонской версии издания⁷.

Третья часть книги – «История и культура Печорского края/Сетомаа в научном наследии Бориса Вильде и Леонида Зурова» посвящена анализу тем, которые в большей или меньшей степени изучались или фиксировались Вильде и Зуровом во время их полевых работ. Именно на них сконцентрировали свое внимание авторы статей. Эти темы указаны в оглавлении этой части: «История формирования и изучения историко-культурного пространства» (авторы статей Х. Валк, М. Засецкая и А. Раудоя), «Лингвистика и топонимика» (К. Паюсалу, А. Киристая, С. Мызников), «Археология» (М. Аун, С. Белецкий, Х. Валк, Л. Грушина, А. Киристая, Е. Михайлова), «Церковная архитектура» (А. Мусин, А. Раудоя), «Христианские верования и народное христианство» (Э.-Х. Вястрик, О. Фишман, М. Пихо, М. Засецкая, О. Калинина, Х. Валк, П. Хагу, А. Александров, Л. Грушина), «Семейная обрядность» (А. Новожилов, П. Хагу) и «Материальная культура» (И. Шангина, М. Пихо, Н. Лаанету). Междисциплинарный состав исполнителей проекта позволил, используя современные методы историографии и источниковедения, осуществить адекватную оценку и критический анализ публикуемого нового источника в современном научном и социокультурном дискурсе. Отмечу немаловажный факт нашего международного проекта: из 26 статей третьей части 6 написаны российскими и эстонскими учеными в соавторстве. Однако тексты статей свидетельствуют о ряде различий в теоретических подходах и методических приемах изучения и интерпретации региональной истории и культуры Печорского края/Сетумаа. Подготовка издания потребовала серьезных обсуждений некоторых спорных вопросов, вызвала ряд научных дискуссий о ранней истории края, роли русского населения в сложении

специфических локальных форм народного христианства и материальной культуры. Вместе с тем, в ходе дискуссий удалось пересмотреть некоторые сложившиеся стереотипы в их оценке. Особенно сложной была редакторская работа по причине принадлежности авторов к разным культурным и языковым традициям, а также научным школам. Примером тому является использование в Эстонии и России различных календарных систем (грегорианской и юлианской) или топонимов Сетумаа/Печорского края, отличающихся в эстонском и русском языках. Общие принципы оперирования топонимическими данными представлены во введении к топонимическому указателю в конце книги.

Объективные приоритеты публикации

Жизнь и деятельность Л. Зурова и Б. Вильде занимают особое место в культуре и гражданской истории Франции, России и Эстонии. Вместе с тем, приняв решение опубликовать материалы их экспедиций 1930-х гг., мы руководствовались несколько различными позициями. В результате разнообразии подходов позволило нам изучить наследие Зурова и Вильде в чрезвычайно обширном историческом и научном контексте.

Французские исследователи больше всего акцентировали внимание на роли Музея человека во французской и европейской этнологии, на истории его коллекций, а также вкладе Бориса Вильде и Леонида Зурова как помощников музея.

Для эстонских специалистов наибольшее значение имела культура сету, особенно в контексте культурного единства Печорской земли, равно как и приведенные новые сведения о культе почитания камней, источников и деревьев.

Российских ученых, безусловно, интересовала собранная ими объемная информация о культуре русских на территории Печорского края, т.к. эта территория по Тартускому мирному договору 1920 г. отошла к Эстонии, что исключило возможность отечественным исследователям проводить здесь какую-либо экспедиционную работу. Но не менее важными для нас были личности Зурова и Вильде как представителей Русского зарубежья.

Именно поэтому научная новизна издания заключается, по нашему коллективному мнению, и в том, что впервые деятельность Б. Вильде и Л. Зурова как представителей первой волны русской эмиграции по изучению истории и традиционной культуры, собиранию и сохранению российского историко-культурного наследия получила всестороннюю профессиональную оценку. Ранее личность Леонида Федоровича Зурова в зарубежной и отечественной историографии рассматривалась преимущественно в контексте его литературной деятельности и как сподвиж-

ника И.А. Бунина, а Бориса Владимировича Вильде – как участника и героя французского Сопротивления. Осмысление их личных и творческих судеб с позиции персональной истории, поможет существенно изменить сложившиеся стереотипы об избранных Зуровым и Вильде формах индивидуального социального опыта. В целом такой подход соответствует современному осознанию роли Русского зарубежья в сохранении преемственности в развитии русской культуры.

Вот некоторые факты их биографий, освященные в книге. Борис Владимирович Вильде (1904–1942) – поэт, этнограф, искатель приключений, легендарная личность⁸. Родился на ст. Славянка под Санкт-Петербургом в интеллектуальной православной семье. С началом Гражданской войны в России семья эмигрировала в Эстонию. С 1919 по 1930 г. Б. Вильде с матерью и сестрой жил в г. Тарту, где окончил русскую гимназию, учился в университете на химическом факультете, писал стихи, публиковавшиеся в русскоязычной зарубежной прессе. А. Огеньюис пишет об этом периоде его жизни: *«Он заявляет сестре, что если не уедет из Эстонии, то покончит с собой. Он сознает, что будущее уготовано ему в другом месте, и это будущее он представляет себе только литературным. Отъезд необходим, ведь Эстония предоставляет мало перспектив для молодого человека с такими амбициями»*⁹ Затем последовали годы неустроенной жизни в Берлине, где он перебивался случайными заработками, пытался заниматься литературной деятельностью. Благодаря знакомству с известным французским писателем Андре Жидом Вильде оказывается в Париже¹⁰. В 1934 г. его представляют директору Музея человека П. Риве, выясняется, что он *«располагает немалым литературным опытом, свободно говорит на четырех языках (русском, немецком, финском и эстонском) и хорошо знаком с культурой прибалтийско-финских народов. В 1934 г. Б. Вильде поступает в Сорбоннский университет и в Институт этнологии. Параллельно с подготовкой к защите дипломов Вильде работает на безвозмездной основе в Музее человека»*¹¹. В 1935 г. он участвует в подготовке выставки «Прибалтийское народное искусство: Латвия — Эстония — Литва», организации обмена коллекциями между Музеем человека и этнографическими музеями Эстонии и Финляндии. Во время экспедиции в Сетумаа, его заинтересовывает ряд тем, прежде всего архаичные верования сету – поклонение богу Пеко. Эта тема кажется ему перспективной, и он выбирает ее в качестве темы докторской диссертации в Высшей научной школе, куда записывается осенью 1937 г. К сожалению, Б. Вильде не успел окончить эту работу. Владея эстонским языком, Вильде задается целью создания словаря сетуского языка, из набросков к которому сохранилось лишь несколько листов¹². Полевой архив Б. Вильде также не сохранился.

Рис. 3. Завершение презентации в конференц-зале им. Бориса Вильде в Музее человека. Париж, 4 декабря 2017 г.

После экспедиций в Сетумаа и затем в Финляндию (1938) он принимает участие в создании в Музее человека постоянной галереи Европы, где оформляет витрины, демонстрирующие предметы сету и финнов. Он составляет также «Заметки к проекту создания в Париже финно-угорского института или другого подобного учреждения», что свидетельствует о продуманных планах по изучению этнографии финно-угорских народов¹³.

В марте 1940 г. Борис Вильде получает штатную должность сотрудника Музея человека, а уже в сентябре начинается война. Вильде мобилизован на фронт, сражается в чине сержанта, попадает в плен и бежит из него. Добравшись до Парижа, он возвращается в Музей. Именно здесь Вильде вместе со своими друзьями создает первую группу французского сопротивления, лидером которой он стал; редактирует газеты «Résistance» («Сопротивление»), название которой, предложено именно им. В марте 1941 г. Бориса Вильде арестует гестапо, и фактически через год после заключения (1942) в возрасте 33 лет его расстреляли¹⁴. Посмертно Вильде был награжден медалью французского Сопротивления. На здании Музея человека установлена мемориальная доска со словами приказа генерала де Голля от 3 ноября 1943 г.: «Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления с 1940

года. Будучи арестован чинами гестапо и приговорён к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения». Его именем названа одна из улиц Парижа. В сентябре 1967 г. на фасаде школы в г. Тарту, в которой учился Б. Вильде, была установлена памятная доска. В 2014 г. в Музее человека был открыт конференц-зал имени Бориса Вильде (рис. 3). В Ленинградской обл., в бывшем имении его родителей в пос. Ястребино Волосовского р-на много лет действует уникальный музей Бориса Вильде, созданный в том числе с помощью его французских почитателей.

Леонид Федорович Зуров (1902–1971) – писатель первой волны русской эмиграции. Предметом его интересов всегда были история, археология, этнография, церковная архитектура Древней Руси. Родился в г. Острове Псковской губ. Учился в Островском реальном училище, но окончить его помешали Октябрьская революция и последовавшая Гражданская война. В 1918 г. Зуров вместе с отцом записался вольноопределяющимся во 2-й стрелковый полк Северной армии, в отряд А.П. Ливена. Был пулеметчиком, участвовал в наступлении на Петроград, контужен, дважды ранен. Вместе с отцом отступал в 1919 г. в Эстонию в составе Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича, которая была интернирована эстонским правительством и в январе 1920 г. расформирована¹⁵. Неслучайно, уже живя в Париже, он стал собирать мемуары участников Добровольческого движения, которые в составе всего его архива унаследовала упоминавшаяся М. Грин, передавшая архив А.И. Солженицину. В настоящее время эти материалы составляют объединенный архивный фонд 39 ДРЗ «Северо-Западная армия (Северная Армия, Северо-Западная Армия, Русские вооруженные силы на территории Польши, III Русская армия)».

Летом 1920 г. Зуров перебрался в Ригу, в 1922 г. окончил там Рижскую городскую русскую среднюю школу по реальному отделению и поступил в Пражскую высшую техническую школу на отделение архитектуры, где проучился два года. Параллельно он посещал занятия на факультете археологии Карлова университета и научные семинары в Институте археологии им. Н. П. Кондакова. В 1928 г. по заказу Рижского университета он проводил перепись памятников Печерского монастыря; территория, на которой он тогда находился, принадлежала Эстонской Республике. В Праге Л. Зуров активно участвовал в студенческой жизни. Как представитель Общества русского студенчества Латвии был делегатом на Втором съезде студентов-эмигрантов (ноябрь 1922 г.) и на конференции Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (апрель 1924 г.). Позже представлял эмигрантское студенчество на Российском зарубежном съезде в Париже (март 1926 г.).

Оставив учебу по состоянию здоровья, в 1924 г. Зуров возвращается в Ригу. Именно здесь начались его сотрудничество с русскоязычной эмигрантской периодикой и собственная литературная деятельность. С 1925 по 1929 г. в рижской периодике им было опубликовано около 40 очерков и рассказов, в которых обозначились основные темы его творчества: история Гражданской войны и Добровольческого движения, жизнь русских крестьян в старообрядческих деревнях Латгалии, история Псково-Печерского монастыря.¹⁶

По приглашению известного писателя, будущего нобелевского лауреата И. А. Бунина, который оценил его прозаические произведения, в ноябре 1929 г. Зуров приехал во Францию и поселился на вилле Бунина в Грассе. В этот период своей жизни Зуров уделял значительное время литературным занятиям, однако продолжал интересоваться археологией и историей окрестностей Печор. В 1935 г. он возвратился в Псково-Печерский монастырь с поручением от Службы охраны памятников Министерства народного образования Эстонии, чтобы произвести реставрацию средневековой приворотной башни; одновременно он проводит археологическое и этнографическое исследование местности. Во время подготовки двух экспедиций в Сетумаа Зуров сотрудничал с некоторыми службами Музея человека: библиотекой, фототекой, административной службой и некоторыми научными отделами (Европы, музыковедения, первобытной истории и Азии)¹⁷. В литературных кругах русской диаспоры во Франции Зуров был достаточно заметной фигурой. В 1937–1940 гг. он являлся председателем Объединения молодых русских писателей и поэтов в Париже, принимал активное участие в литературной жизни эмиграции, печатался в крупных парижских русскоязычных изданиях – «Современные записки», «Последние новости», «Иллюстрированная Россия» – одновременно продолжал сотрудничество в прибалтийской периодике (в частности, крупнейшей рижской газете «Сегодня»)¹⁸.

Заключение

Учитывая все сказанное, данную публикацию (на франц. яз. издана в середине лета 2017 г., на эст. яз. – в кон. 2017 г.) и ее подготовку следует рассматривать как демонстрацию преодоления устаревших стереотипов восприятия региональной культуры Печорского края/Сетумаа и Северо-Запада в целом, а также как современный опыт информационно-культурного обмена и форму международной координации и сотрудничества в области гуманитарных наук, содействия изучению, сохранению и восстановлению европейского историко-культурного наследия на примере небольшой пограничной территории между различными странами, ти-

пами учреждений культуры, высшего образования, исследовательских институтов и общественных организаций.

В тексте Предисловия к изданию директора РЭМ В.М. Грусмана подчеркивается: *«Успешному завершению проекта способствовала хорошо скоординированная научно-исследовательская работа, своевременное и безвозмездное предоставление российским и эстонским специалистам всех архивных материалов, уважительные профессиональные отношения. Надеемся, что этот проект придаст новый импульс международному сотрудничеству в области истории научных и культурных отношений стран-участников»*¹⁹.

В ходе подготовки русской версии книги, мы старались во всем следовать структуре и дизайну книги, подготовленной нашими французскими коллегами, а также учитывая опыт ее эстонской версии (рис. 4, 5), но некоторые отличия оказались неизбежны по ряду объективных причин. Так как архивные оригиналы документов были написаны на русском либо на французском языке, в каждой из трех языковых версий нашей книги они представлены по-разному. Во французской и эстонской версиях два больших отчета Зурова опубликованы соответственно в их французском и эстонском переводах (оригинальная версия находится на CD и в интернете), тогда как в русской версии они приведены на языке оригинала и в соответствии с правилами публикации архивных документов. Краткие тематические и административные отчеты, предметные карточки с описанием экспонатов, написанные их авторами на французском языке, печатаются во французской версии книги в форме факсимиле, а в русской и эстонской версиях они переведены с французского. Некоторые различия в характере и содержании примечаний связаны со степенью информированности наших адресатов в каждой стране об историко-культурных реалиях России и Эстонии, терминологических и лингвистических особенностях языка публикации. Оформление постраничных ссылок и литературы выполнено согласно правилам российского ГОСТа²⁰.

Объемный справочный аппарат завершает издание. Он включает названный выше «Топонимический указатель», а также «Именной указатель», «Принятые сокращения», обширную «Общую библиографию», составленную в соответствии со структурой издания сообразно частям и тематическим главам книги, а также «Список авторов». Макет издания на русском языке включает 880 с., 36 ст. Книга содержит черно-белые и современные цветные фотографии (более 400), факсимиле документов (более 190 л.), карты Зурова, а также электронные карты, выполненные эстонскими коллегами.

В заключение выражаем надежду всего авторского коллектива, что русская версия книги будет опубликована и найдет своего заинтересованного читателя.

Рис. 4. Научные редакторы на презентации книги «Missions du Musée de l'Homme en Estonie Boris Vildé et Léonide Zouloff au Setomaa (1937–1938)». Слева направо: Т. Бенфугаль, О. Фишман, Х. Валк. Национальный музей естественной истории. Париж, 4 декабря 2017 г.

Рис.5. Х. Валк, А. Раудоя и Ф. Меннесье (координатор проекта). Париж, 4 декабря 2017 г.

Примечания:

- 1 Missions du Musée de l'Homme en Estonie Boris Vildé et Léonide Zourov au Setomaa (1937–1938). Sous la direction de Tatiana Benfoughal, Olga Fishman & Heiki Valk / Publications Scientifiques du Muséum national d'Histoire naturelle. Paris: Muséum national d'Histoire naturelle, 2017; Inimese Muuseumi ekspeditsioonid Eestisse Boris Vilde ja Leonid Zurov Setomaal (1937–1938) / Koostanud ja toimetanud Tatiana Benfoughal, Olga Fishman Heiki Valk, Tartu Ülikool, ajaloo ja arheoloogia instituut & Seto Instituut. Tartu: Trükitud trükikojas Greif, 2017; Экспедиции Музея Человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа, 1937–1938 гг. / Науч. ред.: Т. Бенфугаль, Х. Валк, О. Фишман. СПб.: Изд. дом «Инкери» (в печати).
- 2 Зуров Л.Ф. Статьи и письма // Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова / Ред.-сост. А. Пономарев. Вып. 1. М.: [б.и.], 2014.
- 3 Бенфугаль Т. Экспедиции Б. Вильде и Л. Зурова в контексте этнологии в Музее человека в 1930-е гг. // Экспедиции Музея Человека... С. 39–40.
- 4 Там же. С. 41.
- 5 Бенфугаль Т., Валк Х., Фишман О. Введение // Экспедиции Музея человека... С. 15–19.
- 6 Там же. С. 20–21.
- 7 См.: URL: <http://zurov.ut.ee>
- 8 URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%>
- 9 Огениус А. Борис Вильде (1908–1942) // Экспедиция Музея человека... С. 151.
- 10 Там же. С. 154–155.
- 11 Бенфугаль Т. Указ. соч. С. 42.
- 12 Там же. С. 52–53, 55, 68.
- 13 Там же. С. 83.
- 14 Там же. С. 44; Огениус А. Указ. соч. С. 156–159.
- 15 Громова А. Леонид Зуров (1902–1971) // Экспедиция Музея человека... С. 161–163
- 16 Там же.
- 17 Бенфугаль Т. Указ. соч. С. 44
- 18 Громова А. Указ. соч. С. 164.
- 19 Грусман В. Предисловие // Экспедиция Музея человека... С. 11.
- 20 Фишман О. Введение к российскому изданию // Там же. С. 22–23.

Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем, характер и формы религиозности

УДК 273.99

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ВОПРОС В РИЖСКОЙ ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Вадим Ибрагимович Мусаев

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

vmusaev62@mail.ru

Аннотация. Старообрядцы составляли весьма заметную часть русского населения Прибалтики в период её вхождения в состав Российской империи, особенно в восточной части Латвии (Латгале), в некоторых частях Курляндской губ. и в Риге. В основном они относились к двум соглашениям т. н. беспоповского толка – федосеевскому и поморскому. Отношение руководства православной Рижской епархии к старообрядцам было двойственным. С одной стороны, их религиозные убеждения считались заблуждением, принимались меры, чтобы не допустить их влияния на православных, делались попытки вести среди старообрядцев миссионерскую работу. С другой стороны, старообрядцев ценили как истинно русских людей, в условиях инонационального и иноконфессионального окружения твердо хранивших свою идентичность и древние традиции. Отношение самих старообрядцев к официальному православию было в целом отстраненным, но, как правило, без явной враждебности. Случаи обращения старообрядцев в православие, непосредственно или через единоверие, имели место, но не были широко распространены.

Ключевые слова: Прибалтика, Рижская епархия, старообрядчество, православие, единоверие, межконфессиональные отношения, миссионерство

UDK 273.99

THE OLD BELIEVER QUESTION IN THE DIOCESE OF RIGA IN THE LATE 19TH AND EARLY 20th CENTURIES

Vadim Ibragimovich Musaev

*St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Science, St. Petersburg, Doctor of History,
Senior Researcher*

vmusaev62@mail.ru

Abstract. The Old Believers made up a very significant part of the Russian population of the Baltic region during the period when it was part of the Russian Empire, especially in the eastern part of Latvia (Latgale), in some parts of Courland province, and in Riga. In general, they related to the two concords of the so-called “bespopovsky” (non-priest) sense – Fedoseev and Pomeranian. The attitude of the leadership of the Orthodox diocese of Riga to the Old Believers was ambiguous. On the one hand, their religious beliefs were considered to be delusions. Measures were taken to prevent their influence upon the Orthodox parishioners. Attempts were made to conduct missionary work among the Old Believers. On the other hand, the Old Believers were valued as truly Russian people, who in an alien ethnic and confessional environment firmly preserved their identity and ancient traditions. The attitude of the Old Believers to the official Orthodoxy was generally detached, but, as a rule, without obvious hostility. The cases of the conversion among the Old Believers to Orthodoxy, directly or via “edinoverie” (common belief), took place, but were not widespread.

Key words: Baltic States, Diocese of Riga, Old Believers, Orthodoxy, Edinoverie, inter-confessional relations, missionary work

Значительную часть русского населения Прибалтики составляли старообрядцы. Ещё в XVII в., после церковного раскола и начала гонений против противников реформы патриарха Никона, приверженцы старого обряда уходили за границу, в шведские владения, как в Финляндии, так и в Прибалтике, а также в автономное, под суверенитетом Речи Посполитой, Курляндское герцогство. В одной из летописей («Хронограф Литовский двухсотлетний, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства») о появлении беглецов из России на территории Курляндского герцогства упоминается под 1659 г.¹ В следующем году вблизи Динабурга в д. Лигинишки возводился храм, «первый древлеправославного хри-

стианства»². Автор очерка по истории русского населения в Прибалтике П.Г. Пшеничников писал о старообрядцах: *«Нынешние русские жители Иллухсты, Гривы, Танаи, Якобштадта, Скрудалины, Боровок, Лифляндской губернии, а также коренные обыватели рижского Московского форштадта – все потомки первых переселенцев. Здесь русское население почти сплошь старообрядческое»*. В XVIII в., после присоединения Лифляндии и Эстляндии к России, выходцы из России стали активнее переселяться в Курляндию, которая до 1795 г. оставалась вассалом Речи Посполитой: по словам того же П. Г. Пшеничникова, *«толпы русских крестьян направлялись в Курляндское герцогство, где помещики, пользуясь слабостью своего правительства, охотно принимали и укрывали русских беглецов»*³. «Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии» указывало на основные места проживания «раскольников» (т. е. старообрядцев) в Остзейском крае помещало *«в Курляндии, по восточной стороне Иллухтского уезда, в имении графа Платерзиберга и далее, в Риге и около Юрьева по глухому берегу Пейнуса (Чудского озера. – В.М.), от устья Эмбаха до Наровы»*. История поселения старообрядцев в крае, по словам авторов «Описания», восходила к началу истории раскола в самой России. В дальнейшем число этих поселенцев увеличивалось за счет уклонявшихся от службы солдаты, беглых крестьян и других выходцев из разных губерний. Прибалтийские старообрядцы относились в основном к беспоповцам, преимущественно т. н. федосеевского согласия⁴.

В нач. XVIII в. в Прибалтику проникли и последователи поповского толка. В «Хронографе Литовском» упоминался священник «древлеправославного крещения» Терентий, которому удалось основать несколько общин в Курляндии. Большого распространения поповщина, однако, здесь не получила, и её сторонники вскоре слились с федосеевцами. По своему происхождению переселенцы-староверы были в основном выходцами из Новгородской, Псковской и других северо-западных областей России. Переселение из этих областей особенно усилилось в нач. XVIII в., во время реформ Петра I, в ходе которых, как известно, давление на староверов усилилось. Занимались переселенцы преимущественно земледелием, некоторые обосновались и в городах. Например, немалое число старообрядцев поселилось в Якобштадте. В перв. четв. XVIII в. наблюдалось увеличение притока староверов в Ригу⁵. И. Беляев упоминал о старообрядческой общине беспоповцев в Риге: время её образование известно не было, но в 1760 г. они уже имели свою богадельню на Московском форштадте в Риге, а в 1820-е гг. также больницу и школу⁶.

Согласно данным благочинных епархии за 1890 г., в Рижской епархии на тот момент насчитывалось 15 196 «раскольников» (т. е. старообрядцев), из них в Лифляндии 9064 чел. и в Курляндии 6132 чел. Старообрядцы раз-

бросанно проживали по территории обеих губерний, наиболее значительные группы концентрировались в Риге (3957 чел.), в Дерпте и Дерптском у. (5046 чел.) и в Иллуэстском у. Курляндской губ. (4535 чел.). Единоверческих церквей в епархии было три: в г. Риге, в селении Раксолы Венденского у. и в посаде Черном Юрьевского у. Единоверцев в епархии числилось 1027 чел.⁷. В последующих годовых отчётах сведения о численности старообрядцев в епархии колебались в пределах 15 000 – 16 500 чел. Эти данные, однако, могли быть не точными: как предполагалось в одном из епархиальных отчётов, их нельзя было считать достоверными, «потому что, по отзыву благочинных, невозможно с точностью определить число раскольников вследствие разобщенности, существующей между ними и православным духовенством»⁸. Например, по клировым ведомостям за 1896 г., в Риге значилось 3765 старообрядцев, однако в годовом отчёте отмечалось, что «эта цифра, по мнению градского благочинного, не есть действительная, и раскольников в Риге несравненно больше»⁹. В сведениях о русском населении Прибалтийского края, которые тайный советник П. Кошкин в октябре 1908 г. подготовил для Совета Министров, в четвёртом участке Московской части г. Риги, где русские составляли почти сплошное население, насчитывалось 11 517 православных и 8046 старообрядцев¹⁰. В Эстляндской губ. старообрядцев было совсем немного. По данным на нач. XX в., их насчитывалось 56 человек, проживавших в Везенбергском и Гапсальском уу., большинство – в районе Кренгольмской мануфактуры¹¹. Перепись населения 1897 г. фиксировала весьма низкий уровень грамотности среди старообрядцев. Согласно её данным, в Лифляндской губ. удельный вес грамотных среди старообрядцев составлял всего 27 % (среди православных – 69,9 %, протестантов – 80,93 %, католиков – 60,86 %, иудеев – 61,14 %) ¹².

На территории Латвии в её современных границах ещё более многочисленным было старообрядческое население в её восточной части – в Латгалии (Латгале), относившейся тогда к Витебской губ. Общая численность русских (т. е. великороссов, белорусов и малороссов) в трёх латгальских уездах, по данным переписи населения 1897 г., оценивалась в 77 967 чел., в т. ч. 30 178 в Режицком у. Если в Прибалтийских губерниях староверы не превалировали над русским населением, то в Латгалии они в целом имели перевес над православными и единоверцами, и местами весьма заметный, особенно в сельской местности. В Режицком у., по данным той же переписи, старообрядцев насчитывалось 28 652 чел. (т. е. подавляющее большинство всего русского населения уезда), в Двинском – 16 648, в Люцинском – 1674¹³. Актуальность старообрядческого вопроса, таким образом, сохранялась. С 3 мая 1882 г. действовал «закон о раскольниках», который позволял старообрядцам проводить богослужения как в частных домах, так и в специальных зданиях, разрешалось ремонтировать молельни, от-

крывать ранее закрытые моленные здания и т. п. Однако основные положения закона были сформулированы нечётко, что затрудняло его превращение в жизнь и давало возможность для его нарушения административными и судебными властями. В частности, в 1890 г. вышло предписание курляндского губернатора о запрещении проведения старообрядцами каких-либо собраний, соборов и т. п. и о привлечении к ответственности их организаторов¹⁴.

Большинство старообрядцев, проживавших на территории Рижской епархии, относились к беспоповцам федосеевского¹⁵ и поморского¹⁶ согласия. Лишь в Риге среди рабочих фабрики Кузнецова было некоторое количество старообрядцев поповского толка. Рига считалась одним из основных центров федосеевцев. При этом в одной из работ по истории раскола утверждалось, что «рижские федосеевцы были жаркими проповедниками всеобщего безбрачия и, в то же время, вели жизнь крайне развратную»¹⁷. В Риге старообрядцы-федосеевцы издавна имели особую молельню, которая в 1886 г. была перестроена и значительно расширена, а в 1894 г. рядом с ней было построено двухэтажное каменное здание для училища¹⁸. Н.С. Лесков, основательно изучавший старообрядчество, ещё в 1860-е гг. в брошюре «О раскольниках города Риги» писал, что рижские беспоповцы отошли от федосеевства и «сблизились с поморством» и что у них почти не осталось «федосеевского духа»¹⁹. В другой работе Н.С. Лесков отмечал, что в Остзейском крае распространён не федосеевский, а скорее смешанный «федосеевско-поморский» дух²⁰. Консервативные сторонники федосеевского толка были обеспокоены тенденцией перехода в поморские согласие. В 1882 г. в Режице проводился большой собор, созванный для подтверждения основных правил федосеевцев. Остановить наметившуюся тенденцию постановлениями и запретами, однако, не удалось²¹.

Отношение епархиального руководства и гражданских властей к старообрядцам было несколько неоднозначным. С одной стороны, принимались меры, чтобы не допустить их притеснений в отношении со стороны представителей «инославных» конфессий. С другой стороны, предпринимались попытки воздействовать на старообрядцев и привлекать их к переходу если не прямо в официальное православие, то хотя бы в единоверчество. С 1889 г. в Риге проводились миссионерские беседы с раскольниками. Так, с этой же целью епископ Рижский и Митавский Арсений (Брянцев) в том же году пригласили известного миссионера афонского иеромонаха Арсения и в следующем 1890 г. другого известного миссионера протоиерея Крючкова²². Обращения из старообрядчества в православие имели место и раньше, в частности, за 20 лет, с 1848 по 1867 г., обратились до 2600 чел.²³ В 1890-е гг. эта тенденция сохранялась, но не носила столь активный характер: например, в 1892 г. в официальное православие перешли 18 старо-

обрядцев, в 1894 г. – 54, в 1895 г. – 46, в 1896 г. – 47, в 1897 г. – 17²⁴. Численность единоверцев менялась незначительно, обнаруживая всё же небольшой рост. В 1904 г., в частности, она составила 1246 чел.²⁵ Единоверческий приход был основан в Риге ещё в декабре 1836 г. по инициативе первого викарного епископа Рижского Иринарха (Попова). В распоряжение прихода была передана бывшая старообрядческая молежня, которая в июле 1837 г. была освящена во имя Михаила Архангела²⁶. В 1893 г. единоверческая церковь, пришедшая в ветхость, была закрыта, и для богослужений была временно отведена Всехсвятская церковь. По инициативе архиепископа Арсения в начале лета 1894 г. состоялась закладка нового храма, а 17 декабря следующего года он уже был освящён, как и прежний, во имя Святого Архистратига Михаила²⁷.

Отношение старообрядцев к Православной церкви и её учреждениям также было неодинаковым. Венденский благочинный писал в своём рапорте для отчёта по епархии за 1894 г., что «хотя раскольники и живут особняком, но иногда посещают православную церковь и отдают детей в православные школы», и что «к духовенству почтительны и православных не чуждаются». Тогда же рижский благочинный свидетельствовал, что «в отношении к православному духовенству и также к православному населению со стороны раскольников не замечалось особенной неприязни и вражды, и что раскольники посещают и православные церкви»²⁸. В одном из годовых отчётов по епархии отмечалось: «По отзыву одних благочинных, раскольники относятся с недоверием к православному духовенству, избегают общения с ним и чуждаются церкви. Но, по отзыву других, раскольники относятся к православным не враждебно, духовенства не чуждаются, иногда посещают православные церкви и отдают детей в православные школы. Но, во всяком случае, благочинные не усматривают усиления раскола, а по местам замечают, напротив, ослабление его и сближение с православием»²⁹. В другом отчёте констатировалось: «Что же касается отношения раскольников к православному духовенству, то местами только эти отношения проникнуты духом фанатизма: раскольники с недоверием относятся к православному духовенству, избегают общения с ним и чуждаются церкви; в прочих же местах они особенной вражды и неприязни к православному духовенству не питают: входят в общение с православными, не чуждаются православного духовенства, посещают иногда православные церкви и с охотой отдают детей своих в православные школы. Вообще, по наблюдениям благочинных, раскол не увеличивается в епархии, а местами замечается явное ослабление его и сближение с православными»³⁰.

С благословения архиепископа (с 1893 г.) Арсения в Риге проводились «миссионерские беседы с целью уяснения и обличения религиозных заблуждений им[енитых] старообрядцев». Такие беседы велись в православ-

ных храмах на Московском форштадте, где было в основном сконцентрировано старообрядческое население, а в 1894 г. собеседования были открыты в помещении начальной школы при Рижской духовной семинарии. Основная масса старообрядцев, однако, сохраняла верность своему учению: как явствует из вышеприведённых данных, обращения в официальное православие и единоверие широких масштабов не имели. Устойчивость «русского раскола» церковные иереи объясняли давностью его существования. В «Рижских епархиальных ведомостях» об этом говорилось: *«Старообрядцы жились со своим религиозным положением, привыкли считать себя чем-то совершенно отличным от православия, выработали себе свой особый строй и склад жизни, тесно связанный с их заблуждениями. Им трудно отстать от того, в чём они родились и что всосали с молоком матери <...> Старообрядцы считают грехом оставить своё раскольническое старообрядчество и обратиться к правосл[авной] церкви, хотя бы познали её правоту»*³¹.

Указ о свободе вероисповедания от 17 апреля 1905 г. и манифест от 17 октября того же года, помимо прочего, расширили права старообрядцев. В положении Комитета Министров, высочайше утвержденном 17 апреля 1905 г., было, в частности, записано: *«Об именовании раскольников старообрядцами. Комитет Министров стал в этом вопросе на сторону раскольников, в виду их заявления, что они считают для себя обидным наименование “раскольник” и сами себя не могут называть так в официальных документах»*. При этом делалась оговорка, что Комитет Министров *«усвоил наименование “старообрядец” не всем раскольникам, а только последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы православной Церкви, но не признают принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам»*³². 17 октября 1906 г. вышел закон о старообрядческих общинах, согласно которому старообрядцы могли создавать свои приходы и организации, получавшие право юридического лица, открывать храмы и школы, а наставники приравнивались к священнослужителям других вероисповеданий. В Латвии старообрядцы руководствовались этим законом вплоть до 1935 г. После 1905 г. наступила полоса особой активности старообрядчества. Возникали новые общины различные общества, созывались съезды, начали выходить старообрядческие периодические издания³³. В отчёте по Рижской епархии за 1906 г. выражалась надежда на то, «что отмена после указа 17 апреля 1905 г. ограничений по отношению старообрядцам ослабит фанатизм последних и поведет к сближению их с православной церковью»³⁴. Численность старообрядческого населения в Рижской епархии, по донесениям благочинных, колебалась около 20 000 чел. (по данным за 1911 г. – 19 833, за 1913 г. – 21 502, за 1914 г. – 21 560).³⁵ Если в кон. XIX в. большинство старообрядческих беспоповских общин в Прибалтике, по крайней мере,

формально считались федосеевскими, теперь поморский толк в беспоповщине явно господствовал³⁶.

Старообрядческие общины сохранялись в странах Балтии после обретения ими независимости, в 1920–1930-е гг., в условиях относительной веротерпимости. Только после присоединения этих стран к СССР их положение заметно осложнилось.

Примечания:

- 1 Хронограф Литовский двухсотлетний, сиречь Летописец степенный древлеправославного христианства / Изд. подготовлено Н. Морозовой и Г. Поташенко. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 2011. С. 82.
- 2 Подмазов А. А. Старообрядчество в Латвии. Рига: Лиесма, 1970. С. 21.
- 3 Пшеничников П.Г. Русские в Прибалтийском крае. Рига: Риж. нац. клуб «Рус. беседа», 1910. С. 6–7.
- 4 Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. 2. Ч. 1. Рига: Тип. Л. Бланкенштейна, 1895. С. 129–130.
- 5 Подмазов А. А. Старообрядчество в Латвии. С. 23–25.
- 6 Беляев И. Судьбы православия в Прибалтийском крае: Историко-этнографический очерк. СПб.: Изд. П.П. Сойкина. 1901. С. 86–87.
- 7 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1353. Л. 21об.–22. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1890 г.
- 8 Там же. Д. 1860. Л. 35об. – 36. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1900 г.
- 9 Там же. Д. 1636. Л. 89. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1896 г.
- 10 Сведения о русском населении в Прибалтийском крае // Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века: Сб. документов и материалов / Сост. Т. Карьяхярм. Тарту: Eesti Ajalooarhiiv, 2000. С. 318.
- 11 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 719. Л. 123 об. – Сведения о русском населении в Эстляндской губернии.
- 12 Православие на Балтийской окраине, его современное положение и ближайшие задачи в эстской ее части. Ревель: Тип. Шиффер, 1916. С. 4.
- 13 Заварина А.А. Русское население Латвии (к истории поселения) // Русские в Латвии. Вып. 3. Из истории и культуры староверия / Науч. ред. Б. Ф. Инфантьев. 2-е изд. Рига: ВЕДИ, 2002. С. 42–43.
- 14 Подмазов А.А. Церковь без священства. Рига: Лиесма, 1973. С. 52–53.
- 15 Федосеевское согласие – одно из беспоповских направлений старообрядчества. Основатель — бывший дьячок Феодосий Васильев, переселившийся в 1696 г. со своей семьей на территорию, принадлежавшую в то время Речи Посполитой, и создавший там свою общину. Жизнь общины отличалась строгой дисциплиной, безоговорочным послушанием своему наставнику Феодосию. Члены общины были обязаны соблюдать безбрачие и строгое целомудрие (Агеева Е.А., Мальцев А.И., Юхименко Е.М. Беспоповцы // Православная энциклопедия. Т. IV. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. С. 719).

- 16 Поморское согласие – старообрядческая доктрина, возникшая вскоре после образования раскола среди населения Поморья, от которого она и получила своё название. Основные пункты поморского согласия сложились под влиянием тех условий, в которые было поставлено население Поморья (Агеева Е.А. Древлеправославная поморская церковь // Православная энциклопедия. Т. XVI. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2007. С. 135–144).
- 17 Смирнов П.С. История русского раскола старообрядчества. Рязань: Тип. Б.В. Тарасова, 1893. С. 111.
- 18 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1525. Л. 38. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1894 г.; Там же. Д. 1636. Л. 88об. – Отчет по Рижской епархии за 1896 г.
- 19 Лесков Н.С. О раскольниках города Риги преимущественно в отношении к школам. СПб.: Директ-Медиа, 2014. С. 7–9.
- 20 Лесков Н. С. Иродова работа // Исторический вестник. Т. 8. СПб., 1887. С. 188.
- 21 Подмазов А.А. Церковь без священства. С. 78.
- 22 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1412. Л. 35об. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1891 г.
- 23 Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. 2. Ч. 1. С. 132.
- 24 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1525. Л. 38об. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1894 г.; Там же. Д. 1636. Л. 90; Д. 1688. Л. 33. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1896 г.; Там же. Ф. 1284. Оп. 223. 1893 г. Д. 235. Л. 41об. – Отчет о состоянии Лифляндской губернии за 1892 г.; Там же. 1896 г. лит. Б. Д. 68. Л. 45об. – Отчет о состоянии Лифляндской губернии за 1895 г.
- 25 Там же. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2051. Л. 44. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1904 г.
- 26 Беляев И. Судьбы православия в Прибалтийском крае: Историко-этнографический очерк прот. И. Беляева. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1901. С. 89–91.
- 27 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1582. Л. 30. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1895 г.
- 28 Там же. Д. 1525. Л. 38об.
- 29 Там же. Д. 1636. Л. 89об.–90.
- 30 Там же. Д. 1688. Л. 33. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1897 г.
- 31 Собеседования с им. старообрядцами в г. Риге. Отдельный оттиск из Рижских Епарх. Ведом. за 1894 г. Рига, 1894. С. 3–13.
- 32 Бердников И.П. Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1914. С. 35.
- 33 Подмазов А.А. Церковь без священства. С. 54–55.
- 34 РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2170. Л. 38об.–39. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1906 г.
- 35 Там же. Д. 2477. Л. 38. – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1911 г.; Там же. Д. 2602. Л. 36об.; Д. 2662. Л. 39 – Отчет о состоянии Рижской епархии за 1913 г.
- 36 Подмазов А.А. Церковь без священства. С. 78.

УДК 911.374.7

СТАРООБРЯДЧЕСТВО УСТЮЖЕНСКОГО УЕЗДА НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ И ПЕСТОВСКОГО РАЙОНА НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX–XX ВВ.

Илья Андреевич Мельников

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, кандидат культурологии, старший научный сотрудник

potep_88@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе архивных документов и данных полевых исследований дается характеристика основным центрам старообрядчества Устюженского у. Особое внимание уделено населенным пунктам, находящимся на территории современного Пестовского р-на Новгородской обл.

Ключевые слова: старообрядчество, Новгородская обл., федосеевцы, филипповцы, устная история

UDK 911.374.7

THE OLD BELIEVERS OF USTYUZHENSKY DISTRICT OF NOVGOROD PROVINCE AND PESTOVSKY DISTRICT OF NOVGOROD REGION IN THE 19th – 20th CENTURIES

Ilya Andreevich Melnikov

Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, PhD in History of Culture, Senior Researcher in academic and educational center «Humanitarian Urban Studies»,

potep_88@mail.ru.

Abstract. The article describes the main centers of the Old Believers of Ustyuzhensky district on the basis of archival documents and field research data. The author pays special attention to the settlements located on the territory of modern Pestovsky district of the Novgorod region.

Key words: Old Believers, Novgorod region, Fedoseyevtsy, Filippovtsy, oral history

В нач. XIX в. в Устюженском у. Новгородской губ. сильные позиции занимали федосеевское и филипповское согласия. К этому же времени относится информация о проповеди страннического учения на северной территории описываемого уезда. В 1808 г. в Колотиловском лесу была поймана группа из 29 чел., придерживавшиеся этого учения, которую возглавлял 60-летний Яков Яковлев. Большинство его последователей происходили из деревень Устюженского у., принадлежавших помещице Чоглоковой¹. Вероучение Якова Яковлева во многом напоминало странническое – он учил, что нужно избегать любых контактов с властями, жить подаянием и скитаться².

В сер. XIX в. центры староверия «тихвинского пограничья» располагались в д. Косые Харчевни и с. Сомино³. В с. **Сомино**, главном центре местного «раскола», крестьяне приходили со своими образами и книгами в избу Андрея Иванова Ефимкова, который одновременно являлся и наставником⁴. Службы здесь проводились только по праздникам. В Соминской пристани проживали также два ямщика Зимогорского Яма (Валдайский у.), которые характеризовались как проповедники «раскола»⁵. В помещицкой д. **Мартыновка** особенно многочисленные моления проходили на Преображение. Этот праздник также считался днем рождения некоего почитаемого здесь инока Иова⁶. Однако наиболее активным деятелем старообрядчества данной местности в сер. XIX в. был сорокапятилетний петербургский мещанин Василий Гаврилов Горун⁷. Он посещал все деревни между Соминской пристанью и Тихвином, проповедуя старую веру. Староверие этого ареала тяготело больше к петербургским и тихвинским центрам старообрядчества, однако поддерживало связи и с «расколом» Валдайского у. Несколько другая картина сложилась в южной и юго-восточной части уезда, отделенной от Соминской вол. большим лесным и болотным массивом. Там располагались населенные староверами деревни, рассеянные в нижнем течении р. Мологи. В сер. XIX в. богослужения в них также отправлялись тайно в жилых избах. В помещицкой д. **Семище (Селище)** на молитву по праздникам собирались в избу крестьянина-наставника Ефрема Федорова⁸. Однако основными центрами староверия Устюженского у. считались населенные пункты, относившиеся в XIX в. к Охонской вол. Ю.К. Арсеньев относил распространение здесь «раскола» к кон. XVIII в., причем он связывал это с влиянием авторитетных общин соседних Череповского, Тихвинского и Крестецкого у⁹. Сами крестьяне в сер. XIX в. объясняли «легализацию» своих общин неким указом Екатерины II, изданным в 1796 или 1794 г.¹⁰

Деревня Гуськи. Именно эта деревня, очевидно, уже с XVIII в. являлась основным средоточием старообрядчества Охонского погоста. К 1816 г. здесь имелись две моленные – филипповская и федосеевская¹¹. Наставни-

ком филипповцев служил холостой крестьянин Афанасий Федоров, а также некто Федотович. Последний был связующим звеном между местной общиной и такими крупными центрами старообрядчества, как г. Тихвин и Пожарская вотчина Тверской губ. В федосеевской моленной служил холостой наставник Парфентий Самсонов. В 1816 г. на многих старообрядцев и «мирских» жителей прихода повлияла проповедь инока Максима из с. Кимры – крупного центра филипповского согласия Тверской губ. С его появлением было связано распространение слухов о конце света в мясопустную субботу или радуницу 1816 г., благодаря которым многие «мирские» жители приняли старую веру¹².

Во время ужесточения преследований «раскольников» в деревнях Охонского погоста было выявлено 6 моленных, действовавших без разрешения властей, три из которых располагались в Гуськах. В 1839 г. все они были закрыты и опечатаны¹³. Две из них принадлежали филипповцам, одна – федосеевцам. Все они подпадали под действие запретов ввиду нелегальных починок, производившихся крестьянами. Моления проводились наставниками, удельными крестьянами Афанасием Федоровым и Парфеном Самсоновым. Первый из них, помимо всего прочего, иногда жил при федосеевском женском монастыре-богадельне на Тетерках в Вышнем Волочке Тверской губ., исполняя должность наставника¹⁴. В 1839 г. он был выслан из Вышнего Волочка с запретом вновь здесь появляться. После опечатания моленных были составлены описи всех находившихся там икон и книг¹⁵, которые свидетельствуют, что моленные обладали неплохими иконостасами с местными образами в богатых ризах, деисусным и даже праздничным (в старой филипповской моленной) чинами. Несмотря на возврат икон, все выявленные моленные, в том числе и гуськовские, были закрыты, разобраны и проданы с торгов¹⁶. На этом злоключения староверов Охонского прихода не закончились. В 1857 г. полиция запретила хоронить на староверческих кладбищах близ дд. Гуськи и Комзово¹⁷. После подачи прошений от крестьян МВД разрешило хоронить на прежнем кладбище без «оказательств раскола»¹⁸. «Свищевское» кладбище с характерными старообрядческими намогильными сооружениями сохранилось до наших дней (рис. 1, 2).

Несмотря на запрет устройства новых молитвенных домов, в Гуськах уже спустя четыре года после закрытия прежних на молитву собирались в избе крестьянина Парфена Семенова, куда иконы приносили сами крестьяне на время проведения богослужений в субботу, воскресенье и праздники¹⁹. Сам гуськовский духовный отец Парфентий поддерживал связи с Выго-Лексинским общежитием и Преображенским богаделенным домом, где неоднократно проживал и от которого получал денежную помощь²⁰. Следующими по старшинству наставниками в Гуськах в это вре-

Рис 1. Ворота старообрядческого кладбища близ д. Комзово. Фото И.А. Мельникова. 2015 г.
Архив УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ

Рис. 2. Намогильные кресты на старообрядческом кладбище близ д. Комзово.
Фото И.А. Мельникова. 2015 г. Архив УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ

мя считались Афанасий Федоров и его племянник Кузьма Кононов. После закрытия моленных в 1849 г. они оба в течение двух лет скрывались, в т. ч. на Преображенке²¹. Гуськовские общины насчитывали в это время 382 последователя старой веры из 413 жителей деревни²². Вероятно, сразу после закрытия прежних моленных в Гуськах и других деревнях Охонской вол. появились новые, открытые без дозволения высшего начальства. На протяжении ряда лет, в 1864, а также с 1883 по 1904 г., староверы Охонской вол. пытались легализовать свои храмы и наставников, подавая прошения на имя императора²³. Однако их усилия были тщетны.

Несмотря на это, со слов последних представителей местного староверия, известно, что до крупного пожара деревни, произошедшего в 1932 или 1934 г., здесь стояла большая моленная с колокольней²⁴. После того, как она сгорела, моления проходили на дому у бабушки Саша Москалевой²⁵. В этот же период староверы Гуськов поддерживали связь с общиной в Старой Руссе, где училась мать одной из информанток²⁶. Важный вклад в развитие местного староверия в XX в. внес Степан Игнатьевич Богданов (1882 — 1936). По воспоминаниям его дочери, отец «*был очень грамотный. Он здесь и в Петербурге, еще до революции <...> даже учил, там ученики у него были*»²⁷. В моленной он состоял уставщиком и головщиком, но на-

ставником не был. Также Степан Игнатьевич занимался перепиской книг (рис. 3). В 1930-е гг. он подвергался преследованиям советской властью²⁸. Опасаясь репрессий, он, по воспоминаниям дочери, даже писал М.И. Калинин с просьбой восстановить его в правах, но эта попытка не увенчалась успехом.

Вероятно, вплоть до пожара при гуськовской моленной существовало обучение чтению и пению, которое велось инокинями²⁹. Иночество, благодаря сильной федосеевской и филипповской традициям, поддерживалось в данной местности достаточно долго (рис. 4). Поминание Степана Григорьевича Тимофеева, составленное в 1948 г.³⁰, содержит имена множества иноков, проживавших в Гуськах, Вышнем Волочке, Сольцах, Рыбинске и на Московской заставе в Петербурге. Пожар и антирелигиозная кампания сильно подорвали старообрядческую общину Гуськов. Последний известный местный наставник – «дядя Филя» умер, вероятно, еще до войны³¹. Его обязанности исполняли «бабушки»: Агаша и Евдокия Макшеева (Макшеиха), которые крестили детей³². Начиная с 1960-х гг. местное старообрядчество тяготеет к д. Карельское Пестово.

Деревня Карельское Пестово являлась духовным центром староверия Устюженского у. уже в нач. XIX в. К этому времени здесь имелась моленная, вероятно, филипповского согласия, жители деревни поддерживали тесные связи с гуськовскими федосеевцами и филипповцами. В 1816 г. наставниками в моленной служили отставной солдат Кузьма Тимофеев, крестьянин Кирьян Артамонов, отставной офицер Гаврил Савин, живописец Михаил Макаров³³. Однако в перв. трети XIX в. среди местных староверов появляются некоторые вероучительные разногласия, которые, как можно предположить, привели к построению в 1832 или 1833 г. второй, федосеевской моленной. Старый филипповский молитвенный дом был достроен и расширен в 1835 или 1836 г.³⁴ Оба храма существовали без необходимых разрешений, поэтому так же, как и гуськовские, были опечатаны в 1839 г., причем часть икон и книг была спасена верующими³⁵. Судя по описям 1849 г., обе моленные были несколько скромнее, нежели храмы в д. Гуськи. Духовным наставником в одной из них служил крестьянин д. Пестово Еремей Семенов. Во время дознания по делу о раскольнических моленных в 1843 г. выяснилось, что Семенов имел при себе некий Указ Лифляндского губернского правления, позволявший ему служить наставником, который оказался фальшивкой³⁶. В итоге наставник был выслан в Закавказье³⁷.

Несмотря на преследование, местные крестьяне продолжали скрыто придерживаться старой веры: в 1850-х гг. в Карельском Пестове 125 из 163 жителей являлись старообрядцами³⁸. Моленная, вероятно, федосеевского согласия, располагалась в доме крестьянина Григория Анфиногенова. Богослужения в ней проходили практически ежедневно, а ввиду гонений

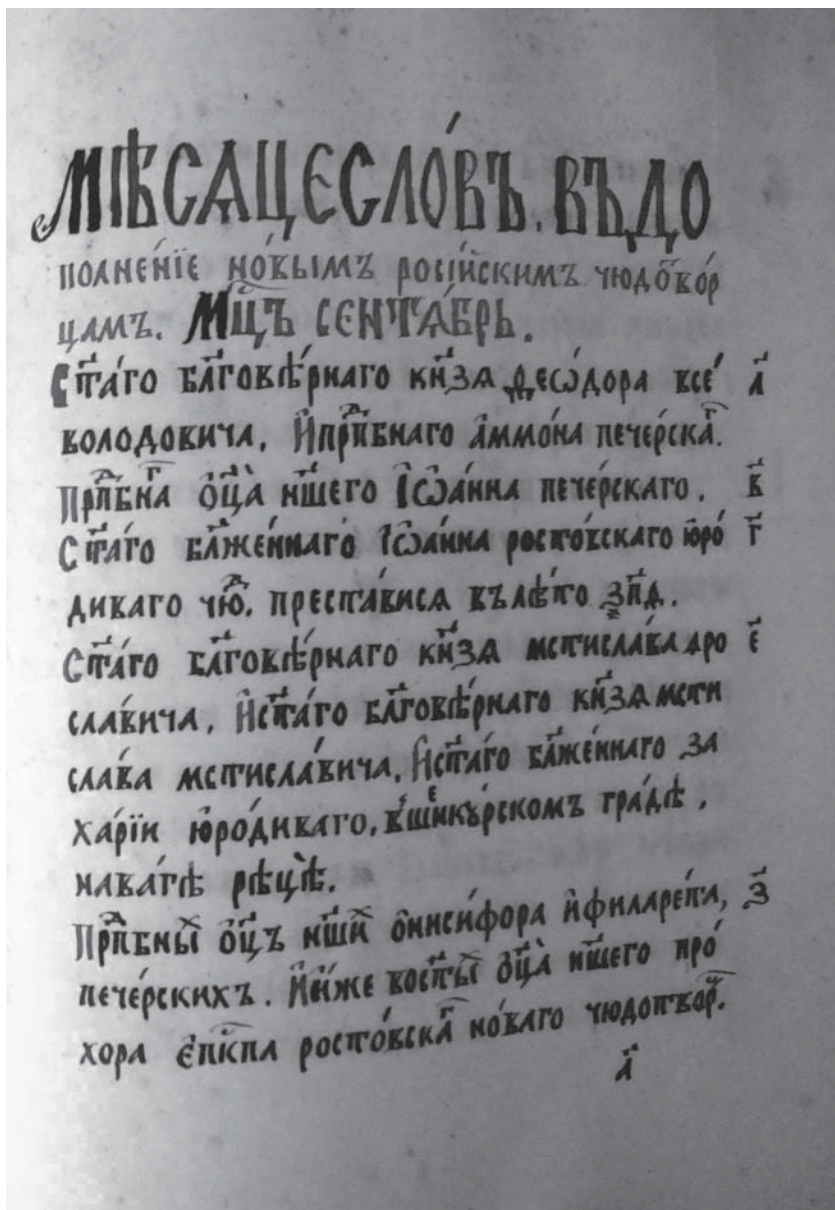

Рис. 3. Рукопись пер. трети XX в., переписанная С.И. Богдановым. Книжница Невской старообрядческой поморской общины (СПб.)

Рис. 4. Инокня из д. Карельское Пестово. Фото нач. XX в.

иконы и книги приносились только на время службы³⁹. Сам Анфиногенов был наставником, некоторое время находился в бегах после столкновений с властями, живя в Преображенском богаделенном доме. Он отличался строгой и уединенной жизнью⁴⁰. В 1850–90-х гг. крестьяне д. Карельское Пестово и других соседних деревень безуспешно подавали многочисленные прошения об открытии кладбища и моленных.

С 1930-х гг. Карельское Пестово становится средоточием конфессиональной активности местных старообрядцев. Долгое время здесь стояла «старинная-старинная» моленная, ни разу не закрывавшаяся даже в советские годы. Она имела характерные особенности федосеевского обустройства: это был обычный с виду дом с двумя входами – один для тех, которые «особо старoverы», и второй для «замирщенных»; пространство внутри с помощью лавки, поставленной вдоль, делилось на мужскую и женскую половины⁴¹. В послевоенные годы в Карельском Пестове имелись свои наставники — Александр Кутузов («отчествовал» до нач. 1960-х гг.), Васильев Емельян Васильевич (1960-е гг.)⁴², а также Степан Григорьевич Тимофеев (1907—1986)⁴³. В 1960-х гг. незарегистрированная группа старообрядцев насчитывала около сорока человек, шесть из которых считались «служителями культа»⁴⁴. После смерти последнего наставника его функции исполняла Марья Михайловна Веселова, гражданская жена Степана Игнатьевича Богданова, учившаяся уставу и пению в Старой Руссе⁴⁵. В кон. 1980-х гг. моленная несколько раз подвергалась разграблению, в настоящее время она практически полностью разрушена (рис. 5).

Деревня Карельское Пестово, де-факто остававшаяся последним крупным центром местного старообрядчества, как бы аккумулировала в себе символический капитал окрестных общин, практически прекративших свое существование в советский период. Именно здесь в последнее время находилась почитаемая сельская святыня - «чудотворная» икона Тихвинской Богоматери, известная по архивным источникам как «раскольничья святыня» д. Левково. Почитание иконы и практика приносов «по завету» сохранялись, насколько можно судить, и среди мирского населения вплоть до разрушения пестовской моленной. Примечательно, что изначально икона находилась не в самом молитвенном доме, а в доме у одинокой старушки по прозвищу «баба Надя Птюшка». Особенным почитанием икона пользовалась у жителей д. Брикуново: *«Ходили мы-то брикуновские отседа. Так там кака-то икона была, Тихвинска Богородица, подзолоченная. <...> За-вечалися, что заболает, да болеть-то... или со скотиной — ну, по завету ходили туды молиться»*⁴⁶. Во время войны, после смерти хранительницы иконы, она была перенесена в моленную: *«В моленной она стояла и приходили люди со всех деревень <...> На нее приходили, ленточки там вешали»*⁴⁷. Вероятно, икона попала после последнего ограбления моленной.

Рис. 5. Останки моленной в д. Карельское Пестово. Фото И.А. Мельникова. 2015 г. Архив УНЛ этнологии и истории культуры НовГУ

Деревня Брикуново. В XIX–XX вв. эта деревня, расположенная несколько в стороне от дд. Гуськи и Карельское Пестово, также входила в своеобразный куст центров староверия Устюженского у. К 1816 г. здесь также имелось две моленные – федосеевская и филипповская. Наставниками в одной из них служили Селиверст Парфентьев, в другой – крестьяне Федор Никифоров и Максим Савельев⁴⁸. Однако к 1843 г. здесь оставалась лишь одна моленная, выстроенная в начале века и значившаяся в описях федосеевской⁴⁹. Так же, как и в описанных ранее храмах, в ней был полный иконостас, в котором насчитывалось свыше ста икон⁵⁰. В 1848 г. молитвенный дом, в числе прочих, был разорен, но уже к 1853 г. здесь опять существовали две моленные – в избе крестьянина Матвея Селиверстова и Федора Богданова. Молитвенный дом Селиверстова просуществовал вплоть до 1867 г., когда по донесению Духовной Консистории он был закрыт⁵¹. В это время в нем служили крестьяне д. Брикуново Исаак Прокопьев и Савелий Андреев. После закрытия молитвенного дома крестьяне два раза подавали прошение о пересмотре дела, но, вероятно, их просьбы так и остались без ответа⁵². Как и прочие их единоверцы, брикуновские староверы с особенными надеждами вос-

приняли закон 1883 г. Прошло чуть более месяца после его выхода, как они подали прошение о восстановлении моленной, в котором отдельно ходатайствовало о дозволении открыть при д. Брикуново еще и кладбище, «так как ныне приходится возить покойников за 22 версты от селения на кладбище при деревне Карельском Пестове»⁵³. В прошении опять было отказано⁵⁴.

К сожалению, более поздние документы не оставили сведений о брикуновской общине. Однако староверие сохранилось здесь вплоть до недавнего времени, о чем свидетельствуют полевые материалы. Судя по воспоминаниям, «молебенка» в Брикунове, стоявшая на конце деревни, так же, как и гуськовская, сторела в предвоенные годы⁵⁵. После этого происшествия собирались на моление в домах у верующих. В 1930 — 40-е гг. в деревне имелся свой наставник Иван Романович Костров, он был не женат и жил в одном доме с незамужней сестрой, также причетницей местной общины. Современные информанты объясняют факт его безбрачия многолетней службой в царской армии: «Он неженатой оставше. Двадцать лет, никак, служил, дак... И заслужен был крестик»⁵⁶. После его смерти некоторое время за духовными требованиями обращались к Настасье Савельевне Кузнецовой, тетушке одного из информантов. Однако с 1940-х гг. «брикуновские» ходили молиться в Карельское Пестово.

Деревня Левково. Первое известие о старообрядцах д. Левково относится к 1843 г. Во время большого дознания по всем моленным Устюженского у. жители этой деревни, как и других упоминавшихся ранее, подали прошение об открытии опечатанного молитвенного дома. Однако полицейское начальство не знало ни о существовании моленной в Левкове, ни о ее закрытии⁵⁷. Не упомянут этот молитвенный дом и в отчете Арсеньева, хотя чиновником в 1853 г. отмечалось, что 15 из 33 жителей деревни были старообрядцами. Можно предположить, что левковская моленная уже в это время обладала неким особым статусом, что проясняется благодаря более поздним документам. В 1896 г. по прошению Новгородской Духовной Консистории была закрыта местная «часовня», располагавшаяся на дому Антона Трофимова. В Левкове в это время проживало 37 душ «раскольников» федосеевского согласия. Любопытен тот факт, что молитвенное здание было довольно известно в округе как среди староверов, так и «мирских», благодаря хранившейся в нем чудотворной иконе Тихвинской Богородицы. По словам благочинного, в «моленную Трофимова до закрытия ее в 1896 году стекалось до 200 человек богомольцев, в том числе много и православных <...> для служения молебнов по завету пред иконою Тихвинской Божией Матери на третий день Св. Пасхи. <...> Православным <...> служились особые

молебны в моленной только с запрещением им молиться, дабы не обмирщить «верных» (раскольников)⁵⁸. Стоит отметить, что икона была конфискована при закрытии моленной в 1896 г.⁵⁹, однако крестьяне неоднократно продолжали ходатайствовать о ее возвращении⁶⁰. Возможно, их усилия увенчались успехом, т. к. более поздние полевые материалы содержат упоминание о местной почитаемой иконе. В случае почитания местной сельской святыни старообрядчество выступало институциональной основой, «санкционировавшей» формы народного культа, в т. ч. в форме заветов. Необычен и тот факт, что в 1880 – 90-х гг. все это происходило на глазах помощника синодального миссионера Власова, непосредственно проживавшего в Левкове⁶¹.

В настоящее время старообрядчество Пестовского р-на является исчезающим явлением. Значительная часть населения переехала в Новгород и Санкт-Петербург. Тесные связи с северной столицей, отмеченные еще в XIX в., сделали возможным своеобразное «вахтенное» служение местных наставников в родной деревне в дачный сезон, в то время как основное их служение проходило в Рыбацком приходе (Древлеправославная Поморская Церковь). Кроме Петербурга, местные старoverы поддерживают связь с Новгородской поморской общиной (ДПЦ). Последние же самостоятельные моления до середины 2000-х гг. проходили в районном центре пос. Пестово⁶².

Среди духовных центров, с которыми старообрядцы Устюженского у. поддерживали связи в XIX в., следует назвать Москву, Санкт-Петербург, Выговскую пустынь, Кимры, Старую Руссу, Тихвин, Вышний Волочек и Зимогорский ям. В XX в. были налажены связи с Рыбинском, Старой Руссой, Москвой, Санкт-Петербургом, а также Сольцами.

Примечание:

- 1 РГИА. Ф. 1284. Оп.195. 1809 г. Д. 7. Л. 1–4. – По представлению Новгородского гражданского губернатора о пойманных в Устюженском уезде людях беглых, составляющих особую секту раскола и лжеучители их Яковлеве.
- 2 Там же. Л. 5.
- 3 Там же. Оп. 208. Д. 480в. Л. 365, 373. – Отчет д. с. в. Арсеньева о состоянии раскола в Новгородской губернии и в Новоладожском уезде Петербургской губернии.
- 4 Там же. Л. 379об.
- 5 Там же. Л. 383.
- 6 Там же. Л. 380.
- 7 Там же. Л. 383об.
- 8 Там же. Л. 379.
- 9 Там же. Л. 368.

- 10 Там же. Оп. 221. 1883. Д. 35. Л. 10об. – По прошению раскольников крестьян Новгородской губ. Устюжского уезда, Федовской волости, разных деревень о разрешении им построить молитвенный дом в дер. Гуськи.
- 11 Там же. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л.154. – Со сведениями о раскольниках Новгородской епархии.
- 12 Там же. Л. 154 об.
- 13 Там же. 1284. Оп. 200. 1843. Д. 441. Л. 64об. – По донесению Новгородского Гражданского Губернатора о крестьянах: Еремее Семенове, Родионе Леонтьеве, Афонасье Федорове, Парф. Семенове и крестьянских девках Татьяне Тарасовой, Авдотье Матвеевой, Настасье Васильевой и Катерине Богдановой, сужденных за отступление от православия в раскол, погребение умерших и крещение младенцев, и о моленных в деревнях Брикунове, Пестове, Гуськове и Левкове.
- 14 Там же. Л. 4.
- 15 Там же. Л. 74–83об.; 101–109об.
- 16 Там же. Л. 96–97.
- 17 Там же. Оп. 213. 1858 г. Д. 87. Л. 1об. – По отношению Председателя Департамента Уделов с изъяснением прошения раскольников Новгородской губернии удельных деревень Брикунова, Пестова, Гуськова и Левкова о дозволении им продолжать хоронить тела умерших на отдельном их кладбище.
- 18 Там же. Л. 3.
- 19 Там же. Оп. 208. Д. 480в. Л. 368, 379.
- 20 Там же. Л. 381об.
- 21 Там же. Л. 382–382об.
- 22 Там же. Л. 373–374об.
- 23 Там же. Оп. 221. Д. 35. 1883 г. Л. 1, 31–37 об.; Оп. 218. 1864. Д. 42. Л. 2–4об. – По всеподданнейшему прошению раскольников Новгородской губернии деревень Гуськова, Брикунова и Пестова Григорья Яковлева, Антона Степанова, Константина Иванова и др. о разрешении открыть в их селениях молитвенные дома; Оп. 218. 1881. Д. 13. Л. 1. – По прошению крестьян раскольников Новгородской губ. Устюженского уезда, Охонско-Федовской волости, Григория Яковлева Панафидникова и Василия Никитина о возвращении им икон и книг; Оп. 222. 1894. Д. 124. Л. 5. – По отношению Новгородского губернатора о постановлении Духовной Консistorии относительно церковной утвари, икон и книг, отобранных из моленной, существовавшей в доме крестьянина Богданова в деревне Гуськи Устюжского уезда; Оп. 222. 1904. Д. 12. Л. 9об.–10. – По всеподданнейшему прошению кр-н дер. Гуськи, Новгородской губ. о разрешении совершить общественное богомоление в существующей в названной дер. раскольнич. моленной.
- 24 ПМА. СПб., В-а А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. 2017 г.
- 25 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Карельское Пестово. В-а З. С., 1935 г. р., род. в д. Гуськи. 2015 г.
- 26 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Карельское Пестово. В-а З. С., 1935 г. р., род. в д. Гуськи. 2015 г.

- 27 ПМА. СПб., В-а А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. 2017 г.
- 28 ПМА. СПб., В-а А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. 2017 г.
- 29 *Шамарин В.В.* Староверие в Новгородской области // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 1999 г. М., [б.и.], 1998. С. 72–73; о народных и церковных певческих традициях данной местности см.: Бурьяк М. Обычаи отцов // Чело. №3 (19). 2000. С. 89–94.
- 30 Поминание христианина Тимофеева Стефана Григорьевича, 1932–1948 // Книжница Невской старообрядческой поморской общины.
- 31 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Карельское Пестово. В-а З. С., 1935 г. р., род. в д. Гуськи. 2015 г.
- 32 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Гуськи, Т-а О. П., 1954 г. р., род. в д. Гуськи. 2015 г.
- 33 РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 156об.
- 34 Там же. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 441. 1843 г. Л.85.
- 35 Там же. Л.64об., 85.
- 36 Там же. Л. 7–7об.
- 37 Там же. Л. 8–16.
- 38 Там же. Оп. 208. Д. 480 в. Л. 374.
- 39 Там же. Л. 379 об.
- 40 Там же. Л. 382.
- 41 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Карельское Пестово, Л-а Т. Н., 1935 г. р., род. в д. Карельское Пестово. 2015 г.
- 42 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Карельское Пестово, Л-а З. В., 1935 г. р., род. в д. Карельское Пестово. 2015 г.
- 43 *Шамарин В.В.* Указ. соч. С. 72.
- 44 ГАНО. Ф. Р-4110. Оп. 4. Д. 77. Л. 32. – Материалы о деятельности сектантских организаций Новгородской области (историческая справка, учетные карточки 1959–1966 гг.).
- 45 *Шамарин В.В.* Указ. соч. С. 72.
- 46 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Брикуново, С-а П. Д., 1934 г. р., род. в д. Брикуново. 2015 г.
- 47 ПМА. СПб., В-а А. С., 1932 г. р., род. в д. Гуськи. 2017 г.
- 48 РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 156об.
- 49 Там же. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 441. 1843. Л. 107.
- 50 Там же. Л. 107–109 об.
- 51 Там же. Ф. 1284. Оп. 218. 1868. Д. 10. Л. 6об. – По прошению уполномоченных от общества бывших удельных крестьян Новгородской губернии, Устюжского уезда деревни Брикунова Семена Васильева и Тимофея Минина о возвращении принадлежащих им икон.
- 52 Там же. Л. 1–1об., 9.
- 53 Там же. Оп. 221. 1883. Д.36. Л. 1об. – По прошению проживающих в Устюжском уезде, Новгородской губ. Федовской волости, в дер. Брякунове крестьян раскольников о

разрешении им построить в названной деревне молитвенный дом и об отводе места под раскольническое кладбище.

54 Там же. Л. 5об.

55 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Брикуново, С-в С. В., 1926 г. р., род. в д. Брикуново. 2015 г.

56 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Брикуново, С-а П. Д., 1934 г. р., род. в д. Брикуново. 2015 г.

57 РГИА. Ф. 1284. Оп. 200. Д. 441. 1843. Л. 63.

58 Там же. Оп. 222. 1899. Д. 69. Л. 5. – По представл. Новгородского губ-ра об устройстве расколн. моленной в дер. Левкове Устюжского уезда.

59 Там же. Л. 3 об.

60 Там же. Л. 3об., 7.

61 Там же. Л. 7.

62 ПМА. Новгородская обл., Пестовский р-н, д. Карельское Пестово, В-а З. С., 1935 г. р., род. в д. Гуськи. 2015 г.

УДК 94(47). 2(28)

СТАРООБРЯДЦЫ ГДОВСКОГО УЕЗДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ. XIX–XX ВВ.

Людмила Валентиновна Королькова

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, научный сотрудник ведущей категории

korolkoval@list.ru

Аннотация. В данной работе автор обращается к малоисследованной теме – истории старообрядчества Гдовского у. Санкт-Петербургской губ. В качестве источников были использованы материалы, хранящиеся в архивах ЦГИА и РГИА и научные публикации. В статье рассмотрены такие вопросы, как численность старообрядческого населения, ее динамика, ареал распространения старообрядчества, взаимоотношения старообрядцев с приходскими священниками. Также приведена информация о моленных домах, кладбищах и наставниках старообрядцев.

Ключевые слова: история, религия, старообрядчество, Гдовский у., Санкт-Петербургская губ., архивные и опубликованные источники, XIX–XX вв.

УДК 94(47). 2(28)

OLD BELIEVER OF THE GDOV DISTRICT OF THE ST. PETERSBURG PROVINCE. XIX–XX CENTURY

Ludmila Valentinovna Korolkova

The Russian Museum of Ethnography, St Petersburg, PhD in History, Senior Researcher

korolkoval@list.ru

Abstract. The article deals with the history of studying of the Old Believers of the district in the St. Petersburg province. The sources for the research were materials from the central historical archive of St. Petersburg, the Russian Public historical Records Office, and scientific publications. The article considers such questions as the number of the Old Believer population, dynamics of its change, the Old Believers places of living, the relationship of the

Old Believers with parsons. Also, the author gives information about the houses for prayer, cemeteries, and mentors of the Old Believers.

Key words: history, religion, Old Believer of the Gdov district in the St. Petersburg province, materials from archives and scientific articles, 19th–20th centuries

Причудье – один из регионов России, в котором на протяжении более трех столетий проживает (западный берег Чудского оз.), либо до недавнего времени проживало старообрядческое население (восточный берег). Основная зона расселения приверженцев старой веры охватывала прибрежные территории Чудского и Псковского оз.; некоторые деревни были удалены от побережья на 20–25 км. История старообрядчества рассматриваемого региона неоднократно привлекала внимание исследователей. Среди них были религиоведы, этнографы, лингвисты, историки и краеведы¹. Однако их интерес был сконцентрирован в основном на изучении старообрядцев бывшего Дерптского у. Лифляндской губ., так называемых эстонских старообрядцев. История же старообрядчества восточного берега Чудского оз. долгое время оставалась практически не изученной. Исключение составляет лишь период втор. пол. XX в., который кратко освещен в работе лингвиста О.Г. Равновой «Староверы западного и Восточного Причудья: проблема конфессиональных и языковых связей»². Наличие указанной выше исторической лакуны и актуальность ее заполнения привели автора данной статьи в архивы. Соотнесение собранного материала с уже имеющимися сведениями из опубликованных источников позволило получить представление о локальной группе приверженцев старой веры Гдовского у. и в целом понять, что собой представляло старообрядчество Причудья в XIX–XX вв.

Основными источниками для данного исследования послужили документы Петроградской духовной консистории (Ф. 19), дела канцелярии Санкт-Петербургского гражданского губернатора (Ф. 253), хранящиеся в ЦГИА, а также материалы Санкт-Петербургского департамента полиции МВД (Ф. 1286) из РГИА. Наиболее информативными для рассматриваемой темы оказались документы Гдовского земского суда, Гдовского Духовного правления, а также рапорты священников Бельской церкви Рождества Христова, Бобровской Троицкой церкви Гдовского у. и материалы касающиеся прихода церкви Михаила Архангела в с. Кобылье Городище того же уезда.

Как считает большинство исследователей, первые старообрядцы в Причудье появились в кон. XVII – нач. XVIII в., что объясняется появлением в данной местности сторонников Феодосия Васильева³ Информация о времени создания культовых сооружений немногочисленна. Известно лишь, что первая старообрядческая моленная появилась на западном берегу Чудского оз. в д. Кикита в 1740 г.⁴ Количество «раскольников» на западном

берегу Чудского оз. было больше, чем на восточном берегу; в 1811 г. в Дерптском у. оно составляло 1172 чел.⁵. А к середине XIX столетия в западном Причудье уже было 23 деревни со старообрядческим населением. Его численность к тому времени увеличилась до 4203 чел. (2011 мужчин и 2194 женщины). Также следует отметить, что еще 360 чел. к тому времени перешли в единоверие⁶.

Большинство старообрядческих деревень располагалось по берегу Чудского оз: Воронья (231 мужчина и 193 женщины), Грос Кольк (207 мужчин и 221 женщина), Казепе (243 мужчины и 291 женщина), Кикита (233 мужчины и 253 женщин), Клейн Коли (111 мужчин и 137 женщин), Красные Горы (340 мужчин и 432 женщины), Лахт-Киейн (9 мужчин и 14 женщин), Логузу (9 мужчин и 11 женщин), Межи на острове (126 мужчин и 158 женщин), Омедо (4 мужчин и 7 женщин), Ротчина (32 мужчины и 18 женщин), с. Нос (21 мужчина и 16 женщин); дд. Соойца (6 мужчин и 5 женщин), Тихатка (90 мужчин и 85 женщин), Черная (172 мужчины и 190 женщин). Еще ряд деревень находились недалеко от Чудского оз.: Каргова (9 мужчин и 16 женщин), Кендос (36 мужчин и 35 женщин), Костино / Киррине (53 мужчины и 54 женщины), Кюнапу (4 мужчины и 3 женщины), Рехемец (34 мужчины и 28 женщин), Кузнецова (14 мужчины и 9 женщин), Лулликова (5 мужчин и 6 женщин), Лянете (21 мужчина и 14 женщин). Все старообрядцы принадлежали к беспоповцам федосеевского толка «не признающим ни священства, ни браков»⁷.

Первые сведения о раскольниках Гдовского у. в документах XIX в. относятся к 1804 г. Именно в это время священник церкви Архистратига Михаила (Кобылье Городище) во время обхода с крестом домов в д. Услачка обнаружил «раскол»: в доме крестьянина Ивана Феклистова он застал «раскольнических попов», которые проводили моление. На приветствие батюшки мужчины не ответили. Священник попытался провести «увещевание» раскольников, однако те не стали с ним разговаривать и заявили, что им «государь не запрещает быть старообрядцами» и выпроводили незваных гостей из избы⁸.

В 1830-е гг. священники стали обращать больше внимания на раскольников и особенно на их наставников, которые ходили по деревням и пропагандировали свое учение. Приведем пример. 23 ноября 1839 г. священник церкви с. Кобылье Городище Емельян Уткин, проезжая ночью через д. Осатна, увидел, что в доме крестьянина Филиппа Иванова из-под занавесок виднеется свет, а из избы слышится пение. Заинтересовавшись происходящим, на следующий день он решил выяснить причину столь позднего собрания. На ночлег батюшка остановился у крестьянина Тимофея Кузьмина, от которого и узнал, что в заинтересовавшем священника доме находится раскольнический наставник, именуемый «батько», который вместе

с хозяином дома «исправляли вечерню и панихиду». Утром батюшка со старостой Григорием Самуйловым отправились к крестьянину Филиппу Иванову. В его доме они обнаружили мешочек с книгами, а потом и самого «пономаря» – Семена Кузмина, крестьянина д. Кратково считавшегося наставником, поскольку он ходил на исповедь в Александровский Посад (Толабск) Псковской губ. к старообрядческому наставнику). Необходимо отметить, что приход священника не испугал старообрядцев. Мать хозяйина дома Ирина Егорова даже пыталась отобрать у батюшки изъятые им книги. За их возврат раскольники предлагали Уткину деньги, но батюшка их не взял⁹.

Официальные статистические сведения о расселении приверженцев «древлего православия» в Гдовском у. на восточном побережье Чудского оз. относятся к 1839 г. По сведениям местных властей общее число раскольников на тот период составляло 528 чел. (294 мужчин и 234 женщин). Старообрядцы, которые не скрывали свою принадлежность к расколу, числились в деревнях: Голдино – 6 чел., Забельска – 5 чел., Заболотье – 3 чел., Нижнее Сухое – 32 чел., Остров-Желачка – 103 чел., Подклинье – 43 чел., Сомолва – 23 чел., Троицкая Гора – 10 чел.¹⁰. Крестьяне «подозревавшие в расколе» были зафиксированы в следующих населенных пунктах: Борисовщина – 3 чел., Голубина – 1 чел., Горестицы – 3 чел., Горково/Горбово? – 3 чел., Горы – 3 чел., Гукково – 3 чел., Заболотье – 4 чел., Забродье – 2 чел., Залужье – 5 чел., Замошье – 2 чел., Заозерье – 2 чел., Заручье – 4 чел., Заходцево – 5 чел., Заходцы – 2 чел., Елохново – 3 чел., Исаковщина – 1 чел., Каледуха – 6 чел., Китино – 2 чел., 1-е Китино – 7 чел., 2-е Китино – 3 чел., Кратково – 2 чел., Лесково – 4 чел., Лешнина – 2 чел., Малышево – 3 чел., Наумовщина – 3 чел., Паньщина – 2 чел., Плещино – 3 чел., Плешево – 2 чел., Подосиновка – 7 чел., Погорелка – 2 чел., Починок – 4 чел., Рычково – 6 чел., Слобода – 2 чел., Смержаха – 4 чел., Трети – 4 чел., Хохлово – 2 чел., Червино/Червище – 3 чел., Чухново – 13 чел.

Из приведенного списка следует, что большинство деревень, в которых проживали раскольники в XIX в., территориально относились к приходу церкви Рождества Христова (Бельский приход) и к приходу церкви с. Кобылье Городище. Наименьшее число старообрядцев проживало на территории приходов Гвоздно, Маслогостицы и Полно. Бельский погост располагался в 100 верстах от г. Гдова при р. Белянке. Приход церкви Архистратига Михаила в с. Кобылье Городище находился на расстоянии 50 в. от Гдова, на берегу Чудского оз., недалеко от места его соединения с Псковским оз., при р. Желче и Кобылке. В 70 верстах от уездного города располагался погост Гвоздна с его приходским храмом, освященным во имя Косьмы и Дамиана. Село Маслогостицы (юго-восточное Причудье) находился в 74 в. от Гдова и в 10 в. от Псковского оз.¹¹.

Наиболее значительное число старообрядцев в 1839 г. проживало в д. Остров Желачка и Подклинье. Семьи старообрядцев были большими. Они обеспечивали естественный прирост старообрядческого населения. В качестве примера можно привести статистические данные по д. Остров Желачка. В этой деревне было зафиксированы следующие дворы старообрядцев: хозяйства Андреева Ильи, Даниловых Михаила и Максима, Ермолаевой Ефросиньи, Ивановых Захара и Михаила, Кузьмина Петра, Матвеева Михаила, Михайлова Леонтия, Светевых Ивана и Никифора, Семенова Алексея, Степанова Алексея, Степанова Никиты, Прокопьевой Елены, Тарасовой Ефимьи, Феоктистовой Прасковьи. Общая численность учтенных в этой деревне старообрядцев составляла 103 чел. Из них 30 мужчин в возрасте от 19 до 77 лет, 36 женщин от 19 до 72 лет, 37 детей и подростков от 1 до 17 лет¹².

В 1854 г. в приходе с. Кобылье Городище согласно официальной статистике числилось 36 семей старообрядцев. Они состояли в расколе либо с рождения, либо перешли в старую веру из православия. Так, к примеру, крестьяне д. Остров Желачка Данилов Иван, его жена – Афросинья Григорьева и дочь Татьяна 39 лет числились в расколе с 1828 г. Илья Андреев с сыновьями Иваном, Егором и Михаилом и крестьянин Андрей Семенов и его брат Дмитрий считались состоящими в расколе с 1827 г. Семейство Феклиста Мартьянова было обращено в раскол в 1815 г., а семейство Михаила Данилова Кобылкина в 1817 г.¹³ В д. Подклинье относящейся к приходу церкви Рождества Христова (Бельского) в 1854 г. насчитывалось 108 раскольников (50 мужчин и 58 женщин). В Маслогостицком приходе числилось 23 приверженца старой веры (8 мужчин и 15 женщин). Все они были беспоповцами федосеевского согласия. В источнике 1865 г. в этом приходе, по данным местного священника было 29 раскольников – федосеевцев, из них 14 мужчин и 15 женщин. Они проживали в д. Щедрово, одна женщина в д. Баглицы. 16 старообрядцев числились в приходе Полно и 86 в Бельском приходе¹⁴.

Старообрядческое население, проживавшее по берегам Чудского оз., постоянно находилось под пристальным вниманием полиции и церковных властей. В 1850-х гг. в Причудье была учреждена постоянная полиция и введена должность специального надзирателя, деятельность которого должна была осуществляться секретно. Прибрежный надзиратель должен был следить за тем, чтобы в домах раскольников не собирались на моления посторонние лица (молиться разрешалось только домочадцам.), чтобы при погребении раскольников не было публичных прощаний с песнопениями. Также надзиратель должен был наблюдать за моленными, следить за тем, чтобы в них не предпринималось никаких починок. В деревнях из числа православных избирались сотские и в помощь им десятники (они отвеча-

ли за 10 домов в селении). Выборные должны были собирать информацию о том, что происходит в деревнях, где были раскольники, доносить надзирателю сведения о беглых и дезертирах. Однако, несмотря на принятые полицейские меры, деятельность надсмотрщиков была малоэффективной, поскольку раскольники не выполняли распоряжений сотских и десятских¹⁵.

Центром старообрядчества в Гдовском у. была д. Поклинье (Середкинская вол.), где располагалась моленная. Она была открыта в начале XIX в. в жилом доме государственного крестьянина Гдовского у. Максима Васильева, в специально отведенной комнате. После смерти Васильева моленная перешла к его сыну – Алексею Максимову. Местные и приходящие раскольники собирались в этой моленной для богомолья в воскресенье и по праздникам. Сохранившийся в архиве список имущества этой моленной 1854 г. свидетельствует о том, что ее убранство было довольно богатым. Здесь находились различные предметы для богослужения, 37 подручников из разноцветного холста, три полотенца и 21 икона. Среди них были как старинные образа, так и новые¹⁶.

Древними иконами считались: икона с изображением прп. Федора Студита и св. Анны; над ними изображение младенца Христа (кипарисовое дерево), две иконы свт. Николая Чудотворца (ветхие), икона «Трех святых» (Христос и двое святых). Вероятнее всего к перв. пол. XIX в. относились следующие иконы: «Сошествие Святого Духа», свт. Николай Чудотворец, св. вмц. Параскева и св. ап. Архипп, прпмч. Евдокия и св. ап. Петр, икона Божией Матери Покров Богородицы, икона Божией Матери Казанская, покрытая сусальным золотом, икона «арх. Михаил, арх. Гавриил и младенец Христос», икона Воскресение Христово, икона «Царь Славы и Божия Матерь». Помимо икон на дереве, в моленной находилась медная икона и два медных восьмиконечных креста. Остальные иконы числились «новыми»¹⁷.

В июле 1854 г. по решению Гдовского земского суда моленная была опечатана. После этого некоторые старообрядцы перешли в единоверие и были приписаны к единоверческой церкви свт. Николая Чудотворца (с. Кубасово), которая располагалась на р. Пскове, недалеко от пограничного столба, разделяющего Псковский, Гдовский и Лужский у. Церковь была построена на средства крестьян Лужского у., перешедших из раскола в православие в 1843 г¹⁸. В 1855 г. местные власти приняли решение о продаже вещей из моленной с аукциона. Вырученные деньги собирались отправить в Санкт-Петербург в Приказ общественного призрения. Однако позже решение было изменено. Все конфискованное имущество передали в единоверческую Кубасовскую церковь священнику Василию Славковскому¹⁹. Через несколько лет моленная д. Подклинье снова начала функционировать. Помещение для нее предоставил крестьянин Федор Яковлев; оно располагалось на заднем дворе его усадьбы. В праздничные дни

и по воскресеньям в моленной отправляли требы: читали часы, вечерни и утрени. Затем моленная была переведена в дом Феодула Елисеева, который к 1862 г. уже считался «главным коноводом и наставником раскола»²⁰.

Как известно, умершие старообрядцы находили свое последнее пристанище на специальных старообрядческих кладбищах. Такие кладбища были и у гдовских приверженцев старой веры. Источники XIX в. сохранили информацию о двух таких объектах – кладбищах у д. Подклинье и Щедрово. Они располагались в лесу недалеко от поселений. Кладбища были окружены каменной оградой²¹. На кладбищах хоронили старообрядцев, проживавших в деревнях Бельского и Маслогостицкого приходов. Возможно, на территории Гдовского у. существовало еще одно кладбище. В архивном источнике 1841 г. есть упоминание о том, что священник церкви д. Кобылье Городище зафиксировал случай погребения крестьянки Мелании Федоровой из д. Хомутово без церковного обряда. В процессе выяснения этих обстоятельств удалось установить, что Мелания от рождения и до своей смерти исповедовала старую веру. Поэтому жители деревни похоронили ее не на православном кладбище, а у д. Зазыбенье²².

Несмотря на то, что священники приходов, «зараженных расколом», постоянно пытались проводить «увещевания» раскольников «от рождения» и перешедших в старообрядчество из православия, а также приглашали миссионеров, деятельность не приносила значительного успеха, поскольку местные наставники активно пропагандировали старообрядчество. Примером могут служить следующие случаи. В 1854 г. в приходе церкви Рождества Христова объявили себя раскольниками крестьянин д. Троицкая Гора Захар Самуйлов (70 лет) и его жена. До 1850 г. Захар был православным, а затем стал уклоняться от христианского долга, на что его подвиг проживавший в г. Пскове наставник, некто Федешенков²³. На обращение священника он отвечал: *«Хоть куда меня не поведут, но никто меня не убедит оставить мою родительскую веру хотя бы мне и пришлось сей час лишиться жизни»*²⁴. В 1855 г. из 40 раскольников, подвергшихся «увещеванию», только двоих удалось убедить в необходимости обращения в «истинную веру». В то же время в д. Желачка перешли в раскол крестьяне Алексей и Тихон Антоновы, Василий Алексеев, Стефан Максимов, Максим Данилов Кобылкин и др.²⁵.

При сверке метрических книг постоянно выявлялись новые факты «сращения в раскол» православных. В 1860-е гг. перешли в старообрядчество крестьяне д. Подклинье – Лаврентий Васильев; д. Кратково – Евдокия Васильева, Евдокия Евдокимова, Микифор Степанов, Семен Борисов, Прокофий Степанов, Феодор Пименов, Феодул Елисеев; д. Голдино – Анастасия Кирилова²⁶. В 1868 г. священник Бельской церкви обращался с жалобами в Духовную консисторию на крестьян-раскольников д. Подклинье Семена Фе-

одулова, Александра Тимофеева, Петра Богданова, Мины Петрова и д. Кратково Стефана Яковлева и Василия Ильина (д. Троицкая Гора) и др., которым выдвигалось обвинение, что они не признают церковный брак. Молодые парни-раскольники брали девушек в дом под видом работниц или прислуги, а лет через пять в волостном правлении они уже числились их женами²⁷.

Какова была реальная численность старообрядцев Гдовского у. к 1870-м гг. сказать сложно, поскольку приходские священники всегда занижали количество приверженцев «древлего православия», а назначаемые в приходы новые священники каждый раз заново «открывали раскол». Так, по сведениям священника Иоанна Антипова (1868–1869), представленным в Санкт-Петербургскую епархию, в Бельском приходе на тот период в дд: Голдино, Забелье, Кратково, Нижнее Сухово, Подклинье и Троицкая Гора проживало 68 старообрядцев (28 мужчин и 40 женщин)²⁸. В 1879 г. старообрядцев на территории прихода церкви Св. Троицы (с. Боброво) обнаружил священник Николай Парвицкий. 26 декабря 1878 г. он приехал в д. Почап для напутствия больного крестьянина Гавриила Григорьева. Однако тот отказался исповедоваться перед православным священником и заявил, что исповедь у него уже принял старообрядческий наставник Александр Вуколов. Это обстоятельство и открыло раскол²⁹. Вскоре в д. Почап были выявлены и другие раскольники. Ими оказались крестьяне Агафия Флорова, Архип Гаврилов и его жена Христина Алексеева, жена крестьянина Феодора Леонтьева – Марина Павлова, жена крестьянина Василия Андреева – Агнастасия Елизарова, жена крестьянина Александра Вуколова – Евфимия Евстратиева, Петр Вуколов. Все они являлись беспоповцами федосеевского согласия³⁰.

Как отмечали в своих отчетах священники и миссионеры, раскол в Гдовском у. поддерживался и множился благодаря действиям местных старообрядческих наставников.

Наиболее влиятельными наставниками в Гдовском у. в сер. XIX в. были государственные крестьяне: Феодул Елисеев 1802 г.р. (д. Подклинье), Прокопий Стефанов 1808 г.р. и Семен Борисов 1808 г.р. (д. Кратково). Поскольку Феодул Елисеев был вдовцом, а Прокопий и Семен инвалидами не имеющими семьи, они полностью посвятили себя поддержанию и распространению старообрядчества. В 1860-е гг. главным «коневодом раскола» стал Прокопий Стефанов. Влияние гдовских наставников простиралось далеко за границы Гдовского у. – в Псковскую, Новгородскую губ. и на «чухонскую сторону»³¹.

Еще один наставник попал в поле зрения православной церкви в 1870-е гг. Это был крестьянин д. Почап Александр Вуколов (1843 г.р.). В 1879 г. он уже считался главным руководителем и наставником старообрядцев. Вуколов по данным местного священника был православным, но потом

перешел в раскол. Это произошло в конце 1850-х гг., когда он ушел на заработки в Царскосельский у., где работал пастухом в дд. Куровицы и Данышино. В этих поселениях проживали старообрядцы-беспоповцы федосеевского согласия. Александр проникся старой верой, стал посещать моленную Волковского кладбища и вскоре был перекрещен крестьянами указанных деревень. Через некоторое время Вуколов стал ярым сторонником старообрядчества. Всех пастырей он называл «наемниками», «никонианами», не считал должным ходить в храм божий и общаться с православными, отвергал исповедь и святое причастие. Обряд погребения считал ненужным. Службу Александр Вуколов проводил в своем доме и ходил по приглашению в другие деревни³².

Несмотря на то, что численность старообрядцев в Гдовском у. была небольшой, идеология старообрядчества прочно утвердилась в этом крае. Переходы из православия в старообрядчество происходили вплоть до нач. XX в³³. Побудительными причинами этого были браки православных со старообрядцами, вынужденное крещение младенцев из старообрядческих семей в православной церкви, желание быть похороненными на старообрядческих кладбищах вместе с родителями. Так жена православного крестьянина Евфимия бывшая от рождения раскольницей, после замужества перешла в православие. Однако ее родная сестра из д. Щедрово Марина Никитина не могла с этим примириться. При посещении дома Евфимии во время отсутствия ее супруга, она постоянно уговаривала родственницу возвратиться к старой вере. А в 1895 г. все-таки увела Евфимию в родную деревню, где и перекрестила ее³⁴.

Ни увещевания священника Никольского прихода (с. Маслогостицы) Василия Альбова, ни просьбы мужа не вернули ее в православие. Евфимия заявила, что она *«желает во что бы то ни стало быть погребенной под высоким щедровским крестом. Иначе ее душеньке не будет покоя»*³⁵. Поступок Евфимии одобрили все ранее перешедшие из православия в старообрядчество женщины дд. Щедрово и Пупково³⁶. Несмотря на то, что в д. Щедрово раскольников было немного, они оказывали сильное влияние на местное православное население. Старообрядцы были агрессивно настроены против официальной церкви. Они никогда не ели из одной чашки с православными, даже если они являлись братьями и сестрами; отказывались беседовать со священником, крестить новорожденных в православном храме. Среди старообрядцев в д. Щедрово были довольно влиятельные люди, например, раскольники Федор Емельянов и Василий Никитин. Они владели мелочной лавкой и занимались рыбной торговлей. Когда на торг в д. Щедрово приходили крестьяне из поселений Дуб и Липно Федор и Василий в их присутствии при любом удобном случае высмеивали православную веру³⁷.

Но, поскольку старообрядцы Гдовского у. не были ограждены от влияния соседей, перемены которые проходили в российском старообрядчестве в кон. XIX в. коснулись и многих здешних последователей старой веры. Они, как и многие другие старообрядцы заняли на умеренные позиции по отношению к властям и к официальной церкви, объяв себя сторонниками поморского согласия. Об этом свидетельствуют документы, датированные 1901 г.³⁸. Такие же изменения были зафиксированы и у старообрядцев западного Причудья. В нач. XX в. наряду с приверженцами старой веры, перешедшими в поморское согласие, на территории Эстонии сохранились и общины беспоповцев-федосеевцев³⁹.

Благодаря опубликованным материалам экспедиций проводившихся в деревнях Причудья во втор. пол. XX в (опубликованы О. Равновой), и сравнении их с источниками, полученными в архивах Санкт-Петербурга, можно утверждать, что староверы Гдовского у. не были изолированы от старообрядцев Дерптского у. Их объединяла история «заселения Причудья, родственные и экономические связи»⁴⁰. Наш вывод подтверждается и еще одним, самым важным фактом: в третьей четв. XIX в. наставники Гдовского у. оказывали значительное влияние на раскольников проживавших на «чухонской стороне»⁴¹. После Октябрьской революции, когда Эстония получила независимость, граница разделила старообрядцев Причудья. Численность старообрядческого населения Гдовщины стала уменьшаться.

Трагедией для старообрядческого населения рассматриваемой территории стала Вторая мировая война. Некоторые семьи из Причудья были эвакуированы в тыл страны, часть старообрядцев, оставшихся на оккупированной территории, была вывезена на работу в Германию⁴². Также известно, что во время войны 98 % поселений бывшего Гдовского у. было сожжено. После войны связи старообрядцев восточного Причудья со староверами западного Причудья возобновились. Жители сожженных деревень ходили в Эстонию обменивать промышленные товары на продукты, пригоняли оттуда скот. Молодежь ходила в Эстонию на заработки⁴³. Поскольку количество староверов в сельской местности было небольшим и не было естественного прироста старообрядческого населения к началу 2000-х гг., приверженцы старой веры уже были на грани полного исчезновения. В 2005 г. в д. Подклинье доживали свой век пять старообрядцев в возрасте от 72 до 89 лет. Да и они говорили, что их вера уже утрачена⁴⁴.

Примечания:

- 1 Рихтер Е. Русское население западного Причудья: (Очерки истории, материальной и духовной культуры). Таллин: Валгус, 1976.; Пономарева. Г., Шор. Т. Старообрядцы южной Эстонии между двух революций (1905–1917) // Наследники Византии. Дауга-

- виллс: [б. и]. 2004. С. 119–138; *Савихин Ф.А., Kasikov А.* Новый взгляд на формирование русского старообрядчества в Западном Причудье Эстонии (по историческим и языковым данным) // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29, № 2. Lk. 137–187; *Kasikov А.* (г. Тарту), *Васильченко Е.А.* (г. Тарту), *Савихин Ф.А.* (г. Тарту). Русские Причудья Эстонии в XVI–XVIII веках (по историческим и языковым данным) // Рябининские чтения-2007: Мат-лы науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова, Музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск. 2007. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/>; *Федор Савихин, Аарне Kasikov, Евгений Васильченко.* Эволюция взгляда на заселение русскими западного берега Чудского озера (Эстония) и на возникновение беспоповского старообрядчества в Причудье // АФ. № 15. 2011. С. 115–154. URL: <http://www.libed.ru/knigi-nauka/810136-1-online-112-forum/>; *Ровнова О.Г.* Староверы Западного и Восточного Причудья: проблема конфессиональных и языковых связей // *Humaniora: Lingua Russica*. Тр. по рус. и слав. филол. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц. / Отв. ред. И.П. Кюльмоя. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. С. 249–250.
- 2 *Ровнова О.Г.* Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003–2007 гг. // *Humaniora: Lingua Russica*. Тр. по рус. и слав. филол. Лингвистика X. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II. / Отв. ред. И.П. Кюльмоя. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 178–198.
  - 3 *Савихин Ф.А., Kasikov А.* Указ. соч.
  - 4 Эстонские староверы. URL: <http://wiki.starover.net/index.php?title>
  - 5 *Федор Савихин, Аарне Kasikov, Евгений Васильченко.* Указ. соч. С. 126.
  - 6 РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 366. Л. 6–8, 15. – Об учреждении постоянной полиции в раскольничьих селениях по берегу Чудского озера. 1852–1860 г.
  - 7 Там же. Л.14, 15.
  - 8 ЦГИА Ф. 19. Оп. 6. Д. 5. Л. 1–3. – Дело о найденных Гдовского уезда д. Кобылье городище священноцерковнослужителями в доме крестьянина Ивана Феклистова раскольничьих попов. 1804 г.
  - 9 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 24. Д. 23. Л. 2–3. – По рапорту Гдовского Духовного правления об отобрании у раскольников книг. 1832–1845 гг.
  - 10 ЦГИА. Ф. 253. Оп. 2. Д. 82. Л. 8 – Дело канцелярии Санкт-Петербургского гражданского губернатора со сведениями о числе раскольников, скопцов, а также их моленных, часовнях и скитах. 1839 г.; РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 366. Л. 14–15. – Об учреждении постоянной полиции в раскольничьих селениях по берегу Чудского озера. 1852–1860 г.
  - 11 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 10 (1885) Гдовский уезд. URL <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istoriko-statisticheskie-svedeniija-o-sankt-peterburgskoj-eparhii-vypusk-10-1885/2>.
  - 12 ЦГИА. Ф. 253. Оп. 2. Д. 82. Л. 5–8.
  - 13 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 46. Д. 5. Л. 44. – Дело по отношению Гдовского земского суда об открытии в д. Подклинье Гдовского уезда в квартире крестьянина Максимова раскольничьей моленной. 1854 г.

- 14 Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии.
- 15 РГИА. Ф. 1286. Оп. 13. Д. 366. Л. 2–6.
- 16 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 46. Д. 5. Л. 1, 49.
- 17 Там же. Л. 35.
- 18 Там же. Л. 11; Единоверческая Николаевская церковь в селе Кубасове // Памятная книжка Санкт-Петербургской епархии на 1899 г. URL: <http://countrysite.spb.ru/ISS/Luga3.htm#30>.
- 19 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 46. Д. 5. Л. 35.
- 20 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 60. Д. 3. Л. 94. – О состоянии раскола по Санкт-Петербургской епархии за 1968 год. 1868–1869 г.
- 21 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 87. Д. 54. 85. Л. 22. – О совращении в раскол жены крестьянина Козлова – Евфимии. 1895–1899 г.; *Ровнова О.* Староверы западного и восточного Причудья... С. 251.
- 22 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 33. Д. 5. Л. 4. – О погребении деревни Хомутова крестьянки Мелании Федоровой по расколу. 1841–1846 г.
- 23 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 46. Д. 6. Л. 7, 20, 32, 60. – Дело по отношению Гдовского земского суда с препровождением дела о совратительстве из православия в раскол крестьянина д. Троицкой Горы Захара Самуйлова. 1857–1862 г.
- 24 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 54. Д. 4. Л. 13. – О распространении раскола между крестьянами Бельского погоста Гдовского у. 1862–1868 гг.
- 25 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 47. Д. 1. Л. 8.– О представлении Дерптским благочинным списка раскольников Гдовского уезда. 1855 г.; ЦГИА. Ф. 19. Оп. 46 Д. 6. Л. 33.
- 26 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 54. Д. 4. Л. 1–13.
- 27 ЦГИА Ф. 19 Оп. 60. Д. 10. Л. 1–2. – Дело по рапорту священника Бельской церкви Гдовского у. о браках раскольников – крестьян деревни Подклинье Семена Феодулова, Александра Тимофеева, Петра Богданова и Мины Петрова, д. Кратково Стефана Яковлева и др. 1868 г.; Там же. Оп. 71 Д. 1. Л. 2, 25. – Дело по рапорту благочинного священника Матфея Смирнова относительно раскола обнаруженного в д. Почап, в приходе Бобровской Троицкой церкви Гдовского уезда. 1879 г.
- 28 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 60. Д. 3. Л. 26, 94.
- 29 ЦГИА Ф. 19. Оп. 71. Д. 1. Л. 2.
- 30 Там же. Л. 13.
- 31 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 46. Д. 6. Л. 32, 33; ЦГИА. Ф. 19. Оп. 54. Д. 4. Л. 67; ЦГИА. Ф. 19. Оп. 60. Д. 3. Л. 94, 94об.
- 32 ЦГИА Ф. 19. Оп. 71. Д. 1. Л. 20б., 7, 25.
- 33 ЦГИА Ф. 19. Оп. 89. Д. 37. Л. 1. – Об отпадении в раскол крестьянской девки Анны Константиновой. 1897–1898 г.
- 34 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 87. Д. 54. Л. 8, 9. – О совращении в раскол жены крестьянина Козлова – Евфимии. 1895–1899 г.
- 35 Там же. Л. 22.
- 36 Там же. Л. 10.

- 37 Там же. Л. 13, 14; ЦГИА Ф. 19. Оп. 93 Д. 21. Л. 1. – О раскольниках и сектантах в приходе Бобровской церкви Гдовского у. 1901 г.
- 38 ЦГИА Ф. 19. Оп. 93. Д. 21. Л. 1, 2. – О раскольниках и сектантах в приходе Бобровской церкви Гдовского у. 1901 г.
- 39 *Шор Т.К.* Основная проблематика старообрядческих съездов Эстонии / Староверие в Латвии. Старообрядческое общество Латвии. Рига. 2005. С. 412–421. URL: <http://anti-raskol.ru/pages/1373>
- 40 *Ровнова О.* Староверы Западного и Восточного Причудья ... С. 249–251.
- 41 ЦГИА. Ф. 19. Оп. 60. Д. 3. Л. 94об.
- 42 Мы остальцы Русской Древнеправославной веры. URL: <http://ricolor.org/europe/estonia/je/2/>
- 43 *Ровнова О.* Указ. соч. Л. 249–250.
- 44 Там же. Л. 7.

УДК 94

КАТОЛИЧЕСКАЯ ОБЩИНА ЛЕНИНГРАДА В 1945–1991 гг.

Михаил Витальевич Шкаровский

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург, доктор исторических наук, главный архивист

shkarovs@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история католической общины Ленинграда в 1945–1991 гг. К началу Великой Отечественной войны в городе из 10 действовавших до 1917 г. католических храмов остался лишь один – Французская церковь Божией Матери. В период войны богослужения в храме не проводились, они были возобновлены в 1945 г. С этого времени около 50 лет церковь обслуживали литовские священники. В 1947 г. она была выведена из-под покровительства посольства Франции и в дальнейшем переименована в храм Лурдской Божией Матери. К середине 1980-х гг. в Ленинградском приходе состояло более 1000 верующих. С 1991 г. началось быстрое увеличение числа католических приходов в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь, Ленинград, храм Лурдской Божией Матери, община, священники

UDC 94

THE CATHOLIC COMMUNITY OF LENINGRAD IN 1945–1991

Mikhail Vitalievich Shkarovsky

State Central Archive of St. Petersburg, St. Petersburg, Doctor of History, Chief Archivist

shkarovs@mail.ru

Abstract. The article deals with the history of the Catholic community of Leningrad in 1945–1991. By the beginning of World War II in the city, there were only on Catholic Church of 10 that were active before 1917. It was the French Church of the Mother of God. During the war of services did not, they only were resumed in 1945. Since that time about 50 years, the Church was served by Lithuanian priests. In 1947 it was removed from the protection of the Embassy of France and later renamed to the Church of the Lourdes Mother of God. By the mid-1980s, the Leningrad parish consisted of more than 1000 parishioners. Since 1991, Catholic parishes in St. Petersburg have been rapidly increasing in the number.

Key words: Roman Catholic Church, Leningrad, Church of Our Lady of Lourdes, community, priests

К началу Великой Отечественной войны в северной столице России из 10 действовавших до 1917 г. католических храмов остался лишь один – Французская церковь Божией Матери в Ковенском пер., 7¹. Она уцелела, так как советское правительство не хотело испортить отношения с Францией². 30 июня 1941 г., после нападения нацистской Германии на СССР, профашистское французское марионеточное правительство в Виши разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. И уже вскоре в Ленинграде начались репрессии в отношении французских граждан, которые коснулись и единственного священника храма Мишеля Флорана – его обвинили в шпионаже и выслали из СССР³.

После изгнания настоятеля церковь официально не была закрыта и числилась действующей, однако богослужения в ней во время блокады не проводились. Тем не менее верующие пытались собираться в храме. Надеясь вернуться, о. Мишель оставил свои вещи и ключи от церкви 79-летней француженке, председателю приходского совета («двадцатки») и организстке Розе Ивановне Сушаль.

Возрождение католического прихода в городе произошло летом 1945 г.: в августе в Ленинград из Москвы приехал священник Леопольд Браун, и в храме в Ковенском переулке состоялось первое за четыре года богослужение (по оценке советских властей в северной столице в то время проживало около 15 тысяч католиков). С тех пор католические службы в городе больше не прекращались.

В послевоенный период на Северо-Западе России по-прежнему существовал один действующий католический храм, расположенный, как указывалось выше, в Ковенском пер. Ленинграда. В сентябре-октябре 1945 г. церковь обслуживал приехавший из Эстонии французский иезуит о. Василий-Шарль Буржуа, но его попытки получить постоянное назначение в Ленинград не увенчались успехом. Не смог вернуться в свой храм и о. Мишель Флоран, предпринимавший в 1945 г. несколько таких попыток.

На послевоенную судьбу католиков в Ленинграде, как и в целом в СССР, сильное влияние оказали взаимоотношения советского руководства со Святым престолом. Борьба с Ватиканом была одной из важнейших составляющих сталинского плана создания мирового религиозного центра в Москве. На всю Российскую Федерацию по-прежнему оставались лишь две действующие католические церкви – в Ленинграде и Москве⁴.

Советское правительство всячески стремилось оградить эти церкви от влияния Франции. Поэтому уже в первые послевоенные годы из приходского совета церкви Лурдской Божией Матери под разными предлогами

были исключены все французские граждане. 9 июня 1946 г. «двадцатка» избрала правление под председательством белоруса А.М. Пупкевича, в состав которого вошли две подданные Франции: заместитель председателя Р.И. Сушаль и казначей Г.Ф. Бовар-Балтушевич. Однако уже 16 июня обе они были выведены из состава правления как иностранные подданные, но временно оставалась членами приходского совета. Ленинградская церковь до конца 1946 г. была без постоянного священника, и ключи от нее хранились у Р.И. Сушаль⁵.

При этом Ленинградскому уполномоченному Совету по делам религиозных культов Н.М. Васильеву приходилось вести определенную борьбу с посольством Франции, по-прежнему считавшим храм в Ковенском пер. своим. В связи с запросом из Москвы, Васильев 8 апреля, 14 мая 1946 г., 9 и 15 марта 1947 г. представил в Ленинградское управление Министерства государственной безопасности архивные справки по истории храма с указанием, что настоятель и викарии церкви после ее постройки должны были назначаться французским правительством с согласия российского, а вопрос о принадлежности до 1917 г. храма французскому посольству остается неясным, и доказательств этому не обнаружено⁶.

19 июля 1946 г. Н.М. Васильев сообщил председателю Совета по делам религиозных культов Полянскому о письме поверенного по делам Франции П. Шарпантье председателю Ленсовета с просьбой оказать помощь приходскому совету в проведении ремонта церкви и выслать смету необходимых расходов. 22 июля Шарпантье лично посетил Васильева и заявил ему, что церковь является французской, спросив, почему в правление «двадцатки» не была выбрана Р.И. Сушаль. Уполномоченный уклончиво ответил, что по вопросу принадлежности храма следует обратиться в МИД СССР, а Р.И. Сушаль не может быть выбрана как иностранная подданная⁷.

24 июля Н.М. Васильев принял священника московской церкви Св. Людовика Антонио Лабержа, который 17 июля прибыл в Ленинград на неделю для проведения богослужений и крещений. Отец А. Лаберж приехал в Северную столицу без сопроводительных документов, только по поручению французского посольства, в связи с чем Васильев запретил ему дальнейшие службы, сообщив 29 июля о сложившейся ситуации председателю Совета по делам религиозных культов⁸.

В связи с острой необходимостью иметь в Ленинграде католического священника – гражданина СССР советские власти обратились к духовенству Прибалтики. Еще 20 июля Н.М. Васильев обратился с просьбой к председателю Совета по делам религиозных культов Полянскому «оказать содействие через епископов союзных прибалтийских республик о направлении ксендза в ленинградский костел»⁹. Осенью 1946 г. ленинградский приход фактически перешел в юрисдикцию Рижских архиепископов, так

как из Риги стали назначаться его настоятели и иекарии. 23 ноября этого года архиепископ Антоний Спрингович назначил постоянным настоятелем церкви Лурдской Божией Матери литовца о. Иосифа Казласа. В тот же день Латвийский уполномоченный Совета по делам религиозных культов Шешкен доложил Н.М. Васильеву о направлении в Ленинград для служения священника И. Казласа¹⁰.

7 декабря 1946 г. Ленинградский уполномоченный сообщил в Совет по делам религиозных культов о прибытии 29 ноября в храм и прописке в Ленинграде о. Иосифа Казласа. В составленной Н.М. Васильевым 30 ноября справке о религиозном обществе церкви Лурдской Божией Матери говорилось, что оно было зарегистрировано 2 октября 1945 г., включает 600-700 человек, и священник живет в доме при церкви¹¹. С этого времени несколько десятилетий настоятелями храма служили литовские священники, хотя большинство его прихожан были поляками, поэтому проповеди произносились здесь на польском языке, на нем же совершали и требы.

В декабре 1946 г. двадцатка сообщила Ленинградскому уполномоченному Н.М. Васильеву о посещении церкви советником французского посольства Колонна-Цезари, который заявил о намерении прислать французского священника и нежелании распечатывать до 1 августа 1947 г. арендуемые посольством у РЖУ жилые помещения в бывшем приходском доме. В письме подчеркивалось: *«На основании вышеизложенного общее собрание двадцатки поручило правлению... просить Вас: 1. Чтобы Вы довели до сведения французского посольства, чтобы оно не заботилось о присылке французского ксендза. 2. Чтобы посольство не чинило препятствий для занятия двадцаткой жилого помещения, крайне необходимого для надобностей костела. 3. Чтобы французское посольство не присылало своих советников для запугивания прихожан и двадцатки, предвещая плохие последствия как для костела, так и двадцатки, если двадцатка не будет иметь тесного контакта с французским консульством»*¹².

20 января 1947 г. скончалась Р.И. Сушаль. Узнав об этом, члены приходского совета 26 января постановили: *«Считать большой заслугой перед верующими [деятельность] Сушаль, сохранившей костел в годы войны и блокады»* и решили выбрать комиссию по организации ее похорон и выдeлить 500 рублей на венок¹³. Роза Ивановна была похоронена на Большеохтинском кладбище.

После смерти Р.И. Сушаль комендантом церкви стала ее прежний заместитель Г.Ф. Бовар-Балтушевич, но уже на заседании 26 января двадцатка уволила ее «за недостойный поступок» (якобы изъятие денег, пожертвованных на нужды костела). По всей видимости, это был предлог для устранения от управления церковью последней гражданки Франции. Впрочем, борьба еще некоторое время продолжалась. 10 февраля 1947 г.

посол Франции в СССР Ж. Катру письменно поручил Г.Ф. Бовар-Балтушевич занять помещение бывшей комнаты Р.И. Сушаль и следить за сохранностью имущества, являвшегося французской собственностью. В свою очередь, двадцатка 16 марта написала Ленинградскому уполномоченному Н.М. Васильеву о решении уволить Г.Ф. Бовар-Балтушевич с должности коменданта и необходимости расторжения договора аренды двухэтажного причтового здания (Ковенский пер., 7) с французским посольством и передаче помещений общине для размещения священника и т.п.¹⁴.

Поскольку договор РЖУ с французским посольством о сдаче ему в аренду здания по Ковенскому пер., 7 был заключен 19 августа 1946 г. сроком на год, Н.М. Васильев дождался приближения окончания этого срока и 25 июля написал отношение председателю Ленгорисполкома П. Лазутину о необходимости перезаключения договора аренды на жилой дом. 21 августа 1947 г. вышло распоряжение Ленгорисполкома о передаче дома по Ковенскому пер., 7 в арендное пользование общине под жилье служителей культа костела. 11 сентября был заключен новый договор об аренде здания, в октябре Н.М. Васильев написал начальнику 7-го отделения милиции о снятии печатей с части комнат дома, и 15 ноября был подписан акт передачи хранившихся в опечатанных комнатах вещей (в том числе о. Мишеля Флорана) с их описью представительнице французского посольства Г.Ф. Бовар-Балтушевич¹⁵. Так завершилась борьба за полное устранение французских представителей от участия в делах церковной общины.

В 1947 г. было изменено и наименование церкви с целью убрать из него слово «французская». 11 марта этого года была уничтожена прежняя церковная печать «Notre Dame de France» и изготовлена новая с надписью «Католическая община Ленинградского костела». В приходских документах, описи имущества и т.п. храм стали называть церковью Пресвятой Девы Марии. В январе 1951 г. соответственно была изготовлена и печать настоятеля «костела Пресв. Девы Марии». Однако в храме имелось четыре престола (алтаря): главный – Св. Иоанны (Жанны) Д'Арк, правый – Св. Иосифа, левый – Пресвятого Сердца Иисуса и в часовне – Пресвятой Девы Марии Лурдской. Именно последний престол в конечном итоге дал новое наименование храму¹⁶. Постепенно он стал именоваться церковью Лурдской Божией Матери. Возможно, неофициально его так называли с 1947 г., но в приходских документах это наименование появилось в сер. 1950-х гг.

Летом 1947 г. на пожертвования прихожан были отремонтированы храм и его жилые помещения. Работы вел инженер М.М. Поспелов под наблюдением архитектора А.А. Дитриха. Вскоре, 2 мая 1948 г., Дитрих был избран председателем правления двадцатки, А.М. Пупкевич перешел на должность казначея¹⁷.

В мае 1948 г. было принято «Положение об управлении католического костела в Ленинграде и Ленинградской области», в котором говорилось, что архиепископ – митрополит Рижской архиепископии назначает настоятеля церкви, который несет перед ним ответственность. Кроме того, архиепископу представляется годовой отчет и отчисляется из приходских средств определенная сумма на содержание семинарии (богословско-пастырских курсов). В этот период архиепископией управлял епископ Рижский Казимир Дулабинский. 22 октября 1948 г. настоятель о. Иосиф Казлас сообщил Ленинградскому уполномоченному Н.М. Васильеву о беспокойстве епископа Казимира по поводу отсутствия в Ленинграде в течение многих лет таинства миропомазания и его желанием приехать в город, однако разрешение на это не было получено¹⁸. Следует упомянуть, что на Пасху 1948 г. в храме исповедовалось около 2000 чел.

14 марта 1949 г. двадцатка обратилась с ходатайствами к Н.М. Васильеву и в Государственную инспекцию по охране памятников о передаче в церковь лежащей скульптуры Христа (плащаницы), картины Благовещение и статуи Девы Марии с младенцем из собора Св. Екатерины на Невском пр. 4 апреля последовало разрешение уполномоченного, и в том же месяце в храм была передана скульптура Христа¹⁹ (в 1964 г. на здание церкви Лурдской Божией Матери установили охранную доску с указанием, что оно является памятником архитектуры XX в.).

12 февраля 1950 г. новым председателем правления двадцатки вместо А.А. Дитриха был выбран поляк В.И. Дзешульский. 28 июня 1953 г. в качестве председателя правления его сменил другой поляк А.З. Наксанович, занимавший этот пост более 10 лет. В 1953 г. впервые после 1935 г. ленинградский приход посетил епископ - Петр Стродс из Риги. Во время визитации исповедовалось 5000 и приняло миропомазание 500 чел. После этого епископские визитации в Ленинград происходили непрерывно вплоть до 1959 г.²⁰ Последний раз епископ Стадиенский, апостольский администратор Рижской архиепархии и Лиепайской епархии Петр Стродс совершил богослужения в Ленинграде 12-13 сентября 1959 г.²¹

После смерти в 1953 г. И.В. Сталина ситуация временно улучшилась. Репрессии прекратились, в середине 1950-х гг. выжившие в лагерях прихожане и священники были освобождены. В этой ситуации церковные власти надеялись возобновить приходскую жизнь некоторых ленинградских храмов, в частности закрытой еще в 1935 г. церкви Св. Станислава. 4 июля 1955 г. католики города от имени 3000 чел. подали ходатайство об открытии храма Ленинградскому уполномоченному Н.А. Васильеву. Через месяц, 4 августа, тот написал запрос председателю Октябрьского райисполкома об отношении к этому ходатайству. 27 августа последовал ожидаемый отказ ответ с уточнением, что в случае освобождения здания

(занятого под склад декораций театра Музыкальной комедии) его планируется использовать под детское учреждение²².

30 сентября Н.М. Васильев написал заключение о нецелесообразности передачи здания католикам и справку о храме Св. Станислава и состоянии католической общины города, в которой отмечал, что ходатайство об открытии в Ленинграде второго костела поддерживает епископ Петр Стродс. В справке также говорилось о наличии в городе 6000 католиков, при этом в Лурдской церкви Божией Матери (вмешавшей свыше тысячи человек) в обычные дни богослужения посещают до 500 чел., а в праздничные – до 2000. Получив эти документы, Ленгорисполком 15 октября 1955 г. принял решение отставить без удовлетворения просьбу католиков о передаче им здания храма с указанием, что оно будет использоваться для учреждений Октябрьского района²³.

Получив отказ относительно храма Св. Станислава, общее собрание прихожан церкви Лурдской Божией Матери 19 февраля 1956 г. постановило ходатайствовать об открытии собора Св. Екатерины на Невском проспекте и 20 апреля община подала соответствующее прошение Н.А. Васильеву.²⁴ Однако и здесь добиться успеха не удалось. В 1956 г. в церкви Лурдской Божией Матери под наблюдением архитектора И.И. Фомина был проведен ремонт интерьеров, а также грозившей обрушением колокольни.

В 1957 г. в храме наконец-то появился орган. Еще 15 ноября 1953 и 27 июля 1954 гг. его двадцатка подавала ходатайства Ленинградскому уполномоченному Н.М. Васильеву о передаче общине органа, так как в церкви Лурдской Божией Матери имелась лишь фисгармония. 1 февраля 1957 г. Васильев запросил председателя Ленгорисполкома о возможности продажи общине поврежденного органа фирмы Валькер из здания НИИ туберкулеза (Лиговская ул., 2/4). Эта просьба была удовлетворена 27 февраля 1957 г. Орган быстро отремонтировали и установили в храме, последнее было возложено на органиста М.М. Бобровского²⁵.

В начале осени 1962 г. М.М. Бобровский переехал в Ригу, и приходской совет решил пригласить нового органиста из г. Кельма Литовская ССР – А.Т. Мельникаса (Мельникова)²⁶. С января 1963 по июнь 1975 г. он проживал в Ленинграде и все это время работал органистом-регентом церкви. Скончался он 18 июня 1975 г. и был похоронен на Северном кладбище Ленинграда.

За первые 12 лет существования общины с постоянным священником (1947–1958 гг.) было совершено около 3000 крещений и около 500 панихид (настоятель церкви имел возможность и регулярно посещать умирающих больных на дому). При этом постепенно количество крещений уменьшалось, а отпеваний увеличивалось. Так, в 1947 г. только в храме было совершено 233 крещения, 10 венчаний и 23 панихиды, в 1948 г. – соответственно

219, 16 и 27, в 1949 г. – 237, 11 и 16, в 1950 г. – 222, 13 и 22, в 1951 г. – 174, 12 и 16, в 1952 г. – 164, 9 и 18, в 1953 г. – 176, 9 и 19, в 1954 г. – 163, 26 и 25, в 1955 г. – 143, 17 и 28, в 1956 г. – 177, 21 и 43, в 1957 г. – 173, 21 и 57, в 1958 г. – 147, 24 и 37. Эта тенденция продолжилась и в дальнейшем. ВБ 1959 г. в храме было совершено 125 крещения, 10 венчаний и 49 панихид, в 1960 г. – соответственно 94, 9 и 47²⁷.

В 1958 г. начался тяжелый период так называемых «хрущевских гонений» на религиозные организации в СССР, когда встал вопрос о самом их существовании. В стремлении противостоять угрозе уничтожения Русская православная церковь в 1960-е гг. пошла на значительное улучшение отношений с Ватиканом. Инициатором и активным проводником этой политики был председатель Отдела внешних церковных сношений митрополит Ленинградский и Новгородский Никодим (Ротов)²⁸.

В Ленинграде Владыка Никодим поддерживал оживленные контакты с местным молодым и очень энергичным католическим священником Яном (Янисом) Буткевичем, летом 1953 г. приехавшим в Ленинград из Латвии и с сентября 1953 г. официально служившим викарием церкви Лурдской Божией Матери. Отец Ян активно занялся приходской деятельностью. В 1955 г., став настоятелем недействующей церкви Св. Станислава, а позже – закрытого собора Св. Екатерины на Невском пр., он начал собирать деньги (в том числе валюту) для будущего восстановления храмов, за открытие которых боролся.²⁹ Без санкции властей о. Ян Буткевич также проводил богослужения в пригородах Ленинграда и на территории области.

Все это, а также опасения советских властей, касающиеся слишком тесных связей католических и православных священнослужителей, привели к аресту 18 марта 1967 г. о. Яна Буткевича по обвинению в «незаконном хранении валюты и валютных махинациях». Судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда 28 сентября 1967 г. приговорила о. Яна к 7 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии усиленного режима и конфискацией имущества. Отец Ян Буткевич вышел на свободу в 1974 г., но служить в Ленинграде больше не смог.

В сер. 1960-х гг. произошла и смена настоятеля церкви Лурдской Божией Матери. 31 мая 1963 г. прихожане обратились к Ленинградскому уполномоченному Н.М. Васильеву с просьбой оставить о. И. Казласа алтарным священником (пенсионером) и прислать другого настоятеля. 8 июня и сам о. Иосиф написал Васильеву заявление о разрешении ему, уйдя на покой, занять эту должность. 13 июня уполномоченный отправил соответствующее отношение в Совет по делам религиозных культов и получил согласие. 19 августа возглавлявший Рижскую курию прелат Юлий (Юлиан) Вайводс сообщил Васильеву о назначении настоятелем церкви Лурдской

Божьей Матери латышского священника Франца Сидарса. 23 августа 1963 г. о. Франц приехал в Ленинград и после регистрации 26 августа приступил к служению в храме³⁰.

Однако уже вскоре его деятельность вызвала возмущение прихожан. 22 февраля 1965 г. после общеприходского собрания последовало коллективное обращение прихожан к Васильеву с требованием отстранить от должности настоятеля о. Ф. Сидарса за «аморальное поведение». 19 апреля Васильев написал в Совет по делам религиозных культов о необходимости снятия с регистрации Ф. Сидарса на основании решения общеприходского собрания и получил на это согласие. 8 июня епископ Юлий Вайводс сообщил Н.М. Васильеву о снятии с поста настоятеля о. Ф. Сидарса и поручении исполнять его обязанности до назначения нового настоятеля о. Яну Буткевичу. 4 августа 1965 г. о. Франц покинул Ленинград, уехав в Латвийскую ССР³¹.

31 марта 1966 г. был также снят с регистрации о. Иосиф Казлас за обнаружение в подвале храма не внесенных в опись рам и картин. Назначение нового настоятеля затянулось, так как Ленинградский уполномоченный несколько раз отклонял предлагаемые Рижской курией кандидатуры. Наконец, 20 апреля 1966 г. епископ Юлий Вайводс сообщил Васильеву об официальном назначении на должность настоятеля священника Рижской епархии литовца Иосифа (Язепа) Павилониса. 30 апреля он был зарегистрирован в Ленинграде и приступил к служению³².

И во времена антирелигиозных гонений церковь Лурдской Божией Матери с пастырскими и ознакомительными визитами не раз посещали высшие иерархи Римско-католической церкви. Среди них были: епископ Юлиан Степонавичюс (сентябрь 1960 г.), епископ (будущий кардинал) Юлий Вайводс (1963 г.), кардинал Франтишек Томашек (1978 г.).

В послевоенное время активно шло «обрусение» традиционных «католических» национальностей, прежде всего поляков и немцев. Процессу ассимиляции способствовали смешанные браки, жизнь в чужой среде и желание скрыть свою национальную принадлежность из-за опасения дискриминации. Все это, а также атеистическая пропаганда, вело к утрате «католических корней». И все же в семьях, хотя бы частично, сохранились некоторые религиозные обычаи: благословение детей, празднование Рождества и Пасхи, обряды, связанные с похоронами, ношение крестика или медальона и др. Это позволило детям и молодежи пронести веру через школьные годы и военную службу, где делался особый упор на атеистическое воспитание. При этом количество треб все-таки сокращалось. Так в 1961 г. в храме Лурдской Божией Матери было совершено 143 крещения, 4 венчания и 55 панихид, в 1962 г. – соответственно 89, 6 и 63, в 1963 г. – 66, 4 и 53, в 1964 г. – 54, 2 и 50, а в 1965 г. – 30, 3 и 26³³.

Со временем гонения стали ослабевать. Но существенные изменения во взаимоотношениях Церкви и государства в СССР произошли только во второй половине 1980-х гг. Начался бурный период возрождения религиозных общин и воссоздания церковных структур. Только за 1986–1990 гг. количество католических объединений в РСФСР выросло с 6 до 286.

Постепенно активизировалась и приходская жизнь церкви Лурдской Божией Матери. В 1964–1970 гг. одним из прихожан храма был будущий архиепископ Тадеуш Кондрусевич. В 1981 г. отреставрировали часовню Лурдской Богоматери. В конце 1980-х гг. при храме была организована воскресная школа. Отец Иосиф Павилонис служил настоятелем церкви до 1991 г., в 1989–1991 гг. в ней также служили два викарных священника – Евгений Гейнрихс и Людвик Вишневский. К началу перестройки в Ленинградском приходе числилось более 1000 верующих³⁴. С 1991 г. началось быстрое увеличение числа като

Примечания:

- 1 Шкаровский М.В. Католическая община Ленинграда в годы Великой отечественной войны // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые междунар. Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Науч. ред. Н.И. Ивановская, О.М. Фишман (отв. ред.). СПб.: Издат. дом «Инкери», 2018. С. 240–247.
- 2 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 50. Л. 79–79об.– Ленинградский городской исполнительный комитет.
- 3 Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шикер А.К. Римско-католическая церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб.: Нестор, 1998. С. 241–242.
- 4 Чаплицкий Б. История Католической Церкви в России. СПб., 2000. С. 145–146.
- 5 ЦГА СПб. Ф. 962. Оп. 3. Д. 31. Л. 42–43. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 6 Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 35, 57. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 7 Там же. Д. 5. Л. 3–4, 10–11. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 8 Там же. Л. 12–13.
- 9 Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 50.
- 10 Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.
- 11 Там же. Д. 5. Л. 43, 50–53.
- 12 Там же. Оп. 3. Д. 31. Л. 58–58об.
- 13 Там же. Л. 84–86.

- 14 Там же. Л. 78–82, 90.
- 15 Там же. Л. 107–108, 114, 117–118.
- 16 Там же. Л. 87–88, 168–180.
- 17 Там же. Л. 132, 135.
- 18 Там же. Л. 137, 157–157об.
- 19 Там же. Л. 192–193.
- 20 *Козлов-Струтинский С., Парфентьев П.* История Католической Церкви в России. СПб.: Белый камень, 2014. С. 374.
- 21 ЦГА СПб. Ф. 962. Оп. 3. Д. 34. Л. 105. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 22 Там же. Оп. 2. Д. 6. Л. 108–115.
- 23 Там же. Л. 107, 117–119.
- 24 Там же. Оп. 3. Д. 33. Л. 65–67. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 25 Там же. Л. 78-84; Д. 34. Л. 11. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 26 Там же. Д. 36. Л. 13, 35. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 27 Там же. Д. 32. Л. 112–113, 117, 127; Д. 34. Л. 1, 80 и др.
- 28 *Чаплицкий Б.* Указ. соч. С. 96.
- 29 *Шикер А.К.* 100-летие освящения храма Лурдской Божией Матери в Петербурге // *Gazeta Petersburska.* 2009. № 9 (111). С. 7.
- 30 ЦГА СПб. Ф. 962. Оп. 3. Д. 36. Л. 73–76, 92–98.
- 31 Там же. Д. 38. Л. 50, 73. – Уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области. Наблюдательное дело за общиной католического храма Божией Матери.
- 32 Там же. Л. 115, 124–125.
- 33 Там же. Д. 37. Л. 1–2.
- 34 Действующие римско-католические храмы Санкт-Петербурга // *Наш край.* 2005. № 16. С. 19–22.

УДК 94 (271.22)

ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ В КУЛЬТУРЕ СЕТУ И РУССКИХ ПЕЧОРСКОГО РАЙОНА ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В. РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ольга Владимировна Калинина

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, научный сотрудник

kalinina_ol@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования православной традиции населения Печорского р-на Псковской обл. после Второй мировой войны. Специфика местной православной культуры обусловлена наличием не разрушенной церковно-приходской системы и деятельностью Псково-Печерского монастыря. Особое внимание уделяется советскому периоду и изменению религиозного сознания населения. Наряду с общественным воспитанием в рамках идеологии научного атеизма продолжала функционировать домашняя традиционная модель поведения, основанная на церковных началах. Свообразие церковно-приходской жизни в Печорском р-не выражается в наличии двух этносов – русских и сету (сету). В повседневной жизни сету говорят на собственном языке, а в церковном пространстве используют эстонский и церковнославянский языки. В статье изложены некоторые наблюдения, связанные с этнической спецификой православия сету: полилингвизмом, ментальностью, интерьером жилища.

Ключевые слова: Печорский р-н Псковской обл., православие, традиция, сету (сету), эстонский язык, церковнославянский язык

УДК 94 (271.22)

ORTHODOX TRADITION IN THE CULTURE OF SETUS AND RUSSIANS OF PECHORSKY DISTRICT OF THE PSKOV REGION IN THE

SECOND HALF OF THE 20th – EARLY 21th CENTURIES. RESULTS OF FIELD RESEARCH

Olga Vladimirovna Kalinina

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Researcher Associate

kalinina_ol@mail.ru

Abstract. The article deals with the results of research of the Orthodox tradition of the Pechorsky district, Pskov region population after World War II. The specifics of local Orthodox culture of the late 20th century is determined by undestroyed parish system and activities of the Pskov-Pechery Monastery. The author pays special attention to the Soviet period and the change of the religious consciousness of generations. The traditional method of home education based on church principles continued to function alongside social school based on atheist ideology. The special trait of the parish life in Pechorsky district is expressed in the existence of two nationalities – the Russians and Setus (Setos). In everyday life, Setus speak their language, in the church, they use Estonian and Church Slavonic. The article presents some observations related to the ethnic specifics of the Setu Orthodox: multilingualism, mentality, home interior.

Key words: Pechorsky district of Pskov region, Orthodoxy, tradition, setu (seto), Estonian, Church Slavonic

В 2007–2017 гг. сотрудником Российского этнографического музея О.В. Калининой проводилось полевое исследование религиозной культуры населения Печорского р-на Псковской обл. в рамках проекта, осуществляемого отделом этнографии народов Северо-Запада России и Прибалтики: «Этноконфессиональная карта Северо-Запада России»¹. Задачей исследования являлось изучение православной культуры коренного населения, проживающего на границе Псковской земли и Эстонской Республики – русских и сету (сето). В целом было совершено 5 экспедиционных выездов средней продолжительностью по 10–14 дней и несколько краткосрочных командировок. В составе экспедиций был 1 или 2 сотрудника музея (О.В. Калинина, А.А. Навныка, С.М. Богомаз). Кроме того, полевая работа осуществлялась совместно с представителями иных научных организаций – Национального музея естественной истории (д-р этнологии Т. Бенфугаль, Париж) 2007 г.; Псковского государственного университета (д-р географических наук А.Г. Манаков) 2008 г.².

География исследования была обусловлена этнографической спецификой района как территории исторического проживания финно-угорской общности сету (сето) в соседстве с русским населением и под влиянием активной деятельности православного Псково-Печерского Свято-Успен-

ского монастыря. В эстонской историографии по отношению к территории проживания данной этнической группы принят термин «Сетумаа» – букв. «Земля сету». В настоящее время наряду с эстонским вариантом написания и произношения «сету», широко используются эндоэтноним «сето» и топоним «Сетомаа» соответственно. В русской традиции в отношении сету существует экзонимом «полуверцы». Язык сету относится к южно-эстонской группе диалектов³, их конфессиональная принадлежность – православие. Поскольку в настоящее время историческая территория Сетумаа разделена между Россией и Эстонией, и сценарии развития этнокультурных (а в их числе и этноконфессиональных) процессов в этих государствах различны, мы ограничились исследованием современной «русской» территории Сетумаа (т.н. Печорского края) с привлечением данных по современной этнографии сету Эстонии. В фокусе исследования оказались религиозная идентичность населения, история церковных приходов, этнокультурные аспекты церковной жизни, конфессиональный полилингвизм, религиозные практики. Применялись методы включенного наблюдения и глубинного (частично структурированного) интервью. Полученные в поле данные подвергались сравнительному анализу с материалами архивов, периодики и мемуаристики.

При выборе полевой стратегии автор придерживался принципа «от прошлого – к современности». То есть изначально исследование было сфокусировано на самых старших коренных представителях местного населения – людях 1920-х–1930-х гг. р., а затем круг информантов расширился за счет представителей более молодых поколений; и приезжих, поселившихся на разных этапах в Печорском р-не. Таким образом, выстраивалась своеобразная преемственная связь поколений, наглядно демонстрирующая динамику православной традиции в регионе в зависимости от историко-политической ситуации каждого конкретного хронологического периода. Отдельный интерес представляли опросы нескольких поколений внутри одной семьи и их различия в оценках одних и тех же культурных явлений. В связи с современной неравномерностью заселения территории Печорского р-на, запустением деревень и хуторов работа была сосредоточена в крупных населенных пунктах и волостных центрах – местах наибольшей концентрации населения, в том числе старожильского, переселившегося сюда из отдаленных деревень. По рекомендациям деревенских жителей и печорян осуществлялись точечные выезды на конкретные жилые хутора. Большая помощь при определении потенциального круга информантов и установлении нужных коммуникационных связей была оказана сотрудниками Печорской центральной районной библиотеки и ее волостных филиалов. Автор выражает глубокую признательность всем информантам. Некоторых из них, увы, сейчас уже нет в живых. Несмотря на то, что авто-

ром не ставился во главу угла принцип жесткого соблюдения баланса между интервьюированием русского и сетуского населения района, а работы в разные годы проводились в зависимости от прикладных задач Российского этнографического музея – налаживания коммуникаций с местными научными и краеведческими инстанциями, приобретения этнографических предметов для музейной коллекции, выполнения фотографической съемки праздников и обрядов – в итоге число опрошенных представителей сету и русских оказалось примерно одинаковым: 42 сету и 50 русских (включая пять представителей местной администрации и двух насельников Псково-Печерского монастыря). Кроме того среди информантов оказалось 4 представителя смешанных сетуско-русских семей и 4 этнических эстонца. Этническая принадлежность еще 20 респондентов не указана, т.к. она не уточнялась в процессе спонтанных блиц-опросов во время массовых мероприятий – праздников или поминальных практик на кладбищах.

Современный Печорский р-н в составе Псковской обл. был образован в 1945 г., однако генетически восходит к территориальным границам т.н. Псково-Печерского края – историко-географического региона, сформировавшегося вокруг Псково-Печерского монастыря в пределах Псковского у. Псковской губ. Российской империи. Бурные историко-политические события XX в. неоднократно меняли территориальную принадлежность этого локуса. С 1920 по 1940 г. он находился в составе независимой Эстонской Республики и вне антирелигиозной деятельности советской власти. В 1940 г. Эстония была включена в состав СССР. С 1941 по 1944 гг. Печорский край как часть Эстонии находился в составе Рейхкомиссариата Остланд нацистской Германии. В 1944 г. территория Сетумаа была разделена между Псковской обл. РСФСР и Эстонской ССР. После распада СССР в 1991 г. эта граница стала государственной.

Современная этнодемографическая картина Печорского р-на заметно отличается от наблюдавшейся во втор. пол. XX в. Население Печорского р-на Псковской обл. послевоенного периода составляло ок. 40 000 человек, а к концу века уменьшилось вдвое⁴. При этом доля сету населения все время сокращалась в связи с миграционными процессами (переездом в Эстонию) и естественной смертностью старшего поколения. Так, численность сету в 1959 г. составляла 4,5 тыс. чел., в 1979 – 1,6 тыс. чел., 1989 – 950 чел., в 1999 г. – 500 чел⁵, в 2016 – 247 чел⁶. Уменьшилась доля и коренного русского населения, происходит процесс скупки жилья приезжими и превращения деревень в дачные поселки. В настоящее время численность населения сету Печорского р-на стремится к нулю, поскольку здесь проживают в основном сету пожилого возраста, дети и внуки которых живут в Эстонии. При этом культурно-родственные связи между сету по обе стороны границы остаются чрезвычайно тесными. В религиозной сфере они проявляются

ярче всего в совместном участии в церковных праздниках Печорского р-на и, в особенности, в приуроченных к ним поминальных практиках – посещении могил и уходе за ними, семейной трапезе на кладбище.

Локальная идентичность населения Печорского р-на выражается в соотнесении себя с родной деревней и с Печорским краем в целом. Несмотря на то, что церковный приход утратил ныне свой административный статус, а жесткая система привязки определенных деревень к той или иной церкви превратилась, скорее, в историческую традицию, не противоречащую выбору храма в соответствии с личными предпочтениями, сложившаяся к началу XX в. церковно-приходская система в целом продолжает функционировать⁷. Чрезвычайно важным фактором самоидентификации местного населения по-прежнему является принадлежность к тому или иному церковному приходу вне зависимости от степени воцерковленности отдельного индивида: «мы – тайловские», «залесские», «паниковские». Определяющую роль здесь играет локализация родовых захоронений вблизи храмов – «*мои все в Паниковичах*». Интервью на религиозную тематику легче всего было начинать именно с разговора о родовых корнях, исподволь переходя на детские воспоминания о принятых в семье религиозных практиках, и постепенно приближаясь к теме религиозного самосознания в зрелом возрасте. Результаты подобных интервью проиллюстрировали региональную религиозную традицию и общие тенденции ее изменения вне привязки к этническому фактору.

Поколение 1920–30-х гг.р. («стариками крепкой веры») было воспитано в патриархальной традиции крестьянского благочестия синодального периода. Описание комплекса религиозных практик псковских крестьян кон. XIX – нач. XX в. можно найти в «Этнографическом бюро» князя В.Н. Тенишева⁸, внимание церковной культуре сету уделяли Ю. Трусман, О. Калласс, Я. Гурт⁹. В период Эстонской Республики, характеризовавшейся активными правительственными мерами по интеграции печорского населения в культурную и экономическую среду Эстонии, жители Печорского края – как русские, так и сету – сохраняли верность своим церковным обычаям, что в ряде случаев даже входило в противоречие с правительственными указами. Особенно остро встал вопрос о переходе Псково-Печерского монастыря и церкви на новый (григорианский) календарный стиль, по которому жили все остальные приходы Эстонской апостольской православной церкви (ЭАПЦ), отмежеввавшейся от Московского патриархата и перешедшей в юрисдикцию Константинополя. Даже после выхода правительственного декрета 1933 г. об обязательном переходе всех структур Эстонии на григорианский календарь и запрета празднования церковных праздников по старому стилю население зачастую ему не следовало, настоятели находили возможность обойти запрет и т.д. Путаница с датами и введение

нового календаря плохо запечатлелись в памяти самого старшего на сегодняшний день поколения печорян. В их детских воспоминаниях остался привычный круг религиозных практик: посещение церкви со старшими по воскресным и праздничным дням; праздничные обходы духовенства с молебнами и крестные ходы; домашняя молитва утром, вечером и перед едой; соблюдение постов, обязательные исповедь и причастие. Религиозное сознание этого поколения формировалось под воздействием семьи и школы. Официально школьный предмет вероучения в период Эстонской Республики являлся необязательной дисциплиной, от которой родители учащихся могли отказаться, однако на практике таких случаев (особенно в сельской местности) не было. Все опрошенные этой возрастной категории, а также представители более младших поколений (с отсылкой на рассказы старших членов семьи), говорят об «эстонском времени» как о периоде воцерковленности и религиозной грамотности. *«Учили в школе. А самый первый учили молитве мама-папа, ema-isa»*¹⁰ Уроки в школе начинались с молитвы, учащихся раз в год всем классом водили на исповедь и причастие. Церковь являлась естественной составляющей культурной жизни района, во многом определяя ритм местной жизни (приходские и великие праздники, система крестных ходов, поминальные дни, посты). Хранителями религиозных традиций выступали старики, неизменно фигурирующие в рассказах как «люди верующие»: *«Дедушка был очень верующим. Он не пил, не курил, молился Богу»*¹¹.

Поколение, рожденное в конце 1930 – нач. 1940-х гг. называет себя «детьми войны». В период немецкой оккупации Эстонии споры между сторонниками автокефалии ЭАПЦ и сторонниками Московской патриархии продолжались, обе юрисдикции получили официальную регистрацию от немецких властей¹², и печорские приходы оказались в ситуации двойного подчинения. Однако в целом, на повседневном уровне, этот период не повлек за собой значительных потрясений в церковной жизни населения. Не произошли они и в первые послевоенные годы после перехода Печорского края из состава Эстонии в РСФСР и взятия курса на советизацию местного населения. Продолжали действовать и монастырь, и церкви. Псково-Печерский монастырь в послевоенные годы продолжал оставаться религиозным центром, культурной доминантой, главной достопримечательностью и гордостью местного населения. Влияние, которое оказывал монастырь на окрестное население, являлось предметом беспокойства и постоянного внимания уполномоченных по делам религии области, львиную долю их отчетов о «состоянии религиозности» составляли статистические данные и личные наблюдения «по монастырю»¹³. В связи с прекращением преподавания вероучения в школах, религиозное воспитание сосредоточилось в домашнем пространстве. С приходом советской власти произошло раз-

рушение традиционной системы, направленной на формирование поведенческих и мировоззренческих стереотипов путем передачи знаний из поколения в поколение. Советская школа брала на себя менторские обязанности и осуществляла диктат не только над детьми, но и над родителями. Соответственно формировалось поколение, воспитанное в двойной системе ценностей – государственной советской идеологии и родительской морали. Неприязнь старшего поколения к новой педагогической системе, выражавшаяся, например, в запрете детям вступать в пионерскую организацию, объяснялась не только их личными религиозными и идейными установкам, но и самой консервативной природой крестьянства. Оно было научно опытно не доверять властям, столь скоропалительно сменявшим друг друга. *«А некоторые даже не пускали своих детей в пионеры. Что “тогда получишь ремнем” – родители говорили так своим детям¹⁴»*. Однако вскоре стало ясно, что новая власть пришла надолго и надо выстраивать жизненные стратегии сообразно сложившимся обстоятельствам. Люди жили и работали в соответствии с государственными идеологическими установками, но этот факт не вступал во внутреннее противоречие с их религиозными убеждениями. *«Все равно как родители, дедушки-бабушки говорили, мы делали. А это пофиг было. Традиция есть традиция. Спокойно – не спокойно, но ходить в церковь – ходили. Уж как-нибудь»¹⁵*. В то же время молодежь была открыта всему новому: *«...Мы сами хотели жить по-другому, не так, как наши деды, и с радостью принимали все новое, что входило в нашу жизнь. Нас воспитывали, и мы росли на примерах Зои Космодемьянской и Павлика Морозова...»¹⁶*. Активная общественная жизнь, занятость на работе, пропаганда СМИ способствовали вытеснению Церкви на периферию сознания у молодого поколения, но она не исчезла из их повседневности.

В интервью представителей 1950 – 1960-х гг. р. уже появляются «партийные» родители – те самые вчерашние школьники, вступившие в комсомол помимо воли своих родителей. Членство в Коммунистической партии открывало широкие возможности для карьерного роста или являлось гарантом приобретения каких-либо иных преимуществ. Родители, являвшиеся членами Коммунистической партии, не проявляли педагогического рвения в области религиозного воспитания. Тем не менее, если один родитель (как правило, мать) был верующим, а второй (отец) состоял в партии, то партийный обычно не препятствовал осуществлению начатков религиозного воспитания у ребенка. Включение детей в религиозные практики зависело от внутрисемейных установок. Родители 1930-х гг. в отношении своих детей обошлись без категоричного настаивания на соблюдении теми церковных норм и практик. Отсутствие систематического религиозного образования, ограничивающегося чаще всего некоторыми эпизодическими появлениями

ми в храме с одной стороны, и наличие интересов в абсолютно иной сфере деятельности – с другой, приводило к размыванию религиозного сознания у подрастающего индивида. *«Да нет, она (мать) мне рассказывала, но меня как-то это не интересовало»*¹⁷. Сложившаяся ситуация нередко приводила к казусам, когда родители внезапно для себя обнаруживали у собственных уже взрослых детей отсутствие навыков поведения в храме, знания церковной службы и молитвы. *«А мои дети, например, не знают. И вот тут недавно узнала, что они не знают “Отче наш”. Я говорю: “Ну как это не знаете?” – “Ты не учила!” – ответ был такой»*¹⁸.

Нарративы респондентов конца 1950 – 1960-х гг. р. представляют особый интерес как иллюстрация мировоззренческой картины людей, выросших в эпоху научного атеизма. Их воспоминания относительно церкви и ее значения в повседневной жизни кардинально отличаются от рассказов старшего поколения, даже когда речь идет об одном и том же хронологическом периоде. Родители и, тем более, бабушки и дедушки могли посещать монастырь и церкви, которые все так же были открыты, но не должны были привлекать к этому детей. Эпоха антирелигиозной пропаганды отражается в воспоминаниях о запрете посещения школьниками храмов в дни религиозных праздников; о дежурстве школьных учителей у стен монастыря в пасхальную ночь и в храмовый праздник обители (Успение Богородицы) с целью недопуска школьников на богослужение; о разнообразных и часто курьезных ситуациях столкновения учащихся со школьной администрацией во время исполнения детьми традиционных, но не одобряемых с позиций общественного воспитания действий (освещения верб, звона в колокола на пасхальной неделе и др.). Следует отметить, что вынесение выговора провинившимся часто выглядело формальным ритуалом, поскольку сами педагоги были воспитаны в местной системе ценностей. Таким образом, в мировоззренческой картине советского поколения печорян органично сочетались традиционные крестьянские представления о роли религии в жизни, привитые им родителями еще до школы и почерпнутые имплицитно из окружающей среды с нормами общественного поведения и государственной идеологией секуляризма в СССР. Эта ситуация ярко проявляется в ответах на вопросы о религиозных и светских праздниках. Известно, что в 1960–1970-е гг. происходила активная разработка и внедрение новой светской обрядности взамен церковной¹⁹. Результатом стало не замещение, а параллельное существование обеих форм. Население активно принимало участие в массовых мероприятиях и домашних застольях «красных» дат советского календаря: *«Прекрасные советские праздники, прекрасные! Это, конечно, Новый год и 1 Мая, и 7 Ноября, и 9 Мая, когда начали все-таки отмечать по-настоящему. Нет, это прекрасные праздники!»*²⁰, а религиозные праздники сохраняли за со-

бой статус интимно-домашних (Рождество, Пасха), родовых (Троица) или общинных (храмовые праздники церковных приходов). Храмовый праздник Псково-Печерского монастыря – Успение Пресвятой Богородицы – оставался главным негласным праздником Печор. Нововведенные профессиональные праздники, такие как День рыбака в Обозерье (побережье Псковского оз.), или аграрные – «Тайловская посевная», пользовались большой популярностью. На окончание посевной кампании (конец мая – начало июня) в д. Тайлово съезжались все колхозники района на транспорте, украшенном молодыми березками. Однако никто из опрошенных не усматривает здесь параллелей с обычаем так же украшать дома на Троицу, которая также приходится на эти даты. Праздничные мероприятия именно в д. Тайлове в конце мая имеют под собой и давнюю традицию Тайловского крестного хода, осуществлявшегося в День Николая Чудотворца (храмового праздника Тайлово) 22 мая из Печорского монастыря. В советский период подобные мероприятия были запрещены, последний крестный ход совершился в 1949 г., в настоящее время предпринимаются попытки восстановления традиции²¹. День рыбака в д. Крупн отмечался во второе воскресенье июля – эта дата, близкая или совпадающая с Петровым днем церковного календаря (св. ап. Петр известен как покровитель рыбаков). Тем не менее, население четко различало для себя эти два мероприятия, праздники советского и церковного календарей находились как бы в разных плоскостях.

Что касается замещения церковной обрядности жизненного цикла светскими ритуалами, то здесь население проявляло консерватизм. Сократилось количество венчаний, т. к. люди боялись общественного осуждения или увольнения с работы. Однако ключевые моменты бытия – рождение и смерть – должны были быть освящены церковью. Из всех опрошенных информантов только несколько не было крещено в младенчестве или раннем детстве. Таинство часто происходило по договоренности со священником за закрытыми дверями церкви или на дому. Соблюдался традиционный цикл смертно-погребальной обрядности. Отношение советских идеологов к церковным похоронам пожилых людей было более лояльным, чем к таинствам крещения и венчания, поскольку они касались уже молодого поколения. Информация о частоте соблюдения таинств покаяния и евхаристии (причащение) во втор. пол. XX– нач. XXI в. полностью совпадает с данными Я. Гурта (Хурта) 1903 г. – как минимум один раз в год, у пожилых людей чаще²². Таинство елеосвящения (соборования) воспринималось до недавнего времени исключительно как действие, применимое к больным, находящимся на пороге смерти. Изменение этого традиционного для крестьянской среды представления связано уже с современной миссионерской деятельностью духовенства: *«Я нынче ходила в первый раз в жизни.*

Уже 75 лет вот будет. И здесь вот русские живут, они тоже не знали про соборование. Теперь стали»²³.

Трансформация отношений церкви и государства на постсоветском пространстве привела к активизации религиозной жизни у старшего поколения и привлечению к ней молодежи. В Печорах были созданы воскресная школа, детско-юношеский хор, иконописный класс, началось факультативное преподавание основ православной культуры в детских садах и школах, распространение литературы духовного содержания и т.д. Монастырем были задействованы все возможные способы влияния на население: радио, печатные издания, экскурсии, лекции, беседы, познавательные занятия, выездные лагеря, игры. О результатах воздействия всех этих мер на поколение 1990–2000-х гг. р. следует говорить не сегодня, а по истечении времени. Интервью со старшими поколениями показали, что потребность участия в религиозной жизни повышается к старости, но основы религиозного мироощущения закладываются в детстве.

Таковы выявленные закономерности трансляции церковной традиции во втор. пол. XX – нач. XXI в. Теперь остановимся на некоторых этнических аспектах, связанных с культурой сету.

Этноконфессиональная принадлежность сету (по языку – к эстонцам, по религии – к русским) служила поводом для конструирования разных идентичностей в зависимости от конкретной политической ситуации: «православные эстонцы Псковской губ./обл.» или «специфическая группа/отдельная народность Эстонской Республики». В «эстонский период» Печорского края сету были включены в ареал «эстонской» православной традиции: предполагалось разделение смешанных русско-сетуских приходов по этническому принципу с выделением каждой общине отдельного причта (со знанием языка) и церковного здания. Именно в этот период эстонский язык окончательно приобрел статус литургического для сету населения. На нем происходило вероучение в школах, выучивалась первая молитва, велось богослужение, читалась проповедь, осуществлялось таинство исповеди. В смешанных приходах выработалась определенная схема проведения богослужений, которая использовалась вплоть до 1980-х гг.: священник чередовал фразы на церковнославянском и эстонском языках. Реформа 1935 г. по окончательному разделению приходов на русские и эстонские не была доведена до конца в связи с отсутствием необходимого финансирования для строительства отдельных храмов, началом Второй мировой войны и сменой политических режимов. В 1945 г. в Печорском р-не было зарегистрировано две эстонские православные церкви – в Печорах и в д. Малы. Причем последняя была упразднена в 1951 г. и объединена с русским приходом.

Краткий период существования отдельных русских и эстонских приходов в 1935–1940 гг. плохо сохранился в народной памяти. Исключение

составляет Варваринская церковь в Печорах, являвшаяся до 1920-х гг. теплым (т.е. зимним) храмом стоящей рядом каменной церкви Сорока мучеников Севастийских. В конце 1920-х гг. общий приход был разделен, сету получили Варваринскую церковь. До 1970-х гг. службы здесь проходили только на эстонском языке, поэтому приход считался «эстонским». Прихожанами же были исключительно сету, и среди старшего поколения до сих пор бытует определение церкви как «полуверческой». В Варваринской церкви были только эстонские богослужебные книги и если случалась необходимость служить на церковнославянском языке, то приходилось приносить книги из соседней церкви или монастыря. В течении 50 лет в местной среде был сформирован образ Варваринской церкви как специфического, а главное исконного, «эстонского», «сетуского» локуса в Печорах. Два городских храма (русский и эстонский), стоящие бок о бок напротив Псково-Печерского монастыря являлись зримым свидетельством местной полиэтничности православной культуры. В связи с уменьшением количества сету в Печорском р-не во втор. пол. XX в. произошло смещение акцентов в сторону русскоязычных прихожан: «Службы больше по-русски <...> русские тоже верующие были»²⁴. В настоящее время богослужения в обоих храмах совершаются на церковнославянском языке. Сету продолжают считать Варваринскую церковь «своей», но сегодня большинство прихожан храма – русские.

Эстонский язык является литургическим для поколения 1920–1940-х гг.р., и с этой позиции воспринимается ими как «родной». Для советского поколения сету, проживающего в Печорском р-не, эстонский язык богослужения не играет той знаковой роли, что для поколения их родителей. «Господи, помилуй! Мне-то разница? Никакой!»²⁵ Смена общеполитических и языковых ориентиров в течение XX в. (с русского на эстонский в период Эстонской Республики и обратно после вхождения Печор в состав СССР) неизбежно влекла за собой и изменения в лексике. Поколение 1940–1950-х гг. с трудом извлекает из памяти слова, употреблявшиеся их дедушками и бабушками на рубеже XIX–XX вв.: на смену старинным сетуским производным от русского языка (*master* – монастырь, *vedotama* – исповедоваться) пришли термины эстонского языка (*klooster*, *pattu kahetsema*), сегодня наравне с ними употребляются и русские слова. Довольно распространенный совет, который получала автор от вполне авторитетных в изучаемой области людей (церковных старост, певчих) в ответ на просьбу озвучить не эстонский, а сетуский вариант произношения церковных терминов, был обратиться к другому авторитетному источнику: церковному календарю, интернету, настоятелю Варваринской церкви. В последнем случае, правда, всегда уточнялось, что он владеет эстонским, но не знает языка сету. Следствием современной деятельности культурных активистов сету

в Эстонии является приобретение ими статуса «знающих», и в ситуации «вспоминания» какого-либо факта или термина носителем традиции, последнему легче апеллировать к тексту современной книги или брошюры, чем к собственной памяти. Очевидно, что в активе населения та лексика, которую оно слышит в храме на сегодняшний момент: русская и частично эстонская в Варваринской церкви в Печорах; эстонская в православных церквях Южной Эстонии.

Что касается использования собственно языка сету во время богослужений, то такая практика в Печорском р-не отсутствует и не имеет под собой традиции. В дореволюционный период предпринимались попытки осуществления «религиозных бесед» на языке сету²⁶. Теоретическая возможность введения богослужений на «полуверческом наречии» обсуждалась на собрании представителей духовенства Печорского благочиния в 1907 г.²⁷, но не была претворена в жизнь, по всей видимости, в виду отсутствия подготовленных священников и богослужебной литературы на языке сету. Всплеск интереса к культуре сетуязычного населения со стороны интеллигенции и общественных организаций молодой Эстонской Республики привел к появлению печатных изданий на сетуском языке, в том числе был осуществлен перевод Четвероевангелия²⁸. Однако, насколько автору известно, оно не использовалось во время богослужений, став в скором времени библиографической редкостью, никак не отразившейся на церковно-приходской жизни населения. Богослужения проводились на эстонском языке (а в смешанных приходах – на двух языках) согласно политическому курсу Эстонской Республики. В интервью информантов Печорского р-на иногда встречается упоминание о некой церковной книге на сетуском языке, которую можно было приобрести в монастырской лавке, однако в быту она не использовалась. Домашние чтения Священного Писания также осуществлялись по текстам на церковнославянском или эстонском языке. Поколения, которое в школе (как в эстонской, так, позже, и в советской) получали образование на литературном эстонском языке, плохо воспринимают письменный текст на языке сету и используют родной язык только на разговорном уровне. Второй этап «сетуского возрождения», инициированный деятелями культуры и активистами из народа вскоре после распада СССР, характеризуется масштабной деятельностью по переводу и изданию книг на языке сету в Эстонии. В 2013 г. было осуществлено переиздание сетуского Четвероевангелия с изменениями в переводе²⁹. Эта книга используется во время богослужений в церкви Преображения Господня в Обинице – деревне, признанной одним из ведущих культурных центров сету в современной Эстонии. Однако на сегодняшний момент подобная практика является скорее исключением из правила. Настоятель Варваринской церкви в Печорах о. Евгений (Пелешев), русский,

прекрасно владеющий эстонским языком, в одном из интервью сказал о различии эстонского и сету языков и собственном затруднении в чтении сетуского Евангелия, которое однажды попало ему в руки. Таким образом, практика библейских чтений на сету языке в Печорском р-не отсутствует и возможность ее осуществления не рассматривается ни духовенством, ни прихожанами. Более того, в нач. XXI в. и собственно эстонский язык вышел здесь из употребления в церквях района, поскольку практически не осталось самих сету.

На момент проведения полевого обследования ярко выраженная двуязычность церковного пространства в Печорском р-не осталась в прошлом. Настоятели церквей с сету прихожанами (Троице-Никольской в с. Паниковичи, Христорождественской в с. Малы, Варваринской в г. Печоры) иногда произносят возгласы и молитвы на эстонском языке. Однако это, скорее, дань традиции, напоминание о некогда многочисленном составе сетуязычных прихожан, а также желание выразить уважение к сету, приезжающим из Эстонии во время церковных праздников. Настоятели храмов привлекают местных пожилых сету к помощи в переводе некоторых церковных текстов, обучении певчих правильно произношению слов, однако острой необходимости в этом нет. Современные певчие (русские и украинцы) не владеют эстонским языком и читают слова эстонской молитвы, специально написанные для них в русской транскрипции. Подобная практика использования эстонского языка в церкви неоднозначно воспринимается коренным сету населением: в целом желание духовенства сохранить видимость полиэтничной специфики местной церковной культуры приветствуется, однако не за счет формального повторения или искажения слов эстонского языка. *«Отец Дмитрий вообще непонятно говорит. Ну, лучше б по-русски сказал, чтоб понятно было. А так – скажет по-японски»*, – высказалась активная сету прихожанка храма о втором священнике Варваринской церкви, помогающем настоятелю³⁰.

Этническая специфика церковной культуры сету в домашнем пространстве выражается в оформлении «святого угла» (*pühasesnulk*), где находятся иконы. Здесь же хранится церковная литература, поминальные книжки, свечи, освященные вербы, бутыль со святой водой и др. – все это соответствует общероссийской крестьянской традиции. Главное отличие от божницы русских состоит в иконных полотенцах (*pühaserätid*). У сету они выполнены в сложной технике браного узорного тканья в красно-белой цветовой гамме. Эти изделия XIX – перв. пол. XX в. являются яркими маркерами сетуской культуры. Они хранятся и используются домовладельцами по сей день наряду с более современными вариантами, например, с вышитыми полотенцами или занавесками из покупного тюля. На

оформление «святого угла» влияют разнообразные модные тенденции и современные представления хозяев об эстетике. В разных домах автору встречались варианты расположения рядом с иконами живых растений, картин, календарей, фотографий, часов, металлических подвесок в стиле фэн-шуй, электрических семисвечников и т.д. Многие из перечисленных предметов являются сувенирами и подарками из Эстонии, преподнесенными близкими родственниками, и привносят определенный «европейский» колорит в традиционное убранство иконного угла.

О недавней ориентированности сету прихожан на эстонский язык свидетельствует и состав немногочисленных старых религиозных книг, который был зафиксирован в домах во время исследования. Это Библия (Piibel), молитвослов (Palve-raamat), Псалтырь (Laulu-raamat), Евангелие (Pühä Evangeelium). Среди них присутствуют дореволюционные издания на эстонском языке и книги, изданные в 1920–1940-е гг. Наличие печатной продукции религиозного содержания в домах в советский период не предавалось огласке. В некоторых семьях сохранялась традиция совместного воскресного чтения вслух Библии, но чаще старшее поколение читало Священное Писание для себя, а младшие могли этот процесс наблюдать. Послевоенное поколение не понимает или очень плохо разбирает готический шрифт эстонских книг кон. XIX – нач. XX в., и они хранятся в домах как семейные реликвии.

Интересно, что местное русское население с давних пор отдает предпочтение сету как более религиозным, активным прихожанам церквей. По их мнению национальными чертами характера сету выступают спокойствие, упрямство, основательность, любовь к порядку и приверженность традиции. Любопытная деталь портрета сету, свидетельствующая об их консервативности, запечатлена в рапорте 1953 г. уполномоченного Совета по делам РПЦ по Псковской обл.: *«Требуют служить, как в монастыре, и не желают допускать каких-нибудь сокращений. Требы, которые они оплачивают хорошо, заставляют исполнять без торопливости»*³¹. В интервью с русскими респондентами постоянно фигурирует мысль о приверженности сету религии. Православное вероисповедание признано краеугольным камнем сетуской культуры и именно в таком качестве позиционируется деятелями сетуского возрождения.

В целом, результаты исследования позволяют прийти к выводу о единстве православной культуры сету и русских Печорского р-на Псковской обл. во втор. пол. XX – нач. XXI в. Различие заключалось в использовании разных языков во время богослужения и в таком сложно уловимом критерии, как этническая ментальность. Свидетельством полиэтничности местной церковной культуры в сер. XX в. являлось наличие двух городских храмов – «русского» и «эстонского». Ориентированность эстон-

ской литургической традиции на эстонский язык восходит к нач. XX в. Эта установка поддерживается современным духовенством Эстонской апостольской православной церкви Константинопольского патриархата, но не находит себе почву на территории Печорского р-на в России в связи с малочисленностью сету и многочисленностью русских прихожан. По той же причине не идет речь о разработке и внедрении сету языка в церковном пространстве Печорского края. Однако отсутствие возможности участия в богослужении на эстонском/сету языке не является препятствием в их религиозной жизни. Во время проведения исследования были зафиксированы идентичные православные практики у русских и сету разных поколений. Среднестатистический пример актуализации религиозной традиции сводится к наличию икон в доме (возможности совершения домашней молитвы), эпизодическому посещению храма (общественной молитве), совершению таинств исповеди и причастия раз в году, посещению могил предков в поминальные дни церковного календаря. Несмотря на размывание религиозного сознания под влиянием школы и средств массовой информации у жителей Печорского р-на послевоенных поколений не выработался атеизм или секулярное мироощущение. Церкви и Псково-Печерский монастырь продолжают являться важной составляющей их жизни, связанной с процессом воспитания, с семейными и общинными праздниками.

Примечания:

- 1 Фишман О.М. История, опыт, стратегия и перспективы полевой работы отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шёреневские чтения: Сб. ст. / Авт.-сост.: С.Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 39–52.
- 2 Автор выражает благодарность профессору А.Г. Манакову за возможность участия в полевой практике кафедры географии ПсковГУ 2008 г., организованной для сбора материала по демографии сету Печорского р-на.
- 3 Pajusalu K., Hennoste T., Niit E., Päll P., Viikberg J. Eesti murded ja kohanimed / Toim. T. Hennoste. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus. 2. trükk. Lk. 173 – 202.
- 4 Псковская область в цифрах. 2014: Краткий статистический сборник (к 70-летию образования Псковской области). Псков.: Псковстат, 2014. С. 16–19.
- 5 Новожилов А. Г., Хрущев С. А., Громова Ю. В. Современное состояние сету по данным этнологических исследований // Историко-этнографические очерки Псковского края / Ред. А.В. Гадло. Псков: ПОИПКРО, 1999. С. 296.
- 6 Манаков А.Г., Суворков П.Э., Бусурина А.И. Тенденции в расселении сето в Печорском районе в XXI веке (по итогам экспедиции 2016 года) // Изборск и его округа: Между-

- нар. науч.-практ. конф. 2013–2016 / Гос. историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник. Изборск, 2016. С. 225.
- 7 *Калинина О.В.* Этноконфессиональная ситуация в Печорском районе Псковской области во второй половине XX – начале XXI в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3. Шестые международные Шёгреневские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред.: С.Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 277–280.
  - 8 Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии / Науч. ред. Д.А. Баранов, А.В. Коновалов. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008. С. 295–297.
  - 9 *Трусман Ю.* Полуверцы Псково-Печерского края // ЖС. Вып. I. Отд. 1. 1890. С. 31–62; *Kallas O.* Einiges über die Setud // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1894. Dorpat: Druck von K. Mattisen, 1895. S. 81–105; *Гурт Я.* О псковских эстонцах или так называемых «сетукезах» // ИРГО, 1905. Т. XLI. СПб., 1906. С. 1–22.
  - 10 ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Соколово. М. Пилле, 1921 г.р., сету, 2013 г.
  - 11 ПМА. Там же, д. Изборск. Н.П. Дроздов, 1934 г.р., русский, 2014 г.
  - 12 *Петров И.В.* Идеологические и национальные аспекты деятельности православного духовенства Балтии и Северо-Запада России (1940–1945): Рукопись дисс. канд. ист. наук. СПб., 2014. С.105–117. URL: https://disser.spbu.ru/disser2/disser/petrov_disser.pdf
  - 13 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1.– Архив уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Псковской обл.
  - 14 ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, г. Печоры. З.П. Рыбкина, 1944 г.р., сету, 2016 г.
  - 15 ПМА. Там же. В.П. Лунев, 1936 г.р., русский; Л.М. Лунева, 1937 г.р., сету, 2016 г.
  - 16 *Катава-Валк Н.* Там, где я родилась. Часть 4. URL:<https://www.proza.ru/avtor/navalk>
  - 17 ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, г. Печоры. Т. Н. Кивимяги, 1953 г.р., русская, 2016 г.
  - 18 ПМА. Там же. Э. Линнасаар, 1941 г.р., сету, 2016 г.
  - 19 Традиционные и новые обряды в быту народов СССР / Отв. ред.: И.А. Крывелев, Д.М. Коган. М.: Наука, 1981; *Жидкова Е.* Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом/ Ред.-сост.: А. Агаджанян, А. Беглов. 2012, № 3–4 (30). М.: Изд. дом «Дело». С. 408 – 429.
  - 20 ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, г. Печоры. А.Н. Качкина, 1958 г.р., русская, 2016 г.
  - 21 *Ломунова Л.* Весенний праздник Николая Чудотворца в Тайлове // Печорская правда. 2014. 29 мая.
  - 22 Raasakõisi Setomaalt. Setomaa Jakob Hurda silmi läbi aastagil 1886 ja 1903 / P. Hagu, V. Abrams. Seto Instituut. Eesti Kirjandusmuuseum, 2013. Lk.129.
  - 23 ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, г. Печоры. Э. Линнасаар, 1941 г.р., сету, 2016 г.
  - 24 ПМА. Там же, д. Соколово. М.А. Волосова, 1952 г.р., сету, 2009 г.
  - 25 ПМА. 2016. К. Сюваорк, сету, 1953 г.р., д. Смольник.
  - 26 *Гурт Я.* Указ. соч.

- 27 ГАПО. Ф. 39. Оп.1. Д. 7764. Л. 43 – Дело о полуверцах (эстонцах) проживающих в Псковской епархии, 3 февраля 1907 – 7 апреля 1915 г.
- 28 Mii' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium. Matteusõ, Markusõ, Luukasõ ja Johannõsõ kirotoõ / E. Puusepp, P. Voolaine / Akadeemilise Emakeele Seltsi toimetused XIV. Tartu: Trükikoda Ed. Bergmann, 1926.
- 29 Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium. Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotoõ. Tõõnõ, parandõõ trükk / Toim. P. Hagu. Seto Institut, 2013.
- 30 ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Митковицкое Загорье. В. Нурметало, 1948 г.р., сету, 2009 г.
- 31 ГАПО. Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 45. Л. 43. – Информационные отчеты, статистические сведения о состоянии религиозности в области и переписке по ним с Советом по делам Русской православной церкви 1953 г.

УДК 008(316)

К ПРОБЛЕМЕ ПАЛОМНИЧЕСКИХ ПРАКТИК И САКРАЛЬНЫХ ЛОКУСОВ АРМЯН САНКТ- ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ¹

Лусинэ Степановна Гушчян

*Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, кандидат культурологии,
научный сотрудник ведущей категории*

medievist@yahoo.com

Аннотация. Вопросы диаспоральных религиозных практик могут рассматриваться в разных плоскостях и касаться в том числе механизмов сохранения конфессиональной идентичности диаспоры в сообществе-реципиенте и формирования ею собственных сакральных локусов. В статье предпринята попытка выявления основных направлений паломнических религиозных практик на примере армянской общины Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. на протяжении последних десяти лет.

Ключевые слова: диаспора, Санкт-Петербург и Ленинградская обл., религиозные практики, паломничество

UDK 008(316)

ON THE PROBLEM OF PILGRIM PRACTICES AND SACRED LOCUSES OF ARMENIANS OF ST. PETERSBURG AND THE LENINGRAD REGION

Lusine Stepanovna Ghushchian

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, PhD in History of Culture, Senior Researcher

medievist@yahoo.com

Abstract. The questions of religious practices of the diaspora could be regarded from different points of view, including the identifying of mechanisms for preserving the confessional identity of the diaspora in the recipient community and forming own sacred loci. The author attempted

to identify the main areas of pilgrim religious practices on the example of the Armenian community of St. Petersburg and Leningrad region over the past ten years.

Key words: diaspora, St. Petersburg and the Leningrad region, religious practices, pilgrimage

Для исследования процессов культурно-религиозной самоидентификации диаспоральных сообществ, в число которых входят армянские общины, имеют важное значение два аспекта. Первый – проблема паломничества, то есть движения вне постоянного места проживания диаспоральной общины, которое обусловлено религиозными чувствами и традициями. При этом паломнические практики обеспечивают, с одной стороны, «познавание» представителями различных общин исторически сложившихся святых мест, а с другой – способствуют «узнаванию» этих общин «материнским» сообществом. Вторым аспектом является формирование сакральных локусов, т.е. социо-религиозных узлов, соединяющих сообщество в месте его основного проживания в стране-реципиенте.

В отличие от мусульманской, в христианской традиции в Священном писании и преданиях отсутствует предписание обязательного посещения какого-либо сакрального локуса в течение жизни. Между тем, армяне, как и другие христианские народы, в своей истории и традиционной культуре формировали как общезтнические пространства паломничества, посещавшиеся чаще всего лишь раз в жизни, так и узколокальные, которые в большинстве своем предусматривали многократное посещение святого места в соответствии с циклом религиозного календаря.

Наиболее почитаемым местом паломничества для всего христианского мира традиционно являлся Иерусалим. Об этом говорят как документальные, так и полевые материалы, собранные в разных областях проживания армян. Существование на Святой земле Армянского квартала и других территорий, принадлежащих иерусалимской армянской патриархии, на протяжении многих веков обеспечивали паломникам уверенность в том, что они беспрепятственно смогут совершать длительное, престижное по своему статусу паломническое путешествие к общехристианским святыням. Трансформированное значение Иерусалима как места, посещение которого предполагало в армянском сообществе получение особого статуса «знающего», не прерывалось даже в советское время. Так, в ответ на вопрос ребенка «куда вы идете?», родители или старшие братья и сестры могли ответить: «В Иерусалим», в значении: «мал еще, чтобы знать». Кроме этого, исторически наиболее значимыми святынями для паломников-армян являлись три престола армянского католикосата: Эчмиадзин, Ахтамар и Сис. В настоящее время из них территориально неизменным остался лишь один – эчмиадзинский престол.

Несмотря на то, что актуальный религиозный туризм (поездки в такие центры паломничества как Эчмиадзин и Иерусалим) структурно отличается от классического паломничества, он несет в себе явные черты последнего: сама идея приобщения к далеким и святым для представителей данной культуры местам, несомненно, указывает на аналогии двух феноменов. Здесь следует указать на то, что в определенный период расширились основания для совершения паломничества/религиозного туризма. Таковыми, например, стали венчание и крещение в определенном престижном святом месте.

В данной статье, основанной на полевых материалах 2010–2017 гг., внимание, прежде всего, акцентируется на механизмах осуществления паломнических практик и формирования сакральных локусов в армянской общине Санкт-Петербурга и Ленинградской обл. в течение 30 последних лет. В этот период здесь сформировались общественные организации, так или иначе связанные с церковью (региональная общественная организация «Армянская национально-культурная автономия», «Армяне Петербурга», молодежная организация «Нор Серунд», «Армянское товарищество Санкт-Петербурга и Ленинградской области», общественная организация «Всеволожское армянское общество “Гарун”» во Всеволожском р-не, «Армянское общество “Урарту”» в г. Выборге, Кингисеппская общественная организация «Армянское общество “Арагат”»)¹. Выбранные временные рамки обусловлены тем, что именно в этот период, с одной стороны, активизируются постсоветские миграционные процессы, а с другой – актуализируется религиозное самосознание сообщества. Следует отметить, что как прежде, на протяжении истории армянских общин, так и в настоящее время, фундаментом армянского присутствия на той или иной земле является строительство церкви и школы.

Между тем, особенностью петербургской армянской общины, в сравнении с армянскими сообществами иных современных российских городов является фактор «наследования» культурно-религиозных объектов и соответствующих им традиций. То есть, при формировании армянской общины новейшего периода в г. Санкт-Петербурге уже существовали архитектурные памятники объектов – церковь св. Екатерины (освящена в 1770 г.) и Воскресения (освящена в 1793 г.) со строениями, примыкающими к ним. Социокультурное пространство армянского сообщества формировалось вокруг них и дискурсивно оформлялось как воссозданное, унаследованное от исторической армянской общины времен Лазаревых, Лорис-Меликовых, Орбелянов и других значимых для истории города и всей страны армянских фамилий. Таким образом, в отличие от многих армянских общин других российских городов, в Петербурге в то время вопрос о размещении армянского культурно-религиозного центра не стоял. При

этом в 2003 г. в г. Всеволожске Ленинградской обл. была воздвигнута армянская церковь св. Богородицы, что связано с увеличением армянского населения в области, которое, согласно переписи 2010 г., составляло более 60 тыс. человек. Интересно, что строительство церкви стало основанием для наименования переулка, на котором она находится. Он стал называться «Армянский переулок».

Следует отметить, что сейчас современная всеволожская церковь св. Богородицы, как и петербургские исторические армянские храмы, является туристической достопримечательностью. Армянские церкви Петербурга и области представлены не только и не столько на официальных сайтах для путешественников, сколько в демократичных соцсетях и сайтах, например, российском сегменте TripAdvisor.

Состав современного армянского сообщества Петербурга и Ленинградской обл. определяет предпочтения различных его групп в вопросах паломнических практик и сакрализации локаций. При этом в разные периоды новейшей истории доминантные группы, которые также не являются статичными, вводили предпочтительные сакральные маршруты.

В целом армянскую общину Петербурга можно разделить на две группы. Первая включает армян-ленинградцев и беженцев из Баку и других азербайджанских населенных пунктов, оказавшуюся здесь в конце 1980-х – начале 1990-х гг. из-за военного конфликта в регионе. Не имея достаточной языковой компетенции, представители этой группы формировали иной, неязыковой способ приобщения к армянской культуре. В число способов «армянской социализации» входило поддержание семейно-родственных контактов, создание общественных организаций, в том числе молодежной, и участие в их деятельности, воссоздание армянского культурно-религиозного пространства, в частности, петербургских церквей, ставших благодаря их усилиям сакральными этнорелигиозными локациями. При активном участии молодежных организаций, как общественных, так и хореографических, проходили празднования народных и религиозных праздников *Вардавар* (Преображение Господне) и *Трндес* (Сретенье Господне).

При том, что представители данной группы не владели опытом проживания в Армении и, соответственно, не испытывали ностальгии по ее историческим или локальным и статусным святым местам, представление о «древней святой земле Армении» послужило для представителей молодого поколения этой группы причиной паломнических, связанных с обрядами жизненного цикла, поездок в Армению для того, чтобы провести обряд венчания или крещения. Со временем в указанной группе данная практика угасла в частности потому, что на месте проживания – в Санкт-Петербурге – окончательно оформились в необходимой полноте, включая околоритуальные атрибуты, местные обрядовые практики. Это-

му, несомненно, способствовало вливание в сообщество представителей второй из рассматриваемых групп.

В неё входят трудовые мигранты конца 1990–2000-х гг., в основном из сельских районов Армении, которые не имели сложностей с армянской языковой компетенцией, сохраняли родственные связи в стране-доноре и воспринимали армянские как локальные, так и общенациональные места паломничества как свои. Это приводило к десакрализации почитаемых как общеармянские святых мест, переводя их в ранг туристических достопримечательностей. При этом в последние годы при доминировании данной группы происходит отказ от активных публичных практик участия в церковных праздниках молодежи, которая не испытывает необходимости в подтверждении своей «армянскости» при помощи дополнительных, неязыковых проявлений. Кроме того, различные области деятельности внутри общины, такие, например, как общественная координационная деятельность или упомянутые хореографические ансамбли, постепенно профессионализируются, теряя общественный характер. В период летних церковных праздников дети и молодежь из данной группы часто отправляются на каникулы в Армению, что уменьшает количественный состав активных участников этих праздников.

С другой стороны, расширяется круг прихожан в армянских церквях Петербурга и Ленинградской обл., которые в период особо почитаемых христианских праздников – Рождества и Пасхи, находятся в России. Здесь же они предпочитают проводить обряды крещения и венчания, при сложившейся предметно-атрибутивной составляющей этих обрядов. Так, в частности, в Санкт-Петербурге успешно работают мастерицы по изготовлению «таросиков» («эстафетиков») – традиционных на армянских крещении и свадьбе подарков гостям от новобрачных и родителей новокрещенного. Также в городе работают дизайнеры по украшению не только дома невесты и свадебных банкетных залов, но и интерьера церкви для обряда венчания. Таким образом, два важнейших обряда в жизни христиан переведены в границы Петербурга и Всеволожска, а местные армянские церкви стали полноправными сакральными локусами, признанными сообществом.

Между тем, новым паломническим направлением для армян Петербурга и области в последние годы становится ключевой сакральный локус всего христианского мира – Иерусалим. Это направление, воспринимаемое как престижное, сформировалось благодаря нескольким факторам: деятельности представителей петербургской армянской церкви, налаживших контакты с Иерусалимским армянским патриархатом, преподавателей СПбГУ, подготовивших несколько экскурсий по «Старому городу», ориентированных на подготовленную, образованную молодежную аудиторию. Также, что весьма существенно, актуализации этого направления способствовал

статус Иерусалима как наднационального святого города. В свою очередь, существенные финансовые затраты, доступные далеко не всем, делают эту поездку престижной, а паломнику передают высокий статус.

Таким образом, основные тенденции трансформации сакральных локусов и паломнических маршрутов армян Петербурга и Ленинградской обл. видятся, с одной стороны, в формировании местных, принятых сообществом локаций для исполнения ритуалов, связанных с жизненным циклом, а с другой – в расширении радиуса паломнических маршрутов, отходящих от собственно армянских исторических центров в пользу общехристианских, однако с историческим армянским присутствием.

Примечание:

- 1 Статья подготовлена в рамках проекта РНФ №15-18-00062 «Формирование культуры в диаспоре (на примере еврейской, армянской и греческой диаспор)» (СПбГУ).
- 2 Армяне в Санкт-Петербурге – Санкт-Петербургской губернии – Ленинградской области // Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О.М. Фишман (науч. ред.), М.Л. Засецкая, Г.А. Исаченко, Л.В. Королькова, О.А. Красникова, А.И. Терюков и др. СПб.: Издат. дом «Инкери», 2017. С. 357–359; Армянская апостольская церковь // Там же. С.503 – 505; Гуцяян Л.С. Армянская община Санкт-Петербурга: этноконфессиональные аспекты исследования (конец XIX – XXI в.) // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые междунар. Шёгреневские чтения: Сб. стат. / Науч. ред. Н.И. Ивановская, О.М. Фишман (отв. ред.). СПб.: Издат. дом «Инкери», 2018. С. 272–278.

УДК 94(47).084.9

ДВИЖЕНИЕ БАПТИСТОВ-ИНИЦИАТИВНИКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Татьяна Кирилловна Никольская

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования евангельских христиан-баптистов «Санкт-Петербургский Христианский Университет», г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, старший преподаватель

niktk@spbcu.ru

Аннотация. В 1940–1980-е гг. евангельские христиане-баптисты (ЕХБ) были самой крупной и влиятельной конфессией русского протестантизма. В 1961 г. в церкви ЕХБ произошел раскол. Сторонники Инициативной группы (инициативники) выступали против зависимости церкви от государства, за соблюдение прав верующих, в том числе права родителей давать детям религиозное воспитание. В Ленинграде движение инициативников поддержала большая группа баптистов, в основном молодежи. Они организовали отдельную общину, опекали группы своих сторонников в Ленинградской обл., помогали нелегальному издательству «Христианин». Некоторые верующие этой общины подверглись уголовному преследованию. В 1974 г. в общине произошло разделение, в результате чего группа верующих основала автономную церковь ЕХБ. В настоящее время церковь инициативников г. Санкт-Петербурга имеет молитвенный дом в пос. Сергиево (Володарский).

Ключевые слова: евангельские христиане-баптисты, инициативники, Инициативная Группа, Совет Церквей

UDC 94(47).084.9

THE MOVEMENT OF BAPTIST INITIATORS IN Leningrad AND THE Leningrad REGION

Tatiana Kirillovna Nikolskaya

Religious organization – the spiritual educational organization of higher education of Evangelical Christians Baptists “St. Petersburg Christian University”, PhD in History, Senior Lecturer

niktk@spbcu.ru

Abstract. In the 1940s – 1980s Evangelical Christian Baptists were the most significant and influential denomination of Russian Protestantism. In 1961 the schism occurred in the church of the ECB. Supporters of the Initiative Group (the Initiators) opposed the church's dependence on the state: they also promote the rights of believers, including the right of parents to give children a religious education. In Leningrad, a large group of Baptists, mostly young people, joined the Initiative movement. They organized a separate community, curated the groups of their supporters in the Leningrad region, and helped the illegal publishing house “Christianian.” Some believers of this community were prosecuted. In 1974 part of the Initiative community had separated and created an autonomous Church of ECB. At present, the Church of St. Petersburg's Initiators has got a prayer house in the village of Sergievo (Volodarsky).

Key words: Evangelical Christians Baptists (ECB), Initiators, the Initiative Group, the Council of Churches

В 1940–1980-е гг. евангельские христиане-баптисты (ЕХБ) были самой многочисленной и влиятельной конфессией русского протестантизма. В 1961 г. в церкви ЕХБ произошло разделение. Начало событий относится к августу 1961 г., когда группа служителей во главе с Г.К. Крючковым и А.Ф. Прокофьевым выступила с предложением провести Всесоюзный чрезвычайный съезд церкви ЕХБ. Себя они определили как Инициативную группу (ИГ) по подготовке съезда (отсюда и название участников движения – «инициативники»).

Главными причинами недовольства этих служителей были чрезмерные, по их мнению, компромиссы церковного руководства с государственными структурами, осуществлявшими контроль над религиозными организациями. Лидеры ИГ надеялись, что съезд сможет обсудить эту тему и избрать новый состав Всесоюзного Совета ЕХБ (ВСЕХБ).

Однако, руководители ВСЕХБ не поддержали их идею, считая её заведомо невыполнимой, способной лишь ухудшить положение церкви (в стране шла антирелигиозная кампания). В 1962 г. сторонники ИГ (с февраля 1962 г. – Оргкомитета) окончательно вышли из подчинения ВСЕХБ. Для руководства этими общинами была создана альтернативная церковная структура – Совет Церквей (СЦ) ЕХБ. Если по вероучению инициативники практически не отличались от своих лояльных собратьев, то в общественной позиции они выступали против зависимости церкви от государства, за соблюдение прав верующих, в том числе право родителей давать детям религиозное воспитание. В 1970-е гг. инициативники признали своим принципом сознательный отказ от регистрации общин в органах государственной власти¹.

В Ленинграде в начале 1960-х гг. зарегистрированная община ЕХБ насчитывала около 3000 членов и около 900 «приблизённых» (кандидатов

на крещение)². Большинство верующих жили в Ленинграде и пригородах, но часть их приезжала в молитвенный дом из Ленинградской обл. (регулярность посещений зависела от их возможностей и отдалённости проживания). Ещё в 1940-е гг. евангельские христиане-баптисты предприняли безрезультатные попытки зарегистрировать ряд общин ЕХБ в Ленинградской обл. (г. Гатчина, пп. Тосно, Вырица и Волосово)³. В начале 1960-х гг. незарегистрированные группы ЕХБ имелись в гг. Волхов, Приозерск, Гатчина, Луга, Тихвин, в с. Шугозеро Капшинского (с 1963 г. – Тихвинского) р-на, а также в Кингисеппском (г. Ивангород и с. Котлы), Волосовском р-нах и других местах⁴. Кроме того, в Ленинграде и в Ленинградской обл. (Бокситогорск, Тосненский, Гатчинский р-ны и др.) собирались группы пятидесятников⁵.

В годы хрущёвской антирелигиозной кампании власти усилили давление на ленинградскую общину ЕХБ. В 1960 г. при вмешательстве уполномоченного Совета по делам религиозных культов (СДРК) был лишён регистрации старший пресвитер М.А. Орлов; сокращены состав «двадцатки», штат проповедников и количество богослужений (с 5 до 3 в неделю); испытательный срок для «приближённых» увеличен до трёх лет; из 148 кандидатов к крещению допущено 72 (из них лишь трое моложе 30 лет); ликвидирован пункт питания, организованный «под видом трапезы и рас-

Рис. 1. Ленинградский пресвитер А.Н. Карнов с группой церковной молодежи. Первый слева – будущий руководитель общины инициативников в Ленинграде Ф.В. Маховицкий. Архив Санкт-Петербургской церкви ЕХБ. 1950-е гг.

хода на кормление сторожевых собак»⁶. Молитвенный дом периодически подвергался нападениям хулиганов.

В то же время усиливалось брожение внутри общины: часть верующих (особенно молодёжь) роптала на руководство, вынужденное из-за негласных запретов властей ограничивать крещение и внебогослужебную деятельность (рис.1).

В 1961 г. группа баптистской молодёжи изготовила около 1600 листовок христианского содержания⁷. По воспоминаниям служителя Е.Н. Куявского, импульсом к их написанию послужили публикации сведений о разводах в газете «Вечерний Ленинград». Верующие составили и распечатали написание для разводящихся супругов⁸ и попытались распространить, опуская в почтовые ящики домов⁹. Через некоторое время одна из девушек, Людмила Щербакова, была задержана, а затем изъято более 700 листовок и выявлены другие участники группы – Владимир Филиппов, Нина Гринёва, Лидия Семёнова, Лев Лукинов¹⁰. В материалах уполномоченного СДРК не названы Евгений Куявский и Аркадий Михайлов, хотя они также принимали участие в составлении и тиражировании листовок с помощью резинового штампа¹¹.

После этого случая уполномоченный СДРК Н.М. Васильев предупредил старшего пресвитера церкви ЕХБ А.Н. Кирюханцева о недопустимости подобных действий. Тот объявил в молитвенном доме, что распространители листовок и их сторонники будут отлучаться от церкви¹². Участники группы – Л. Щербакова, Н. Гринёва, Л. Семёнова и А. Скрипникова – были преданы товарищескому суду по месту работы и получили общественный выговор с опубликованием в печати¹³.

Деятельность Инициативной группы одним из первых поддержал лидер ленинградской молодёжи ЕХБ Михаил Хорев (рис. 2). Он присутствовал на совещании ИГ в подмосковной Десне (в доме А.И. Якименкова), которое состоялось 12.08.1961, а на следующий день привёз в г. Москву переписанное начисто Послание Президиуму ВСЕХБ. Г.К. Крючков и А.Ф. Прокофьев тут же на Покровском бульваре подписали этот документ и отнесли руководителям ВСЕХБ Я.И. Жидкову и А.В. Кареву, что стало первым официальным выступлением инициативной группы¹⁴.

Для встреч с единомышленниками в Ленинград неоднократно приезжал один из руководителей ИГ А.Ф. Прокофьев: первый раз – в августе 1961 г.¹⁵, а затем в конце 1961 и весной 1962 г. Во время последнего визита он на протяжении двух дней проводил совещания со своими сторонниками (С.С. Суковицыным, М.И. Хоревым и др., всего до 15 чел.) на квартире верующей Л.В. Микрюковой на Московском проспекте¹⁶.

М.И. Хорев вскоре уехал из Ленинграда, а местную группу инициативников возглавили Ф.В. Маховицкий и В.А. Филиппов. С осени 1961 г. ве-

Рис. 2. Михаил и Вера Хоревы. 1961 г. М.И. Хорев – один из зачинателей движения инициативников в Ленинграде // Памяти служителя МСЦ ЕХБ Михаила Ивановича Хорева (диск). Фото из архива семьи Хоревых. 2012 г.

рующие стали иногда проводить собрания на квартирах и в частных домах. По воспоминаниям Е.Н. Куявского, «Первые месяцы власти нас не трогали, по-видимому, присматривались...»¹⁷.

Ленинградские инициативники старались привлечь на свою сторону группы ЕХБ Ленинградской обл. Движение поддержала волосовская группа ЕХБ, возглавляемая Я.Е. Филоновым. Верующие проводили по домам тайные богослужения; периодически совершались водные крещения, «особенно среди молодёжи»¹⁸.

В апреле 1962 г. ленинградская группа инициативников направила в СДРК заявление: «*Мы, верующие евангельские христиане-баптисты, проживающие в г. Ленинграде и Ленинградской области, узнали о деятельности братьев инициативной группы по созыву чрезвычайного съезда церкви ЕХБ в нашей стране. Мы также присоединяемся к требованию братьев инициативной группы <...> и просим наше правительство дать разрешение на проведение съезда церкви ЕХБ...*» (39 подписей)¹⁹. Вслед за ленинградцами аналогичное заявление направила в СДРК не зарегистрированная группа ЕХБ пос. Волосово: «*Учитывая, что отступившее ВСЕХБ и дальше отступают, мы решили подвязаться (Так! – Т.Н.) за единство народа божия, за чистоту евангельского учения и признаём впредь до съезда в качестве центрального руководства считать организационный комитет церкви ЕХБ*» (45 подписей)²⁰.

Ленинградские инициативники нелегально собирались на ст. Шушары, в пос. Токсово Всеволожского р-на (дом Д.Е. Рыбакова)²¹ и др. местах. Власти периодически разгоняли собрания; так, в отчёте за 1963 г. уполномоченный СДРК сообщал о роспуске групп ЕХБ, обнаруженных по трём адресам в Ленинграде и в пос. Токсово²². Если поначалу собрания посещали два-три десятка человек, то в дальнейшем ленинградская община СЦ достигла более 400 членов²³.

По воскресеньям в тёплое время года богослужения проходили под открытым небом на поляне небольшого леса в районе Ульянки (исторический район на юго-западе Ленинграда). Последнее богослужение (Праздник жатвы) состоялось там 3.10.1965 г. Согласно жалобе верующих, на поляну прибыла машина, оборудованная громкоговорителями, включенными на полную мощность, а также несколько автобусов и машин с милиционерами и дружинниками. 16 чел. были задержаны, а остальных разогнали²⁴. Ф. Маховицкий, Б. Азаров, В. Филиппов и А. Скрипникова получили по 15 суток ареста²⁵. По воспоминаниям верующих, после этого случая поляну распахали, поставили дощечку с надписью «Посевы не топтать», и долгое время там дежурил милицейский пост²⁶.

В дальнейшем община СЦ собиралась по воскресеньям в доме семьи Лукас близ ст. Заневский Пост, а по пятницам в доме Проценко в пос. Кузь-

моловский (Всеволожский р-н Ленинградской обл.). С 1974 г. оба еженедельных богослужения стали проходить в Кузьмоловском²⁷. Когда в 1984 г. дом Проценко был конфискован²⁸, верующие некоторое время собирались под открытым небом и в доме семьи Дунчик в Тосно, а в начале 1986 г. приобрели дом в пос. Володарский²⁹.

Ленинградская община СЦ была неформальным духовным центром инициативников Северо-Запада. Служители периодически объезжали группы сторонников СЦ. Например, в г. Тихвине Ленинградской обл. В. Филиппов и Е. Куявский время от времени навещали семью пенсионеров: *«Брат Макар с женой – очень простые люди, с удовольствием ждущие нашего приезда (всегда с ночёвкой). Жена Макара сразу же шла оповестить некоторых верующих, и приходило человек 6–7. Мы проводили обычное молитвенное общение, беседы. Потом чаепитие»*³⁰.

В 1970-е гг., видимо, в целях ослабления влияния СЦ на общины Ленинградской обл., власти разрешили организовать филиалы – в гг. Волхове, Тихвине, Луге, Сланцах и п. Волосово. Формально верующие принадлежали к зарегистрированной общине ЕХБ Ленинграда, но при этом могли на законных основаниях проводить богослужения по месту жительства³¹.

В 1973–1977 гг. в Ивангороде Ленинградской обл. действовала подпольная типография издательства СЦ «Христианин». Ленинградские инициативники снабжали её бумагой. Чтобы не вызвать подозрений, верующие покупали по 1–2 пачки в разных магазинах города. Например, Е. Куявский делал это вместе с сестрой Ниной и сыном Колей. Скопленные запасы перевозились на машине в д. Каськово к верующему А.Д. Завьялову. *«Когда в сарае набиралось уже много мешков, мы погружали все в грузовую машину и, – в Ивангород. Там одна верующая семья имела свой дом, где и наверху под крышей было тёплое помещение. Там-то и работали самоотверженные трое-четверо печатников нашего братства»*³².

Однако 21.03.1977 г. упомянутая «типографская точка» была раскрыта, а её работники арестованы. Осенью 1977 г. в г. Кингисеппе Ленинградской обл. состоялся суд над хозяином дома Давидом Коопом и работниками самиздата – Иваном Левиным, сестрами Людмилой и Ларисой Зайцевыми. Все они получили сроки заключения от трёх с половиной до пяти лет³³.

Ленинградские инициативники участвовали в правозащитной деятельности, составляли и подписывали ходатайства в защиту прав верующих. Е. Куявский, А. Завьялов, В. Балув и Л. Семёнова приняли участие в массовой делегации в ЦК КПСС, организованной СЦ ЕХБ 16–17 мая 1966 г.³⁴ Из членов ленинградской общины СЦ были осуждены (некоторые неоднократно): Фёдор Маховицкий, Владимир Филиппов, Павел Лукас, Аида Скрипникова, Валентина Жукова, Лидия Семёнова, Михаил Азаров, Ста-

Рис. 3. Группа молодёжи автономной общины ЕХБ у дома молитвы в пос. Горелово. Фото из архива семьи Куявских. Нач. 1980-х гг.

нислав Чудаков и др.³⁵ О ленинградских инициативниках периодически появлялись «разоблачения» в местной печати: среди наиболее известных публикаций – главы в брошюрах «Под прикрытием Евангелия»³⁶ и «Лица без масок»³⁷. В тоже время, на Западе некоторые служители и активисты ленинградской общины СЦ прославились как герои веры – особенно А. Скрипникова, чьи стихи и полемические сочинения в защиту христианства широко распространялись в самиздате, а также переправлялись за рубеж³⁸.

В 1974 г. в ленинградской общине СЦ произошло разделение. По воспоминаниям Е.Н. Куявского, оно было вызвано как субъективными разногласиями, так и нежеланием части верующих безоговорочно подчиняться руководству СЦ ЕХБ³⁹. Оппозиционная группа была относительно небольшая – около 20 взрослых членов церкви. Однако туда входили несколько многодетных семей, а «костяк» составляли активные служители, начинавшие движение в Ленинграде – В. Филиппов, Е. Куявский, А. Дубовик, С. Суковицын, А. Михайлов, П. Лукас. Около года группа собиралась на квартирах, пока не приобрела дом в пос. Горелово (юго-западная окраина Ленинграда) на ул. Набережной 35⁴⁰ (рис. 3). Со временем к автономной общине стали присоединяться новообращённые. Кроме того, по

свидетельству дочери Е.Н. Куявского Татьяны Балдиной, молитвенный дом в Горелово посещали финки – жительницы Гатчинского р-на Ленинградской обл. В 1984 г., по инициативе А.М. Дубовика, служители обсуждали вопрос о регистрации общины, однако отвергли эту идею, приняв результату жребия⁴¹.

В 1987 г. богослужения в пос. Горелово были прекращены по требованию нового хозяина дома (сам дом через полгода сгорел). Но, думается, последующий кризис был вызван не только отсутствием церковного помещения. Часть верующих вернулась в общину СЦ ЕХБ, другие присоединились к общине ВСЕХБ⁴². Некоторые семьи эмигрировали. Остальные, по свидетельству Т.Е. Балдиной, продолжали собираться в Ленинграде на квартире пресвитера Анатолия Дубовика, а в 1990-е гг. объединились с общиной, руководимой Александром Горяниным. Для этой единой общины был построен молитвенный дом в пос. Мурино (Всеволожский р-н Ленинградской обл.). Упомянутые финки из Гатчинского р-на присоединились к церкви ЕХБ в Красном Селе⁴³.

*Рис. 4. Молитвенный дом Международного Союза Церквей ЕХБ в пос. Сергиево.
Фото Т.К. Никольской. 2010 г.*

В постсоветский период противоречия между евангельскими христианами-баптистами двух объединений постепенно стали сглаживаться. Однако церковное разделение не преодолено до сих пор. На 1 января 2017 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской обл. насчитывалось 49 общин Российского Союза ЕХБ численностью 3476 чел. Кроме того, в регионе имеются общины и группы Международного Союза Церквей ЕХБ (современное название объединения СЦ ЕХБ), которые до сих пор принципиально отказываются от государственной регистрации. Молитвенный дом петербургской общины МСЦ ЕХБ сейчас находится в пос. Сергиево (ранее – Володарский) (рис.4).

Примечание:

- 1 *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905 – 1991 годах. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2009. С. 242.
- 2 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 63. Л. 81. – Информационный отчет ленинградского уполномоченного СДРК Н.М. Васильева за 1963 г.
- 3 Подробнее об этом см.: *Никольская Т.К.* Указ. соч. С. 150.
- 4 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 55. Л. 73–74. – Информационный отчет ленинградского уполномоченного СДРК Н.М. Васильева за 1961 г.
- 5 Там же.
- 6 *Никольская Т.К.* Евангельские христиане-баптисты в Ленинграде (1946–1991) // Вестник Московской богословской семинарии евангельских христиан-баптистов. М., 2017. № 8. С. 74–75.
- 7 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 55. Л. 36.
- 8 *Куявский Е.Н.* Остаться верным. СПб., [б. и.], 2014. С. 279.
- 9 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 55. Л. 36.
- 10 *Никольская Т.К.* Русский протестантизм... С. 207.
- 11 *Куявский Е.Н.* Указ. соч. С. 279.
- 12 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 55. Л. 40.
- 13 *Никольская Т.К.* Русский протестантизм... С. 207.
- 14 *Хорев М.И.* Страницы жизни // Вестник Истины. 2012. № 4. С. 11. См. также: *Крючков Г.К.* Победа – от Господа! Изд-во: ЕХБ, 2011. С. 17–20.
- 15 *Крючков Г.К.* Указ. соч. С. 18.
- 16 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 61. Л. 47. – Информационный отчет ленинградского уполномоченного СДРК Н.М. Васильева за 1962 г. См. также: *Ионин А., Сергеев Н.* Тайная миссия // Вечерний Ленинград. 22.10.1962. № 250.
- 17 *Куявский Е.Н.* Указ. соч. С. 292.
- 18 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.
- 19 Там же. Д. 61. Л. 47.
- 20 Там же. Л. 48.

- 21 Куявский Е.Н. Указ. соч. С. 292.
- 22 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 63. Л. 75.
- 23 Наша история: Исторический обзор жизни ленинградской (Санкт-Петербургской) церкви // Жизнь церкви. СПб., [б.и.], 1994. С. 6.
- 24 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 67. Л. 36. – Жалоба верующих на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и других партийно-государственных руководителей.
- 25 ЦГА СПб. Ф. 9620. Оп. 1. Д. 67. Л. 38. – Информационный отчет ленинградского уполномоченного Н.М. Васильева за 1965 г.
- 26 Наша история. С. 8.
- 27 Никольская Т.К. Евангельские христиане-баптисты в Ленинграде. С. 78.
- 28 Два праздника Жатвы // Вестник Истины. 1985. № 1–2. С.42.
- 29 Наша история. С. 9.
- 30 Куявский Е.Н. Указ. соч. С. 374.
- 31 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 782. Л. 11. – Сведения о фактически действующих религиозных объединениях в Ленинграде и Ленинградской области.
- 32 Куявский Е.Н. Указ. соч. С. 480–481.
- 33 Никольская Т.К. Русский протестантизм... С. 290.
- 34 Куявский Е.Н. Указ. соч. С. 333.
- 35 Наша история. С. 8–10.
- 36 Сердобольская Л., Вистунов Е. Под прикрытием Евангелия. Л.: Лениздат, 1976.
- 37 Вистунов Е., Тютрюмов М. Лица без масок. Л.: Лениздат, 1980.
- 38 Белякова Н., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР (1940–1980-е гг.): Исследование и источники. М.: Индрик, 2015. С. 171–172.
- 39 Куявский Е. Н. Указ. соч. С. 483.
- 40 Там же. С. 497.
- 41 Там же. С. 539–540.
- 42 Там же. С. 549–551, 553.
- 43 Никольская Т.К. Евангельские христиане-баптисты в Ленинграде. С. 81.

Историко-культурный контекст и личность: новое в гуманитарных исследованиях

УДК 908(470+571), 913

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ ПЛЕННИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ 1675–1676 гг. ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА)¹

Алексей Юрьевич Жуков

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Zhukov_a@Sampo.ru, Zhukov@krc.karelia.ru

Аннотация. На примере судебного дела плененного в Кексгольмском лене Швеции Юрия Кондратьева показаны пути постепенной эволюции в России законодательства и правоприменительной практики, касающегося повышения социального и правового статусов отдельной личности. При этом вступление в борьбу «маленького человека» с представителями привилегированных сословий предполагало его активную жизненную позицию. Юрий Кондратьев прошел несколько этапов этой борьбы, которая была тесно связана с юридическими и политическими устоями государства. Вначале – он бесправный шведский пленник, на положении почти холопа у своего хозяина; затем – беглец и участник восстания Степана Разина; новый плен, заключение в тюрьме и возвращение хозяину; новое бегство и поступление на службу подьячему Посольского приказа; суд в Посольском приказе, давший Юрию свободу по царскому указу; новый арест, освобождение, с подтверждением приказного приговора и получением свободы его жене и сыну.

Ключевые слова: плен, холопство, Посольский приказ, Челобитный приказ, социальный статус, право прецедента, правоспособность личности, Кексгольмский лен, Олонецкий у.

UDC 908(470+571), 913

THE VICISSITUDES OF THE CAPTIVE'S FATE (BASED ON MATERIALS FROM 1675–1676 OF THE AMBASSADORIAL ORDER)

Alexey Yuryevich Zhukov

Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Center, Russian Academy of Science, Petrozavodsk, PhD in History, Senior Researcher

Zhukov_a@Sampo.ru, Zhukov@krc.karelia.ru

Abstract. The article shows on the example of the court case of Yuri Kondratiev captured in Kexholm county, Sweden, the ways of the gradual evolution of legislation and legal practice in Russia towards enhancing the social and legal status of an individual. At the same time, the entry into the struggle of the «little man» with representatives of the privileged classes assumed his active life position. Yuri Kondratyev went through several stages of this struggle, which was closely linked with the legal and political foundations of the state. In the beginning, he was a disenfranchised Swedish prisoner, in the position of almost slave to his master. Then he was a fugitive and a participant in the uprising of Stepan Razin. Further, there was new captivity, imprisonment, and he returned to the owner. Then he escaped one more time and entered the service as a clerk of the Ambassadorial order. Afterward, there was a trial in the Ambassadorial Order where Yuri got freedom under the imperial decree. Next, there was a new arrest, new release, with confirmation of a scribal. He also obtained freedom to his wife and son.

Key words: captivity, servility, Ambassadorial order, Petition order, social status, precedent law, legal personality, Kexholm county, Olonetsky district

Отложившиеся в российских архивах материалы XVII в. крайне редко описывают судьбу «маленького человека». Поэтому такого рода источники вызывают немалый интерес у исследователей – они публикуются и внимательно изучаются. Особенно интересен взгляд на данные редкие документы с точки зрения общеисторической проблематики о роли личности в истории, и в том числе такой ее стороны, как правовое положение человека, правоспособность личности на разных этапах исторического развития.

Для примера сошлемся на две публикации в сборнике научных статей, посвященном истории России XIV–XVII вв. В первой О.Ю. Куц приводит материалы о «крестьянстве» донских казаков братьев Фомы и Калины Севастьяновых (21 документ) во втор. пол. 1650-х – начале 1660-х гг.;

во второй публикации – В.К. Зиборова – рассмотрены документы судебного дела 1656 г., которое определяло право однодворцев села Зорина на земли по р. Псёл¹. Вместе с тем, избранный нами для анализа источник описывает судьбу мальчика четырех лет от роду, проживавшего в России (который даже имени своего «не упомнит»), плененного около 1656–1657 гг. русскими войсками в Кексгольмском лене Швеции. Проблема плена, положение военнопленных в начале эпохи Нового времени рассматривалась в российской историографии в основном на примере Северной войны России со Швецией; конечно, при этом основное внимание уделялось военнопленным-взрослым².

Наконец, данные анализируемого источника в сопоставлении с другими архивными материалами дают возможность тесно связать их не только с военно-политической историей страны, но и с социально-политическими противоречиями (на примере крестьянской войны под руководством Степана Разина) и эволюцией правовой системы страны, а также с борьбой придворных группировок за власть в первые годы царствования Федора Алексеевича.

Итак, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) сохранилось судебное дело, озаглавленное архивариусом так: «1675 г., мая 16. Дело об освобождении из кабального холопства уроженца города Корелы Юрия Кондратьева с семьей, взятого малолетним в плен»³. Сразу укажем, что дело неполное, т.е. все перипетии долгого судебного разбирательства в нем отсутствуют, но главные все же имеются, и известен его результат. Кроме того, его документы подтверждаются другими независимыми источниками, что, несомненно, доказывает высокую достоверность анализируемого корпуса документов судебно-следственного характера.

Судебное дело, которое вел Посольский приказ в 1675–76 гг., началось с челобитной некоего Юрия Кондратьева на имя царя об освобождении его от кабального холопства; приблизительная датировка – не позднее 15 мая 1675 г. – установлена по сопроводительной надписи (помете на обороте): «183-го году 15 мая. Поставить и допросить и велеть положить подлинную крепость». В челобитной Юрий пишет, что он, будучи малолетним, был захвачен в плен под городом Корелой (так в России продолжали именовать Кексгольм, ныне Приозерск), и попал в неволю к Ивану Ларионову, сыну Пятого. Но в 1661 г. вышел царский указ об извещении Челобитного приказа о всех шведских пленных для их полного учета. Сам же Иван Пятый не известил приказ, и его не отпускал, «а держит у себя и кабалит неволею»⁴.

Разбирать челобитную Юрия поручили Посольскому приказу, т.к. именно здесь были сняты показания с Ивана Пятого «против сего челобитья», видимо, и помета на обороте жалобы Юрия также появилась здесь. А Иван показал, что «в прошлых годах он был на государевой службе на Олон-

це» вместе со своим братом Кондратием, и вот именно к Кондратию солдат Сямозерской волости Ивашка Бессонов привел «нахожного малого», (т.е. ребенка-найденыша) и сказал, что «нашел ево на дороге покинута». Кондратий взял мальчика себе и «крестил его, наречен Юрием», «вспоил и вскормил <...> и выучил грамоте». Впрочем, Иван не знает, записал ли Кондратий Юрия в приказе Холопьего суда. Затем, по разделу с братом Юрка попал к нему, к Ивану, но сбежал от него на 5 лет, а был пойман уже на юге в 1670–71 г. во время похода стольника и воеводы кн. Ивана Васильевича Бутурлина «против воровских казаков» и возвращен Ивану. «А в нынешнем 183 году (1674–75 г.) Юрка, обокрав его, вновь сбежал с его московском двора». Между тем имя Юрки записано в Раздельной грамоте его с братом. На обороте показания имеется подпись Ивана Пятого⁵.

Достоверность сведений обоих документов нуждается в проверке. Такую возможность предоставляют независимые источники. Во-первых, это «Сметные и поместные списки доходов и расходов Олонца и Заонежских погостов» на 165 год, т.е. бюджет Олонецкого у. 1656–57 г. В части расходов отмечено годовое жалованье стоящим на Олонце «полковнику Вальтеру Кормихелю и его полку иноземцам и русским начальным людям», в т.ч. по 7 рублей в месяц капитанам Ивану и Кондратию Пятого⁶. Полностью подтверждается их служба на Олонце в «полках нового строя».

Надо сказать, что в Олонецком у. было развернуто три таких полка. Первый и второй полки являлись пехотными (солдатскими) полками во главе с полковниками Александром Гамильтоном и В. Кормихелем. В 1656–57 г. появился третий, рейтарский (кавалерийский) полк, возглавляемый, полковником Томасом Краффертом. Все три полка участвовали в походе на Корелу в 1656–57 гг. Но из того же бюджета известно, что из полка Кормихилия под Корелу ходили только 888 солдат, а остальные стояли заставой в Погранкондушах и на Олонце⁷. Поэтому нет ничего удивительного в том, что солдат-сямозерец доставляет офицеру своего полка найденыша. Как видим, достоверно совпадают и время, и место, и персоны. Но вернемся к судьбе Юрия и его правовому статусу.

Во-первых, становится понятно, почему у Юрия появилось отчество Кондратьев – по имени его крестного отца капитана Кондратия Пятого (таков был обычай при перекрещивании в православии). Во-вторых, это крещение иностранца в православии означало, причем однозначно, что он теперь становится подданным русского царя. Более того, русско-шведское Валиесарское перемирие 1658 г. запрещало выдавать шведам православных, этот пункт подтверждался затем Кардисским мирным договором 1661 г. В Швецию отдавались только те шведские пленными, которые не пожела-ли перекрещиваться. Поначалу обменом пленными занимался Разрядный приказ (главное военное ведомство России), но в 1659 г. эту работу царь

возложил на Посольский приказ⁸. Очевидно, именно поэтому челобитная Юрия была передана на разбирательство в Посольский приказ.

Обмен пленными проводился в т.ч. и через Олонек, то есть на глазах капитана. Кондратий и Иван Пятого оставались капитанами своего олонекского полка и по уездным бюджетам 1657–58 г., 1658–59 г. и 1659–60 г.⁹ Очевидно, в эти годы обмена пленными Юрия и крестили, поскольку окрестив мальчика, Кондратий полностью лишил его возможности вернуться на родину. Впрочем, капитан о нем заботился. Более того, он не записал Юрия в книги приказа Холопьего суда, т.е. оставил свободным человеком, своим воспитанником, – а вполне мог бы его «похолопить».

Кстати, насчет записи в холопьи книги: Иван Пятого не мог открыто лгать следствию, ответить лишь, что не знает об этом. Дело в том, что холопское состояние – это тоже правовой статус, который регулировался законодательством (прежде всего, Главой Двадцатой «Соборного уложения 1649 г. »). Поэтому все хозяева холопов в России были обязаны записать их имена в книги Холопьего суда¹⁰. И поэтому же откровенная ложь И. Пятого легко была бы разоблачена отсутствием имени Юрия в документации этого приказа.

Неизвестно, почему при разделе имущества между братьями Юрий попал к Ивану Ларионову. По существу, с Юрием поступили как с движимым имуществом. Но, очевидно, он остался недоволен изменением в судьбе и сбежал. Куда? Он прибился к донским казакам Степана Разина и участвовал в их восстании, но был вновь пленен в 1670–71 гг. Можно ли это проверить? Поход И.В. Бутурлина против «воровских казаков» действительно имел место, причем именно зимой 1670–71 гг. Так, в декабре 1670 г. из Москвы пришло предписание, чтобы посланные для подавления разинцев воеводы Долгорукий, Хитрово и Бутурлин «промысл чинили все за одно», т.е. тесно координировали свои действия. Такая тактика принесла успех, и от разинцев было очищено волжское правобережье (пензенские и тамбовские места)¹¹. Юрия не казнили, а поместили в тюрьму и в конце концов отослали обратно к Ивану Пятому. Но он не сдался и вновь сбежал от своего «хозяина», теперь уже написав челобитную на имя царя.

Мотивы этого поступка раскрывает сам Юрий, который пришел в Посольский приказ на разбирательство и оставил собственноручно подписанные показания – «расспросные речи». По его словам, он родом из города Корелы, пленен солдатами, и не помнит, кто его родители, какого города солдаты и продали ли они его Кондратию или просто «поступились». Но он твердо знает, что Кондратий не записал его в книги Холопьего суда. Далее, когда Юрий «остался за Иваном», тот насильно женил его на своей «старинной девке Анютке» (очевидно, дворовой прислуге в холопском

состоянии), а бежал от Ивана потому, что тот хотел его «покабалить силою»¹². Кабала – это правовой акт, согласно которому берущий займы поступал в холопы заимодавцу, покада не будет выплачен весь долг; это называлось кабалным холопством.

И челобитье на царское имя, и разбирательство в могущественном Посольском приказе, и взятие у Юрия показаний – все это говорит о вполне законном юридическом процессе, который, как теперь очевидно, мог инициировать «маленький человек» – не просто незнатный, но вообще не имеющий кровнородственных связей в стране, на которые можно хоть как-то опереться, человек с крайне низким социальным статусом, к тому же прямо замешанный в крупнейшем антиправительственном выступлении. При этом сам Юрий смог некоторое время противиться закабалению, находясь в крайне зависимом положении от дворянина И.Л. Пятого, у которого он жил.

И вот теперь делом «маленького человека» занимается Посольский приказ, который в 1675 г. возглавляли крупнейший дипломат и «любимец царский» боярин Артамон Сергеевич Матвеев и думный дьяк Григорий Богданов, оба члены Государевой Думы. На этом высшем правительственном уровне и решалась судьба Юрия, именно они и вынесли свой приговор по делу¹³. Вначале они сняли показания с брата Ивана Кондратия, который повторил сведения о пленении Юрия, но сказал, что и сам был тогда под Корелой (а не в Олонце)¹⁴. Затем посольские выяснили общее положение с бывшими шведскими пленными. Оказалось, что при отъезде в Швецию ее великие и полномочные послы не оставили в Москве никакого «королевского дворянина» для розыска и возврата шведских подданных. И поэтому 21 июля 1674 г. мог быть принят царский указ о передаче всех холопов – бывших шведских пленных – прежним владельцам: не давать воли тем, кто уже холоп или крепостной. И именно по этому же указу плененный разинец Юрий Кондратьев был возвращен Ивану Пятому по челобитью последнего¹⁵.

Таким образом, между 1671 и 1674 г. Юрий находился где-то в заключении, что подтверждают сведения Ивана Ларионова о 5-летнем отсутствии у него Юрия, сбежавшего, следовательно, в 1669 г. Попутно посольские выяснили, что, вопреки жалобе Юрия, Иван все же подал на него челобитную в Челобитный приказ в марте 1675 г., узнав там у подьячего, которому «приказаны полоняночные книги», что до нового указа царя холопам и крепостным велено жить за своими господами¹⁶.

Но Посольский приказ не удовлетворили вроде бы законные действия по возврату Юрия Ивану, поскольку оставался невыясненным самый важный юридический пункт: имелась ли на Юрия кабала или «крепость»? И выяснилось, что оба брата Ларионовы Пятого «крепостей они на него, малóго

Юрия никаких не положили, а сказали, что он им крепок толко по крещению и женат на старой девке, а в приказах нигде не записан»¹⁷.

Тут ясно проявилась одна из основных черт юридического строя России – право прецедента. Оказалось, что в таком положении Юрий не был первым и по аналогичному случаю даже состоялся отдельный царский указ: «В нынешнем во 183 [1674/75] году по указу Великого государя и по помете на деле дьяка Емельяна Украинцова освобожден от Ивана Сербина свейского ж полону малой Васка Миколаев для того, что он, Иван, на того малго крепостей никаких не положил. И дана ему (Василию. – А.Ж.) воля, где он жить похочет»¹⁸. Дьяк Украинцев, кстати, также входил в руководство Посольского приказа и, следовательно, участвовал в суде¹⁹, очевидно, что он и обратил внимание боярина Матвеева на этот прецедент.

В результате 3 июля 1675 г. боярин А.С. Матвеев вынес свой приговор по делу: «приказал иноземцу Юрию Кондратьеву дать волю, и от Ивана Пятого его освободить, потому что не положил он, Иван, на него никаких крепостей, и дать ему волю, где он, Юрка, жить похочет»²⁰.

Казалось бы, судьба Юрия определилась. После суда он нанялся в слуги к подьячему Посольского приказа Кузьме Нефимонову. Таким образом, теперь по любому делу Юрий был подсуден только Посольскому приказу. А Кузьма действительно служил здесь, что подтверждается другими источниками. Ведь Кузьма Никитич Нефимовов вовсе не остался одним из безвестных посольских подьячих. Уже при царе Петре Алексеевиче он достиг ранга царского посланника в Вену, где в 1696 г. он как уполномоченный России заключил с австрийским императором и Венецией наступательный и оборонительный союз против Османской империи на три года, который и вылился в Азовские походы Петра I²¹. Увы, нам неизвестно, как при карьере молодого подьячего протекала жизнь его слуги Юрия. Если он оставался при Кузьме и не умер, то весьма вероятно, что в зрелом возрасте (больше 50 лет) он повидал Вену. Правда, сразу после суда, в 1676 г. его судьба вновь чуть было не повернулась в худшую сторону. К тому же напомним, что его жена Анята, и как выясняется, сын Ивашка, все еще оставались за Иваном Пятого.

По смерти царя Алексея Михайловича 30 января 1676 г. братья Пятого нанесли неожиданный удар. 19 июля 1676 г. подьячий Кузьма Нефимовов подал челобитье против братьев на имя нового царя Федора Алексеевича. Оказалось, что Кондратий и Иван возобновили дело новой челобитной в Челобитный приказ, который арестовал Юрия, и теперь братья «против него замышляют». Но Юрка, – пишет Нефимовов, – освобожден и получил волю по суду, о чем имеется «Отпускная» Посольского приказа. К тому же он, Кузьма (а значит, и его слуга) «судом и правдою во всяких делех ведомы» только своему приказу – цитирует подьячий указ царя Алексея Михайло-

вича. Из Посольского в Челобитный приказ уже отослана «память» – выписка о суде, но там ее не принимают и «хотят без суда отдать Юрку Ивану». А сам Юрий Кондратьев «в полонных книгах» не записан ни за кем²².

К тому времени руководство Посольского приказа сменилось: новый состав возглавил думный дьяк Ларион Иванов, впрочем, дьяк Е. Украинцев удержался в руководстве²³. Дата подачи челобитной посольского подьячего – 19 июля – весьма примечательна: по нашему мнению, она связана с борьбой придворных группировок при новом царе Федоре Алексеевиче, которая обернулась для боярина А.С. Матвеева опалой.

Дело в том, что кроме главенствующих группировок Милославских и Нарышкиных, в Думах царей Алексея Михайловича и сменившего его на троне Федора Алексеевича присутствовали еще и так называемые «старые бояре» во главе с князем Юрием Алексеевичем Долгоруковым и Богданом Матвеевичем Хитрово: они придерживались близких им по сердцу старых порядков – «без комедий и балетов», которые стали входить в моду при дворе царя Алексея Михайловича. В области внешней политики они ратовали за ограничения связей России со странами Запада. В сфере внутренней политики эта старая знать сочувствовала старообрядчеству и даже спасла от смерти на костре небезызвестную инокиню-боярыню Феодору (Феодосию) Прокофьевну Морозову.

Поначалу именно эти «старые бояре» и взяли кратковременно главенство в Думе при юном царе Федоре. Так, уже 8 февраля 1676 г. глава «партии Милославских» боярин князь И.Б. Милославский получил указ уехать из Москвы на воеводство в Казань, т.е. удалялся от Двора в политическую ссылку. А немногим ранее, между 1 и 8 февраля А.С. Матвеев был отстранен от заведования Аптекарским приказом (по традиции, его возглавляли виднейшие члены Государевой думы), что прямо говорило о начале падения могущества его и в целом «партии Нарышкиных». Главой Посольского приказа он оставался до 4 июля, когда он попал в опалу; новым судьей приказа стал думный дьяк Илларион Иванов²⁴. Очевидно, что только после отставки А.С. Матвеева братья Пятого осмелились жаловаться вновь, а Челобитный приказ арестовал Юрия. (Напомним, дата подачи челобитной подьячим К.Н. Нефимоновым – 19 июля). Но к этой главной причине новой активности братьев добавились два важных обстоятельства, также связанных напрямую с приходом на вершины власти сторонников «старых бояр».

Во-первых, 1 февраля 1676 г. главой Челобитного приказа был назначен стольник Федор Прокофьевич Соковкин, родной брат боярыни Ф.П. Морозовой. Известно, что Б.М. Хитрово являлся двоюродным племянником Парфению Федоровичу – отцу Федора Соковкина и Морозовой, а кн. Ю.А. Долгоруков был женат первым браком на тетушке Г.И. Морозова

(мужа боярыни). Поэтому назначение Соковкина преследовало двойную политическую цель – и укрепление позиций ревнителей прежних порядков, и их власти в семейно-клановом отношении²⁵. Таким образом, глава Челобитного приказа Ф.П. Соковкин являлся креатурой «старых бояр». А братья Пятого в борьбе за Юрия Кондратьева, напомним, действовали через данный приказ.

Во-вторых, именно ближние бояре Ю.А. Долгоруков и Б.М. Хитрово посоветовали новому царю Федору Алексеевичу повысить в придворных чинах своих сторонников: в страпчие с ключом был пожалован Михаил Тимофеевич Лихачев, а в царские постельничие – Иван Максимович Языков; именно с данных назначений карьеры обоих пошли стремительно вверх по придворной и приказной лестнице чинов²⁶. В свою очередь, у этих ставленников «старых бояр», оказывается, имелась и своя креатура – брат Кондратия и Ивана Пятого «царский карла» (шут) Антип Леонтьев сын Пятого. Именно поэтому, например, в 1680 г. М.Т. Лихачев и И.М. Языков постарались приставить А.Л. Пятого к надзору за доходным ремонтом стен и башен Кремля и Китай-города²⁷. Для нас же данный сюжет интересен тем, что объясняет упорство, с каким Иван Пятого оспаривал судебный приговор могущественного Посольского приказа. Можно уверенно предположить, что через своего брата «карлу» Антипа Иван приобрел крепкий тыл среди чинов высшей государственной бюрократии – клана Языковых–Лихачевых.

Итак, с воцарением Федора Алексеевича, с опалой фаворитов Алексея Михайловича и с приходом к власти ретроградно настроенной старой боярской знати и следовавших за ними назначенцев, Иван и Кондратий Леонтьевы получили возможность на пересмотр невыгодного им приговора посольских. Напомним, что Посольский приказ возглавил думный дьяк Илларион Иванов, который, однако, был мало сведущ в посольских делах, поскольку ранее являлся дьяком приказа Большого дворца²⁸. Но в помощниках у него оставался опытный посольский дьяк Е.И. Украинцев.

Обособленность и высокий статус посольских дьяков, однако, заставили и их бороться за Юрия и даже за его семью с коллегами (м.б. единомышленниками) из Челобитного приказа и с братьями Пятого. К сожалению, мы не знаем, как именно Посольскому приказу удалось их отстоять, поскольку как раз документов об этом архивное дело не содержит. Зато известен победный для Посольского приказа результат судебного-приказного «сражения».

В Архиве древних актов имеется челобитная Юрия Кондратьева на имя еще прежнего царя с просьбой отдать ему жену и сына Ивашку. Здесь же имеется расписка от 5 августа (1676 г.), составленная Юрием в том, что в

Посольском приказе он «взял у Ивана Пятого свою жену Анютку и сына Ивашку»²⁹.

Итак, мы проследили, насколько было возможным, судьбу «маленького человека» Юрия Кондратьева. Оказалось, что во втор. пол. XVII в. при благоприятных обстоятельствах законодательство и его применение в судебно-правовой практике уже могли обеспечить защиту перед «сильными мира сего» даже социальное обездоленных лиц, не имевших в стране никаких родственных корней и никакой иной надежды, кроме как на верховную власть. В целом пример судеб Юрия Кондратьева и его «товарища по несчастью» Василия Николаева свидетельствует, что в это время Россия действительно переходила к порядкам Нового времени, постепенно отрешаясь от жестких феодальных установлений и порядков прежних веков.

Примечания:

- 1 Статья написана в рамках плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.
- 2 Куц О.Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фому и Калины Севастьяновых конца 50–начала 60-х гг. XVII столетия // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева / Отв. ред. А.П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 437–463; *Зиборов В.К.* Из родословной русского однодворца // Там же. С. 474–483.
- 3 *Дуров И.Г.* Положение российских и шведских военнопленных в период Северной войны 1700-1721 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 1–14; *Козлов С.А.* Русские пленные Великой Северной войны 1700-1721 / Отв. ред. З.В. Дмитриева. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011.
- 4 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 1–23. – Приказные дела новой разборки.
- 5 Там же. Л. 2–2об.
- 6 Там же. Л. 3–3об.
- 7 Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. 197об., 198об. – Боярские и городовые книги.
- 8 Там же. 200об.–203об.
- 9 *Жуков А.Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2003. С. 221–224.
- 10 РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 245–246, 295–295об., 351–351об.
- 11 Соборное уложение 1649 года. М.: Изд. МГУ, 1961. С. 237–264.
- 12 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1991. Кн. VI. Т. 11. С. 304.
- 13 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 4.
- 14 Там же. Л. 9–10.
- 15 Там же. Л. 5.
- 16 Там же. Л. 5, 9–10.

- 17 Там же. Л. 7–10.
- 18 Там же. Л. 6.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Л. 9.
- 21 Там же. Л. 10, 19–21.
- 22 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. VII. Т. 14. С. 524.
- 23 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 12–13, 18.
- 24 Там же. Л. 15.
- 25 *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 201, 207–213.
- 26 Там же. С. 202–203.
- 27 Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. (Очерки истории). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 412.
- 28 *Седов П.В.* Указ. соч. С. 529.
- 29 *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. С. 217.
- 29 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 22, 23.

УДК 94:93 (=391, 394)

ФЁДОР ТУМАНСКИЙ – ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ

Александр Иванович Терюков

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник*

aiter2006@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена описанию жизни и исследовательской деятельности писателя, историка, общественного деятеля Ф.О. Туманского, автора рукописного сочинения, посвященного Санкт-Петербургской губ. кон. XVIII в., которое является уникальным источником по этнографии и языку коренных малочисленных народов современной Ленинградской обл.

Ключевые слова. Ф.О. Туманский, история, этнография и лингвистика финно-угорских народов России, Ленинградская обл.

UDK 94:93 (=391, 394)

FYODOR TUMANSKY – KNOWN AND UNKNOWN

Aleksandr Ivanovich Teriukov

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian Academy
of Science, St. Petersburg, PhD in History. Senior Researcher*

aiter2006@yandex.ru

Abstract. The article deals with the description of research activity and life of the writer, historian, public figure F.O. Tumansky. He was the author of a manuscript work dedicated to the St. Petersburg province of the late 18th century. His book is a unique source on ethnography and language of indigenous peoples of the modern Leningrad region.

Key words: F.O. Tumansky, history, ethnography and linguistics of Finno-Ugric peoples of Russia, Leningrad region

Исследователи, которые занимаются историей, этнографией и лингвистикой народов Ленинградской обл., довольно часто ссылаются на уникальную неопубликованную книгу «Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии, включая народы и селения от времени древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями» Федора Туманского¹.

Данное сочинение Ф.О. Туманского входит в так называемое «Эрмитажное собрание» Российской национальной библиотеки и хранится в Отделе рукописей РНБ². Оно представляет собой рукопись, выполненную железистыми чернилами писарской скорописью. Местами присутствуют небольшие исправления другим почерком. Переплет – красный сафьян по картону с тисненым золоченым растительным орнаментом; в той технике сделана надпись «Описание Санктпетербургской губернии»; обрез – также золотой. Нумерация страниц сплошная, но с пропусками пустых страниц. На последней странице рукописи рукой библиотекаря И. Бычкова написано: «в этой рукописи триста сорок пять (345) листов и в начале – тринадцать (XIII) карт и таблиц рисунков». Хотя рукопись датируется 1789–1890 гг., вся статистические сведения в ней датируются 1784–1786 гг., иногда 1788 г. Археографическое описание рукописи было сделано Д. Альшицом³. Рукопись состоит из Введения и 5 отделений.

Во Введении автор пишет, что к созданию этого труда его подвигло то, что «Древность покрыта неведением, проникнуть в оную нет почти возможности, а обычаи древних толико же от нас сокрыты»⁴. Этим он обосновывает необходимость подобного исследования.

Первое отделение озаглавлено «История всей губернии вообще от древних времен до наших» и представляет собой большую историческую сводку со ссылками на русские летописи и исторические сочинения отечественных и зарубежных авторов. Содержание этого раздела показывает, что Ф.И. Туманский был достаточно образованным человеком.

Второе отделение – «Изображение губернии вообще в ее гражданском и естественном состоянии» содержит изложение истории образования губернии и ее уездов, данные общегубернской статистики, описание природы и природных богатств, дана словесную характеристику и др.

Третье отделение – «Описание каждого его уезда по рознь, содержащее историю города, число жителей уезда, торговлю и заводы и благосостояние». Здесь приведены описания Санкт-Петербурга, Шлиссельбурга, Новой Ладogi, Рождествено, Ораниенбаума, Кронштадта, Ямбурга, Нарвы, Луги, Гдова и их уездов.

Четвертое отделение состоит «в прибавлениях»:

а) «Краткий российский словарь ижорский, финский, естонский, чюдской и ямский», занимающий 5 разворотов книги. Он создал по образцу

многоязычного словаря П.С. Палласа, который был издан к этому времени Санкт-Петербургской академией наук⁵. Ф.О. Туманский судя по всему, был знаком с этой книгой.

Пятое отделение «Присовокупленные к сему описанию чертежи». Хотя согласно логике они должны были завершать рукопись или располагаться в разных отделениях, на самом деле они оказались в самом её начале; их всего 13.

1. Карта «Чертеж по древнему положению и разделению обитавших в нынешней Санктпетербургской губернии народов, сочиненной Федором Туманским. 1890 года. Рукопись. Бумага. Тушь, акварель⁶.
2. «Изображение некоторых украшений, Ижерами употребляемые». Бумага. Тушь.
3. «Чюдские мужские шапки». Бумага. Тушь, чернила.
4. «Изображение одежды чюдских девушек спереди и сбоку». Бумага. Тушь, чернила.
5. «Изображение Чюдской молодки в полном уборе». Бумага. Тушь, чернила.
6. «Изображение Чюдской молодки сзади». Бумага. Тушь, чернила.
7. «Чюдская молодка с боку». Бумага. Тушь, чернила.
8. «Одежда Чюдской женщины или третьяго возраста спереди и сзади». Бумага. Тушь, акварель.
9. «Вид Копорья XVII в.» Бумага. Карандаш. Надписи железистыми чернилами.
10. «Чертеж крепости Копорской, ныне брошенной». Бумага. Акварель. Черные чернила.
11. «Яма или Ямбург. Рисунок XVII в.» Бумага. Карандаш. Подписи чернилами.
12. «Старая Ладога. Рисунок XVII в.» Бумага. Карандаш. Подписи чернилами.
13. «Гербы городов Санктпетербургской губернии». Бумага. Акварель. Черные чернила. Эта таблица включает гербы Шлиссельбурга, Новой Ладоги, Рождествено, Ораниенбаума, Кронштадта, Ямбурга, Нарвы, Луги, Гдова.

Этнографическая часть этой рукописной книги была опубликована и прокомментирована эстонской исследовательницей Э. Эпик⁷.

«Чертеж по древнему положению и разделению обитавших в нынешней Санктпетербургской губернии народов...» является первой историко-этнографической картой региона⁸. В ней кроме географических названий даны этнические границы расселения различных народов, а так же исторические названия микрорегионов этой территории. На чертеже с помощью надписей показаны: Ладога (Нево-озеро), Варяжское море (Балтийское море),

Котлын Остров (о. Котлин), Котлыно Озеро (Финский залив), Пейпус, или Пейбас или Чюдское оз., Псковское оз., реки, города; названия территорий: Голлигардия, Копория или Копорская земля, Русь, или Гардарикия, Острогардия, Улмигардия, Хунигардия, Сомерская волость или пятина, Водская пятина; условными знаками – города, стрелкой – направление течения рек; цветом – границы и территории, населенные разными народами. Нанесены этнонимы: «Фины и Корелы свейские», «Биармия или Корела или Корелы Руские», «Естоны», «Ямы», «Чюди», «Ижеры», «Славяне», «Варяго». Здесь же мы видим и описание этнического состава губернии с элементами этнической истории: *«По достопамятным известиям находим, что прежде осьмого века нынешняя Санктпетербургская губерния населена была многолюдством и заключала в себе разные народы разного наречия, разного закона, разного правления, некоторые имели грады и веси, вели войны и торги по берегам Варяжского моря и за оным у берегов Дацких, Норвежских, Шведских, о чем все северные писатели согласно утверждают. Сии народы по местополодению разделить следует на три части 1е. вошедшие совсем в состав губернии Санктпетербургской, яко Ижоры, Ямы и Чюдь здешняя. 2е частью составляющие сию губернию, а частию к другим причисленные, таковы суть Славяне, Россы или Россиане, в том числе Воть и Копорьяне; Корелы, Финны, Эсты, Летты или Латыши. Примечать и то здесь должно, что историки Естов, Ливов, Ямов, Ижорян и прочих называли Руссами или Варягоруссами. 3е Прибылые переменою войн и торговлею привлеченные. Сии суть Немцы, Шведы или Свеи. Множество жителей в Санктпетербурге разные, породю, верою и языком не принадлежат сюда ибо суть временные и не составляют непременных обитателей; об оных упоминается при описании столичного и губернского города. Рассмотрим теперь, что нам известно по истории о каждом из сих. Ямы и Естоны и ныне от Россиян называются Чухонцами или Чухною, и некоторые ошибочно причисляют сюда Ижерцов, которые Россианами из сего названия исключаются; Финны и Корелы именуются Маймистами: но большая часть между Маймистами и Чухонцами никакого не делает различия прилагая наименования сии одному и другому народу попеременно. Чухонцы или Чухна, заступили кажется место древнего слова Чудь, однако же неправильно, как то впоследствии увидим, что Чюдь есть особенный народ; но от чего название Чухна, Чухонец произошло, оставим времени исследовать вернее. А Маймист значит то же, что селянин или земледел, от финского слова МА - земля, нива». В статье, озаглавленной «Руссы» сказано: «Руссы суть то же Россиане, но в древние времена дали различие в Новгороде, и за Новгород называли Славянами, а области Поморские и ко Пскову - Руссами, а оттого и Варягоруссы. О сих, как и о славянах, должно говорить в общей Российской истории».*

Ф.О. Туманский первым отметил существование двух разных этнографических групп ижор, одну из которых он назвал «ижоры», другую – «ямь», описал территории их расселения и этнографические особенности. Такое разделение данной этнической группы в литературе встречается только один раз, и только у Ф.О. Туманского. Кроме того, в его книге мы впервые видим подробное «Описание ижорской одежды и свадьбы, верований и суеверий».

Так кто же был автором этого замечательного сочинения?

«Федор Осипович (Иосифович, в некоторых источниках ошибочно Васильевич) Туманский (1757(?), село Родионовка Глуховского уезда Черниговской губернии – декабрь 1810 года) – писатель и переводчик конца XVIII века, корреспондент Академии наук и действительный член Российской академии»⁹.

Ф.О. Туманский происходил из семьи малороссийских казачьих старшин. Его отец – Осип Григорьевич Туманский (1732–1799) некоторое время был председателем Новгород-Северской уголовной палаты. Дядя, Василий Григорьевич, служил Новгород-Северским вице-губернатором. С 1764 г. он был одним из четырех «малороссов», членов т.н. Малороссийской коллегии (среди покровительствуемых им были А.А. Безбородко и П.В. Завадовский)¹⁰. Позднее Ф.О. Туманский посвятил П.В. Завадовскому оду¹¹.

В 1774 г., сразу после окончания Кенигсбергского университета, Ф.О. Туманский поступил на гражданскую службу на родине¹². В 1779 г. он занимал должность бунчукового товарища, позднее – коллежского асессора, секретаря в Глуховской казенной палате Черниговского наместничества. В ноябре 1782 г. получил чин надворного советника, что соответствует 9 классу «Табели о рангах». В 1785 г. являлся предводителем дворянства в г. Козельце.

Еще в г. Глухове Ф.О. Туманский попал в круг украинских (малороссийских) просветителей, в который входили Я.П. Козельский, И.Г. Туманский и др. К этому периоду относится его первое высказанное намерение написать историю Украины, в котором его поддерживал генерал-губернатор Малороссии П.А. Румянцев¹³. Иногда упоминается, что благодаря протекции П.А. Румянцева 2 октября 1779 г. Ф.О. Туманский был избран в члены-корреспонденты Санкт-Петербургской академии наук, после чего обратился к ее директору С.Г. Домашневу с предложением написать историю Украины и открыть в Глухове Академическое собрание, в фонд которого он собирался отдать свою «нехудую» библиотеку¹⁴. Этот замысел не был поддержан правительством, однако Ф.О. Туманскому все-таки посоветовали собирать материалы по истории Украины. Другая инициатива Ф.О. Туманского – наладить в Глухове книжную торговлю, также обсуждавшаяся в Академии наук, получившая положительный отклик, и здесь была открыта книжная лавка, в которой продавались академические изда-

ния. Ф.О. Туманский. был также членом-корреспондентом Королевского немецкого общества в Кенигсберге.

Позже он переезжает в столицу, где в 1787 г. назначается директором 1-й Экспедиции в Правлении Государственного заёмного банка. С 1789 г. – председатель в Приказе общественного призрения Петербургской губернии и в Комиссии о народных училищах, одновременно – депутат дворянства по Петербургскому у., член Комиссии о разборе дворянства. В 1790–1795 гг. – директор 3-й Экспедиции в Правлении Государственного заёмного банка.

В 1797 г. назначен гражданским цензором в Ригу¹⁵. Его цензорская деятельность принесла ему печальную известность. Ф.О. Туманский добился утверждения указа о разрешении ввозить иностранные книги в Россию только через Ригу, став, т. о., единовластным в России цензором ввозимых изданий. Взяв себе и своим сотрудникам за правило прочитывать все поступавшие из-за границы книги, он, прежде всего, навлек на себя неудовольствие многих книгопродавцев, уже 25 августа 1797 г. пожаловавшихся рижскому военному губернатору на угрозу разорения из-за задержки товара в цензурной конторе. Из числа наиболее известных противостояний на этой почве обычно упоминают дело пастора Ф.С. Зейдера. Он родился 8 февраля 1771 г. (по другим сведениям – в 1766 г.) в Кенигсберге, образование получил в *Kollegium Fridericianum* и в кенигсбергском университете, и в 1788 г. прибыл в Россию. В 1792 г. он был назначен пастором в Рандене, в Лифляндии, где, между прочим, вместе с соседними помещиками, создал небольшую библиотеку. В 1800 г. одна из книг этой библиотеки (первый том «Вестника любви» Лафонтена) затерялась на почте; в поисках ее Ф.С. Зейдер поместил в «Дерптских Ведомостях» объявление, которое и послужило поводом к обвинению ранденского пастора в том, будто в его библиотеке имеются «запрещенные и двумысленные» книги. По решению рижского цензора Ф.О. Туманского Ф.С. Зейдер был арестован, отправлен в Петроград, лишен пасторского звания, подвергнут телесному наказанию и сослан на каторжные работы в Нерчинск. Ссылка однако продолжалась недолго: император Александр I сейчас же по вступлении на престол помиловал Ф.С. Зейдера и назначил ему ежегодную пенсию в размере 750 руб.

В 1799 г. Туманский получил чин статского советника, а в 1801 г. был уволен в отставку. Умер в декабре 1810 г. (по другим данным – в 1805 г.). Похоронен на Глуховском кладбище.

В петербургский период своей жизни Ф.О. Туманский развернул широкую просветительскую деятельность. Он начинает заниматься переводческой деятельностью. Так, например, издает перевод Дионисия Катона «О благонравии» и книгу Палафета¹⁶. В его переводе в 1786 г. выходит вторая часть книги «Путешествие по разным провинциям русской империи»

П.С. Палласа. Публикует оду, посвященную императрице Екатерине II¹⁷. Кроме того, он стал, с одной стороны, подготавливать публикацию своих научных исторических сочинений, с другой, занялся изданием новых журналов, объединив вокруг себя группу писателей, ученых и переводчиков. Убежденный в общественной ценности семьи и воспитания, он издает один из первых в России детских календарей¹⁸. Помимо этого, в 1788 г. выходит в свет первый русский дамский журнал «Чтение для прекрасного пола» (была издана только первая часть)¹⁹.

В 1787 г. вышло оригинальное сочинение Ф.О. Туманского о Петре «Полное описание деяний его величества государя императора Петра Великого»²⁰. Но дальнейшее его издание было приостановлено, так как в Москве начали выходить «Деяния Петра Великого» И. Голикова. Вместо этого Ф.О. Туманский начал издавать подготовленное им десяти томное «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого»²¹ – сборник документов о Петре, извлеченных им из многочисленных архивохранилищ, а также их книжных источников. Этот труд Ф.О. Туманского пользовался успехом и в XIX в. В.Г. Белинский, сопоставляя «Собрание...» Туманского с новым изданием документов И. Голикова, отдал предпочтение первому, которое не потеряло свое значение и до сегодняшнего дня. В «Собрание...» вошли многие русские дипломатические депеши петровской эпохи, статья Г.-Ф. Миллера о его воспитании, первое описание А.С. Матвеева и С. Медведева стрелецкого бунта и т.д.

В 1789 г. Ф.О. Туманский напечатал патриотическое сочинение об Александре Невском «Созерцание славныя жизни святого, благоверного великого князя Александра Ярославича Невского»²². Просветительский характер этой небольшой книжки определен специальным обращением «К читателю»: *«Малый из истории Российския опыт да будет принят читателями в доказательство моего усердия к отечеству. Александр Невский заслуживает больше быть знаем соотчичами, нежели токмо по одной святости»*. Ф.О. Туманский превозносит Александра как «истинного России защитника», спасшего Отечество от «народов северных и литовцев и от поисков кичливого Папы». Величайшей его заслугой было отражение в 1240 г. шведов, которых Туманский именует «злобными врагами России», «всегда и от начала своего состояния». *«Нынешний шведский король, требовавший от России уступки территорий, должен был бы внимательно изучить бесславный опыт своего средневекового предшественника»*.

Особо хотелось бы отметить издательскую деятельность Ф.О. Туманского²³. В 1786–1787 гг. совместно с И.П. Богдановичем он издавал общественно-политический и литературный журнал «Зеркало света»²⁴. С 1792–1794 гг. выпускал первый русский исторический журнал «Российский ма-

газин». Благодаря его трудам журнал ежемесячно выходил в Петербурге в течении 1792 (сентябрь) – 1794 (февраль) гг. Вышло 3 части (18 номеров), без титульных листов, с вкладными таблицами и картами, с посвящением вел. княгине Марии Федоровне. Задачей журнала являлось собирание исторического, географического, этнографического и другого материалов для создания истории России («О намерении Российского Магазина», ч. 1). Печатались также историко-географические описания, сведения о народах, населяющих север России, исторические документы, выписки из старинных рукописей, описания родов Долгоруких, Строгановых, Салтыковых, Лопухиных, Воронцовых и т.д. Среди опубликованных Туманским документов наибольший интерес представляет так называемая «Летопись Малыя России», или «Летописец», – хроника Левобережной Украины, использованная Н.В. Гоголем в «Тарасе Бульбе», а также С.М. Соловьевым и др. историками. Многие статьи были написаны самим Ф.И. Туманским, например, подробное «Описание Санкт-Петербурга» (ч. 1–3). Им же составлялись пояснительные примечания к публикуемым материалам, словари (украино-русский к украинским документам. Ч. 2, март). Документы публиковались в основном без системы: ценные материалы (дневник П. Гордона, письма Ф. Прокоповича) чередуются с незначительными (запись дворцовых столовых расходов) и т.д.²⁵ Читателям предлагалось присылать примечания или толкования для помещения в журнале. В их числе было опубликовано донесение иркутского губернатора Адама Бриля под заглавием «Описание народов, находящихся около Якутска, Охотска и в Камчатке», написанное, судя по всему, около 1770 г. Они были вновь опубликованы и прокомментированы Т.К. Шафрановской²⁶.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что Ф.О. Туманский был одним из известных деятелей, просветителей, переводчиков екатериненского времени, который оставил большой след в отечественной истории. Его «Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии, включая народы и селения от времени древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями» представляет собой интересный краеведческий источник, выполненный на довольно высоком методологическом уровне. Остается только сожалеть, что он не был опубликован в свое время, что позволяет поставить вопрос о причинах этого. Можно предположить, что труд Ф.О. Туманского не увидел свет из-за издания книги И. Г. Георги о Санкт-Петербурге²⁷. Но при внимательном рассмотрении и сравнении этих двух сочинений можно сказать, что это совершенно разные книги. Труд И. Г. Георги дает описание только столичного города, в то время как исследование Ф.О. Туманского намного шире, в нем содержится описание всей губернии.

Примечания:

- 1 См., например: *Овсянников О.В.* Копорье: Историко-архитектурный очерк. Л.: Лениздат, 1976; Мы живем на одной земле: население Петербурга и Ленинградской области / Сост. и науч. ред. К.В. Чистов. СПб.: Лениздат, 1992; *Шевченко А.* Ям-Ямгород-Ямбург-Кингисепп: (Историко-краеведческие очерки). СПб.: Химиздат, 2007; История и культура Ленинградской земли с древнейших времен до наших дней / Под общ. ред. С.А. Лисицына. 4-е изд. СПб.: Специальная Литература, 2009.
- 2 РО РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 558. – «Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии, включая народы и селения от времени древних до ныне, расположенный на три отделения с прибавлениями». Сочинение написано автором в 1789–1790 гг.
- 3 *Альшиц Д.Н., Шапот Е.Г.* Каталог русских рукописей Эрмитажного собрания / Ред. С.М. Бабинцев. Л., [б.и.], 1960. С. 147. Вообще это машинописная копия, размноженная ротопринтом и переплетенная в твердую обложку.
- 4 РО РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание). № 558. С. 17.
- 5 *Паллас П.С.* Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранных десницею Высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая. СПб.: Тип. Шнора, 1787; Часть вторая. СПб.: Тип. Шнора, 1787.
- 6 Впервые в оригинале опубликована: Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О.М. Фишман (науч. ред.), М.Л. Засецкая, Г.А. Исаченко, Л.В. Королькова, О.А. Красникова, А.И. Терюков и др. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2017. С. 170.
- 7 *Õrik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj lopul. Etnograafi lisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn: Valgus, 1970. См. рецензию на эту книгу Н.В. Шлыгиной // СЭ. 1972. № 4. С. 185–187.
- 8 *Высочков Л.В.*: 1) Историко-краеведческие работы Ф. Туманского: («Топографические описания» Петербурга и губернии кон. XVIII в.) // Источниковедческие и историографические вопросы отечественной истории XVI–XVIII вв.: Сб. науч. трудов: памяти проф. В.Б. Кобрин / Под ред. А.А. Севастьяновой. Мин-ство науки, высшей школы и технической политики РФ, Ярославский ГУ. Ярославль, 1993. С. 163–177; 2) Ф.О. Туманский как историк Петербурга // Петербургские чтения-95: Мат-лы науч. конф., 22–26 мая 1995 г. / Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга. СПб.: [б.и.], 1995. С. 212–215.
- 9 Туманский Федор Осипович // Большая Энциклопедия: В 62 т. Т. 52 :Треченто – удмурты / Гл. ред. С.А. Кондратов. М.: Терра, 2006. С. 286.
- 10 *Милорадович Г.А.* Родословная книга черниговского дворянства. [В 2-х т.] СПб.: Губ. тип., 1901. Т. 2. URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/f-tumansky.html>; *Белашов В.И.* Историографическое наследие Гетманщины 1708–1782 гг. // История и археология. 2015. № 7. URL: <http://history.snauka.ru/2015/07/2286>

- 11 Туманский Ф.О. Его превосходительству милостивому государю Петру Васильевичу Заводовскому /Ода/. СПб., 1791.
- 12 ИРЛИ РАН. Ф. 265. Оп. 2, № 4071. Л. 1. – Письмо П.Я. Литвиновой в редакцию журнала «Русская старина» от 9 авг. 1875 г.
- 13 Об этом он сам упоминает в издаваемом им журнале «Российский Магазин». 1792. Ч. 2. Март. В 1791 г. он посвятил оду «Его светлости, князю Григорию Александровичу Потемкину, Таврическому милостивому государю».
- 14 Здесь между различными авторами существует разногласие. Дело в том, что в списке лиц, избранных в члены Академии наук в 1779 г., значится только один Туманский – Федор Васильевич. И это единственный Туманский, принятый в члены-корреспонденты Российской академии наук с 1724 г. по настоящее время.
- 15 РГИА. Ф. 1349, Оп. 4, 1798, Д. 31. – Формулярные списки чиновников Рижского цензурного комитета за 1798 г; *Каратыгин П.П.*: 1) Цензура времен императора Павла I. 1796–1801 // Исторический вестник. 1885. Т. 22. № 10. С. 151–160; 2) Деятельность Рижской цензуры как проявление цензурной политики самодержавия в царствование Павла I // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2011. Вып. 12. С. 13–19.
- 16 *Катон Дионисий*. О благонаравии. Творение Дионисия Катона, вольное переложение Федора Туманского. СПб.: Печ. в письменопечатне И.К. Шнора, 1791; *Палафет*. Палафета греческого о невероятных сказаниях. Переложил и примечаниями своими изъяснил Федор Туманский / Иждивением И.К. Шнора. СПб., 1791.
- 17 Туманский Ф.О. На всерадостный день рождения её императорского величества государыни Екатерины Вторья. Апреля 21 день 1791 года. СПб., 1791.
- 18 Новый детский месяцеслов. С краткой историею, географиею и хронологиею, всеобщою и российскою; и примечаниями из астрономии. Соч. Федор Туманский. СПб.: Печ. у Вильковского и Галченкова, 1787.
- 19 *Алексеева Н.Ю.* Туманский Ф.О. // Словарь русских писателей XVIII века. Т. 3. (Р-Я) / Отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 2010. С. 280–286.
- 20 Полное описание деяний его величества государя императора Петра Великого, сочиненное Федором Туманским. Ч. 1. СПб.: Книгопечатня Шнора, 1788.
- 21 Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, изданное трудами и иждивением Федора Туманского. Ч. 1–10. СПб.: Печ. у Шнора, 1787–1788.
- 22 Созерцание славныя жизни святого, благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. Писал Федор Туманский. СПб.: Печ. у Шнора, 1789.
- 23 *Семенников В.П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины. СПб.: Тип. Сириус, 1914. С. 123–126. (Публикация двух писем Туманского).
- 24 *Мочалина Н.В.* «Зеркало света» Туманского (1786—1787 гг.) в историко-литературном контексте последней четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005.

-
- 25 *Неустроев А.Н.* Описание редкого ныне журнала «Российский магазин», изданного в 1792–1794 гг. Ф. Туманским / Чл.-сотр. СПб. археол. и чл.-кор. Моск. археол. о-в А.Н. Неустроева. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1874; Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник. М.: Гос. изд-во Полит. лит., 1959.
- 26 *Шафрановская Т.К.* Народы Камчатки и прилегающих островов (Известие 1770 года) // Страны и народы Востока. Вып. VI. / Ред. Д.А. Ольдерогге. М.: Изд-во восточной лит-ры. С. 61–67.
- 27 *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оною, с планом: В 3 ч. / При Имп. Шляхетном сухопут. кадет. корп. СПб., 1794.

УДК 39

ПОРЯДОК ПРОЖИВАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.

Татьяна Алексеевна Шрадер

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник*

Аннотации. В данной статье рассматривается историко-этнографический аспект пребывания иностранных граждан в столице и других городах России на рубеже XVIII–XIX вв. Согласно Указов России и других документов этого периода иностранцы, не принявшие подданство российского государства, должны были выполнять правила «Управы благочиния» и других государственных документов. Это касалось в основном купеческого и служилых (в том числе деятелей науки и культуры, художников ремесленников) сословий. Люди знатного происхождения – военные, медики, профессора, архитекторы и др. освобождались от исполнения правил. Особенно строгие порядки в городах были в период военных действий между Россией и Францией. Правила касались, прежде всего, въезда и выезда из страны. В России, особенно в Санкт-Петербурге, вёл чёткий учёт количества иностранных граждан, проживавших там.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, иностранцы, порядок проживания

UDK 39

REGULATING THE RESIDENCE OF FOREIGNERS IN SAINT-PETERSBURG AT THE TURN OF THE 18th – 19th CENTURIES

Tatiana Alekseevna Shrader

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), Russian
Academy of Science, St. Petersburg, PhD in History, Senior Researcher*

Abstract. In the paper, the author reviews the historical and ethnographical aspects of the foreign citizens living in the capital and other city and towns of Russia during the period of the late 18th- early 19th centuries. According to the Regulations in Russia in this period the foreigners who had not become Russian citizenship had to carry out rules of governmental “Uprava Blagochiniya” and other State Documents. It concerned merchants, handicraftsmen, painters, and other working groups. People of noble professions -military officers, doctors of medicine, professors, architects, and other of the same groups were free of these rules.

Especially strict rules in Russian cities were in the period of war between Russia and France. The regulations concerned, above all, exit and entry into the country. In Russia, especially in Saint-Petersburg, a clear account of the number of foreign citizens who lived there was led.

Keywords: Saint-Petersburg, foreigners, regulations of residence

Одним из мало изученных историко-этнографических аспектов пребывания иностранного населения в Петербурге были правила их проживания. Лица иностранного происхождения в России в кон. XIII – нач. XIX в. подразделялись на принявших русское подданство и не принявших его, и люди, не имевшие российского подданства именовались в полицейских отчётах «иностранцами»¹.

В кон. XVIII в. в России был издан ряд указов, которые приравнивали иногородних и иностранных лиц к гражданам российских городов. 21 апреля 1785 г. была опубликована «Грамота на право и выгоды городам Российской Империи», в которой указывались правила – «наставления для сочинения и продолжения Городовой обывательской книги»². Согласно этому указу все находящиеся в России иностранные купцы, принявшие российское подданство, пользовались всеми правами российских граждан. Иностранные купцы, записавшиеся в купеческие гильдии России, но не принявшие подданства, обязаны были платить «подати»³. Иностранцам предоставлялись значительные права, а именно: они могли свободно исповедовать свою веру, а при наличии в городе 500 и более семей иностранного происхождения, разрешалось иметь в городском магистрате равное с русскими количество выборных бургомистров и ратманов, при этом «судить всякие дела» как на русском, так и на иностранном языках⁴. Что же касается ремесленников, то они должны были записаться в ремесленные цеха, где иностранцам предоставлялись равные с российскими гражданами права. В указе также говорилось, что «кто ремесленный или иногородний или чужестранный пожелает в городе записаться в Управу, то он должен представить или письменное свидетельство от Управы города, или же работу своего ремесла для свидетельства»⁵. Указанный документ касался всех городов Российской империи.

Несколько позднее, в сентябре 1798 г., был принят «Высочайше утверждённый устав столичного города Санкт-Петербурга»⁶ также с целью учёта всех российских и иностранных купцов и ремесленников. В нем было высказано требование к иностранным купцам, торговавшим в петербургском порту, чтобы они записывались в гильдии и «тогда уже по мере объявленного ими капитала пользовались всеми выгодами тех гильдий, к коим принадлежат они, и нести все гильдейские повинности»⁷.

Однако находящиеся в России иностранцы после выхода этих указов были либо недостаточно осведомлены о них, либо не желали нести опре-

делённые, связанные со вступлением в гильдии или цеха обязательства. Они часто уклонялись от выполнения предписанных правил. В ноябре 1806 г. была опубликована запись в «Проекте определения городской думы обще с депутатским собранием», состоящем из 6 разделов, в котором указывалось, что «сочинение городской обывательской книги не приведено ещё к окончанию, и она не имеет полного сведения ни о числе обывателей, ни о состоянии их, так как находящихся здесь торгующие иностранцы не записаны в гильдии, ремесленники не внесены в цеха, а другие живут без всякого видимого упражнения, ремесла или должности»⁸.

В ноябре того же года был выработан ряд правил взятия на учёт иностранцев, проживавших в Петербурге, что диктовалось назревавшим конфликтом с Францией⁹.

Приехать в Россию иностранцы могли только по специальному паспорту и на указанный в паспорте срок, кроме того, визиты в Россию носили исключительно деловой характер. Прежде всего, проживавшие в Петербурге иностранцы должны были трижды напечатать о себе сведения в публичных ведомостях; с момента опубликования которых торгующие иностранцы в течение двух последующих месяцев должны были записаться в гильдии, художники и ремесленники – в цеха, люди, не имевшие определённых занятий, должны были представить учительство от «лиц благонадёжных, имеющих собственность, занимающих почётные должности». Вступление в гильдию или цех не означало принятие в подданство, так как они имели право выезда из России в любое время¹⁰.

Далее, иностранцы, записавшиеся в гильдии и цеха, получали «печатные виды» за подписью трёх лиц: купцы и мещане – от депутатского собрания, художники и ремесленники – от цеховых управ, и лица, не записавшиеся в гильдии и цеха, но предоставившие поручительства, имели право проживать в Петербурге не более шести месяцев. При необходимости задержаться на более долгий срок, они могли продлить своё пребывание в городе только всего один раз¹¹. Получив от депутатского собрания городской думы или цеховой управы «печатный вид» иностранное лицо должно было в трёхдневный срок явиться в Управу, чтобы там занести своё имя в Городовую книгу, указав на представленном печатном виде регистрационный номер¹². Для исполнения вышеупомянутых требований «Управа благочиния» требовала от частных приставов соблюдения указанных правил для всех приезжих в Петербург иностранцев, являвшихся к приставам с паспортами. Все прибывшие и иностранцы должны были записаться в гильдии или цеха в месячный срок¹³. Приезжавшие в Петербург лиц знатного происхождения – военные, доктора, медики, аптекари, должны были иметь на руках «свидетельство об их искусстве, науке и добром поведении». Исключение составляли профессора, академики,

архитекторы, скульпторы, музыканты, которые освобождались от обязательства объединяться в профессиональные группы¹⁴.

Каковы были причины, вынудившие власти Петербурга в 1806 г. сроч-но составить Городовую книгу?

В этот период обострились политические отношения России и Фран-ции: 16 ноября 1806 г. был опубликован Манифест о начале между ними военных действий¹⁵. Несколько дней спустя был издан царский указ о высылке из России всех французских подданных, не желавших принять российское подданство, а также о запрещении их въезда в Россию без па-спорта за подписью Министра Иностранных дел России, о прекращении торговых договоров с Францией, об учреждении Комиссии для разбора дел с иностранцами¹⁶.

Правила пребывания иностранцев в России на период военного вре-мени становились жёсткими:

- все подданные противной России стороны должны были покинуть Петербург и Москву в 10-дневный срок, указанный в паспортах.

-купцы, торгующие в России на протяжении 15 лет, профессеры, учё-ные, иностранные учителя, артисты, музыканты, представители других профессий, пожелавшие остаться, должны были дать присягу о «несноше-ниях с Францией» и их имена публиковались в местной печати. Домаш-ние учителя помимо присяги должны были получить поручительство от хозяина дома, где они служили.

Для исполнения указа в Петербурге и Москве были созданы комиссии в составе 5 человек: трёх от правительства и двух от Думы. Общение с иностранцами комиссия осуществляла с помощью переводчиков Колле-гии иностранных дел (приём посетителей комиссия вела с 8 до 14 час. дня и с 16 до 19 час. вечера).

Всем желающим остаться в России на период войны с Францией комис-сия выдавала виды на жительство, с которыми иностранцы должны были явиться в «Управу Благочиния». Они получали паспорта для выезда. Ес-ли иностранец оказывался без вида на жительство и без паспорта, с ним поступали «как вообще о бродягах постановлено»¹⁷.

Таким образом, на период войны с Францией русское правительство установило строгий надзор над иностранными подданными. Правила ре-гистрации прибывших в Россию иностранцев действовали на всей тер-риторию страны. Однако в каждом крупном населённом пункте были изданы указы, включавшие дополнительные требования, носившие ло-кальный характер.

Что же касается столицы, то 8 декабря 1808 г. в Петербурге был опубли-кован указ о правилах регистрации приезжавших в столицу гостей. Указ был издан на русском, французском и немецких языках и помещен на

здании обер-полицмейстера Петербурга и на всех съезжих домах¹⁸. В нем доводился до сведения приезжих иностранцев порядок оформления документов. Определив место своего проживания, иностранец должен был вручить свой паспорт хозяину дома, который относил его к надзирателю для внесения имени прибывшего в специальную книгу. Получив паспорт, приезжий относил его к военному губернатору или обер-полицмейстеру, где получал билет на проживание в столице. В течение 24 час. после получения билета квартальный офицер вносил номер билета и имя прибывшего в специальный журнал, который находился на съезде двора, квартального офицера можно было найти там же с 8 до 10 час. и от 17 до 18 час.¹⁹.

Еженедельно по понедельникам и пятницам с 17 до 19 час. обер-полицмейстер Петербурга принимал у себя *«иностранцев, коих поведение недозволительно известно, особливо тех наций, с коими Россия в войне состоит»*²⁰. Эту группу иностранцев полиция проверяла каждые 3 месяца; иностранцев, деятельность которых была известна, 6 месяцев. Если иностранец изъявлял желание выехать во внутренние районы России, ему необходимо было предъявить властям свидетельство от квартального надзирателя о том, что на него нет жалоб, у него нет долгов и показать билет. Только тогда он мог получить от военного губернатора подорожную, при этом заранее оплатив повёрстно лошадей по три копейки за прогон. Ему разрешалось выезжать из столицы, лишь совершив указанные формальности.

Оформление выезда иностранца в другую страну было значительно сложнее. Надо было опубликовать три раза своё имя и род занятий в газете в специальном разделе для отъезжающих. В случае, если не было «задолжностей», он получал об этом свидетельство от квартального и частного инспекторов. С ним и газетным приложением иностранец подавал просьбу военному губернатору о выездном паспорте. Последний сообщал просьбу иностранца Министру иностранных дел, который в свою очередь со списком желающих выехать за рубеж иностранцев «испрашивал на то соизволения Его Императорского величества»²¹. По получении разрешения императора паспорт иностранца передавали военному губернатору, и только тогда отъезжающему можно было получить его из канцелярии вместе с «подорожной» до границы. В случае, если иностранец выезжал морем, разрешение выдавалось Адмиралтейской коллегией²².

В этот же период происходили изменения в службе почтовой связи с заграницей. В 1806 г. русское правительство подготовило указ о правилах выписки иностранных журналов и газет. До этого времени значительная часть периодической печати приходила в Петербурге в пакетах вместе с присылаемыми по почте книгами, что было не в пользу почтового ведомства, ибо по закону иностранную периодическую печать надо было выписывать через почтамт. Проживавшие в Петербурге иностранцы стара-

лись избегать оплаты за выпуск газет и журналов законным путём, идя на разного рода ухищрения вроде использования газет и журналов в виде обёрток или прокладок книг²³. Поэтому власти за этот обман были вынуждены ввести штраф в размере 50 руб. в пользу приказов общественного призрения. Присланные в обход закона газеты или журналы отбирались. Правительство предоставило иностранцам срок в один год для оповещения своих корреспондентов о введении новых правил²⁴. В перечень журналов и газет, которые можно было выписывать из-за границы через почтамт, были включены самые разнообразные издания, посвященные вопросам культуры, науки, быта (всего 43 единицы на французском, немецком и английском языках). Далее в указе было определено, что *«все выше означенные журналы не прежде выдаются как по рассмотрению почтамтскою цензурою, и хотя многие из них по существу и именованию своему трактуют о науке и художествах, и тех не можно оставлять без рассмотрения по содержащимся иногда в них политическим статьям»*²⁵.

В этот же период были упорядочены цены на почтовые отправления. Так, по указу от 17 апреля 1807 г. всякое письмо весом в 1 лот (1/32 фунта, 14г) оплачивалось в зависимости от расстояния, на которое оно посылалось²⁶.

Таким образом, в кон. XVIII в. были введены определённые правила для иностранцев, проживавших в Петербурге, в Москве и других городах, а в первое десятилетие XIX в. в связи с ухудшением отношений между Россией и Францией, российскому правительству пришлось ужесточить правила проживания иностранцев в стране. Что же касается Петербурга, то правила регистрации иностранцев позволили вести точный учёт количества иностранных граждан, проживающих в столице России в тот период. В 1818 г. в Петербурге проживало 35 000 иностранцев: 23 612 немцев, 4000 французов, 2360 шведов, 1200 поляков, 900 англичан²⁷. Разные сословия жили бок о бок в одних и тех же кварталах и домах, но вели совершенно отличную друг от друга жизнь, говорили на разных языках, по-разному одевались.

Примечания:

- 1 Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX века. М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 20.
- 2 ПЗЗ / Сост. М.М. Сперанский. Соч.: В 50 т. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXII (1784–1788). № 16.187. С. 358.
- 3 ЦГИА СПб. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 432. Л. 3. – Об иностранцах, живущих в Санкт-Петербурге (протокол 12 ноября 1806 г.)
- 4 Там же. Л. 7; ПЗС. Т. XXII. С. 380.
- 5 ПЗС. Там же. С. 374.
- 6 ПЗС. Т. XXV. (1798–1799). СПб., 1830. № 18663.

- 7 Там же. С. 78.
- 8 ЦГИА. СПб. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 432. Л. 2.
- 9 Там же. Л. 4.
- 10 Там же. Л. 8, 8об, 9.
- 11 Там же. Л. 9 об.
- 12 Там же. Л. 9 об.
- 13 Там же. Л. 10 об.
- 14 Там же. Л. 11.
- 15 ПЗС. Т. XXIX.(1806–1807), СПб., 1830. № 22356. С. 865.
- 16 Там же. № 22371. С. 834.
- 17 Там же. С. 887.
- 18 Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 г. СПб., 1809. С. VIII.
- 19 Там же. С. VIII.
- 20 Там же. С. IX.
- 21 Там же. С. X.
- 22 Там же. С. XI.
- 23 ЦГИА СПб. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 437. Л. 3. – Относительно выписки иностранных газет и журналов.
- 24 Там же. Л. 3.
- 25 Там же.
- 26 Санкт-Петербургская адресная книга... С. XI.
- 27 *Копанев А.И.* Указ. соч. С. 20.

УДК 39; 069; 929

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ И «БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС» ГЛАЗАМИ А.К. СЕРЖПУТОВСКОГО (1864–1940)

Алена Алексеевна Михайлова

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, научный сотрудник ведущей категории

alena-muzej@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере биографических сведений об А.К. Сержпутовском и его трудов рассматривается проблема значимости объективных и субъективных факторов в работе этнографа. Поднимается вопрос о роли личности этнографа в процессе конструирования национальной модели. Обращение к феномену персонификации науки через персону исследователя в национальных парадигмах позволяет выявить смещение акцентов в объективной картине развития отечественной этнографической науки в нач. XX в.

Ключевые слова: этнографическое поле, конструирование национальной идентичности, музейное наследие, Белоруссия, Литва, Северо-Западный край

UDK 39; 069; 929

THE ETHNO-CULTURAL LANDSCAPE OF THE NORTH-WESTERN REGION AND THE “BELARUSIAN ISSUE” IN VISUALIZATION OF A.K. SERZHPUTOVSKY (1864–1940)

Alena Alekseevna Mikhaylova

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, PhD in History, Senior Researcher

alena-muzej@yandex.ru

Abstract. The article raises the problem of the importance of objective and subjective factors in ethnographer's practice on the example of A.K. Serzhputovsky's biography and works. The

author noticed the question of the role of an ethnographer in the process of constructing a model of national identity. Appeal to the phenomenon of personification of science through the figure of the researcher in the national scholarly traditions reveals a shift in emphasis of the objective picture of the Russian ethnography development at the beginning of the 20th century.

Key words: ethnographic field, construction of national identity, museum heritage, Belarus, Lithuania, North-Western region

Крах Российской империи обернулся для отечественной науки распадом единого научного поля, в рамках которого в кон. XIX – нач. XX в. развивалась и этнография. Последовавшее утверждение национальных научных школ сопровождалось их сопряжением с именами ученых, в чьих трудах особое внимание уделялось значимым явлениям для конструирования национальной идентичности¹. Так, своеобразной опорой белорусской этнографической школы стали личности тех ученых, в исследовательском фокусе которых прослеживалось особое внимание к феномену белорусской традиционной культуры, что было связано, прежде всего, с их происхождением из Северо-Западных губерний Российской империи. Однако научным инструментарием и методологией эти ученые, ставшие в 1920-е гг. «белорусскими», овладели в стенах различных образовательных и академических учреждений Российской империи, в том числе в императорских Московском, Санкт-Петербургском, Киевском, Варшавском университетах, Императорской академии наук, Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого, Русском музее императора Александра III, Императорском Русском географическом обществе (далее РГО) и др. К числу таких деятелей, олицетворивших собой становление белорусской этнографии, относятся Е.Ф. Карский (1860–1931), М.В. Довнар-Запольский (1867–1934), Н.А. Янчук (1859–1921), В.У. Ластовский (1883–1938) и др.

Видное место в этой когорте белорусская историография отводит и Александру Казимировичу Сержпутовскому (1864–1940), уроженцу Минской губ., чей путь в науку также лежал через российские императорские учреждения². Его первое соприкосновение с этнографией произошло еще в период обучения в Несвижской учительской семинарии (1881–1884), когда П.В. Шейн, собиравший по заданию Императорской Академии наук фольклорные и лингвистические материалы в Северо-Западном крае, сумел привлечь к этой работе юных семинаристов³. Тот давний опыт сформировал у А.К. Сержпутовского особое отношение к феномену народной культуры, однако заниматься этнографией профессионально он стал уже в зрелом возрасте, после переезда из Минска в столицу Российской империи⁴. В Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте А.К. Сержпутовский овладел основами источниковедения (1902–1904), а затем, работая в Этнографическом отделе Русского музея императора

Александра III (далее ЭО), публикуя свои материалы в «Живой старине» и участвуя в заседаниях Императорского Русского географического общества, он оказался погружен в полемическую среду, позволившую ему интегрироваться в научное сообщество и реализоваться в качестве этнографа-профессионала.

Результатом многолетней экспедиционно-исследовательской деятельности ученого стали музейные коллекции, опубликованные и неопубликованные научные труды, доклады, фотографические и архивные материалы по традиционной культуре населения Северо-Западного края, Юго-Западных губерний, Кавказа, Центральной России и Приуралья. Значительную долю этого наследия составляет основная масса публикаций и треть собранных им музейных коллекций, связанная с традиционной культурой белорусов. Это обстоятельство послужило основанием для закрепления за А.К. Сержпутовским амплуа «белорусского этнографа-фольклориста», получившее распространение в справочной и научной литературе с легкой руки его белорусских биографов⁵. Симптоматично, что именно авторы белорусского происхождения первыми написали биографические исследования о нем, до сих пор остающиеся единственными трудами, содержащими основные сведения о его жизни и деятельности⁶. В связи с этим следует отметить, что сам ученый действительно искренне сопереживал активизировавшемуся в 1918 г. белорусскому национальному движению, вместе с тем, вплоть до своей кончины в 1940 г., он проживал в Ленинграде и занимался не только белорусским вопросом, но и этнографией других регионов, в том числе Пермского края⁷. В результате белорусоцентристской подачи фигуры А.К. Сержпутовского как этнографа-профессионала, в научной литературе в качестве устоявшейся нормы встречаются, например, следующие высказывания: «вклад в кавказоведение внес белорусский этнограф и фольклорист Александр Казимирович Сержпутовский»⁸. Такая национально присваивающая подача заслуг сотрудника ЭО, предпринявшего действительно блестящую экспедицию в Дагестан в 1910 г., представляется не совсем корректной в контексте оценки успехов дореволюционного кавказоведения, поскольку белорусская научная школа на тот момент еще не институционализировалась.

Научно-этнографическая работа Сержпутовского определялась не только его личными интересами и пристрастиями, но и актуальными задачами, стоявшими перед музеем, в котором он работал. Важнейшей задачей на тот момент было комплектование фондов. Этим объясняется широкая география совершенных им экспедиций. Однако изучение материалов этих экспедиций и сформировавшегося по их результатам наследия до сих пор проводится в рамках разрозненных региональных исследований, в том числе в контексте исторической биографики РЭМ⁹. Takому положению

во многом способствует музейный принцип систематизации коллекций по названиям народов, заостряющий фокус на культуре отдельно взятой этнической группы вне общего собирательского контекста. По этим причинам целостная и объективная биография ученого еще не написана.

Точное количество этнографических экспедиций, совершенных А.К. Сержпутовским, сложно назвать из-за расхождения данных о них в сохранившихся документах. Общая география его путешествий хронологически представляется следующим образом: Минская (1906, 1907, 1910, 1918, 1923, 1925), Волынская (1907, 1912), Варшавская (1909), Седлецкая (1909, 1913), Виленская (1909, 1913), Люблинская (1913), Гродненская (1913), Витебская (1913) губ.; Дагестанская обл. (1910, 1911), Кутаисская (1912) губ., Туапсинский окр. (1912); Могилевская (1912), Рязанская (1915), Воронежская (1915), Курская (1915), Московская (1914), Пермская (1913, 1916, 1918, 1920), Вятская (1916), Уфимская (1917), Гомельская (1926, 1929), Псковская (1927) губ.¹⁰. Большинство экспедиционных выездов А.К. Сержпутовский совершил по поручению и на средства Русского музея, а также при поддержке уже упомянутых РГО, Русского Антропологического общества, Российской Академии наук, Российской Академии истории материальной культуры. Названные направления были обусловлены также мотивами личного характера, которые, несомненно, имели место, но о которых сохранилось крайне мало сведений. В частности, множественные поездки в Минскую губ. были связаны с тем, что там проживали ближайшие родственники и многочисленные знакомые этнографа, помнившие его по прежнему роду занятий – преподаванию в народных училищах (Слуцкий, Мозырский, Пинский у.), а поездки в Пермскую губ., по всей видимости, были обусловлены происхождением из этих краев его второй супруги – Параскевы Николаевны Бояршиновой (д. Осиновка Дубровского прихода Посадской вол. Оханского у.)¹¹.

Скудность источников личного происхождения не позволяет очертить весь круг социальных связей исследователя и объяснить субъективную сторону его этнографических маршрутов. Однако изучение нарративного наследия и сопоставление его с картой экспедиций не оставляет сомнений в том, что научные пристрастия А.К. Сержпутовского во многом подпитывались субъективными эмпирическими мотивами и стремлением к самопознанию. На это указывает не только его особое внимание к белорусскому Полесью, откуда ученый был родом, но и стремление к изучению историко-культурного ландшафта Северо-Западного края и его окрестностей как целостного ареала с присущими ему полиэтничностью, поликонфессиональностью, полилингвизмом, локальными особенностями, традициями, хозяйственным укладом. Путешествуя с экспедициями по Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской, Виленской, Седлецкой, Волынской,

Варшавской и Люблинской губ., помимо собирания этнографических памятников и фольклора, он концентрировал свое внимание на осмыслении общих, локальных и вариативных чертах наблюдаемых им явлений¹².

Фамилия Сержпутовских имеет корни в польском шляхетском роду герба Домброва, известном с пер. пол. XVII в.¹³ Этимологию фамилии связывают с происхождением ее от названия из местности Сержпуты (Sierzputy) в окрестностях подляшского городка Ломжи (Польша). Со временем, расселившись на восток, многие представители этой фамилии в силу политических, экономических и социальных причин утратили свою польскую идентичность. Семью А.К. Сержпутовского в нач. 1860-х гг. судьба забросила в среду белорусского крестьянства полесской части Слуцкого уезда, где его отец получил должность лесничего и обустроил небольшое хозяйство. А.К. Сержпутовский родился в 1864 г., спустя год после подавления Польского восстания, а его детство и юность совпали с периодом активной русификации западных окраин империи и, в то же время, подъемом белорусского самосознания. Образовательные и карьерные возможности на этой территории открывались лишь православному населению, поэтому, несмотря на то, что имена в семье А.К. Сержпутовского были традиционные польско-католические, сам ученый был православным¹⁴. Он владел белорусским, русским, польским и украинским языками¹⁵. На вопрос о социально-имущественном происхождении он отвечал в зависимости от обстоятельств, представляясь то безземельным крестьянином, то потомственным дворянином¹⁶. По всей видимости, принадлежность к шляхетской фамилии и стала причиной его особого внимания к изучению феномена «малой» или «застенковой» шляхты. Эти и другие нюансы указывают на то, что вопрос о собственной идентичности в контексте его времени, был для него был неоднозначным и выходил в своем определении за границы Полесской зоны. Стремление собрать воедино все интуитивно понимаемое им переплетение исторических, этнических, конфессиональных и прочих особенностей населения края приводило его к поиску Белоруссии как метаэтнической общности, органично сочетавшей в себе все локальные особенности. Этот императив и лег в основу многолетнего исследовательского интереса А.К. Сержпутовского к этнокультурному ландшафту Северо-Западного края.

Общее видение этого ландшафта он изложил в «Краткой программе для собирания этнографических предметов в Белоруссии», предложенной им ЭО в 1906 г.: *«По обилию лесов и болот, по качеству почвы и по главным занятиям местных жителей Белоруссию можно разделить на две части: Полевая – “Литва” и Полесская – “Полесье”. Само собой разумеется, что между “Литвой” и “Полесьем” нельзя проводить резкой границы: некоторые местности служат переходом от “Полесья” к “Литве”, иногда же среди*

глубокого “Полесья” попадают в виде оазисов полевые места и наоборот. Так как в “Литве” лесов и болот меньше, почва плодороднее, то и народонаселение здесь гуще и занимается по преимуществу земледелием, разведением для хозяйственных надобностей скота и промыслами. “Литвины”, благодаря сносным дорогам, скорее вошли в сношения с соседними народностями и приобщились к **общей культуре края** (выделено автором. – А.М.). Не то в “Полесье” – редкое народонаселение, деревни, поселки разбросаны посреди лесов и болот нередко на расстоянии 20–50 верст, дороги непроходимые; жители ведут замкнутый образ жизни, и некоторые проводят всю жизнь, не выезжая из родных мест...»¹⁷. Таким образом, А.К. Сержпутовский конструировал Белоруссию из двух природно-хозяйственных зон – «Литвы» и «Полесья», отмечая специфику последней на фоне целостности культурного ареала. Протяженность Белоруссии он соотносил со всеми шестью губерниями Северо-Западного края, отмечая при этом, что Минская, Могилевская и Витебская губ. представляют собой «коренную Белоруссию», а Ковенская, Гродненская и Виленская – «литовская ее часть», которая «была подвержена влиянию соседних иноплеменных народов и неблагоприятным историческим условиям»¹⁸. Таким образом, в понятие «Белоруссия» А.К. Сержпутовский вкладывал несколько иной смысл, чем обращавшиеся к его наследию исследователи втор. пол. XX в.

Очевидно, что использование А.К. Сержпутовским хоронима «Литва» также не соотносилось с этническими или лингвистическими факторами и применялось им для обозначения неполесской части Белоруссии. Население этой части он называл «литвинами», имея в виду надэтническую историко-культурную общность¹⁹. Этнический же состав «Литвы» и «Полесья» нашел отражение в этнографических коллекциях, которые ученый многие годы собирал для ЭО. Им были собраны, в частности, коллекции по культуре белорусов, белорусов-полещуков, пинчуков, литовцев, литовцев-дзуков, литовцев-русаков, русских сектантов федосеевцев, евреев, мелкой шляхты (названия приведены согласно коллекционным описям). Все эти категории локальных сообществ, по всей видимости, Сержпутовский считал составными компонентами единого культурного ландшафта.

В частности, в бумагах этнографа содержится множество выписок из научной литературы, указывающих на то, что белорусскую этническую культуру он воспринимал как исторически тесно связанную с литовской. Эту связь он выводил из креативного синтеза славяно-литовской архаики и многовекового опыта полиэтнической государственности. На одной из своих рабочих карточек, озаглавленной «Влияние Литвы», А.К. Сержпутовский сделал выписку из труда М.С. Грушевского «Украинский народ в его прошлом и настоящем», которая, по всей видимости, была созвучна его собственному пониманию корней этого феномена: «Литовские ди-

настии и литовские роды, водворявшиеся в присоединяемых землях, приноравливались к местной культуре и быту. Даже сама литовская народность подпала влиянию славянской стихии присоединенных земель, так как последняя стояла на высшей степени культуры сравнительно с Литвой. Литовцы, особенно высшие слои, принимают культуру ближайших белорусских земель: их язык делается официальным языком Великого Княжества Литовского»²⁰.

Во время своих экспедиций А.К. Сержпутовский уделял особое внимание общим для литовской и белорусской культур явлениям. Так, у литовцев Виленской губ. в 1909 г. он отметил существование аналога славянского феномена «Перунова стрела» – «Perkuno-kulkas», связанного с народным верованием в магические свойства кремневых или белемнитовых древних орудий, обнаруживаемых крестьянами на полях²¹. Информанты рассказывали А.К. Сержпутовскому, что это явление характерно не только для Виленской, но и для Ковенской губ. Из этой же экспедиции он привез «ржаные заломы» (РЭМ, колл. № 1521–115²², 116), которые «лихие люди» делали на ниве для того, чтобы причинить вред хозяину. Аналогичные «заломки» он наблюдал в Минской губ., о чем писал в «Живой старине»²³. Фотографическое наследие А.К. Сержпутовского свидетельствует о его выраженном исследовательском внимании к общей для населения края традиции архаического лесного пчеловодства – бортничества²⁴. Одним словом, славяно-литовское прошлое стало для А.К. Сержпутовского своеобразным инструментом легитимизации белорусской истории. Резюмируя свои наблюдения, он писал: «Словом, где Литва, там очень давно живут люди»²⁵. По результатам многолетних исследований А.К. Сержпутовский подготовил к печати рукопись «Материальная культура на Литве», которая так и не была опубликована, и местонахождение которой не установлено²⁶. Знакомство с этой рукописью, могло бы дать более наглядное понимание видения А.К. Сержпутовским этнокультурных взаимосвязей этого трансграничного региона.

Другой темой многолетнего и пристального внимания А.К. Сержпутовского в контексте этнокультурного ландшафта Северо-Западного края был феномен так называемой «мелкой» или «застенковой» шляхты, которую он определял следующим образом: «Мелких земледельцев шляхтичей называют “заценковою шляхтою”, ибо эта шляхта проживает в застенках, т.е. таких деревнях, в которых земля сдавалась в аренду или на основании “чинши”, т.е. постоянной аренды. Ругая, их называют “шеринями”, “бизунами”. Еще на Волини есть название “ходячковая шляхта”, но в Белоруссии такого названия нет»²⁷. Широкое географическое распространение этого феномена и его очевидная связь с польской культурой, подталкивали А.К. Сержпутовского к увеличению исследуемой им территории, включая

другие области, некогда входившие в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. В 1907–1913 гг. он совершил экспедиционные выезды в Варшавскую, Седлецкую, Люблинскую и Волынскую губ., в ходе которых изучал культуру поляков-подляхов, поляков-ксенжаков и малороссов. Однако применительно к Северо-Западному краю, он остался категорически тверд в своем мнении относительно автохтонного происхождения шляхты, которую он связывал с «потомками древних руссов». В частности, он утверждал, что *«шляхта, хотя и владеет польским языком, который считается благородным господским, но обычно и в домашнем обиходе говорит на местном народном языке или, вернее, на наречии того русского языка, на котором с местными особенностями в свое время говорила Русь: в Белоруссии – по-белорусски, на Украине же по-украински»*²⁸. Таким образом, А.К. Сержпутовский опровергал широко распространенное мнение о происхождении «малой шляхты» от польских родов, вступая в полемику, в частности, с польским историком А.К. Закржевским, и настаивая на том, что: «Мелкая шляхта на официальном языке называлась бывшей польской шляхтой и ошибочно относилась к бывшей польской народности, тогда как она в своей массе за самыми незначительными исключениями является потомками землевладельцев Древней Руси, бояр и разного вольного мужилого люда, посему представляет собой средний класс белорусов и отчасти украинцев»²⁹. Поэтому происхождение «белорусской» и «украинской» шляхты А.К. Сержпутовский связывал не с польской, а с древнерусской народностью. В этом отношении уместным мог бы оказаться вопрос о том, как в контексте этих представлений о происхождении различных этнических и субэтнических групп Северо-Западного края ученый представлял себе историю собственной фамилии, имевшей корни в феномене польского шляхетства, и не были ли они обусловлены дискредитацией в общественном мнении польской шляхты после восстания 1863 г.

Общую проблему полифонии локальных идентичностей Северо-Западного края А.К. Сержпутовский описал в своей заметке в газете «Червоны шлях» в 1918 г., когда остро встал вопрос о национальных границах Белоруссии. *«Когда вы спросите неграмотного белоруса, который дальше своего уездного города нигде не бывал, какой он народности, то получите неопределенный ответ, приблизительно следующее: “Я тутэйши тубалец (т.е. здешний коренной житель), чалавек просты, а у воласци кажуц, што руськи”*. Если не в таких выражениях, то, во всяком случае, по смыслу почти одно и то же ответят простолюдины в разных местах Белоруссии. **Но никто из них, будучи незнакомым с книжной терминологией, не назовет себя белорусом** (выделено автором. – А.М.). Уже скорее многие из белорусов, коль скоро они исповедуют православную религию, считают себя русскими, да и то только потому, что так их называют ближайшее

начальство и волостной писарь. **Те же белорусы, предки которых были униатами, и те, кои исповедуют римско-католическую религию, считают себя поляками, а в Виленской губернии даже литовцами** (выделено автором. – А.М.). Та или иная религия является в Белоруссии единственным признаком, по которому простолюдины различают национальности. В некоторых случаях такой признак близок к истине; так, например, почти все поляки исповедуют римско-католическую религию или ее мариавитскую секту; евреи, кроме принявших христианство, все – иудейской религии. Но по отношению к белорусам такой прием определения народности совершенно неприменим, так как в Белоруссии принадлежность к той или иной религии обусловлена многими чисто историческими и экономическими факторами. Как известно, на протяжении целого ряда веков Белоруссия по частям переходила под власть то того, то иного соседнего государства. Каждое государство, владея частью Белоруссии, старалось насильно обратить подвластных белорусов в свою господствующую религию. Особенно тяжелый гнет в этом отношении пришлось перенести белорусам после соединения Литвы с Польшей, когда польское духовенство всеми зависящими от него средствами всюду насаждало католицизм, а вместе с тем и полонизировало белорусов. Для той же цели изобретена была и уния. Кроме того, тяжелая экономическая зависимость белорусов от польской шляхты сильно способствовала тому, что многие простолюдины обращены были в униатов и католиков»³⁰. Такое размытое определение принадлежности к белорусам, охватывающее и тех, кто сам себя так не называл, но, по мнению ученого, являлся ими, с конструктивистских позиций может быть названо попыткой создания национального проекта.

К подобного рода идеям располагала и актуальность политического момента. В феврале-марте 1918 г. Исполком Рады Всебеларусского съезда сформулировал проект нового государства – Белорусской Народной Республики. Уставные грамоты Рады определяли государственные границы в пределах территории «расселения и численного преобладания белорусского народа». В этом контексте особый вес приобретало авторитетное мнение этнографов, служившее обоснованием для фиксации нового политического образования в существующей системе координат. В итоге утвержденные границы нового государства практически совпали с границами, предложенными профессором Е.Ф. Карским в его «Этнографической карте Белорусского племени» (1903), однако в ходе дальнейшей истории они были существенно сужены³¹.

На волне белорусского националистического подъема в 1918–1920-е гг. А.К. Сержпутовский приступил к активной просветительской и публицистической работе в белорусофильской риторике, а в 1925 г. стал членом первой белорусской научной организации «Институт белорусской куль-

туры», впоследствии реорганизованной в Белорусскую Академию наук. Однако к концу жизни его постигло разочарование в белорусских коллегам, поскольку переданные им в 1937 г. в Белорусскую Академию наук многолетние труды по этнографии были не опубликованы и не оплачены, хотя в Академии, по его собственным словам, было «хорошо известно» о его «крайне печальном материальном положении в связи с затянувшейся болезнью», и заслугах «белорусского этнографа-фольклориста», которые уже на тот момент были «бесценны»³². Во время Второй мировой войны эти рукописи А.К. Сержпутовского исчезли.

Резюмируя изложенное выше, прежде всего, следует подчеркнуть многовекторный характер исследовательских интересов А.К. Сержпутовского, обусловленный его инкорпорированностью в институциональную систему имперской этнографической науки, обеспечившую ему успех в профессиональной самореализации. Существовавшая система являлась централизующей, координирующей, аккумулирующей, генерирующей, коммуникационной и главное, ресурсной базой для многих деятелей дореволюционной отечественной науки, впоследствии оказавшихся у истоков зарождения национальных школ.

Особый интерес А.К. Сержпутовского к этнокультурному ландшафту Северо-Западного края, рассматриваемый в контексте географии его экспедиционных маршрутов, представляется обусловленным его субъективным восприятием этого региона как локуса, связанного с происхождением исследователя и латентным подсознательным переживанием своей множественной идентичности. Эта субъективность выявляет некоторую разнонаправленность в теоретических и практических подходах к репрезентации этнической картины региона через нарративы и музейные коллекции. Отвечая практическим задачам, которые были обусловлены принципами комплектования фондов этнографического музея, ученый стремился продемонстрировать этическую пестроту Северо-Западного края, обособляя такие локальные подгруппы и сообщества как «пинчуки», «полешуки», «русаки» «сектанты-федосеевцы», «малая шляхта» и др. С другой стороны, в своем теоретическом осмыслении рассматриваемого ареала он обнаруживал признаки общности и устойчивости культуры населения, следуя тенденциям риторики национального конструирования того времени. В мировоззрении А.К. Сержпутовского Белоруссия практически целиком совпадала с территорией Северо-Западного края и представляла собой единую историко-культурную область, населенную соответственно белорусами, независимо от того, называют они себя этим этнонимом или нет.

Таким образом, белорусский этнонационализм А.К. Сержпутовского сделал его одним из символов белорусской национальной идеи, претерпе-

вающей свое обновление в постсоветский период. На это указывает многократное переиздание фольклорных сборников А.К. Сержпутовского в последние два десятилетия, а также практика перевода написанных им в нач. XX в. очерков с русского на белорусский язык³³. В то же время в России, где он прожил большую часть жизни, и в частности, в музее, работе в котором он посвятил четверть века, целостного осмысления личности ученого в контексте вклада в мировую науку еще не произошло. Многие этнографические материалы, собранные А.К. Сержпутовским остаются неопубликованными, а архивные фонды учреждений Санкт-Петербурга, в которых могут быть обнаружены его рукописи или неизвестные биографические данные, до конца неизученными. В связи с этим, обращение к упомянутому наследию и преодоление его дискретности через целостное рассмотрение сквозь призму биографии, помещенной в контекст эпохи, мировоззрения, полевого опыта и пр., а также при использовании современного методологического инструментария представляются перспективным направлением в дальнейшем изучении истории этнографической науки.

Примечания:

- 1 Об определяющей роли этнографов, лингвистов и историков в процессе формирования национальной идеи см. напр.: *Хобсбаум Э. Дж.* Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нации и национализм = Mapping the Nation*: Сб. ст. / Введение: Б. Андерсон и др.; пер. с англ. и нем.: Л.Е. Переяславцева и др. М.: Праксис, 2002. С. 332.
- 2 *Касько У.К.* А.К. Сержпутоўскі // Пятроўская Г.А., Цішчанка І.К., Васілевіч У.А. Беларуская фалькларыстыка: Збіранне і даслед. нар. творчасці ў 60-х гг. XIX-пач. XX ст. / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. С. 295–309.
- 3 *Михайлова А.А., Гавришина В.В.* Белорусская молодежь как этнолингвистический источник в период становления науки (на материалах архива П.В. Шейна) // *Зб. дакл. і тез. ІХ Міжнар. навук-прак. канф. «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў»*, 13-14 верасня 2018 г. / Рэдкал.: А.І. Лакотка і інш. Мінск, 2018. (в печати)
- 4 *Михайлова А.А.* Учитель-этнограф А.К. Сержпутовский: профессиональная судьба как следствие образовательной политики 1870-х гг. // *Белорусский сборник: Ст. и мат-лы по истории и культуре Белоруссии. Вып. 7.* / Рос. нац. б-ка, С.-Петерб. ассоц. белорусистов. СПб., 2018. С. 64–85.
- 5 *Касько У.К.* Беларускі этнограф // *Народная асвета*. 1979. № 9. С. 72-76; *Этнаграфія Беларусі* // *Беларуская Савецкая Энцыклапедыя* / Рэдкал.: І.П. Шамякін і інш. Мінск, 1989. С. 459–460.
- 6 *Бондарчик В., Федосик А.* А.К. Сержпутовский. Минск: Наука и техника, 1966; *Касько У.К.* Святало далёкай зоркі. Мінск: Універсітэцкае, 1997.

- 7 В 1920-е гг. А.К. Сержпутовский вел подготовку к публикации рукописей «Бытовые черты крестьян Оханского уезда», «Особенности великорусского говора в Оханском уезде», «Крестьянские постройки в Пермской губернии» и др.
- 8 *Максимчик А.Н.* Вклад уроженцев Беларуси в изучение Кавказа (вторая половина XIX – начало XX в.) // IX Колосницынские чтения «Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем: Мат-лы междунар. науч. конф. 16-17 апреля 2014 г. / Отв. ред. Е.И. Рабинович. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2014. С. 232.
- 9 *Ивановская Н.И., Фишман О.М.* Александр Казимирович Сержпутовский // Старая Литва. Выставка в Национальном музее Литвы / Российский этнографический музей, Национальный музей Литвы. Вильнюс, [б.и.], 2009. С. 151–153; *Зельницкая Р.Ш., Усеинова С.Р.* Артефакты с арабским письмом в коллекциях каратинцев, дидойцев и ботлихцев в собрании Российского этнографического музея // Ислам в современном мире. 2018. № 14(1). С. 55–70.
- 10 АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 409. Л. 60. – Сержпутовский А.К.; АРЭМ Ф. 2. Оп. 3. Д. 220. Л. 3. – Личное дело А.К. Сержпутовского; Коллекционные описи РЭМ. Из-за расхождения данных в источниках, возможна погрешность в датировке некоторых экспедиций.
- 11 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14. Л. 231, 198. – Рассказы, песни, поверья и др. фольклорный материал, записанный А.К. Сержпутовским во время командировки в Западную Белоруссию в 1920 г.
- 12 *Фишман О.М.* «Старая Литва»: история литовского собрания // Старая Литва. С. 27–29.
- 13 Гербовник дворянских родов Царства Польского, Высочайше утвержденный. Варшава: Типография С. Оргельбрандта, 1853. Ч. I. С. 146.
- 14 ЦГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 120. Ч. 2. Л. 267. – Прошения разных лиц о зачислении их в число вольнослушателей института.
- 15 ЦНА НАН Беларуси. Ф.1. Оп. 2. Д. 19. Л. 79. – Личные анкеты.
- 16 ЦГИА. Ф. 436. Оп. 1. Д. 9119. Л. 16. – Черемисинова-Сержпутовская Валентина Васильевна.
- 17 АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 573. Л. 2–12. – Переписка и отчет сотрудника Санкт-Петербургского Археологического института А.К. Сержпутовского о собирании этнографических материалов в Белоруссии, Литве и Польше: Описи материалов; *Игнатьева О.П.* Материалы по этнографии Литвы в архиве РЭМ // Старая Литва. С. 105.
- 18 *Сержпутовский А.К.* Ал. Харузин. Славянское жилище в Северо-Западном крае (из материалов по истории развития славянских жилищ) // ЖС. 1907. Вып. III. С. 36–37.
- 19 О этнонимических особенностях населения Белоруссии см. также: *Лысенко О.В.* Белорусы // Многонациональный Петербург: История. Религии. Народы / Науч. ред. И.И. Шангина. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 408.
- 20 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14. Л. 300. – Рассказы, песни, поверья и др.; Украинский народ в его прошлом и настоящем. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1914. Т. 1. С. 136.
- 21 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14. Л. 178.

- 22 Фишман О.М. «Старая Литва». С. 29.
- 23 Сержпутовский А.К. О завитках в Белоруссии // ЖС. 1907. Т. XVI. Вып. I. С.37.
- 24 Фишман О.М. История комплектования фотоиллюстративного фонда по этнографии литовцев // Старая Литва. С. 88.
- 25 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14. Л. 302.
- 26 Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 578. – Переписка с сотрудником музея А.К. Сержпутовским о собирании этнографических материалов в Минской, Могилевской, Московской, Курской, Вятской, Уфимской губ. и Дагестанской обл., описи материалов.
- 27 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 14. Л. 299.
- 28 Там же. Д. 23. Л. 12. – Очерки А.К. Сержпутовского «Застенковая шляхта Белоруссии».
- 29 Там же. Д. 21. Л. 31. – Песни, сказки, поговорки, загадки, собранные А.К. Сержпутовским в белорусских деревнях в 1920 г.
- 30 ЦГА. Ф. 75. Оп. 1. Д. 292. Л. 43. – Журнал «Червоны шлях», № 9,10 (орган белорусского отдела Комиссариата).
- 31 Павлова Т. К вопросу о границах БНР // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 1. С. 77.
- 32 АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 218. Л. 43. – Личное дело А.К. Сержпутовского.
- 33 Касько У.К.: 1) Святло далёкай зоркі; 2) Палескі дзівасіл: беларус. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А.К. Сержпутоўскага. Мінск: Вышэйшая школа, 2005; Сержпутовский А.К.: 1) Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мінск: Універсітэцкае, 1998; 2) Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. Мінск: Універсітэцкае, 1999; 3) Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета. Мінск: Універсітэцкае, 2000; 4) Анталогія беларускай народнай прыказкі, прымаўкі і выслоўя. Мінск: Ураджай, 2002; 5) Русальная нядзеля: прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мінск: Вышэйшая школа, 2009; 6) Гняздоўе белых буслоў: казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. Мінск: Вышэйшая школа, 2010; 7) Чароўны човен: казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета. Мінск: Вышэйшая школа, 2012; 8) Палешукі-беларусы. Мінск: Беларусь, 2017.

УДК 94 (470.22) «1917–1991»

РОССИЙСКО-ФИНЛЯНДСКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН: «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1918–1920) В РОССИЙСКОЙ КАРЕЛИИ

Елена Юрьевна Дубровская

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

ldubrovskaya@inbox.ru

Аннотация. В годы Гражданской войны Российская Карелия оказалась территорией массового применения военных и чрезвычайных методов управления, отличавшихся особой жестокостью. В индивидуальной и коллективной памяти людей нашли отражение их эмоциональные реакции в условиях экстремальных ситуаций, становившихся повседневностью, – страх, ненависть, голод, боль, физическое насилие, ностальгия по утраченному традиционному укладу жизни. Автором предпринята попытка на основе как изданных, так и неопубликованных источников проследить эмоциональные аспекты военного опыта «маленького человека» – воина, санитарки, «красного» партизана, мирного жителя русской и карельской деревень. Особый интерес представляют хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН рассказы о российской революции 1917 г. и Гражданской войне, собранные в 1930-е, послевоенные и в 1950-е гг. Значительная их часть так и не увидела свет из-за того, что их содержание, включая эмоциональный настрой участников и свидетелей событий, слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране. Воспоминания воссоздают картину страшного озлобления сторон, противостоявших в приграничье. Мотив мести, ставшей основой «эмоционального сообщества» комбатантов, во многом повлиял на формирование эмоциональной культуры жителей края в период между мировыми войнами.

Ключевые слова: Гражданская война, интервенция, Российская Карелия, «маленький человек», повседневная жизнь, «эмоциональное сообщество», индивидуальное восприятие, вепсы, карелы, русские

UDK 94 (470.22) «1917–1991»

RUSSIAN-FINNISH BORDERLAND IN THE EPOCH OF CHANGES: LITTLE PEOPLE AND CIVIL WAR IN RUSSIAN KARELIA (1918–1920)

Elena Yuryevna Dubrovskaja

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science, Petrozavodsk, PhD in History, Senior Researcher

ldubrovskaya@inbox.ru

Abstract. During the Civil War, the territory of Karelia was the zone of the extensive use of military and emergency administration practices, known for its cruelty. Individual and collective memory reflected emotional reactions of the people in extreme situations, which become commonplace: the fear, the hatred, the experience of hunger, pain, physical violence, nostalgia for the lost traditional way of life. On the base of both published and unpublished, primarily archival, sources the author attempted to trace the emotional aspects of the military experience of “little people” – a soldier, a nurse, “red” partisan, civilian Russian and Karelian village dweller. The memories by eyewitnesses of intervention and the Civil War 1918–1920 in the North of Russia opens up prospects for the study of “emotional communities” of the border population in Russian Karelia – contemporaries and participants of socio-political change in the Olonets and Arkhangelsk (Kemsky uезд) provinces. Source base includes published in 1932, 1957 and 1963 collections of memoirs of participants of the revolution and the Civil War in Karelia. Many preparatory materials for these publications collected in the scientific archive of Karelian Research Centre RAS are of particular interest. A significant part of the story of the Revolution and the Civil War, received in the 1930s, after World War II and in 1950-s never saw the light because their contents, including the emotional mood of participants and witnesses of the events, differs too much from the general scheme of presentation of the Soviet power “triumphant march” all over the country. Passages of memories recreate a picture of the terrible wrath of the opposing sides, and soon such a psychological condition will determine not only peasants’ relationship with “neighbors” from abroad, but also with their villagers. The motive of revenge, which became the basis of “emotional communities” of combatants, largely influenced the formation of the emotional culture of the inhabitants of the northern region in the period between the World Wars.

Key words: Civil War, intervention, Russian Karelia, “little people”, every-day life, emotions, individual perception, the Vepsians, the Karelians, the Russians

В новейших работах специалистов, занимающихся вопросами военной антропологии, социокультурными исследованиями, рассмотрены особенности революционного времени и эпохи военного противостояния сограждан-земляков, соседей и даже родственников – на материалах источников личного происхождения. Публикации английского историка Н. Барона, финских исследователей М. Витухновской, П. Ваара, Ю. Ниинистё, М. Харьюла, отечественных исследователей В.И. Голдина, А.В. Голубева, О.М. Морозовой, В.И. Мусаева, А.Ю. Осипова, С.Н. Филимончик дают возможность увидеть во взаимосвязи социальные конфликты разного уровня и связать политическую историю Российской Карелии с историей этносоциальной и этнокультурной¹.

Пречисленные авторы показали, как приходили в противоречие различные социальные и национальные интересы жителей края, как сказывался на общественной жизни режим «военного коммунизма», проследили за его воздействием на психологическое состояние жителей Российской Карелии. Однако изучение на локальном материале кризисного эмоционального состояния населения края в годы «военного лихолетья» нуждается в дальнейшей разработке.

Источниковую основу нашего исследования составляют выходявшие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников революции 1917 г. и Гражданской войны в Карелии². Особый интерес представляют хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН многочисленные подготовительные материалы к этим публикациям. Значительная часть рассказов о революции и Гражданской войне, собранных в 1930-е, послевоенные и в 1950-е гг., так и не увидела свет из-за того, что их содержание, включая и эмоциональный настрой участников и свидетелей событий, слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

Свидетельства такого рода, ничего общего не имеющие с романтизацией военных событий, обнаруживаем в проанализированных текстах фольклорной коллекции «Рассказы о гражданской войне» и воспоминаний очевидцев. Воспоминания бойцов «Карельского полка», национального вооруженного формирования северных карел, действовавшего в приграничье, воссоздают картину страшного озлобления противостоявших сторон³. Это психологическое состояние определяло не только взаимоотношения с зарубежными «соседями», но и с собственными односельчанами. Мотив мести, ставшей основой «эмоционального сообщества» комбатантов, впоследствии во многом повлиял на формирование эмоциональной культуры жителей северного края в период между мировыми войнами.

Для истории Российской Карелии XX в. военная тематика актуальна, прежде всего, в силу геополитического фактора, поскольку пограничное

положение края создавало предпосылки для вольного, а чаще невольного участия населения в вооруженных конфликтах России с иностранными государствами. Это очевидно и для ситуации 1918–1920 гг., когда территория Российской Карелии, как российско-финляндское приграничье, так и Карельское Поморье, перестали быть окраиной государства в прямом смысле слова и приобрели важное стратегическое значение для всей страны.

Знакомство с воспоминаниями очевидцев событий военной интервенции и Гражданской войны 1918–1920 гг. на Севере России открывает перспективы для изучения «эмоционального сообщества» населения карельского приграничья – современников и участников общественно-политических перемен в Олонецком крае и Кемском у. Архангельской губ. Множество уникальных свидетельств «о времени и о себе», сохранившихся в материалах фольклорных коллекций, долгое время оставались вне поля зрения историков, поскольку не вписывались в установившуюся в 1930-е гг. схему, предписывающую что и как следует вспоминать о революции и Гражданской войне. Документы такого рода знакомят не только с перипетиями Гражданской войны на Севере России, но и со спецификой мышления «маленького человека», с представлениями о нормах и ценностях, которые оставались значимыми для целого, к сожалению, уже ушедшего, поколения наших соотечественников.

Воспоминания очевидцев и участников событий являются не только важным источником по истории Карельского края, но и ценнейшим «человеческим документом» о противоборстве «старого» и «нового» мироустройства. К таким свидетельствам можно отнести, например, описание красноармейского отряда, который был сформирован в Шелтозерско-Бережной вол. Петрозаводского у. Олонецкой губ. в начале сентября 1918 г. Автором воспоминаний, написанных в 1930-е, и позже – 1950-е гг., стал выходец из вепсской крестьянской семьи, уроженец д. Наумовская Сергей Степанович Ракчеев. В течение десяти лет (1938–1946) он бессменно возглавлял финансовое ведомство Карельской республики⁴. Однако на страницах его воспоминаний драматические события периода Гражданской войны предстают перед нами такими, какими они видятся «маленькому человеку», который с 17 лет работал на Мурманской железной дороге, во время Гражданской войны служил в 18-й роте красногвардейцев-лыжников, был участником боев на пудожском направлении Северного фронта.

«Вот как сегодня помнится, – рассказывает С.С. Ракчеев, – отряд идет строгим и ровным военным шагом с учебы. На красноармейцах отряда новое солдатское обмундирование. На фуражках красноармейцев-добровольцев сверкали новые красные звездочки», на которых «отчетливо были видны молот и плуг – знак нерушимого союза рабочих и крестьян Советской республики. Идут бодро, распевая разные революционные солдатские пес-

ни». По словам автора воспоминаний, «подобного не знала за всю историю своего существования вепсская волость»⁵.

По наблюдениям петрозаводского исследователя Л.Е. Терещенкова, мемуарист часто проживает в воспоминаниях этапы своего становления как революционного бойца не только на уровне презентации фактов, но и на уровне их описания как путешествия по вехам собственной биографии, где оказались переплетены временной (автобиографический), пространственный и событийный аспекты⁶. Начало «путешествия в революцию» для С. Ракчеева – это рассказ о стремлении молодого человека участвовать в интересных для него событиях: *«Помню как сегодня, мы, мобилизованные, сходились на пароход, специально приехавший с Петрозаводска за нами. Мы были бодры и веселы. Большинство из нас были рады мобилизации и ожидали новых явлений в своей жизни»*⁷.

В 18-й отдельной роте лыжников, сформированной при Олонецком губвоенкомате, происходило распределение бойцов по взводам и отделениям, учитывались рост и другие физические данные призывников. Повествуя о годах службы в Красной армии, Сергей Степанович перечисляет всех землячков, которые были мобилизованы вместе с ним. *«Шелтозерцы – представители вепсского народа – Беляев И., Разагатов М., Тучин С., Исаев И., Захарин Е. и я определены были в третий взвод и третье отделение. Значит, мы малышами числились. Но надо же было кому-нибудь стать левофланговыми! Выдали нам винтовки. Но вот беда: винтовки-то многих из нас были выше...»*⁸.

Упомянув о размещении лыжников в с. Песчаное Пудожского у., Ракчеев отметил, что шестеро бойцов из вепсских деревень оказались в доме, чей хозяин служил у белых, и что напуганное русское население враждебно относилось к прибывшим красноармейцам⁹. В его воспоминаниях постоянно подчеркиваются обе идентичности шелтозерцев: социальная (бойцы-красноармейцы) и этническая. Рассказывая о том, как отряд остановился на отдых в с. Авдеево, он пишет: *«...нас, наверное, человек 15, в числе которых были и мы, вепсы, поместили в большом двухэтажном доме»*. На просьбу бойцов продать им рыбы *«хозяин даже не ответил»*. *«Старуха же, разнаряженная в старые наряды, принесла рыбник и штуки четыре кокачей (яиц. – Е. Д.) и пренебрежительно положила на стол»*¹⁰.

Свидетельства такого рода обычно не встречаются в отредактированных текстах опубликованных мемуаров о реалиях Гражданской войны в Карелии. Между тем «старые наряды» хозяйки, олицетворявшей прежний «отживший» мир, явно противопоставлены на страницах воспоминаний новенькому обмундированию красноармейцев-добровольцев. И это сделано в полном соответствии с традицией описания соперничества между «новым» и «старым» миропорядком.

Завершая рассказ о боевом пути односельчан, воевавших весной 1920 г. в районе Печенги, Ракчеев обозначает еще одну временную веху в календаре красноармейцев: *«Первое мая 1920 года рота лыжников, а значит, и мы, вепские парни, праздновали за Полярным кругом, далеко, далеко от родных мест. Через несколько дней нам, вепсам, оказали большую честь. Михаил Разагатов, Михаил Сидоров и я по путевкам полка выехали в Петроград. Нас зачислили курсантами Вторых Петроградских высших пехотно-командных курсов в Петергофе»*¹¹.

Как отмечает исследователь феномена коллективной памяти и культуры припоминания/забывания И.В. Нарский, пропаганда первых лет советской власти, повлиявшая на характер рассказов о Гражданской войне, оставалась недостаточно гибкой и велась радикально, «по-военному». Это чувствуется и в рассматриваемых текстах воспоминаний. Если самые незначительные явления уже в ходе войны укладывались в объяснительную схему, состоявшую из оппозиционных понятийных пар вроде «революционный – контрреволюционный» или «патриотический – предательский»¹², то память о событиях, от исхода которых тогда зависела жизнь людей, по прошествии времени тем более подвергалась трансформации.

Разумеется, экспедиции собирателей фольклора и воспоминаний о происходившем в приграничье в 1918–1920-х гг. обращались к памяти лишь одной из сторон – к победителям, участвовавшим в революционных событиях и сражениях гражданской войны¹³. Среди них бывшие красные партизаны, красноармейцы и те из жителей края, кто поддерживал советскую власть. В годы Гражданской войны и интервенции Карелия оказалась территорией массового применения военных методов управления в чрезвычайных обстоятельствах, отличавшихся особой жестокостью. В индивидуальной и коллективной памяти людей нашло отражение их эмоциональное состояние в условиях экстремальных ситуаций, становившихся повседневностью, – страх, ненависть, голод, боль, физическое насилие, ностальгия по утраченному традиционному укладу жизни.

Сорокалетняя В.Е. Леонтьева (Тимонина) в 1932 г. рассказала о том, как в январе 1919 г. поступила санитаркой в партизанский отряд под командованием И.Д. Спиридонова. *«Вот у меня лично. У меня расстреляли четырех человек моей семьи. Место было под белыми, а я была у красных. Вот приехал перебежчик, сказал: “У Леонтьевых расстреляли четырех человек”. А кто расстрелян – он не мог сказать, да и я не знала. Тогда я сильную злобу питала, думала, что мать»*¹⁴.

Мотивацией для вступления Леонтьевой в отряд стал гарантированный, в отличие от поденной работы, заработок. Ее воспоминания свидетельствуют о реалиях повседневной жизни сестры милосердия: *«Я с*

интересом работала, не хладнокровно. Бывало, спишь всего 4 часа. Ночь – на дежурство, днем – обед приготовить. Случится война, я с удовольствием пойду, нравится мне эта работа. Я вообще такая – ничего не боюсь. В Медвежке (Медвежьей Горе. – Е.Д.) бежала за контужеными. Тут же падали снаряды. Сначала, когда была перевязка, жалость была к раненому, что больно. Потом привыкла, делаешь перевязку, говоришь: “Потерпи немножко”¹⁵.

На основе как опубликованных, так и архивных источников можно проследить эмоциональные аспекты военного опыта «маленького человека» – воина, санитарки, красного партизана, мирного жителя русской и карельской деревни, горожанина. Встречаются подробности, позволяющие обнаружить проявления не только идеологической памяти населения, но и памяти «неотредактированной», иногда наивной, порой рефлексивной, рассудочной, нередко той, которую можно назвать «памятью сердца».

Традиция рассказывания, зафиксированная в текстах записей «фольклора гражданской войны», устанавливает тесную связь между этой памятью и пространством традиционной культуры Русского Севера. Семидесятилетняя А.П. Попова, рассказывая о д. Нюхча, затерянной в глуши Карельского Поморья, вспоминала, что до прихода «добровольцев» – солдат добровольческой Белой армии – «уж никто у нас не бывал, ворон не пролетывал в нашу деревню»¹⁶.

В записанных ленинградской исследовательницей А.М. Астаховой в 1930-е гг. рассказах членов семьи И.В. Титова из Нюхчи присутствуют фольклорные мотивы «чудесного спасения» и «неокончательной смерти» участников кровопролитных событий. Так, по свидетельству сестры, в одном из домов односельчанка сумела спасти ее брата от ареста следующим образом: «В окошко-то увидали и бегом из квартиры через сеник, но по дороге встретился бы неминуемо с Рублевским (белым офицером. – Е. Д.), если бы «жонка» хозяйина «не закрыла его юбкой: она, распустив юбку, встала между ним и Рублевским, и брату удалось бежать». Другому жителю деревни, уцелевшему во время расстрела, удалось выбраться из-под горы трупов и скрыться¹⁷.

В записях А.М. Астаховой можно выделить и традиционные для фольклора мотивы «нетипичного поведения врага». Часовой-белогвардеец предупреждает красного партизана о грозящей ему в деревне опасности. Врач, служивший у белых, спасает красноармейца от ареста, поскольку оказался его однополчанином в годы Первой мировой войны¹⁸. В воспоминаниях сорокалетнего А.П. Вавилина о пребывании в плену у белых в 1919 г. в районе ст. Кяппесельга говорится, что автор избежал расстрела благодаря тому, что арестованный вместе с ним товарищ-поляк оказался родственником начальнику контрразведки: оба

поляка вместе служили «в царское время», к тому же были женаты на сестрах¹⁹. Приведенный пример подтверждает заключение И.А. Разумовой о том, что установление родства в любой форме – от свойства до былого братства по оружию – способствует преодолению критического положения, являясь средством «спасения» и психологической компенсации²⁰.

Примечательны воспоминания жителя г. Олонца Петрова о военном детстве, проведенном в одной из деревень Южной Карелии, поблизости от российско-финляндской границы. Спустя многие десятилетия, в 1970-е гг., он рассказал, как семилетним мальчиком оказался очевидцем непонятных для него частых ночных отъездов из дома его отца, охотника-любителя, с односельчанином-соседом, бравших с собой ружье. После того как однажды отец привез мешок ржи, ребенку все же удалось добиться объяснения таких постоянных отлучек: *«Вот что, сынок, мы живем недалеко от границы, там другое государство, и вот они приезжают сюда оттуда, везут разные тряпки, особенно курево и т. д., а от наших зажиточных крестьян берут хлеб, т. е. рожь, которой у нас не хватает. Вот дядя Петя и устраивает захваты этих контрабандистов, а как оружия у нас нет, вот он меня и берет с собой с этим 12-ти калиберным, ... вот мы их и пугаем, этих незваных заграничных гостей...»*²¹

Воспоминания, которые условно можно сопоставить с материалами по «устной истории», свидетельствуют о катастрофической нехватке продовольствия в уездах Олонецкой губ., где еще с 1917 г. действовал запрет губернских властей вывозить продукты в соседнюю Финляндию. Такие самочинные крестьянские меры по «восстановлению справедливости» все же являлись поступками сомнительного свойства, и крестьяне это осознавали. Не случайно упоминание мемуариста о том, что «отец долго не хотел говорить» о характере своих поездок и уступил лишь тогда, когда сын «настойчиво не давал ему покоя». Однако в дальнейшем подобные акты, явно противоречившие представлениям мирного времени о законности, получали совершенно иную интерпретацию.

Действующие лица «Рассказов о Гражданской войне» – односельчане, предки которых веками свято относились к чужой собственности, люди, никогда не имевшие замков на дверях и подпиравшие их коромыслами, когда уходили из дома, чтобы показать отсутствие хозяев. В памяти повествователей сохранились подробности того, как в «новое время» эти же люди будут участвовать в реквизициях соседских запасов или станут доносить белым или красным о появлении в деревне опасных для них лазутчиков из своих же земляков. Такая неотретушированная память, зафиксированная в фольклорных текстах, позволяет лучше понять эпоху и объемнее увидеть «портрет времени».

Примечания:

- 1 Барон Н. Жизнь и эпоха Ф. Дж. Вудса // Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. гг.: история и мемуары. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. С. 169–307; *Витухновская-Кауптала М.А.* Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв.: Сб. ст. / Отв. ред. А.М. Пашков. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 172–211; *Голдин В.И.* Русский Север в эпоху великих испытаний: 1900–1920. Т. 1. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018; *Голубев А.В.* «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северо-карельского приграничья в годы Гражданской войны // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Вып. 1 / Ред. О.П. Илюха, И.И. Муллонен. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2008. С. 37–44; *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012; *Мусаев В.И.* «Племенные войны» и беженство в Карелии (1918 – 1922) // Карелия – приграничный регион России в XX–XIX веках: формирование и становление карельской государственности в составе СССР/России: Сб. докл. междунар. науч.-практ. конф., посв. 100-летию образования карельской государственности (7–8 июня 2018 года, г. Петрозаводск) / Отв. ред. О.И. Кулагин. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. С. 30–39; *Осинов А. Ю.* Финляндия и гражданская война в Карелии: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск Изд-во ПетрГУ, 2006; *Филимончик С.Н.* Гражданская война в Карелии в творчестве А.М. Линевого 1930-х гг. // История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (24–25 мая 2016, Москва). М.: ЦМВС РФ, 2016. С. 368–373; *Harjula M.* Venäjän Karjala ja Muurmanni 1914–1922. Maailmansota, vallankumous, ulkomaiden interventio ja sisällissota. Helsinki: SKS, 2007; *Niinistö J.* Heimosotien historia, 1918–1922. Helsinki, SKS, 2005; *Vaara P.* Viena 1918: Kun maailmansota tuli Karjalaan. Jyväskylä: Docendo Oy, 2018.
- 2 В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л.: ГИХЛ, 1932; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1957; За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. / Отв. ред. В.И. Машезерский. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1963. .
- 3 Подробнее см.: *Дубровская Е.Ю.* Карельское приграничье в военно-политических конфигурациях 1918 года: предыстория противостояния сторон на заключительном этапе Первой мировой войны // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые междунар. Шёгреневские чтения : Сб. ст./ Отв. ред. О.М. Фишман. СПб: Изд. дом «Инкери», 2018. С. 307–308.
- 4 *Кильцова И.И., Королева И.В.* Ракчев Сергей Степанович // Карельская энциклопедия. Т. 3. Петрозаводск: ИД «ПетроПресс», 2011. С. 9.
- 5 НА РК. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. Л. 29. – Ракчев С.С. «Деятельность комбедов в вепсской деревне».

- 6 *Терещенков Л.Е.* Изучение революции 1917 года и гражданской войны в Карело-Мурманском регионе в системе историко-партийных учреждений 1920–1930-х годов: Автореф. ... канд. ист. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 11–19.
- 7 НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 189. Л. 2. – Ракчеев С.С. «18-я отдельная рота лыжников (о гражданской войне в Советской Карелии в 1919–1920 гг.)».
- 8 НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 75. Л. 154. – Ракчеев С.С. «Организация Советской власти в с. Шелтозере. На фронтах гражданской войны (Пудож, Мурманская железная дорога)».
- 9 Там же. Л. 160.
- 10 Там же. Л. 162.
- 11 Там же. Л. 173.
- 12 *Нарский И.:* 1) Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // *Ab Imperio*. 2004. № 2. С. 222–223; 2) В «империи» и в «нации» помнит человек: память как социальный феномен. Заочный круглый стол «Размышления о памяти, империи и нации» // Там же. № 1. С. 85–88.
- 13 См.. также: *Дубровская Е.Ю.* Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива КарНЦ РАН) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. / Сост. О.П. Илюха. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2005.
- 14 НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Фольклорная кол. 26. Л. 245. – «АКССР, Медвежьегорский р-н, Повенец. Тимонина (Леонтьева) Варвара Егоровна, 40 лет».
- 15 Там же. Л. 247.
- 16 Там же. Оп. 20. Д. 75. Л. 229. – Ракчеев С.С. «Организация Советской власти в с. Шелтозере. На фронтах гражданской войны (Пудож, Мурманская железная дорога)».
- 17 Там же. Л. 332, 333.
- 18 Там же. Л. 304.
- 19 Там же. Л. 301–302.
- 20 *Разумова И. А.* Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: «Индрик», 2001. С. 320–324.
- 21 НА КарНЦ РАН. Фольклорная кол. – «Воспоминания о Гражданской войне 1918–1919 гг., записанные олончанином Петровым в 1960-х гг.».

УДК 930

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПРОЕКТУ «ЭТНОГРАФИЯ ЧЕРЕЗ ЛИЧНОСТЬ»

Наталья Ивановна Ивановская

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, научный сотрудник высшей категории

n_iva@mail.ru

Аннотация. В сообщении подводятся некоторые итоги двадцатилетней работы отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики над научно-исследовательским проектом «Этнография через личность».

Ключевые слова: научная тема «Этнография через личность», собиратели Российского этнографического музея

UDK 930

SOME RESULTS OF RESEARCH UNDER THE “ETHNOGRAPHY THROUGH A PERSONALITY” PROJECT

Natalia Ivanovna Ivanoskaya

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, PhD in History, Senior Researcher

n_iva@mail.ru

Abstract. The article summarizes some of the twenty-year work of the Department of Ethnography of the North-West and the Baltic States on the research project «Ethnography through Personality».

Key words: scientific theme “Ethnography through personality”, collectors of the Russian Museum of Ethnography

В 2000 г. Отдел этнографии Северо-Запада, Прибалтики и Поволжья Российского этнографического музея (РЭМ) выпустил в свет сборник статей под названием «Личность и творчество», посвященный 95-летию известной исследовательницы в области финно-угроведения Т.А. Крюковой. Сборник состоит из статей, посвящённых не только различным направлениям её

научной деятельности, но и включающих описание ряда важных аспектов биографии¹. Он стал «первой ласточкой» в серии публикаций сотрудников отдела² в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Этнография через личность». В дальнейшем исследования по этой теме сосредоточились в отделе этнографии Северо-Запада и Прибалтики. Сейчас, по прошествии почти двух десятков лет, можно подвести некоторые итоги научных исследований отдела в сфере «этнографической биографии».

Научная проблема, на решение которой направлен проект, лежит в сфере историко-культурных исследований и этнографического источниковедения. Вышеуказанное направление научной работы включает изучение истории РЭМ, в том числе биографий собирателей коллекций, и не только крупных учёных-этнографов, сотрудников музея, внёсших значительный вклад в этнографическую науку, в становление и развитие музея и отечественного музееведения, но и непрофессионалов-любителей, принявших участие в формировании музейных этнографических коллекций. Изучение биографических сведений о корреспондентах Этнографического отдела Русского музея (ЭО), откликнувшихся в нач. XX в. на призыв основателей ЭО помочь в сборе этнографических коллекций для вновь организуемого музея, открывает редкие по разнообразию и значимости факты истории, культуры и науки, позволяющие воссоздать черты ушедшей эпохи.

Из числа многих собирателей, стоявших у истоков формирования коллекционного собрания РЭМ, в большинстве случаев история донесла до нас только их имена, без каких-либо биографических сведений и подробностей. Между тем, биографические исследования не только позволяют по-новому увидеть изучаемую личность, но и дают представление об особенностях рассматриваемого исторического периода. В конкретных историко-культурных исследованиях биография становится источником исторической реконструкции определенной эпохи. По словам известного философа Л.П. Карсавина: «История индивидуальности неуловимо и неизбежно переходит в историю вообще»³.

Корпус собирателей РЭМ состоял из представителей конкретных социальных групп, людей, различавшихся по социальному статусу, образованию, национальности, возрасту, характеру, личной мотивации этнографических исследований и сбора коллекций. Поэтому, хотя этнографические коллекции объективно отражают этническую и социокультурную реальность среды, в которой они были собраны, и соответственно являются носителями объективной информации о культуре конкретного этноса, все полевые материалы и коллекционные сборы несут на себе явный отпечаток личности собирателя. Это важно при интерпретации собранных артефактов как культурных феноменов. Можно сказать, что исследователь в силу своих личностных особенностей создает определенный образ ис-

следуемого народа. Будучи объективным, как форма отражения реальной действительности, этот образ приобретает более широкий смысл и значение, чем зафиксированные исследователем конкретные явления народной культуры. Проблема интерпретации этнографических коллекций лежит в сфере этнографического источниковедения, и её решение является ещё одной задачей исследовательского проекта «Этнография через личность».

Таким образом, перед исполнителями проекта стояла задача рассмотреть тему в следующих аспектах:

1. Биографические исследования, главной целью которых было восстановление по архивным материалам основных вех жизненного и творческого пути собирателя.

2. Историко-культурные исследования. Рассмотрение исторического социума через конкретную личность.

3. Источниковедческие исследования, заключающиеся в изучении субъективного фактора (или личностных характеристик собирателя), повлиявшего на отбор этнографических предметов в музейное собрание.

С 2000 по 2005 г. сотрудники отдела этнографии Северо-Запада, Прибалтики и Поволжья подготовили ряд публикаций, посвященных творческой и личной биографии тех, кто участвовал в формировании этнографического собрания РЭМ⁴.

Следующим этапом деятельности в этом направлении стала работа по реализации проекта «Электронный этнографический биобиблиографический словарь “Исследователи и собиратели этнографических коллекций РЭМ по народам Северо-Запада и Волго-Камья”» (Грант РГНФ № 05-01-12114в, 2005 – 2007 гг.). База данных электронного этнографического биобиблиографического словаря включала структурированную информацию о конкретных исследователях и собирателях этнографических коллекций по народам Северо-Запада и Волго-Камья⁵.

Информационные поля базы данных характеризуют основные этапы жизни и творческой деятельности собирателей. Здесь представлены следующие показатели: годы жизни (число, месяц, год) и место рождения; точная дата смерти и место захоронения; биографическая справка (сведения о родителях, место и время получения образования, род занятий, дополнительные факты биографии); сфера научных интересов; список основных публикаций; библиография о жизни и деятельности; личные фотографии; перечень архивных материалов; фотографии нескольких экспонатов из собранных коллекций.

Выработанная методика сбора информации показала свою эффективность при историко-биографических исследованиях, а исполнение этого гранта задало новый импульс к работе в сфере «этнографической биографии», продолжающейся и в настоящее время⁶. Биографические изыскания

нашли отражение не только в индивидуальных статьях отдельных авторов, но и в коллективных трудах отдела. Примером служит издание «Старая Литва», посвященное литовским коллекциям РЭМ, в котором значительное место отводится биографиям их собирателей⁷

Опираясь на общие принципы научной проектной деятельности (постановка целей, ориентированных на социально значимый результат, продуманность критериев результативности, инновационный и творческий характер исследования)⁸, в ходе работы над темой был выработан определенный алгоритм работы и представления её результатов – архивные поиски, ведущие к восстановлению личной биографии и фактов собирательской деятельности, изучение музейных вещевых и фотоколлекций с последующей презентацией материалов, публикации.

Следуя указанному алгоритму, соблюдая все позиции (от изучения архивов и коллекций до итоговой публикации материалов), наиболее полно удалось представить результаты проделанной работы, касающихся биографии и научного наследия С.И. Сергеля, Л.Л. Капицы, Р.М. Габе и И.А. Гальнбека.

После нескольких публикаций итогов архивных изысканий и источниковедческого анализа коллекций упомянутых исследователей в стенах РЭМ были организованы выставки, демонстрирующих материалы вышеуказанных исследователей⁹.

В 2010 г. состоялась выставка под названием «Я пробрался в глубь неизвестных стран...», посвященная С.И. Сергелю (1883–1955) – этнографу, путешественнику, писателю, одному из первых исследователей традиционной культуры коми и зарубежных саамов Норвегии и Финляндии¹⁰.

На выставке были представлены фотографии, запечатлевшие различные явления традиционной культуры коми и зарубежных саамов. В 2011 г. вышла книга-альбом «Сергей Иванович Сергель. Этнограф и путешественник»¹¹. Книга открывается биографическим очерком, за которым следуют два раздела: «В зырянском крае» и «Экспедиция к норвежским лопарям». В первом публикуются фотографии С.И. Сергеля, выполненные во время экспедиции 1906 г., а также вводится в научный оборот хранящаяся в архиве РЭМ рукопись С.И. Сергеля «Описание зырянских построек в Помоздинской волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии» (1906), которая является самым ранним и полным описанием жилища коми. Второй раздел содержит фотографии, выполненные Сергелем во время кочевки с норвежскими саамами (1907). Публикуемые материалы не только свидетельствуют о большом вкладе исследователя в этнографическую науку, но и характеризуют его как творческую личность.

Леонид Леонидович Капица (1892–1938) – сотрудник ЭО, этнограф-финно-угровед, известный в 1920–1930-е гг. деятель документального кино,

пополнил фонды музея ценнейшими фотоколлекциями, привезенными им в 1910–1920-е гг. от финно-угорских народов Европейского Севера – карел, саамов и коми с территории Кольского полуострова, Карелии и Республики Коми. Эти фотографии были представлены на двух выставках РЭМ: «Финно-угорский мир в фотографиях Л.Л. Капицы» (2012) и «Саамский триптих (кольские саамы в фотоколлекциях начала XX в. в собрании Российского этнографического музея)» (2014).

В 2017 г. в свет вышла книга-альбом «Финно-угорский мир в фотографиях и документах. Научное наследие Л.Л. Капицы»¹². В книге публикуются уникальные по своему информативному потенциалу экспедиционные фотографии из коллекций Л.Л. Капицы, представляющие собой по существу фотолетопись ушедшей в прошлое народной культуры трех финно-угорских этносов – коми, карел и саамов. Все материалы – фотографии, архивные материалы – публикуются впервые и свидетельствуют о значительном вкладе Л.Л. Капицы в этнографическую науку и сохранение многонационального культурного наследия народов России.

По этой же модели проводилось изучение и презентация научного наследия Руфина Михайловича Габе (1875–1939) – известного архитектора и видного исследователя народного деревянного зодчества Северо-Запада России.

В 1926–1930 гг. он как участник Северо-Западной этнологической экспедиции ЭО работал на территории Кингисеппского у. Ленинградской обл, изучая памятники народной архитектуры финского населения (ижора, водь, ингерманландские финны). Собранные им материалы хранятся в архиве РЭМ, составляя коллекцию более, чем из 100 рисунков и чертежей, часть которых была представлена на выставке «Народная архитектура финского населения Ленинградской области в рисунках Р.М. Габе (20-е годы XX в.)». Итогом изучения научного наследия Р.М. Габе стала подготовленная к изданию книга, знакомящая с беспрецедентными по информативному потенциалу экспедиционными рисунками и чертежами из его коллекции.

В 2013 г. в РЭМ состоялась выставка «И.А. Гальнбек – исследователь эстонской этнографии», имевшая более масштабный характер, чем вышеупомянутые. Иван Андреевич Гальнбек (1855–1934) – профессор архитектуры, преподаватель Центрального училища технического рисования барона А.Л. фон Штиглица, ученый-реставратор, коллекционер, знаток эстонской культуры. На выставке демонстрировалось 400 памятников эстонской культуры, раскрывающих образ жизни населения островов Эстонии XVIII–IX вв.: 180 вещевых и 220 иллюстративных (фотографии и рисунки И.А. Гальнбека)¹³. Результаты историко-биографических и источниковедческих исследований обобщены в научной публикации¹⁴. Надо отметить, что эта выставка создавалась в рамках международного выста-

вочно-издательского проекта «И.А. Гальнбек – исследователь эстонской этнографии», осуществляемого Российским этнографическим и Эстонским национальным музеями. Организации выставки в РЭМ предшествовала совместная экспедиция российских и эстонских этнографов М.Л. Засецкой и П. Ёйнапу «По следам И.А. Гальнбека» (2010). По окончании выставки её организаторы передали эстонским коллегам видео- и фотоматериалы, дающие представление о рукописях и рисунках И.А. Гальнбека, хранящихся в архиве РЭМ.

Нам представляется, что опыт ушедших поколений, наших предшественников, обогативших и музейное дело, и этнографическую науку своими изысканиями и открытиями, имеет непреходящую ценность для современников, являясь, по выражению Д.М. Володихина, «...арсеналом духа, вычерчивающего жизненный проект»¹⁵.

На сегодняшний день из списка, содержащего около 100 имен собирателей РЭМ (включая и наших современников), восстановлены и опубликованы биографии значительного числа собирателей. Это позволит в будущем создать коллективный портрет собирателей РЭМ и выявить главные факты коллективной биографии представителей данного российского социокультурного сообщества.

Как уже указывалось, реализация проекта имеет значение и для решения проблем источниковедения, поскольку при интерпретации этнографических коллекций важно учитывать различия в подходах к их формированию, определяемых рядом субъективных факторов. Вариативность этих подходов привносит индивидуальные черты в коллекционные собрания, объективно отражающие

Примечания:

- 1 Личность и творчество. К 95-летию Т.А. Крюковой / Отв. ред. А.Ю. Заднепровская. СПб.: Лань. 2000.
- 2 С 2006 г. отдел разделился на две новые структурные единицы: отдел этнографии Северо-Запада и Прибалтики и отдел этнографии Поволжья и Приуралья.
- 3 Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. С. 86.
- 4 Ивановская Н.И. Казанские исследователи истории Волго-Камского региона В.И. Заусайлов и И.Н. Смирнов // Материалы по этнографии. Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада и Среднего Поволжья / Науч. ред. О.М. Фишман. СПб.: Деловая полиграфия, 2004. С. 26–37; Федорова И.С. И.К. Зеленов и его коллекции в собрании РЭМ // Там же. С. 36–45; Лойко Л.М., Фишман О.М. Г.А. Никитин – ученый и собиратель // Там же. С. 46–60; Королькова Л.В. Н.И. Репников – исследователь Северо-Запада России // Там же. С. 61–66; Ивановская Н.И. Забытые имена: путешественник и этнограф С.И. Сергель // Хранители. Мат-лы XI Царскосельской науч. конф. СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. С. 154–166.

- 5 *Ивановская Н.И., Фишман О.М., Панкратов В.Б.* Источниковедение и историография в Российском этнографическом музее: опыт по созданию электронных баз данных // Памяти академика А.И. Шёгрена. (1794–1855): Сб. докл. / Авт.-сост. С.Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2007. С. 134–146. *Фишман О.М.* Электронный биобиблиографический словарь «Собиратели Российского этнографического музея»: информационный ресурс нового поколения // Музей. Традиция. Этничность. 2014. № 1(15). С. 53–61.
- 6 *Засецкая М.Л.*: 1) Этнографические коллекции А.А. Фомина в музеях Санкт-Петербурга // Документирование театрального наследия: Междунар. науч. конф.: к 90-летию Российской государственной библиотеки искусств: доклады, сообщения, публикации / Рос. Гос. б-ка искусств / Сост. А.А. Колганова. М.: Новое издательство, 2013. С. 246–253; 2) И.А. Гальнбек – остзейский немец и русский просветитель конца XIX – начала XX в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-3. Шестые междунар. Шёгреневские чтения: Сб. ст. и тез. докл. / Сост. и науч. ред. С.Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 355–367; *Ивановская Н.И.*: 1) Субъективные факторы формирования этнографических коллекций // Этнографический источник: Мат-лы Третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений / Науч. ред. В.М. Грусман, А.В. Коновалов. СПб., 2004. С. 17–22; 2) Этнографическая экспедиция на территорию Коми С.И. Сергеля (май – сентябрь 1906) // Очерки по истории изучения этнографии коми: Межрегион. сб. / Отв. ред. Ю.П. Шабаев. Сыктывкар: Кола, 2007. С. 141–152; 3) Образ эпохи, образ народа (опыт биографического изучения собирателей Российского Этнографического музея) // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. Четвертые Шегреневские чтения: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. С.Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2011. С. 286–302. 4) И.Ф. Тюменев и его собрание иллюстративных материалов в Российском этнографическом музее (литовская коллекция) // Старая Литва: Выставка в Национальном музее Литвы. СПб.; Вильнюс: [б.и.], 2009. С. 113–123; 5) С.И. Сергель – исследователь традиционной культуры саамов Норвегии и Финляндии // Скандинавские чтения 2010 г. / Отв. ред. Т.А. Шрадер; МАЭ РАН. СПб., 2012. С. 647–664; 6) М.Е. Евсевьев – корреспондент Этнографического отдела Русского музея // Бусыгинские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. 16 декабря 2009 г. / Науч. ред. Г.Р. Столярова. Казань: РИЦ, 2010. Вып. 1. С. 26–32; 7) О.О. Визель и Л.Л. Капица – исследователи саамов российско-норвежского пограничья // Скандинавские чтения 2012 г. / Отв. ред. Т.А. Шрадер; МАЭ РАН. СПб., 2014. С. 435–443; 8) Профессиональная социализация студентов Санкт-Петербургского университета в семинаре Ф.К. Волкова в 1907–1917 гг. // Феномен социализации в этнической культуре: Мат-лы Одиннадцатых Санкт-Петербург. этнограф. чтений / Отв. науч. ред. В.М. Грусман, Е.А. Герасименко. СПб., 2012. С. 133–144; 9) Этнограф Л.Л. Капица: экзистенция личной судьбы // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-3. С. 368–376. 10) Письма как источник изучения персональной истории (по переписке Л.Л. Капицы с П.Л. Капицей. 1921 – 1938 гг.) // Право на имя. Биографика 20 века. Двенадцатые чтения памяти Вениамина Иофе /

- Науч. ред. Т.Б. Притыкина. СПб.: ЗАО «Норма», 2014. С. 54–63. 11) Корреспонденты Этнографического отдела Русского музея В.А. Плотников и Д.К. Соловьев – исследователи кольских саамов // Скандинавские чтения 2014 г. / Отв. Ред. Т.А. Шрадер; МАЭ РАН. СПб., 2016. С. 367–376; 12) Кольские саамы в рисунках С. Бартольда (из фондов Российского этнографического музея) // Скандинавские чтения 2016 г. / Отв. ред. Т.А. Шрадер; МАЭ РАН. СПб., 2018. С. 395–405; 13) Исследователь народной архитектуры Р.М. Габе–представитель творческой интеллигенции многонационального Петербурга // Северо-Запад: Этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые Шёгреновские чтения: Сб. ст. / Науч. ред. Н.И. Ивановская, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом. 2018. С. 374–384; *Королькова Л.В.*: 1) ЛОИКФУН. Дела и люди // In situ. Сб. в честь 85-летнего юбилея проф. А.Д. Столяра / Отв. ред. А.А. Никонова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 421–432; 2) Финно-угорские исследования В.А. Ильинского на Северо-Западе СССР (1926 – 30-е гг.) // Памяти академика А.И. Шёгрена. С. 111–118. 3) Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: А.В. Фомин Светляк, Я.С. Розов, Е.В. Скородумов (1920–1930 гг.) // Рябининские чтения–2007: Мат-лы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова; Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007. С. 64–67; 4) Сподвижники Давида Алексеевича Золотарева: люди и судьбы // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Мат-лы Девярых Санкт-Петербургских этнограф. чтений / Отв. науч. ред.: В.М. Грусман, А.В. Коновалов. СПб., 2010. С. 16–27; 5) Исследователи и собиратели материалов по традиционной культуре вепсов: Александр Иванович Колмогоров, Владислав Иосифович Равдоникас // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: Сб. науч. тр. по итогам междунар. конф., посвящ. 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея / Редкол.: М.Л. Гольденберг и др. Петрозаводск: КарНЦ РАН 2008. С. 91–106; 6) Биографические исследования в музее: собиратели коллекций по этнографии вепсов З.П. Малиновская и Е.В. Скородумов // Рубежи памяти: судьбы культурного наследия в Армении и России: Тр. междунар. науч. конф. / Отв. ред. А.А. Никонова. СПб.: Изд-во Рус. христианской гуманитарной акад. 2014. С. 195–209; *Русанова Н.Н.* Финский краевед Й.-В. Котикоски и его коллекции в собрании РЭМ // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. 2011. С. 329–341.
- 7) См. библиографические статьи о более 10 собирателях литовского фонда РЭМ // Старая Литва. Выставка в Национальном музее Литвы / Российский этнографический музей, Национальный музей Литвы. Вильнюс, [б.и.], 2009.
- 8) *Волохова Е. С.* Основные этапы научного исследования // Молодой ученый. 2016. № 6. С. 755–757. URL <https://moluch.ru/archive/110/26991/>
- 9) *Ивановская Н.И., Чувьоров А.А.*: 1) Визуализация традиционной культуры коми в фотографиях С.И. Сергеля // Бусыгинские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. 28 ноября 2012 г. Вып. V. Казань: 2013; 2) Финно-угорский мир в фотографиях Л.Л. Капицы // Рябининские чтения– 2015. Мат-лы VII науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / Отв. ред. Т.Г. Иванова;

- Гос. ист.-архитектур. и этногр. музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск: 2015. С. 47–49.
- 10 «Я пробрался в глубь неизвестных стран...»: Фотографии С.И. Сергеля из собрания Российского этнографического музея: Буклет / Авт. кол.: А.А. Заньковская, Н.И. Ивановская, А.А. Чувьюров. Авторы текста: Н.И. Ивановская, А.А. Чувьюров. СПб.: Славия, 2011.
  - 11 *Ивановская Н.И., Чувьюров А.А.* Сергей Иванович Сергель. Этнограф и путешественник / Науч. ред. О.М. Фишман. СПб.: Славия. 2011.
  - 12 *Ивановская Н.И., Чувьюров А.А.* Финно-угорский мир в фотографиях и документах. Научное наследие Л.Л. Капицы / Науч. ред. О.М. Фишман. СПб.: Информ.-изд. агентство «ЛИК». 2017.
  - 13 *Засецкая М.Л.* Временная выставка «И.А. Гальнбек – исследователь эстонской этнографии» // Музей. Традиции. Этничность. 2013. № 1 (3). С. 106–118.
  - 14 *Засецкая М.Л.* И.А. Гальнбек – остзейский немец... С. 355–367.
  - 15 *Володихин Д.М.* Экзистенциальный биографизм в истории // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1999. № 24, июнь. С. 257.

УДК 929: 94(47).084: 94(474.2)

МИСЯ ШПИС «НА КРАЮ БОЛЬШОЙ РОССИИ»: ФОТОДОКУМЕНТЫ 1930-х гг. ПО КУЛЬТУРЕ ПЕЧОРСКОГО УЕЗДА ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РЭМ

Марина Львовна Засецкая

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, научный сотрудник ведущей категории

merjamz@mail.ru

Елена Федоровна Кононова

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, научный сотрудник ведущей категории

efkonon@yandex.ru

Аннотация. Основная задача статьи – обоснование гипотезы о возможном сотрудничестве участников экспедиций 1937–1938 гг. Музея человека (Париж, Франция) Б. Вильде и Л. Зурова и автора фотоматериалов 1930-х гг., хранящихся ныне в Российском этнографическом музее, художницы М.Р. Малаховой-Шпис. Для решения этой задачи потребовалось восстановить историю жизни и творчества художницы, период ее деятельности в Печорском крае, личные и политические связи в кругах русской белоэмиграции. Основу биографической реконструкции составили архивные материалы, а также мемуары, интервью, художественная литература современников М.Р. Малаховой-Шпис.

Ключевые слова: биоисториография, русские белоэмигранты в Эстонской республике, фотоматериалы по этнографии Печорского у., 1930-е гг.

УДК УДК 929: 94(47).084: 94(474.2)

MISIA SPIESS «ON THE EDGE OF GRAND RUSSIA»: PHOTO DOCUMENTS ON THE CULTURE OF THE PECHORA UYEZD OF

ESTONIA REPUBLIC FROM 1930s, IN THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY (RME)

Marina Lvovna Zasetskaya

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Senior Researcher

merjamz@mail.ru

Elena Fedorovna Kononova

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Senior Researcher

efkonon@yandex.ru

Abstract. The article goal is to substantiate the hypothesis of possible cooperation between the participants of the expeditions of 1937–1938 of the Musée de l’Homme (Le Musée de l’Homme, Paris, France) B. Wilde, L. Zurov, and the artist M. R. Malakhova-Spiess, the author of the photographic materials of the 1930s, stored in The Russian Museum of Ethnography. To solve this problem, the authors needed to restore the history of life and work of the artist, especially her activities in the Pechora uyezd, personal and political links within the society of the Russian white émigrés. Archival materials, as well as memoirs, interviews, M. R. Malakhova-Spiess contemporaries fiction, were the base of the biographical reconstruction.

Key words: *biohistoriography, Russian white émigrés in the Republic of Estonia, photo materials on Ethnography of Pechora district in 1930s.*

Данное исследование является одним из результатов пятилетней работы (2012–2017 гг.), проводившейся в рамках международного научно-издательского француско-российско-эстонского проекта «Экспедиции Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937—1938)»¹. Основная задача статьи – обоснование гипотезы о возможном сотрудничестве участников экспедиций Музея человека Б. Вильде и Л. Зурова и автора фотоматериалов 1930-х гг., хранящихся ныне в РЭМ. Для ее решения необходимо было восстановить хотя бы в общих чертах биографию фотографа и владелицы. Но, чтобы раскрыть «тайну индивидуума»², нам пришлось совершить «путешествие» из Брюсселя (1928), минуя Париж, Вену, Берлин (1929–1933), в Эстонию (1935–1938) и «познакомиться» с целой плеядой талантливых писателей, поэтов, художников, ученых – представителей белоэмиграции, чья молодость пришлась на перв. пол. XX в., а жизненные пути пересеклись «на краю большой России»³ – в Печорском крае. Возможно, обаяние языка прозы и поэзии потомков и последователей мастеров Серебряного века, заставило нас невольно отступить от канонов научного изложения, и мы позволили себе чуть-чуть приблизиться к форме литературного повествования, тем более, что главная героиня

этой почти детективной истории, как выяснилось, была женщиной-художницей, склонной и к любовным интригам, и к политическим авантюрам.

Однако, вернемся к первопричине, побудившей нас заняться исследованием.

В 2017 г. в процессе подбора дополнительных фотоиллюстративных материалов по культуре Печорского у. 1920–1930-х гг., после консультации с будущим соавтором настоящей статьи, хранителем негативотеки РЭМ Кононовой Е.Ф., члены редколлегии российской версии книги «Экспедиции Музея человека в Эстонии. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)» остановили свой выбор на снимках из уникальной коллекции, включающей 96 диапозитивов (РЭМ, колл. № 9202), приобретенной в 1964 г. от гражданки Марии Романовны Малаховой за солидную, по тем временам, сумму денег – 60 руб.⁴ По утверждению владелицы, съемки были произведены ею в 1935–1936 гг. во время поездок в Печорский край. Также М.Р. Малахова передала в музей свои записи к диапозитивам, которые были отчасти использованы сотрудницей РЭМ И.И. Барановой при регистрации коллекции. Сейчас они также хранятся в негативотеке РЭМ вместе с диапозитивами.

К сожалению, коллекция не была опубликована в эпоху СССР, поскольку характеризовала жизнь, быт, религиозную и светскую культуру русских и сетоских крестьян в Эстонской «буржуазной» республике в объективном и скорее положительном ключе. Вскоре о собрании Малаховой, скрытом в фотоархиве «до лучших времен», позабыли. Между тем среди редких снимков, имеется целый ряд уникальных, в том числе посвященных: Дням русского просвещения в Печорах⁵ (РЭМ, колл. № 9202-23–30), почитанию Титова камня, который, по поверью, «раз в году весной⁶ <...> имеет целебную силу, в этот день с утра до вечера ходят туда больные верующие в исцеление, прикладываются к камню своими больными местами. При этом нужно что-нибудь есть⁷» (РЭМ, колл. № 9202-10; рис. 1.); самобытной «свадебной игре» после престольного «храмового» праздника – Ильина дня, которую устраивали в д. Кулье: «На третий день праздника гуляют бабы. Пенie, пляски, пьянство и еще нередко целый маскарад. Напр<имер> изображают свадьбу, причем все мужские роли играют переодетые женщины <...> Участники свадьбы вылезли из повозки и пошли регистрироваться в “общину”, но чиновники увидевшие подвыпивших баб, струсили и заперлись в своей комнате. Тогда они попросили чтоб их свадьбу сняли, что я и исполнила» (РЭМ, колл. № 9202-70,71,72; рис. 2). К уникальным следует отнести и снимок «детской площадки», иллюстрирующий один из видов гуманитарной деятельности печорского русского просветительского общества: «Обозерские ребята. Несколько лет подряд усилиями культурно-просвет<ительского> общества в Печорах, устраивались летом в

Рис. 1. Женщины на Титовом (Китовом) камне в Радуницу. Русские. Сето.
 Фотография М.Р. Малаховой. 1935–1936 гг. Эстонская Республика, г. Печоры.
 РЭМ № 9202-10. Публикуется впервые

Обозерья «детские площадки», где дети бесплатно получали хорошую еду и где с ними в продолжении дня занималась руководительница площадки, обыкновенно молодая девушка, окончившая предварительно курс» (РЭМ, колл. № 9202-92)

Тематически большая часть диапозитивов может быть отнесена к типовым этнографическим снимкам, отражающим крестьянскую культуру Печорского края, но для собрания РЭМ работы М.Р. Малаховой представляют особую ценность. Они продолжают и дополняют фотоколлекции экспедиции 1911 г. К.К. Романова в тот же регион, во время которой его сопровождал фотограф В.М. Машечкин – специалист по этнографической фотофиксации. Среди этой группы диапозитивов, характеризующих особенности земледелия, льноводства, строительства жилища, семейного уклада, традиционного народного праздничного и повседневного костюмов русских и сето Печорского у. в 1930-е гг., особо следует выделить сним-

Рис. 2. Ряженные участницы «свадьбы» во время «бабьего праздника», который отмечали на третий день после престольного – Ильина дня (день памяти св. прор. Илии) в д. Кулье. Русские. Фотография М.Р. Малаховой. 1935–1936 гг. Эстонская Республика, Печорский у., РЭМ № 9202-71. Публикуется впервые.

ки празднования Троицы в д. Тайлово (РЭМ, колл. № 9202-20–22; рис. 3), которые удивительным образом перекликаются с фотографиями 1911 г., повествующими о таком же церковном празднике и народных гуляниях в с. Паниковичи (РЭМ, колл. № 2294-4-10). Но наибольший интерес у сотрудников РЭМ – участников проекта 2013–2017 гг., вызвало то обстоятельство, что собрание М.Р. Малаховой оказалось во многом аналоговым по сюжетно-тематическому содержанию фотографическим коллекциям 1937–1938 гг. Леонида Зурова и Бориса Вильде.

Рис. 3. Гуляние (кирмаш) в Троицу возле церкви свт. Николая Чудотворца в с. Тайлово. Русские, сето. Эстонская Республика, Печорский у. Фотография М.Р. Малаховой. 1935–1936 гг. РЭМ № 9202-2. Публикуется впервые

Сходство сюжетов (рыболовство в Печорском крае – Обозерье, престольные праздники: Ильин день и Ильинская пятница, погребально-поминальная обрядность сето, ярмарки в Печорах, крестные ходы, катание яиц на Пасху); выбора поселений (гг. Печоры, Изборск, с. Тайлово, д. Городище, о-в Колпино), культовых объектов (надвратная церковь свт. Николая в Псково-Печерском монастыре, церковь св. прп. Сергей Радонежского в Изборске, часовня в Медово, часовня на столбе в д. Большая Пачковка и др.), ракурсов фотосъемки и даже одних и тех же людей – крестьянок из д. Городище (подробнее об этом сюжете см. далее) – все это подвигло нас еще раз пересмотреть фотографии, привезенные из экспедиций 1937–1938 гг. в Музей Человека (Париж)⁸, сопоставляя их с диапозитивами М.Р. Малаховой.

В процессе этой работы нам удалось уточнить хронологические границы коллекции РЭМ и сделать первые открытия.

Основные съемки проводились Малаховой действительно в 1935–1936 гг. Например, диапозитив (РЭМ, колл. № 9202-2), сопровождаемый текстом: «Храм св. Николая с другой стороны прохода. Снимок сделан до реставрации, когда над входом стояла сколоченная из досок колокольня, примыкающая к звоннице», не мог быть сделан позже 1935 г., так как именно в этот год Л. Зуров закончил реставрацию звонницы⁹. Событийный ряд другого диапозитива (РЭМ, колл. № 9202-33) раскрывает следующая запись: «Дед старовер со своей “бабой” приехал на ярмарку. Типичные печерские дома на главной псковской улице, ныне сгоревшие», т.е. съемка произведена до печорского пожара 1939 г., уничтожившего почти половину города¹⁰.

Комментарии Марии Малаховой по поводу снятых объектов свидетельствуют о том, что она была в курсе многих аспектов жизни Печорского края, города и монастыря, т.е. она была не заезжей гостьей, а человеком, либо жившим на территории Печор, либо часто посещавшим этот край в 1930-е гг., хотя некоторые из ее заметок относятся к более позднему времени и указывают на связи с русской диаспорой в Париже: «Этот монах, вернее, тогда еще “послушник”, несколько раз возвращался в “свет”, но впоследствии все-таки посвятил себя иноческой жизни. Носил вериги, держал обет молчания и др. После уехал в Париж, где достиг в сравнительно короткое время високий духовный сан» (РЭМ, колл. № 9202-5).

В следующей заметке Малахова упоминает о знании иностранных языков другим «монахом с большим ключом перед входом в ризницу. Он владеет несколькими иностранными языками. Поэтому он разводит посетителей желающих осмотреть достопримечательности монастыря» (РЭМ, колл. № 9202-4). Это заставило нас вспомнить рассказы печорян об отце Серафиме (Розенберге)¹¹. И когда мы нашли на сайте монастыря поздние фотографии старца Серафима, то смогли убедиться, что Мария Малахова запечатлела именно его. Вероятно, это одна из самых первых фотографий будущего архимандрита и провидца в качестве насельника Псково-Печерского монастыря (рис. 4), в 1930-е гг. он служил пономарем и водил экскурсии для посетителей, что являлось его послушанием.

В 1978 г. с материалами коллекции познакомилась М. Пихо, в то время научный сотрудник Музея истории г. Печоры. Она атрибутировала один диапозитив из цикла «Дни русской культуры в Печорах» 1937 годом (РЭМ, колл. № 9202-26; рис. 5)¹², что еще более утвердило нас в подозрении о знакомстве Марии Малаховой с членами экспедиции 1937–1938 гг.

Также удалось выяснить, что некоторые фотографии были сделаны не позже конца 1934 г., возможно даже в 1933 г. Сын известного русского писателя П.И. Мельникова-Печерского – Алексей Павлович Мельников¹³ действительно выступал с речами о роли национальной культуры в Дни русского просвещения в Печорах (РЭМ, колл. № 9202-27), но Малахова

Рис. 4. Будущий архимандрит и провидец, старец о. Серафим (Розенберг) – послушник Псково-Печерского монастыря. Фотография М.Р. Малаховой. 1933 (?)–1936 гг. РЭМ № 9202-4. Публикуется впервые

не могла его фотографировать в 1935 г., поскольку Мельников-Печерский скончался в 1934 г.

Таким образом, хронологические границы коллекции М.Р. Малаховой требуют корректировки. Сейчас можно с уверенностью говорить о датировке 1934–1937 гг., не исключая возможность расширения хронологических границ с 1933 г. по 1938 г. При сравнении снимков М. Малаховой «Хор городищенских баб, в псковской одежде, идет в общем шествии на День Русской культуры в Печерах» (РЭМ, колл. № 9202-29; рис. 6) и Л. Зурова 1938 г., сделанных в д. Городище (MQB PF0016919, PF0016920, PF0016923, PF0016924¹⁴) очевидно, что это одни и те же женщины, облаченные в те же самые костюмы. Едва ли подобное совпадение – случайность, хотя можно допустить, что Малахова фотографировала в 1935–1936 гг., а Л. Зуров шел по ее следам. Но из этого следует, что, либо они были лично знакомы, либо он видел копии ее снимков у некоего третьего лица.

Пытаясь обнаружить участие Малаховой в полевых исследованиях членов французской экспедиции, мы тщательно изучили фотографии Б. Вильде и Л. Зурова, датированные 1937 г. и объединенные в группу под условным рабочим названием: «Праздник в д. Тайлово и портреты» (MQB PP0210451-PP0210457; PP0210458-PP0210461)¹⁵. Из отчетов Зурова не яс-

Рис. 5. Женский хор из д. Городище исполняет старинные свадебные песни в Дни русского просвещения, предположительно, посвященные 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина.

Фото М.Р. Малаховой. 1937 г. (по атрибуции М. Пихо).

Эстонская Республика, г. Печоры. РЭМ № 9202-26. Публикуется впервые

но, присутствовал ли он на этом сельском празднике (на фотографиях его нет) или работал в другом месте самостоятельно, поскольку в 1937 г. одной из его основных задач была фиксация археологических памятников на территории Печорского у. Но в тот день в д. Тайлово было сделано множество постановочных снимков Б. Вильде. Речь идет не о простом попадании в кадр на фоне этнографического объекта или в окружении местных жителей. Здесь имеет место профессиональный романтический фотопортрет, крупным планом (MQV PP0210436)¹⁶. Кто его сделал? Человек, наделенный художественным видением, т.е. фотограф-художник или ... женщина-фотограф незнакомки явно не крестьянского происхождения. Она демонстрирует сетоские костюмы: девичий и замужней женщины. У

Рис. 6. Женский хор из д. Городище во время общего шествия народных хоров и оркестров в Дни русского просвещения. Фото М.Р. Малаховой. 1936–1937 (?) гг. Эстонская Республика, г. Печоры. РЭМ № 9202-29. Публикуется впервые

нее характерные черты лица, высокие, сильно выступающие скулы и характерные надбровные дуги, широко расставленные глаза, маленький нос, привычка прищуривать глаза и кривить рот (MQB: PP0210451-PP0210457; PP0210458-PP0210461)¹⁷. И те же особенности антропологического строения лица и мимики присутствуют у М.Р. Малаховой, снимок которой (ростовой портрет в профиль в отдалении) имеется в коллекции музея (РЭМ, колл. № 9202-93, см. рис. 7).

Подобное гипотетическое предположение заставило нас искать Марию Малахову среди печорской интеллигенции 1930-х гг. в окружении Л. Зурова и Б. Вильде. И мы ее ... не нашли. Точнее нашли, но тогда она носила другую фамилию – Шпис.

Мария Шпис¹⁸, более известная в Западной Европе под творческим псевдонимом Мися Шпис (*франц.* Misia Spiess) – дочь российских немцев¹⁹, белоэмигрантов, германская подданная, впервые попала в поле зрения деятелей искусств и широкой общественности в 1928 г. Гравюры на дереве молодой художницы, представленные на выставке «Русское искусство старое и новое» (*франц.* «L'art russe ancien et moderne») в Брюсселе, удостоились похвалы известного писателя и критика Шарля Бернара²⁰. Второй раз о ней заговорили в Эстонии и Латвии в 1936 г. На этот раз успех был

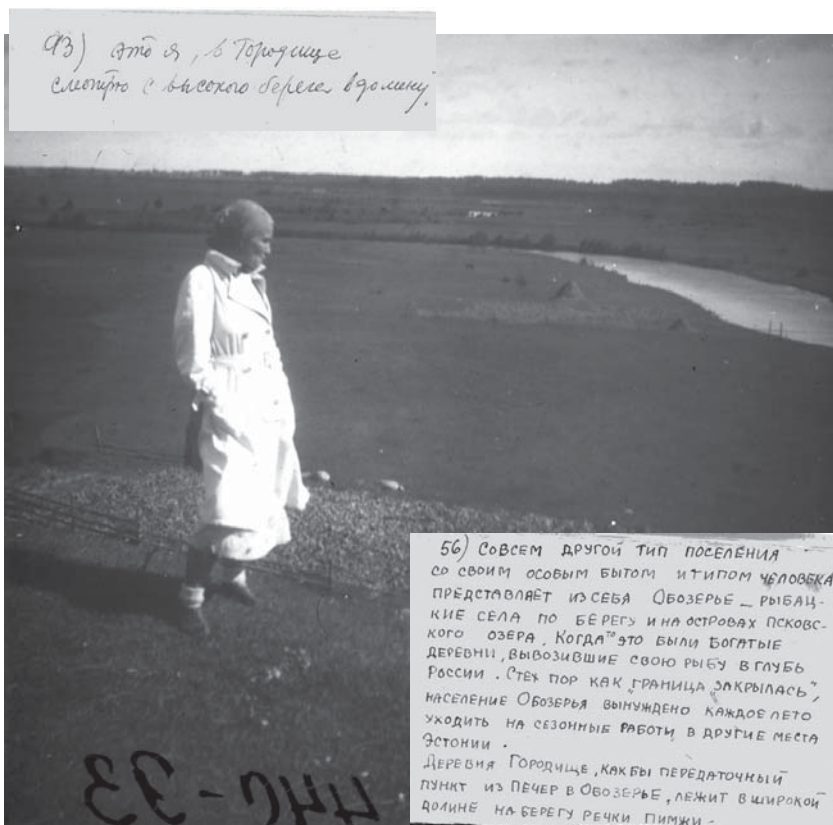

Рис. 7. Портрет М.Р. Малаховой на фоне пейзажа в окрестностях д. Городище.
Автор неизвестен. 1930-е гг. Эстонская Республика, Печорский у.

РЭМ № 9202-93. Публикуется впервые.

Фотография дополнена записями Малаховой 1930-х гг. и подписью к портрету, сделанной во время поступления коллекции диапозитивов в музей в 1964 г.

связан с публикацией Мисей Шпис небольшой книги «Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в деревне Городище, Петсерского уезда в Эстонии», украшенной гравюрами художницы²¹, выпуск которой был приурочен к фольклорному фестивалю в г. Риге, где состоялась «выступление Городищенских баб со «Свадебной игрой»»²².

Каким же образом нам удалось идентифицировать этих двух женщин? Наше «расследование» велось по нескольким направлениям: интернет-ресурсы, мемуары, художественная литература и архивы.

Первые упоминания о Марии Романовне Малаховой мы нашли на сайте Артархива, но вместо полноценного портфолио художника, там имелась

краткая справка: «1903 г.р., место проживания – Таллин, график, член союза художников СССР»²³. Отсутствие сведений и ссылок на художественные произведения или участие в выставках М.Р. Малаховой в других поисковых системах (на русском и эстонском языках) вызвало у нас растерянность.

Решающее значение сыграло обнаружение интервью Георгия Александровича Малахова, которое 99-летний ученый, общественный деятель, политик и бывший супруг М.Р. Малаховой (урожд. Шпис) дал в 2004 г. журналистам Радио Свободы²⁴. После знакомства с историей его жизни мы направили запросы в архивы Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына²⁵ (ДРЗ, Москва) и Эстонский национальный архив²⁶ (ERA, Таллин и Тарту). Отозвались только эстонские архивариусы, предоставив нам для научно-исследовательской работы сканированные изображения документов, за что мы приносим им глубокую благодарность.

С огромным интересом авторы статьи приступили к сравнению информации о судьбе, творческой деятельности и странствиях Марии Шпис-Малаховой, которая содержалась в интервью ее мужа и официальных документах, присланных из Эстонии.

Однако прежде всего хотелось бы сказать несколько слов об отношениях между бывшими супругами. Георгий Александрович, безусловно, любил Марию Романовну, он вспоминает о ней с теплотой и нежностью, избегая каких бы то ни было обвинений или упреков, в целом ряде случаев, пытается оправдать ее сомнительные поступки или авантюры: «Мария училась, естественно, в Германии <...> потом ее отец отправил в Париж, в художественную школу <...> Была яркой русофилкой. И вот, она как-то попала в поле зрения Сергея Семеновича Маслова²⁷. Сергей Семенович влюбился в нее, развелся со своей женой и хотел уже на ней жениться. А в это время она в Эстонии изучала быт русских крестьян, на границе с Россией. Она свободно там передвигалась, у нее был немецкий паспорт. А я как раз в это время приехал туда по своей партийной командировке и познакомился с Марией Романовной. И она мне призналась, что она является представительницей Маслова тут, тайной. Маслов тут проиграл: вместо невесты Маслова Мария Романовна вышла замуж, в конце концов, за меня и стала моей женой. И у нас родился сын Алеша, он родился в Вене, в имении, где воспитывалась ее мать. Но это был такой беспокойный человек, Мария Романовна летала по всей Европе со своими кистями и красками в то время»²⁸. Кажется, что толику любви к ней он сохранил до последних дней жизни: «Умерла она в Эстонии и похоронена в Эстонии. Ко мне сюда перед смертью, в Канск, приезжала, но не осталась у меня, хотя я хотел бы, чтобы она осталась»²⁹.

Мария Романовна была всего на год старше Георгия Александровича, но, видимо, намного опытнее в житейском плане. Хотя их бурный осен-

ний роман в 1930 г. закончился рождением сына Алексея (20.06.1931³⁰), вступить в законный брак с его отцом и обременять себя семейными обязанностями молодая художница – типичная представительница богемы – не собиралась. Ее брак с Малаховым был заключен лишь в 1939 г. по вынужденным обстоятельствам: «Когда началась война Германия – Польша и всех немцев из Прибалтики стали отправлять в Германию, я опасалась, что очередь дойдет до меня с сыном, списалась с отцом ребенка и уехала в Югославию. Там зарегистрировалась с инж<женером> Георгием Малаховым. Таким образом я избавилась от герм<анского> паспорта и добровольно перешла на бесправное положение русской эмиграции»³¹. Как только «бесправная русская эмигрантка» почувствовала, что опасность миновала, она, к разочарованию мужа, покинула семейный кров: «Зимой 1944 г. я ушла от Г. Малахова и жила до весны 1945 г. в семье деверя, на фабрике вблизи Скопле»³². Там дождались и окончания войны»³³. Сведений о разводе с Г.А. Малаховым она не оставила. Написав, что в 1946 г. они получили советское гражданство, она имела в виду себя и сына³⁴.

С весны 1945 г. по март 1959 г. Малахова работала художником в Этнографическом музее г. Скопье. О ее многочисленных работах для музея (копирование экспонатов) можно судить по большому репрезентативному альбому «Македонская народная одежда»³⁵.

В период резкого ухудшения отношений СССР и Югославии Г.А. Малахов был депортирован (1958 г.) в Советский Союз, сама же Малахова в 1959 г. потеряла работу в музее и надежду на получение квартиры в Скопье, была вынуждена трудиться «гоноарно»³⁶ и жить в семье сына. К этому времени Алексей вырос, получил высшее образование, женился на словенке, устроился на работу по профессии, и вскоре мать почувствовала, что она ему «больше не нужна»³⁷. После землетрясения 1963 г., разрушившего Скопье, она приняла решение переехать в Советский Союз: «...я ни за что не желала оставаться там и обратилась за помощью к сов<етскому>. консулу. Мне была выдана денежная помощь, а кроме того консул от своего имени выхлопотал мне визу в Сов<етский> Союз. Т.к. друзья, кот<орые> меня сразу согласились принять на первое время, живут в Таллине, то я и приехала в Таллин. Здесь мне сразу выдали бессрочный внутренний сов<етский> паспорт, а через некот<орое> время <...> мне дали жилплощадь и постоянную прописку»³⁸. Облагодетельствованная консулом, друзьями и на удивление сострадательными советскими чиновниками, М.Р. Малахова прибыла в Советский Союз в 1964 г., а через два года, несмотря на антисоветскую деятельность в 1930-х гг. (членство в контрреволюционной Трудовой крестьянской партии под руководством репрессированного С.С. Маслова) и брак с политическим ссыльным Г.А. Малаховым, ее приняли в члены Союза художников ЭССР. Однако, если предположить, что

она искренне желала во чтобы то не стало вернуться на родину («Начиная с 1925 г. (Париж) до 1931 г. подавала 4 раза заявление о возвращении на родину. Получала отказ»³⁹), и сопоставить рассказ Г.А. Малахова о ее разведывательной деятельности в Германии по заданию С.С. Маслова среди советских и немецких ученых-генетиков⁴⁰, включая налаживание контактов с Н.В. Тимофеевым-Ресовский (1900–1981)⁴¹, то логично предположить, что она сотрудничала с советской разведкой. Когда, в какой форме и по чьей инициативе это сотрудничество состоялось, мы не знаем. В то же время у Малаховой, по нашему мнению, были определенные опасения на счет своей дальнейшей судьбы в СССР, не случайно она рискнула вернуться на родину только после XXII съезда КПСС (1961 г.), в период «десталинизации»⁴² и так называемой «оттепели 60-х».

Но нас не столько интересует личная жизнь Марии Малаховой-Шпис и ее политическая деятельность, сколько возможное участие в экспедициях Б. Вильде и Л. Зурова в 1937 и 1938 гг.

Вот как выглядит история ее деятельности в период с 1929 по 1939 гг., записанная ею самой в «Личном листке по учету кадров»:

«1929 лето: Петсери – типы крестьян; зима 1929–30: Дрезден, портрет Л. Толстого и др. 1930 лето: Петсери – “Народная техника” и др. 1931: Вена – рождение сына, 20.VI. 31г. 1931–32: Вена, Дрезден, домохозяйка; 1932–33: Прага, у Малаховых, домохозяйка.

1933,34,35 лето: Петсери – “Свадебная игра” и др.; зимой – Рига – фотоателье. 1936–1939 гг.: Рига – фотоателье Ebba Feldweg»⁴³.

Из данного перечня становится очевидно, что с осени 1929 г. до начала Второй мировой войны Малахова лето проводила, преимущественно, в Эстонии, в Петсери (Печорах) (1929, 1930, 1933–1935 гг.), зимой работала в Латвии в фотоателье «Ebba Feldweg» в Риге (1933–1939 гг.)⁴⁴. Периодически она посещала Германию (по заданию С.С. Маслова и личным интересам), Австрию (повидаться с сыном), Чехословакию (посетить Г.А. Малахова) Францию и другие страны.

Мир русской эмиграции в Прибалтике был чрезвычайно тесен, не говоря уже о творческой интеллигенции, временно или постоянно проживающей в Печорах. Не знать друг друга было практически невозможно. Косвенно о знакомстве Л. Зурова, Б. Вильде и М. Шпис свидетельствует ещё один человек – молодой писатель и поэт Юрий Иваск⁴⁵, нашедший в те годы прибежище в Печорах. Он был хорошо знаком и с Борисом Вильде – оба учились в Русской гимназии в г. Тарту, и с Леонидом Зуровым, с которым в 1935–1936 гг. играл вечерами в покер⁴⁶. В одном из своих литературных произведений 1930-х гг. «Повести о стихах», изданной в 1987 г. в Нью-Йорке, Ю. Иваск описывает общество маленького провинциального города, персонажи введены в повествование под вымышленными

именами. Из книги Ю. Иваска мы узнаем о появлении в Печорах «опротивившейся московской немке-художнице»: «Мария Карловна Шмид – свободная художница <...> недавно поселилась в Печорах. Яркие раскрашенные стульчики, столики, художественный беспорядок, нечто вроде синего зипуна с костяными пуговицами, заикающаяся речь. Писала иконы – и плохо, но ей удавались лубочные картинки, гравюры по дереву»⁴⁷. Из комментариев исследователя творчества Ю. Иваска становится понятным, что «прототип Шмид – художница Мария Романовна Шпис, которая рисовала портреты русских крестьян и в 1936 г. выпустила книгу “Свадебные песни и обряды...”»⁴⁸.

На эту не раз упомянутую в статье книжицу М. Шпис ссылается и Л. Зуров в отчете № 2⁴⁹, но о личном знакомстве с автором-художницей не упоминает, как, впрочем, и о знакомстве с Юрием Иваском. Но он и не обязан был описывать свои личные связи в научном отчете об экспедиции.

Однако трудно предположить, что художница, регулярно посещавшая Печерский монастырь с целью фотосъемки, и реставратор надвратной церкви свт. Николая, будучи людьми творческими и общительными, имеющие общего знакомого (Ю. Иваска), не были знакомы. Более того, учитывая тот факт, что фотографии Л. Зурова, сделанные во время реставрационных работ, отпечатаны не на простой фотобумаге, а на карточках, предназначенных для публикации открыток (см. оборотную сторону фотографий)⁵⁰, можно предположить, что М. Шпис, работница фотоателье, оказывала ему некоторое содействие. Может быть, именно она его и фотографировала? Имя автора снимков 1935 г. Зуров нигде не упоминает, но сам себя сфотографировать он не мог. И все же пока главным аргументом и документом, подтверждающим сотрудничество этих трех людей, являются фотографии 1937 г. неизвестной молодой женщины в д. Тайлово и фотокарточка из личного дела М.Р. Малаховой (1966 г.)⁵¹, на которой можно узнать постаревшую на 30 лет Мисю Шпис, некогда пизировавшую Б. Вильде.

Если принять версию о знакомстве и сотрудничестве М. Шпис-Малаховой с Л. Зуровым и Б. Вильде в качестве рабочей гипотезы, то некоторые вопросы по атрибуции фотографий из собрания Музея человека, которые не могли быть сделаны во время летних экспедиций 1937–1938 гг. ни Зуровым, ни Вильде (съемка в зимний, осенний/весенний сезоны; некоторые их портреты), возможно, будут прояснены. Нельзя исключить и обратного: отдельные диапозитивы Малаховой могут представлять собой копии негативов или фотографий, полученных в подарок от экспедиционеров.

Вопрос об авторстве собрания Малаховой возник не случайно. В процессе работы Е.Ф. Кононовой было установлено, что все носители, изго-

товленные из желатиновой пленки для рентгеновских снимков (6×6 см.), являются не первоисточниками, а копиями неизвестных оригиналов, возможно, стеклянных пластин или/и фотоотпечатков, которые фотограф не смогла увести с собой в 1939 г.⁵² Учитывая вышесказанное, можно предположить, что кроме снимков, сделанных ею самой, Малахова перенесла и работы других фотографов.

В завершение статьи укажем на возможные перспективы дальнейшего исследования. Изучение вопроса авторства фотографий французской и российской фотоколлекций может быть продолжено только в случае, если наша инициатива будет поддержана французскими коллегами, поскольку здесь в первую очередь необходима работа с негативами, а также детальное сопоставление композиции, ракурсов и людей и/или других объектов, зафиксированных на снимках Б.В. Вильде-Л.Ф. Зурова и М.Р. Малаховой, с использованием, по необходимости, соответствующих компьютерных программ по распознаванию образов. Если же говорить о биографическом аспекте, то для уточнения целого ряда событий и раскрытия тайн жизненного пути этой незаурядной, талантливой и, в какой-то мере, опасной женщины требуется расширенный поиск в архивах Российской Федерации⁵³, Эстонии, Латвии и Македонии, внимательное прочтение и критический анализ найденных материалов.

Примечания:

- 1 По завершении проекта были подготовлены три версии книги на французском, русском и эстонском языках. Из них опубликованы: 1. Missions du Musée de l'Homme en Estonie en Estonie Boris Vildé et Léonide Zouroff au Setomaa (1937–1938). Sous la direction de Tatiana Benfoughal, Olga Fishman & Heiki Valk / Publications Scientifiques du Muséum national d'Histoire naturelle. Paris Muséum national d'Histoire naturelle, 2017. Приложение: архивные материалы и фотографии в цифровом формате CD-ROM, путь: CD-ROM\V&Z_dvd-rom.zip_MACOSX\Master\Contenu additionnel; 2. Inimese Muuseumi ekspeditsioonid Eestisse Boris Vilde ja Leonid Zurov Setomaal (1937–1938). Koostanud ja toimetanud Tatiana Benfoughal, Olga Fišman, Heiki Valk, Tartu Ülikool, ajaloo ja arheoloogia instituut & Seto Instituut. Tartu: Trükitud trükikojas Greif, 2017. Приложение: архивные материалы, экспонаты и фотографии в цифровом формате. URL: <http://zurov.ut.ee>; 3. Экспедиции Музея Человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомая, 1937-1938 гг. / Науч. ред.: Т. Бенфугаль, Х. Валк, О. Фишман. СПб.: Изд. дом «Инкери» (в печати)
- 2 *Попова Т.* Историография в человеческом измерении. // *Історіографічні дослідження в Україні / Голова редколегії В.А. Смолій; Ін-т історії України. Київ, 2012. Вип 22. С. 267.* URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/40020/15-Popova.pdf?sequence=1>

- 3 Стихотворение Ю. Иваска «Псково-Печерский монастырь» (1937 г.); подробнее о биографии и творчестве Ю. П. Иваска (1907–1986) см.: URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Иваск_Юрий_Павлович
- 4 Закупочно-фондовая комиссия согласилась с ценой, которую запросила владелица, что косвенно свидетельствует о высокой научной значимости фотодокументов.
- 5 Дни русского просвещения, которые М.Р. Малахова называет «Днями русской культуры», проводились в Печорах ежегодно, начиная с 1924 г. (первый праздник, состоявшийся 24.05.1924 г., был приурочен к 125-летию со дня рождения А.С. Пушкина). Каждый последующий праздник был посвящен творчеству определенного деятеля русской национальной культуры (писателя, композитора и т.п.)
- 6 Здесь и далее: описание диапозитивов дается по оригинальным записям М. Р. Малаховой.
- 7 По преданию, записанному еще в 1880-е гг. Ю. Трусманом, целебную силу Титов камень обретает в Радуницу. Подробнее см.: *Трусман Ю.* Полуверцы Псково-Печерского края // *ЖС.* 1890. Вып. 1. Отд. 1. С. 31–62. Информация о том, что соприкасаясь с камнем нужно что-то есть, встречается только у М.Р. Малаховой, другие информаторы-печоряне ее не подтверждают.
- 8 См. статью *О.М. Фишман* «Международный научно-издательский проект «Экспедиция Музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)»: цель и результаты» в настоящем сборнике. С. 185–201.
- 9 Диапозитив Малаховой можно сравнить с фотографиями звонницы 1935 г. из личного архива Л. Зурова, которые он передал Музею Человека в 1937–1938 гг. В настоящее время они хранятся в Центральной библиотеке Национального музея естественной истории. Одна из них (MNHN-MN ETHN EURO 205-7) опубликована в книге, остальные в цифровом формате: *Missions du Musée de l'Homme...* P. 48; см. CD-ROM, путь: CD-ROM\V&Z_dvd-rom.zip_MACOSX\Master\Contenu additionnel\3_Archives MNHN\3_Photos MNHN\3-6\.; *Inimese Muuseumi ekspeditioonid...* Lk. 45; URL: <http://zurov.ut.ee/loodusmuuseumi-fotod>, подраздел: 3-6_5_zurovi_fotot_nikolai_ratnoi_kiriku_restaurerimisest_petseris_1935.pdf; Экспедиции Музея Человека ... С. 45 (в печати)
- 10 Подробнее см.: *Емелина О.В., Изотова Л.Е.* Застройка города Печоры в 1920 -40 годы // Не прервется связь времен: Мат-лы Общ-ва краеведов при Печорской районной библиотеке. Псков: ООО «Логос Плюс», 2011. Вып. IV. С. 6; см. также: *Вести дня.* № 116 (4074) 1939 г., 25 мая.
- 11 Архимандрит о. Серафим – Аркадий Иванович Розенберг (1909–1994). В 1925–1928 гг. учился в русской гимназии в г. Тарту, в совершенстве овладел английским, немецким и эстонским языками. 18 марта 1932 г. был принят в Псково-Печерский монастырь. Подробнее см.: URL: <https://pskovo-pechersky-monastery.ru/paterik/3-arkhimandrit-serafim-rozenberg>
- 12 Дни русского просвещения 1937 г. были посвящены 100-летию со дня гибели А.С. Пушкина. Переатрибуция М. Пихо года съемки основана на том, что на диапозитиве

- № 9202-26 виден фронтон эстрады, украшенный портретом А.С. Пушкина, в оформлении строк из стихотворения поэта «Памятник».
- 13 А.П. Мельников-Печерский (1867–1934) – преподаватель криминалистики на юридическом факультете Тартуского университета (1921–1934), член Русской академической группы в Эстонии. Подробнее см.: URL: http://russianestonia.eu/index.php?title=Мельников_Алексей_Павлович
  - 14 Missions du Musée de l'Homme... CD-ROM, путь: \CD-ROM\V&Z_dvd-rom.zip\Master\Contenu additionnel\1_Photos Missions MQB\Mission_1938\Negatifs\; Inimese Muuseumi ekspeditsioonid... URL: <http://zurov.ut.ee/kalurite-ja-kalurinaiste-protreed>
  - 15 Missions du Musée de l'Homme... CD-ROM, путь: CD-ROM\V&Z_dvd-rom.zip__MACOSX\Master\Contenu additionnel\1_Photos Missions MQB\Mission_1937\Tirages papier\; Inimese Muuseumi ekspeditsioonid... URL: <http://zurov.ut.ee/inimesed>; Экспедиции Музея Человека ... (в печати)
  - 16 Missions du Musée de l'Homme... CD-ROM, путь: CD-ROM\V&Z_dvd-rom.zip__MACOSX\Master\Contenu additionnel\1_Photos Missions MQB\Mission_1937\Tirages papier\; Inimese Muuseumi ekspeditsioonid... URL: <http://zurov.ut.ee/inimesed>; Экспедиции Музея Человека ... (в печати)
  - 17 Там же.
  - 18 Ошибочные или неточные сведения, приведенные в биографии М.Р. Малаховой-Шпис, опубликованной печорскими краеведами, заслуживают внимания и проверки. Особый интерес представляет информация о безуспешных попытках М. Шпис получить вид на жительство в Эстонской республике. См.: *Талалаева Л.А. Художники в Печорах // Не прервётся связь времён: Мат-лы Общ-ва краеведов при Печорской районной библиотеке. Вып. IV / Сост.: В.А. Шувалова. Печоры: ООО «Логос Плюс», 2011. С. 59–60. Та же информация опубликована на сайте электронной библиотеки «Национальное Наследие России»*. URL: <http://library.ruslan.cc/authors/шпис-мария-ивановна>
  - 19 В автобиографии М.Р. Малахова указывает: «Мать – русская (приемная дочь – Boray)» см.: ERA.R – 1665.3.101. Lk.4. – Malahhova, Maria Romani t.
  - 20 Подробнее см.: *Авдюшева-Лекомт Н.А. О выставке русского искусства в Брюсселе 1928 года*. URL: http://www.artz.ru/search/Мися_Шпис/1804816170.html
  - 21 *Шпис Мися. Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в деревне Городище, Петсерского уезда (бывш. Псковская губерния) в Эстонии // Запись и гравюры по дереву худож. М. Шпис. Petseris : Собств. изд-во, 1936*. URL: <https://search.rsl.ru/record/01005317629>
  - 22 *Шпис М.* Указ. соч. С. 5.
  - 23 URL: https://artchive.ru/artists/46316~Marija_Romanovna_Malakhova/exhibitions
  - 24 Георгий Александрович Малахов (2.11.1905, д. Ушаковская, Архангельская губ. — 9.03.2005, г. Канск) — инженер, химик-технолог; мемуарист и публицист. Бежав из Советской России в конце 1920-х гг., жил в Чехии, Югославии. Состоял в антисоветской Трудовой крестьянской партии. Подобно Л.Ф. Зурову, не сменил гражданство, поэтому в 1958 г. был выслан из Югославии в СССР. Подробнее см.: URL: <http://www>

- domrz.ru/collection/guide/fond-35-malakhov-georgiy-aleksandrovich/; : <http://archive.svoboda.org/programs/LiveD/2004/lived.050604.asp>
- 25 Фонд Г.А. Малахова см.: ДРЗ. Ф. 035. Оп. 1 (1922–2006; 250 ед. хр.) URL: http://www.bfrz.ru/?mod=arhiv&fond_id=34
- 26 URL: <http://www.ra.ee/>. См. также: URL: <http://ais.ra.ee/>. Фонд М.Р. Малаховой: Malahhova, Maria Romani t. ERA.R – 1665.3.101. L.1-48 URL: http://ais.ra.ee/index.php?module=202&op=4&tyyp=3&otsing_id=20190127151300764663&id=110702697976&active=1&query=Malahhova&naita_ridu=&sess_id=615723b47e0198d1f9fe16074105c421
- 27 Сергей Семенович Маслов (1887– 1945? / 1965?) – российский политический деятель, организатор и теоретик кооперации, публицист, белоэмигрант, один из основателей и лидеров Трудовой крестьянской партии (1927 г.). Подробнее см.: URL: http://www.hrono.info/biograf/bio_m/maslov_ss.php; URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Маслов,Сергей_Семёнович
- 28 URL: <http://archive.svoboda.org/programs/LiveD/2004/lived.050604.asp> 06-05-04 .
- 29 Там же.
- 30 ERA.R – 1665.3.101.Lk.4об. – Malahhova, Maria Romani t. (Малахова М.Р. Автобиография).
- 31 Idem.
- 32 Скоплье – вариант названия города на местных языках (сербском, македонском). Скопье – норма, принятая в русском языке.
- 33 ERA.R – 1665.3.101. Lk. 5.
- 34 Idem.
- 35 Македонски народни носии / В. Кличкова, М. Малахова, О. Бенсон. Скопје: Етнологски музеј, 1963. XIV, 39 [3] .
- 36 ERA.R – 1665.3.101. Lk. 5.
- 37 Idem. Lk. 5об.
- 38 Idem.
- 39 Idem. Lk. 4об.
- 40 «А около Берлина есть такое местечко – Бух, и там в то время обосновалась русско-немецкая научная организация, которая изучала наследственность. И вот как-то она узнала об этом, что там русские, а ее обязанности партийные была как раз связь со всеми русскими, которые выезжают за границу, живут и работают. И она сообщила об этом Маслову, и Маслов дал такое задание – познакомиться с Ресовским («Зубр» – его кличка), с Зубром познакомиться. А там еще другой специалист крупный – Царапкин. Зубр почему-то в Прагу не поехал, а Царапкин все-таки приехал в Прагу. Я там встречался с ним, с Царапкиным, познакомил его с Масловым, и Царапкин вступил в нашу партию, как тайный, конечно, член. Мария Романовна Шниц, моя жена, она переписывалась с Царапкиным, они были в дружеских отношениях. А советская власть, органы заподозрили что-то, что-то нашли у Царапкина. Может быть, подвела Мария Романовна, которая часто ездил[а] в этот Бух и связывала Маслова с Ресовским и с Царапкиным». URL: <http://archive.svoboda.org/programs/LiveD/2004/lived.050604.asp>

- 41 Об Н.В. Тимофееве-Ресовском см. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/57272/Тимофеев;>
Гранин Д. А. Зубр. Л.: Сов. писатель, Лен. отд, 1987.
- 42 *Гейфтер М.* Десталинизация // 50/50: Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989.
- 43 ERA.R – 1665.3.101 Lk. 2об.
- 44 Малахова не уточняла, чем занималась в фотоателье. Проводя лето в Петсери, она не только рисовала, но, несомненно, занималась фотосъемками и собрала свой фотоархив, который мог состоять из негативов и бумажных отпечатков.
- 45 Подробнее см.: *Глэд Дж.* Юрий Иваск // *Глэд Дж.* Беседы в изгнании. М.: Кн. палата, 1991; *Исаков С.Г.* Юрий Павлович Иваск // *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. Тарту: Компту, 1996; *Красавченко Т.Н.* Иваск Юрий Павлович // *Культурология. XX век: Энциклопедия.* Т. I. СПб: Университетская книга; Алетейя, 1998. С. 235; *Иваск Ю.* Повесть о стихах. Нью-Йорк: Russica publishers, 1987. см. также сайт архива Ю. Иваска в Йельском университете (США) URL: <http://drs.library.yale.edu/HLTransformer/HLTransServlet?stylename=yul.ead2002.xhtml.xml&pid=beinecke:iivask&query=ivask&clear-stylesheet-cache=yes&hlon=yes&big=&adv=&filter=&hitPageStart=1&sortFields=&view=tp#titlepage>
- 46 «В «Повести о стихах» Иваск вспоминал: «По четвергам я сражался в черви с ветеринарным врачом Полянским (Свидзинским), его женой и Л. Ф.». Цит. по: *Пономарева Г.* Печорский край в «Повести о стихах» Юрия Иваска // «Новый Журнал» 2012, № 267. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2012/267/p44-pr.html>. О знакомстве с Б. Вильде и Л. Зуровом свидетельствует и его переписка с М.И. Цветаевой в 1936 г.: «Милый Юрий Павлович, – В Вашем отчестве я утвердилась после вчерашнего знакомства с Вильде – Вы его помните? Вы учились с ним во II или III к[лассе] гимназии – и Вас тогда звали Теленок. Все к Вам собираются летом: Штейгер, Унбегауны (он и она), Зуров, Вильде – все кроме меня, которая ничего не знаю ни о лете, ни о своих будущих летах <...> Вчера, у Унбегаунов <...> много говорили о Вас, с моей помощью – целый вечер. Wilde рассказывал про теленка, Зуров про летнюю встречу с Вами и биографическое». Подробнее см.: URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/pisma/letter-771.htm>
- 47 Цит. по: *Пономарева Г.* Указ. соч.; *Иваск Ю.* Указ. соч. С. 107.
- 48 *Пономарева Г.* Указ. соч.
- 49 Отчет Зурова № 2. «О дохристианских пережитках и религиозных верованиях сетских и русских крестьян Печерского уезда. Результаты этнографической работы, выполненной для парижского Музея человека. Миссия в Балтийские страны, организованная французским Министерством народного просвещения в 1937 и 1938 гг.» // MNHN-MH ETHNO EUR 205 (11) Л. 3. См.: *Missions du Musée de l'Homme...* CD-ROM, путь: CD-ROM\V&Z_dvd-rom.zip\Master\Contenu additionnel\3_Archives MNHN\13_Rapports de Leonide Zourov\13-3\; Inimese Muuseumi ekspeditsioonid... URL: http://zurov.ut.ee/sites/default/files/zurov/files/13-3_zurovi_aruanne_2.pdf; Экспедиции Музея Человека ... С. 255-325
- 50 Имеется в цифровом формате только в Приложении к французской версии кни-

ги: Missions du Musée de l'Homme... CD-ROM, путь: CD-ROM\V&Z_dvd-rom.zip__MACOSX\Master\Contenu additionnel\3_Archives MNHN\3_Photos MNHN\3-6\

51 ERA.R – 1665.3.101 Lk. 2.

52 Также нельзя исключать, что Малахова сделала копии в 1963 г. (перед отъездом из Югославии) или в 1964 г. для продажи музею.

53 По завершении работы над статьей был выявлен еще один архив, где имеются материалы, касающиеся М.Р. Малаховой: РГАЛИ. Ф. 2082. Оп. 10. Ед. хр. 1007. – Личное дело Малаховой Марии Романовны, 1903 г. р., художника-графика. URL: <http://www.rgali.ru/object/224689111>

УДК 323.1

А.И. РАЕВА (РАППОПОРТ) – КОМИССАР ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Нина Михайловна Романова

Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург, кандидат исторических наук, эксперт

ninarom@bk.ru

Аннотация. А.И. Раева (Раппопорт) возглавляла Петроградский комиссариат по делам национальностей Российской Федерации и была единственной женщиной в составе руководства первого в истории России государственного органа власти по национальной политике. Статья основана на архивных материалах и посвящена исследованию А.И. Раевой в революционном движении, Октябрьской социалистической революции, образовании и деятельности комиссариата, а также её работе в других партийных и советских организациях.

Ключевые слова: А.И. Раева, Октябрьская социалистическая революция, национальная политика Советского государства, Петроградский Комиссариат по делам национальностей

UDK 323.1

A.I. RAEVA (RAPPOPORT), THE COMMISSAR OF NATIONAL AFFAIRS OF THE NORTH- WESTERN REGION

Nina Mikhailovna Romanova

The Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, PhD in History, Research Fellow

ninarom@bk.ru

Abstract. A.I. Raeva (Rappoport) headed the Petrograd Commissariat of National Affairs which was established as a part of the People's Commissariat of Nationalities of the Russian Federation in 1918. She was the only woman in the administrative board of this first in Russian history state power organ on national politics. The article bases on archive materials and focuses on the role of personality of A. I. Raeva in the October Revolution, education and commissariat activities and her work in other Soviet state institutions.

Key words: A.I. Raeva (Rappoport) October Revolution, national politics of the Soviet state, the Petrograd Commissariat of National Affairs

26 ноября 1917 г. на II съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов было образовано первое советское правительство, в составе которого впервые в мире и России для проведения в жизнь национальной политики был создан специальный орган власти – Народный комиссариат по делам национальностей во главе с И.В.Сталиным.

Наркомнац был образован в Петрограде, но после переезда правительства в Москву в марте 1918 г. возникла необходимость создания отдельного комиссариата для Северо-Западного региона. Одним из организаторов его была Анна Ивановна Раева.

История образования и деятельность Петроградского комиссариата по делам национальностей (далее Комнац) мало изучена. Достаточно отметить, что лишь в 2013 г., спустя 100 лет после ликвидации Комнаца, было опубликовано несколько статей и первая по этой теме монография автора данной статьи¹. В книге, написанной преимущественно на основе архивных материалов, большинство которых впервые было введено в научный оборот, освещаются разные вопросы истории создания и деятельности этого государственного органа власти. Особого внимания среди тем исследования заслуживает кадровый состав служащих учреждения, и в первую очередь, личность комиссара А.И. Раевой. В структуре Наркомнаца среди руководителей региональных органов власти она была единственной женщиной. Назначение её на руководящие посты в государственных органах советской власти являлось закономерным, т.к. она всегда занималась пропагандистской работой, организовывала забастовки рабочих Петрограда, состоя членом большевистской партии с 1903 г., принимала активное участие в подготовке Февральской и Октябрьской революций.

Биография А.И. Раевой представляет интерес с точки зрения формирования её как личности и профессионального революционера, политические взгляды которой были обусловлены условиями жизни населения городов России в черте оседлости. Важную роль в становлении характера и мировоззрения девушки сыграли семья и национальность, поскольку она, как еврейка подвергалась ограничению гражданских прав со стороны надзорных органов при получении образования, выборе места жительства, профессии, работы. Впоследствии эти обстоятельства закалили её характер, определили главную цель жизни, её участие в революционной борьбе, отношения с административно-полицейскими органами власти царского правительства и даже выбор псевдонима. После победы Октябрьской социалистической революции она всецело посвятила себя работе в партий-

но-государственных органах власти, в т.ч. в Петроградском комиссариате по делам национальностей, которую считала для себя главной.

Раева Анна Ивановна (Рапопорт Хана Янкелевна-Мовшевна) родилась 5 (17) мая 1881 г. в бедной еврейской семье в г. Городок Витебской губ., находившемся в черте оседлости. Отец и дед были учителями (меламедами) начальной школы (хедера). Отец хорошо объяснял Библию и Талмуд, доказывая, что Моисей и другие пророки были первыми социалистами, которым он симпатизировал, с уважением относился к декабристам. Мать была религиозна, и между родителями по этому поводу возникали споры. В семье был еще младший брат Соломон. Девочка в 4 лет бегло читала Библию, к 10 годам окончила 3-классное русское городское училище. Отец болел, на продолжение обучения не хватало средств, да и в Городке не было гимназии, поэтому Хана брала уроки у дачников-студентов. Смогла сдать экзамены за 7 классов гимназии экстерном. С 12 лет, после смерти отца, Хана 4 года обучалась белошвейному ремеслу, а потом 6 лет работала в швейной мастерской. В 1898 г. семья переехала в Витебск. Хана устроилась на работу в белошвейную мастерскую, чтобы содержать мать и брата, а по вечерам посещала курсы самообразования, а также собрания и массовки, организованные «Бундом» – еврейской рабочей партией, к которой она примкнула в 1901 г.

В 1902 г. впервые была арестована за участие в первомайской демонстрации и отсидела 3 месяца в Витебской тюрьме, после чего ее уволили из мастерской с «волчьим билетом», и девушка нигде не могла получить работу, семья голодала. Хана вынуждена была уехать на заработки в Петербург, где хотела поступить на медицинские курсы, но это не удалось, т.к. не было денег и документов на право жительства еврейки в столице, а на курсы девушку не принимали из-за отсутствия аттестата об образовании. Вернувшись в Витебск, она поступила на акушерские курсы при еврейской больнице, по окончании которых получила диплом, дававшей ей согласно законам Российской империи право на жительство в столице, однако по специальности Хана никогда не работала. В 1903 г. девушка вновь приехала в Петербург, где ей удавалось работать белошвейкой, репетитором, корректором в газете².

В столице молодая революционерка сразу окунулась в гущу политических дискуссий между большевиками и меньшевиками и после II съезда РСДРП в 1903 г. примкнула к её левому крылу – «искровцам», вступив в партию большевиков, по заданию которой стала заниматься пропагандистской деятельностью среди рабочих ремесленных мастерских. Успешно организовывала экономические забастовки в разных районах города, профессиональные цеховые союзы. В апреле 1905 г. вновь была арестована на собрании пропагандистов Василеостровского р-на и отсидела в тюрь-

ме 6 месяцев. Во время тюремного заключения была избрана депутатом в Совет рабочих депутатов от союзов футлярщиков и рабочих экипажного производства. Почти одновременно Ханна Раппопорт избиралась товарищем председателя Союза кузнецов, секретарем Союза экипажников, Союзов булочников и часовщиков. В 1906 г. Хана была арестована и после 6 месяцев заключения выслана из Петербурга на год, жила в Витебске у матери и месяц в Финляндии. В 1908 г. была вновь арестована вместе с 31 товарищем на городской конференции, на которой выбирали делегатов на Лондонский съезд большевистской партии. Затем опять последовал арест за агитацию в войсках, и после 6 месяцев тюрьмы девушка была выслана этапом в Вологодскую губ. на 3 года, но по дороге в ссылку ей удалось бежать. Вернувшись в столицу Хана перешла на нелегальное положение, продолжая вести революционную пропаганду среди ремесленников и солдат, а также рабочих завода «Сименс и Гальски» и «Фабрике братьев Брейтигам»³.

В общей сложности девушка провела 18 месяцев в тюрьме и 3 года в административной ссылке. Эти обстоятельства не прошли даром для ее здоровья – она заболела туберкулезом.

При арестах Хана всегда отказывалась называть свою настоящую фамилию; очевидно именно тогда она взяла псевдоним – Анна Ивановна Раева, который был по характеру нарочито русским, и это имело для революционерки-еврейки принципиальное значение. Подлинным осталось лишь имя Анна (еврейское Хана). Этим псевдонимом она пользовалась до конца жизни, а настоящее имя в анкетах партийного учета и по месту работы (за редким исключением) не указывала.

Вплоть до февральской революции и после нее Анна продолжала работать в нелегальных профсоюзах и рабочих кружках, была членом правления Союза служащих и рабочих печатного дела, часто выступала на митингах и в рабочих коллективах, участвовала в политических демонстрациях, заседаниях подпольных кружков. Накануне Октябрьской революции Раева занималась организацией вооруженных отрядов рабочих в Центральном р-не города, а после установления власти большевиков продолжила работу по организации профсоюзов ремесленных профессий, участвовала в создании новых органов советской власти в других районах города⁴. В 1919 г. во время наступлении генерала Н.Н. Юденича являлась руководителем революционной тройки и начальником штаба обороны Центрального р-на Петрограда.

После переезда в Москву весной 1918 г., в Петрограде осталась часть сотрудников Наркомнаца, которые под руководством Раевой стали спешно разрабатывать уставные документы для образования местного органа власти по национальным делам, подбирать для него кадры. Петроград-

ский Комнац был учрежден 27 апреля 1918 г., а в мае с образованием Союза коммун Северной обл., его полномочия распространялись уже на 8 губерний: Петроградскую, Новгородскую, Олонецкую, Архангельскую, Псковскую, Северо-Двинскую, Вологодскую и Череповецкую. Комиссаром был назначен Я.Я. Анвельт (литературный псевдоним – Ээсааре Ааду), бывший председатель Эстляндской трудовой коммуны, который вскоре по партийной мобилизации уехал в Эстонию⁵.

Работа комиссариата была масштабной и разноплановой. Первый параграф Положения о целях и задачах учреждения гласил, что Комиссариат *«имеет целью удовлетворять нужды политического, правового, культурного и бытового характера национальных меньшинств в пределах Северной области»*⁶. Сначала было образовано 7 национальных комиссариатов: польский, литовский, латышский, эстонский, белорусский, финский, еврейский, затем – мусульманский, украинский и армянский. Число комиссариатов не было постоянным, некоторые существовали непродолжительное время, другие так и не были созданы. В 1919 г. функционировало 13 отделов. На всем протяжении существования учреждения его организация часто изменялась в сторону сокращения структуры и аппарата служащих, но при всех реконструкциях главный принцип образования отделов – национальный – оставался неизменным.

В структуру Комнаца входило несколько подразделений: национальные отделы и отделы по направлениям деятельности – правовой, политический, агитации и печати, культурно-просветительный, статистический и общий. Структура национальных комиссариатов изначально была однотипной и дублировала деятельность центрального аппарата, но с учетом национальной специфики подразделения. Функции национальных отделов были схожи, но по некоторым позициям имели различия. Это касалось белорусского и еврейского комиссариатов, уставные положения которых были очень подробными.

Правовой и политические отделы национальных комиссариатов и всего учреждения должны были обеспечить организацию всех вопросов с точки зрения соблюдения национальных и бытовых особенностей, общественной, революционной и международной жизни национальностей, в т.ч. по оказанию помощи беженцам и военнопленным в их эвакуации и оптации.

Подотделы агитации и печати имели *«целью вести агитацию среди широких народных масс для правильного освещения национальных вопросов с помощью лекций, митингов, систематических курсов пропагандистов и агитаторов; изданием газет и журналов на родном языке»*⁷. Основным направлением работы являлась культурно-просветительная. В ее задачи входило административное руководство национальными учебными заведениями и культурно-просветительными учреждениями, надзор за со-

блюдением декретов советской власти в области просвещения, разработка программ национальных школ и открытие новых, организация учительских съездов, издание учебной литературы, контроль за деятельностью национальных общественных объединений и т.д. Сотрудники финского отдела по заданию комиссара участвовали в составлении концепции Музея революции. В 1921 г. при Наркомпросе в регионах были созданы Советы по просвещению национальных меньшинств. В Петрограде в Совет вошли руководители национальных отделов Петрогуботнаца во главе с комиссаром А.И. Раевой⁸.

На всех должностях в Комнаце, как писала Анна Ивановна, она «трудилась проводя революционные идеи среди национальных меньшинств». На вопрос, сколько времени она отдает работе, отвечала: «неопределенно, сколько потребуется»⁹.

Сначала Раева работала в Еврейском комиссариате, возглавляя отдел агитации и печати и одновременно выполняла функции заместителя комиссара Комнаца. Одним из первых комиссаров Еврейского отдела являлся Соломон Яковлевич Раппопорт, который, как свидетельствуют архивные материалы, был родным братом Анны Ивановны. Молодой человек, приехав из Витебска, сразу возглавил комиссариат, что без протекции сестры вряд ли было возможно. Они не афишировали родственных связей, т.к. в соответствии с советскими законами в одном учреждении не могли работать лица «находящиеся в родстве или свойстве». В сентябре 1920 г. после отъезда С.Я. Раппопорта в Москву Анна Ивановна возглавила отдел, а после реорганизации учреждения в Губернский отдел национальностей (Губотнац), была по рекомендации Губкома и национальных секций РКП(б) назначена заведующей всего Губотнаца¹⁰. Изменение административных должностей А.И. Раевой принципиально не влияло на ее положение, поскольку она как председатель коммунистической фракции служащих учреждения всегда осуществляла негласное руководство учреждением, а также длительное время являлась секретарем Еврейской секции Губкома РКП(б) в Смольном, лично знала всех партийных руководителей города, со многими ее связывала революционная деятельность.

А.И. Раева всегда много сил отдавала партийной работе. Она была членом Губкома РКП(б), Спасского и 2-го городского р-нов; избиралась Председателем Еврейского бюро Агитпропа при Петроградском комитете партии, делегатом на конференции Петросовета и членом нескольких созывов; являлась председателем Апелляционной комиссии Губкома по приему в партию и членом парткома по чистке в Смольнинском р-не города, которой кстати, подверглась и сама; курировала Союз советских работников Петрограда; была «ответорганизатором» партийной организации

Смольного; принимала деятельное участие в создании национальных рабочих клубов и т.д.¹¹

Кандидатура Раевой на руководящие посты в комиссариате и других организациях всегда соответствовала требованиям к подбору кадров партийных органов, поскольку они формировали и руководили деятельностью всех государственных органов власти. Раева была преданным делу революцией большевиком с большим дореволюционным стажем и опытом организационной и идеологической работы, неоднократно сидела в царских тюрьмах, происходила из бедной семьи. Именно в те годы В.И. Ленин сетовал, что не хватает «культурности» слою служащих, которые управляют государством. В этом отношении к Раевой также не было претензий. Она постоянно стремилась повышать свое образование. Еще до революции девушка занималась по вечерам в кружках и рабочей школе за Нарвской заставой, а в анкетах в графе об образовании указывала «среднее» или «незаконченное среднее» – «3-х классное училище», «акушерские курсы», «3 года лесгафтовских курсов». На вопросы о характере занятий указывала: «белошвейка – со стажем работы 10 лет»; «портниха и учительница», «хорошо знаю конторское дело, а также корректуру и вообще газетное дело», «работала корректором энциклопедического словаря в типографии “Эррен”» и т.п.¹² В качестве дополнительного аргумента сообщала, что до революции она испытала «капиталистический и национальный гнёт», т.к. была еврейкой.

Национальные комиссариаты всегда возглавляли представители соответствующей национальности, т.к. считалось, что это позволит сотрудникам адекватно учитывать особенности культуры и быта, интересы национальных меньшинств. Знание национального языка было обязательным условием работы, в т.ч. и потому, что все газеты и журналы на национальных языках могли издаваться только с разрешения Комиссариата. Раева всегда подчеркивала, что знает и немецкий язык, но родной язык – еврейский, поэтому цензурировала все издания на еврейском языке, даже религиозные книги и календари, которые печатались за счет учреждения.

Образ А.И. Раевой был бы неполным, если бы мы не отметили таких её личных качеств, как скромность, бытовая непритязательность к условиям жизни до революции и в суровые годы экономической разрухи в период Гражданской войны. В документах общего отдела Петрокомнаца сохранились списки сотрудников учреждения, среди которых значится и она – на получение обуви, одежды и продуктов (в основном овощей, зерна или муки и круп). По инициативе Анны Ивановны сотрудникам выдавали дрова, свечи, во время работы – морковный чай; на общественных началах за счет продуктовых карточек были организованы столовая, киоск.

Инициативы Раевой часто имели и гражданский характер. Она всегда была в первых рядах по внесению средств в различные фонды: помощи голодающим Поволжья; содействия Красной Армии; братьям Украины, борющимся за создание советской республики; слушателям Петроградской интернациональной школы артиллеристов; празднования годовщин Октябрьских торжеств и 1 Мая; проведения политических акций, например, съезда Конгресса Интернационала. Размер взносов варьировался и не был фиксированным: от 1% дневного до 1,5% месячного заработка. Заработная плата руководителя губернского органа власти в те годы могла только в два раза превышать зарплату низкооплачиваемых технических работников, например, машинистки.

Ликвидация Петроградского Комнаца, которой А.И. Раева, всячески пыталась противодействовать, было ударом для неё как руководителя. С целью отмены этого, неправильного по её мнению, решения она ездила в Москву, отправляла письма и телеграммы в адрес руководства Наркомнаца, полемический тон и претензии к работе центрального аппарата, присутствовавшие в переписке с ее стороны, вызывали у них раздражение и резкую ответную реакцию. Вопрос об упразднении Наркомнаца был решен в апреле 1924 г., а его региональные подразделения перестали функционировать уже в 1923 г.

После ликвидации Губкомнаца Анна Ивановна не осталась без работы, поскольку трудоустройством видных членов партии занималась специальная Распределительная комиссия Губкома РКП(б). По заданию партийных органов она часто совмещала службу в разных учреждениях. Так работая в Комнаце, она одновременно исполняла обязанности председателя мандатной комиссии при Петроградском институте живых языков; с октября 1921 г. являлась членом, а затем и председателем бюро Института истории партии (Истпарта), а с апреля 1923 г. стала его заведующей, одновременно являясь ответственным редактором журнала «Красная летопись». Уже через год Раева была назначена заведующей отделом нацменьшинств Губернского отдела народного образования (Губоно), а через три месяца по постановлению бюро Ленинградского Комитета РКП(б) направлена на работу в Восточный институт; в тот год утверждена членом правления Института книговедения, а летом 1925 г. – в должности заведующей Ленинградским отделением «Известий ВЦИК», но в связи с его упразднением в августе 1927 г. была освобождена от должности.

Почти одновременно по предложению губкома РКП(б) она была откомандирована в качестве заведующей Ленинградским отделением Центрального исторического архива (ЛОЦИА), в котором Раева начала работать с 18 октября 1926 г. в должности уполномоченной Центрального государственного архива в Ленинграде¹³ Этот ответственный пост стал последним

Рис. 1. Обелиск на могиле А.И. Раевой. Г. Санкт-Петербург, Александро-Невская Лавра.
Фото Н.М. Романовой. 2018 г.

в её трудовой биографии. Хочется отметить, что несмотря на насыщенную трудовую жизнь, Раева вела общественную работу.

В конце 1920-х гг. здоровье Анны Ивановны ухудшилось, обострились болезни, полученные в тюрьмах. Ухаживать за больной женщиной было некому. С братом, жившим в Москве и занимавшим высокий пост в Наркомате юстиции, она отношений не поддерживала. В анкетах о семейном положении всегда указывала: «одинокая» или «вдова». Не раз складывались ситуации, когда, из-за бюрократических ошибок Раева не получала по карточкам продуктов ни по месту работы, ни по месту жительства, даже голодала. В 1918 г., Анна Ивановна жила на Садовой ул., д.51, а с 1920г. в 1-ом доме Советов (бывшая гостиница «Астория»). В соседних номерах на этом же этаже жили секретари Губкома РКП(б). Через пять лет она вынуждена была переехать в комнату на первом этаже с окном, выходящим на глухую кирпичную стену, т.к. денег на оплату другого жилья не хватало. Через стенку находился зал для общественных мероприятий и мусульманский рабочий клуб, и было очень шумно. Попытки А.И. Раевой вступить в жилищный кооператив не увенчались успехом. Даже имея право как старый большевик на повышенную пенсию, она ее не оформляла из скромности. Это сделал её партийные соратники, но персональной пенсией «за революционные заслуги и ввиду нетрудоспособности как инвалида 1 группы и резким упадком питания» она воспользоваться не успела. Анна Ивановна умерла 23 декабря 1931 г.¹⁴ Похоронена была на коммунистической площадке Никольского кладбища Александр-Невской Лавры (рис. 1).

В заключении отмечу, что личность А.И. Раевой (Х.Я.-М. Раппопорт) и её деятельность вызывают уважение. Её биография – это история простой еврейской девушки из черты оседлости, которая прошла путь формирования политических взглядов от рядового члена еврейской рабочей партии «Бунд» до активного деятеля РКП(б). Такой жизненный путь типичен для времени революционных преобразований в общественно-политической жизни страны. Одним из главных идеологических лозунгов большевиков было обеспечение равноправия всех народов России независимо от их национальной и религиозной принадлежности, права на свободное развитие самобытных культур и родных языков. Эти идеи соответствовали взглядам А.И. Раевой, были ей близки как представительнице национального меньшинства, за эти идеи она боролась во время революции, а после её победы внесла значительный вклад в процесс партийно-государственного строительства первых лет советской власти на Северо-Западе, особенно в Петрограде и его губернии. Об этом свидетельствуют результаты работы разных государственных учреждений, в которых она работала, и в первую очередь Петроградского комиссариата

по делам национальностей, где она занимала руководящую должность в течении всего периода его существования.

Примечания:

- 1 Романова Н.М.: 1) Образование и деятельность Петроградского комиссариата по делам национальностей // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.М. Фишман. Л., [б.и.], 1992. С. 189–211.; 2) Комиссар Петроградского комиссариата по делам национальностей А.И. Раева (Раппопорт) // История Петербурга. 2012. № 2. С. 21–29; 3) Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии. СПб.: Петроцентр, 2013.
- 2 ЦГА СПб. Ф. 75. Оп.1. Д. 36. Л. 6–7. – Анкеты служащих отдела Петроградского Комиссариата по делам национальностей. 1918 г.
- 3 Там же. Ф.1000. Оп. 79. Д. 402. Л. 3. – Опросный лист членов Петросовета 1921 г.
- 4 ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 866208. Л. 7. – Раева А.И. Личное дело, Д. 14707/2. Л. 1об. – Раева А.И. Личное дело.
- 5 ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 34. Л. 139. – Сведения по личному составу.
- 6 Там же. Д. 10. Л. 10–11. – Положение об учреждении Комиссариата по делам национальностей Северной области 1918 г.
- 7 Там же. Л. 9. – Положение об отделе агитации и печати Комнаца. 1918 г.
- 8 Там же. Д. 921. Л. 2. – Общий отдел.
- 9 ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 14707/2. Л. 8. – Раева А.И.
- 10 Там же. Д. 14707/4. Л. 1. – Раева А.И.
- 11 Там же. Л. 8, ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 91. Л. 3–4. – Анкета.
- 12 ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 14707/2. Л. 8, 12.
- 13 Там же. Л. 8, Д. 14707/3. Л. 8, 39. – Анкета, Д. 232199. Л. 2 – Выписки из протоколов 1922 г.
- 14 Там же. Д. 866208. Л. 4, 11об. – Ходатайство о назначении персональной пенсии Раевой А.И. 1930 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

ААН	Архив Академии наук
АГРМ	Архив Государственного Русского музея
АКНЦ	Архив Карельского научного центра
АН БССР	Академия наук Белорусской ССР
АМАЭ	Архив музея антропологии и этнографии
АН СССР	Академия наук СССР
АРГО	Архив Российского географического общества
АРЭМ	Архив Российского этнографического музея
АФ	Антропологический форум
БАН	Библиотека Академии наук
БШКРС	Башкирско-русский словарь
ВКЛ	Великое княжество Литовское
ВПН 1926 г.	Всесоюзная перепись населения 1926 г.
ВСЕХБ	Всесоюзный совет евангельские христиане баптисты
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАНИПО	Государственный архив Новейшей истории Псковской области
ГАНО	Государственный архив Новгородской области
ГАПО	Государственный архив Псковской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	Государственный архив Тверской области
ГИАПХМЗГ	Государственный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник «Изборск»
ГИИНС	Госиздательство иностранных и национальных словарей
ГИМ	Государственный исторический музей
ГМЭ	Государственный музей этнографии народов СССР
ГМИР	Государственный музей истории религии
Губком РКП(б)	Губернский комитет
ДПЦ	Древлеправославная поморская церковь
ДРЗ	Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына
ЕЛЦ Ингрии	Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии
ЕХБ	евангельские христиане-баптисты

ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЖС	Живая старина
ЗОРСА	Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества
ЗРАО	Записки Русского археологического общества
ИВИ РАН	Институт всеобщей истории РАН
ИГ	Инициативная группа
ИИМК	Институт истории материальной культуры РАН
ИЛИ РАН	Институт литературы РАН
ИПИН АН СССР	Институт по изучению народов АН СССР
ИРЛИ РАН	Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
ИЯЛИ	Институт языка и литературы
КарНЦ РАН	Карельский научный центр РАН
КИПС	Комиссия по изучению племенного состава
КНИИ	Карельский научно-исследовательский институт
Комнац	комиссариат по делам национальностей
КРОЧК	Коми-русский словарь (Коми-роч кывчук)
КСИЭ	Краткие сообщения Института этнографии
КСРГК	Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»
КСРНГ	Картотека «Словаря русских народных говоров»
КЭСНЯ	Краткий этимологический словарь коми языка
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
ЛОГА (В)	Ленинградский областной государственный архив (г. Выборг)
ЛОГУК ГИАПМЗ	Ленинградское областное государственное учреждение культуры Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник «Парк Монрепо»
ЛОИА АН СССР	Ленинградское отделение института археологии АН СССР
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории
ЛОИКФУН	Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народов
ЛЧ ИЯЗ АН СССР	Ленинградская часть института языкознания АН СССР
ЛЧ ИЭ АН СССР	Ленинградская часть института этнографии АН СССР

МАЭ РАН	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
МВД	Министерство внутренних дел
МИД	Министерство иностранных дел
МИР	Музей истории религии
МСЦ	Международный союз церквей
НА КарНЦ РАН	Научный архив Карельского научного центра Российской академии наук
НА РК	Национальный архив Республики Карелия
Наркомнац	Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомпрос	Народный комиссариат просвящения
НИОР БАН	Научно-исследовательский отдел рукописей библиотеки Академии наук
НовГУ	Новгородский государственный университет
НГУ	Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого
НИАБ	Национальный исторический архив Беларуси
НКВД	Народный комиссариат иностранных дел
НОС	Новгородский областной словарь
ОАИЭ	Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ОГПУ	Объединенное государственное политическое
управление	
ОЛЕАЭ	Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ОР БАН	Отдел рукописей БАН
ПВЛ 1897 г.	Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.
ПГПИ	Псковский государственный педагогический институт
ПсковГУ	Псковский государственный университет
ПетрГУ	Петрозаводский государственный университет
ПОИПКРО	Псковский областной институт повышения квалификации работников образования
ПМА	Полевые материалы автора
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
РАН	Российская академия наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РГИА	Российский государственный исторический архив

РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд
РГО	Русское географическое общество
РГПУ	Российский государственный педагогический университет
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РМС	Русско-марийский словарь
РНБ	Российская национальная библиотека
РНФ	Российский научный фонд
РО РНБ	Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
РПЦ	Русская православная церковь
РСДРП(б)	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
РС ЕХБ	Российский Союз ЕХБ
РФФИ	Российский фонд фундаментальных исследований
РЭМ	Российский этнографический музей
САФУ	Северный (Арктический) федеральный университет
СВЯ	Словарь вепсского языка
СГРС	Словарь говоров Русского Севера
СГУ	Сыктывкарский государственный университет
СДРК	Совет по делам религиозных культов
СПбГАСУ	Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПбЕУ	Санкт-Петербургский Европейский университет
СПБИ	Санкт-Петербургский Институт истории РАН
СПбНЦ	Санкт-Петербургский Научный центр РАН
СГУ	Сыктывкарский государственный университет
СКЯ	Словарь карельского языка
СНК	Совет народных комиссаров
СО РАН	Сибирское отделение Российской Академии наук
СПбГАСУ	Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет
СРГБ	Словарь русских говоров Башкирии
СРГК	Словарь русских говоров Карелии
СРГСУ	Словарь русских говоров Среднего Урала
СРНГ	Словарь русских народных говоров
ССКГК	Словарь собственно-карельских говоров Карелии

ССКЗД	Сравнительный словарь коми зырянских диалектов
СФУ	Современное финноугроведение
СЦ	Совет Церквей ЕХБ
СЭ	Советская этнография
Тат. кн. изд-во	Татарское книжное издательство
УНЛ	Учебно-научная лаборатория этнологии и истории культуры НовГУ
УРФУ	Уральский федеральный университет
УГУ	Уральский государственный университет
ФРЭМ	фототека РЭМ
ЦГА СПб	Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАИПД СПб	Центральный государственный архив историко-партийных документов Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦНА НАН Беларуси	Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси
ЦНЦ «Православная энциклопедия»	Церковно-научный центр «Православная энциклопедия»
ЦСКН	Центр сохранения культурного наследия
ЧОИДР	Чтения общества истории и древностей российских
ЭЕЛЦ	Эстонская евангелическо-лютеранская церковь
ЭАПЦ	Эстонская апостольская православная церковь
ЭО	Этнографическое обозрение
ЭО РМ	Этнографический отдел Русского музея
ЮНЦ РАН	Южный научный центр Российской академии наук
ERA	Eesti Rahvaluule Arhiiv (Коллекция Эстонского фольклорного архива)
EKRK	Eesti Kirjanduse ja Rahvaluule Kateeder (Коллекция кафедры эстонской литературы и фольклора Тартуского университета)
Н	Hurt (Коллекция Я. Хурта в Эстонском фольклорном архиве)
Н, Wiedemann	Фонд Ф.Й. Видеманна в коллекции Я. Хурта
Н, Jõgever	Фонд Я. Йыгевера в коллекции Я. Хурта
КА	Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии)

KKS	Karjalan kielen sanakirja (Словарь карельского языка)
MuCEM	Musée des Civilisations de l'Europe et de la Méditerranée (Музей цивилизаций Европы и Средиземноморья)
MNHN	Muséum national d'histoire naturelle (Национальный музей естественной истории)
MQB	Le musée du quai Branly (Музей на наб. Бранли)
RKM	Riiklik Kirjandusmuuseum (Государственный литературный музей [ЭССР])
SHS	Suomen historiallinen seura (Финское литературное общество)
SKES	Suomen kielen etymologinen sanakirja (Этимологический словарь финского языка)
SKS	Suomalaisen kirjallisuuden seura (Финское литературное общество)
SKVR	Suomen kansan vanhat runo (Древние руны финского народа)
SSA	Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja (Происхождение финских слов. Этимологический словарь)
SUS	Suomalais-ugrilainen Seura (Финно-угорское общество)

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ВОСЬМЫЕ ШЁГРЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

«СЕВЕРО-ЗАПАД:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ – 2»

26-28 февраля 2018 г.

ПРОГРАММА

Санкт-Петербург
2018

26 февраля

Утреннее заседание: 11.00 – 14.00.

Секция 1: Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: современные проекты по изучению этнической истории и историко-культурного ландшафта; инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия

Сиренький Е. В.

(зам. председателя комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, начальник департамента по межнациональным и межконфессиональным отношениям)

Практический опыт Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области по реализации государственной национальной политики

Мельникова Е. А. *(к. и. н., зав. отделом, МАЭ РАН), Илюха О. П.* *(д. и. н., вр. и. о. директора ИЯЛИ КарНЦ РАН), Суутари П.*

Презентация сборника: «Гибкие этничности: Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы» / Под ред. Пекки Суутари, Ольги Давыдовой-Менге. – СПб.: Нестор-История, 2017.

Конькова О. И. *(н. с., МАЭ РАН), Лукьянова Г. В.* *(к. полит. н., доцент, СПбГУ)*

Сохранение этнической самобытности коренных малочисленных народов Ленинградской области в зоне промышленного освоения территории их проживания

Михайлова Е. Р.

(к. и. н., зав. лабораторией, СПбГУ)

Северные окраины Древней Руси: история поиска колбягов

Потравнов А. Л., Хмельник Т. Ю.

(независимые исследователи)

Каменные кресты как идентификационные маркеры населения Северо-Запада и сопредельных территорий в XII-XX вв.

Коркка А. Т.

(Председатель правления общественной организации «Региональная национально-культурная автономия ингерманландских финнов Ленинградской области»)

Столбовский мир. Рождение нового народа – ингерманландских финнов

Савинова А. И.

(аспирант, ТГУ),

Степанова Ю. В. (к. и. н., доцент ТГУ)

Переселение «корелян» на территорию Верхневолжья по данным писцовых материалов второй половины XVII в.

Лааксо В. *(археолог, Университет г.Турку), Мизин В. Г.* *(независимый исследователь), Мухонен Т.* *(археолог, Университет г.Турку), Окладникова Е. А.* *(д.и.н, проф., РГПУ им. А.И. Герцена), Руохонен Ю.* *(археолог, Университет г.Турку)*

Особенности рубежных камней острова Котлин (Ретусари) в XVII в. по шведским картам Выборгского и Нотебургского ленов

Красникова О. А.

(к. и. н., зав. сектором, БАН)

Этнические карты в учебных атласах России середины XIX века

Вечернее заседание: 15.00 - 17.50.

Секция 1: «Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: современные проекты по изучению этнической истории и историко-культурного ландшафта; инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия»

Мызников С. А.

(член-кор. РАН, д. филол. н., зав. отделом, ИЛИ РАН)

Некоторые аспекты этимологических исследований по данным лингвогеографии

Муллонен И. И.

(д. филол. н., гл. н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Топонимы как знаки историко-культурного ландшафта (на материале «Словаря топонимов Карелии»)

Исаченко Т. Е.

(к. г. н., доцент, СПбГУ)

Интерпретация описаний Н.Я. Озерецковского для реконструкции культурных ландшафтов Приладожья и Прионежья второй половины XVIII в.

Васильев В. Л. (д. филол. н., проф., НовГУ им. Ярослава Мудрого), **Вихрова Н. Н.** (к. филол. н., доц., НовГУ им. Ярослава Мудрого)

Антропонимикон новгородских надгробных надписей XVIII – начала XX века

Лызлова А. С. (к. филол. н., н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН), **Миронова В. П.** (к. филол. н., ст. н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН),

Сказители Карелии: электронная энциклопедия (о новом интернет-ресурсе)

Крюков А. В.

(соискатель, ИЛИ РАН)

Православные финны в Ингерманландии (XIX–XX вв.)

27 февраля

Утреннее заседание: 10.15 – 14.00.

Секция 1: «Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: современные проекты по изучению этнической истории и историко-культурного ландшафта; инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия»

Абросимова Д. Д.

(н. с., ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Киж»)

Фольклорно-этнографические материалы по народному календарю в дореволюционной периодике Олонецкого края

Васильев А. В.

(д. м. н., профессор, ПСПбГМУ)

Первое издание на русском языке книги Андреаса Й. Шёгрена «О финском населении Санкт-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландия»

Гайдамашко Р. В.

(к. филол. н., н. с., ИЛИ РАН)

О рукописях за подписью Никиты Овчинникова из фонда А. М. Шёгрена и их значении для финно-угроведения

Браудзе М. М.

(директор, издательство «Гйоль»)

Книги издательств «Гйоль» и «Остров»

Балашов Е. А.

(краевед)

Советское освоение Карельского перешейка. 1939–1941, 1944–1951 гг.

Богомаз С. М. (к. филос. н., н. с. РЭМ), **Калинина О. В.** (н. с., РЭМ)

Традиционные вещи в постиндустриальном пространстве (на материалах Северо-Западного региона)

Секция 2: «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем, характер и формы религиозности»

Строгальщикова З. И.

(к. и. н., ст. н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Александр Свирский: жизнь по правилу «человеческое есть начинать, Божие же совершати»

Мусаев В. И.

(д. и. н., профессор, СПбИИ РАН, СПбГПУ)

Старообрядческий вопрос в Прибалтике в конце XIX – начале XX в.

Мельников И. А.

(к. и. н., НГУ им. Ярослава Мудрого, директор Музея истории НовГУ)

Старообрядчество Устюжнского уезда Новгородской губернии в XIX–XX вв.

Ермолин Д. С.

(к. и. н., ученый секретарь, МАЭ РАН)

Предметные и фотоиллюстративные коллекции по истории и культуре старообрядчества в собрании МАЭ: перспективы изучения

Гайдуков А. В.

(к. филос. н., доцент, РГПУ им. А.И. Герцена)

Особенности современного язычества на территории Северо-Запада России

Шкаровский М. В.

(д. и. н., главный архивист, Центральный государственный архив Санкт-Петербурга)

Католическая община Ленинграда в 1945-1980-х гг.

Секция 3: «Историко-культурный контекст и личность»**Горина И. В.***(к. филос. н., доцент, ЧОУ ВО ИСПП)*

Особенности толкования родовой космологии в эпосе Калевала

Жуков А. Ю.*(к. и. н., ст. н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН)*

Судьба «карельского пленника» Юрия Кондратьева (по материалам Посольского приказа 1675–1676 гг.)

Терюков А. И.*(к. и. н., ст. н. с., МАЭ РАН)*

Федор Туманский – известный и неизвестный

Шрадер Т. А.*(к. и. н., ст. н. с., МАЭ РАН)*

Правила проживания иностранцев в Санкт-Петербурге (конец XVIII-начало XIX вв.)

Гордиенко Г. В.*(магистрант, СПбГУ)*

Д. В. Бубрих и лингвистическая работа в НИИ финно-угорских республик СССР

Иванова Л. И.*(н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН)*

У истоков карельской фольклористики: вклад Г. Х. Богданова в собрание и исследование фольклора Карелии

Вечернее заседание: 15.00.- 17.50.

Секция 1: «Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: современные проекты по изучению этнической истории и историко-культурного ландшафта; инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия»

Кирьянен А. И.

(к. физ. мат. н., СПбГУ)

О численности ингерманландских финнов и ижоры в XVII – XX вв.: причины движения в разных направлениях

Иванова Г. В.

(аспирантка, ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Почтовые тракты южной Карелии и некоторые стороны образа жизни карельского населения притрактовых деревень

Якимов А. Н.

(д. т. н., профессор, ГУАП)

Цыганское население Ленинградской области: опыт этносоциологического исследования

Фишман О.М.

(д. и. н., зав. отделом, РЭМ)

Презентация книги «Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области»

Королькова Л. В.

(к. и. н., вед. н. с., РЭМ)

Конфессиональная история Ленинградской области. Перспективы исследования

Бландов А. А.

(к. и. н., СПбГУ)

Новгородские, медыньские и макарьевские карелы в XXI веке: первые результаты полевых исследований

Минвалеев С. А.

(мл. н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Сватовство в свадебном ритуале карелов-людиков: ареальная характеристика на фоне традиций соседних народов

Секция 2: «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем, характер и формы религиозности»

Крылов П. В.

(к. и. н., н. с., СПбИИ РАН)

Понятие «протестантская этика» Макса Вебера и реальность этнографического исследования

Никольская Т. К.

(к. и. н., ст. преп., СПбХУ)

Движение баптистов-инициативников в Ленинградской области

Карякина М. В.

(PhD, зам. проректора по программам магистратуры, СПбХУ)

Церковь Англии в Санкт-Петербурге

Гущян Л. С.

(н. с., РЭМ)

К проблеме паломнических практик и сакральных локусов армян Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Гайдуков А. В.

(к. филос. н., доцент, РГПУ им. А.И. Герцена)

Конфессиональная динамика в Санкт-Петербурге и Ленинградской области

Секция 3: «Историко-культурный контекст и личность»

Место проведения: зал экспозиции

«История и культура еврейского народа на территории России», 2-й этаж, правое крыло

Ивановская Н. И.

(к. и. н., ст. н. с., РЭМ)

Результаты исследования по проекту «Этнография через личность»

Лысенко О. В. *(к. и. н., вед. н. с., РЭМ)*, **Михайлова А. А.**

(к. и. н., вед. н. с., РЭМ)

Этномузеологическое наследие А.К. Сержпутовского и проблема фрагментации этнокультурного пространства в национальных научных парадигмах

Дубровская Е. Ю.

(к. и. н., ст. н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Российско-финляндское приграничье в эпоху перемен: «маленький человек» и Гражданская война в Российской Карелии (1918 - 1920)

Романова Н. М. (к. и. н., н. с. – консультант РЭМ)

А. И. Раева (Раппопорт) — комиссар по делам национальностей Северо-Запада

Илюха О. П. (д.и.н., вр. и. о. директора ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Презентация книги: «Еремеевы-Ряйхя: человек, семья, политика в карельском пограничье начала XX века. Исследование. Документы. Материалы» / «Jermeejev-Räihä: ihminen, perhe ja politiikka Karjalan raja-alueella 1900-luvun alussa. Tutkielma. Asiakirjat. Aineistot» / Науч. ред. и сост. О. П. Илюха. Переводчик Н.А. Пеллинен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 363 с.

28 февраля

Утреннее заседание: 10.15 – 14.00.

Секция 1: «Регионалистика Северо-Запада и сопредельных территорий: современные проекты по изучению этнической истории и историко-культурного ландшафта; инновационные методики и геоинформационные технологии изучения и презентации этнокультурного наследия»

Мазалова Н. В.

(к.и.н., ст. н. с., МАЭ РАН)

Презентации: 1. Выставочный проект «Современный северный европейский город: визуальный образ и слово»; 2. Сборник «Антропология Петербурга». Ч.1, 2.

Винокурова И. Ю.

(д.и.н., зав. сектором, ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Проект «Мифология вепсов. Подготовка энциклопедии»: история работы и основные результаты исследования

Конка А. П.

(к. и. н., ст. н. с., ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Испуг как способ очищения и приобретения жизненной силы в календарной обрядности (на карельском материале)

Валк Х.

(PhD, ст. н. с., директор Археологического кабинета Тартуского университета)

Священный Иванов камень в Сетомаа: дополнения к материалам Ю. Трусмана и Л. Зурова

Алыбина Т.

(н. с., Эстонский национальный музей)

Прибалтийско-финские народы на экспозиции Эстонского национального музея «Эхо Урала»

Валк Х.

(PhD, ст. н. с., директор Археологического кабинета Тартуского университета), **Раудоя А.** (PhD, директор Института сето)

Презентация эстонской версии книги «Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)»

«Inimese Muuseumi ekspeditsioonid Eestisse Boris Vilde ja Leonid Zurov Setomaal (1937–1938)»

Фишман О.М.

(д. и. н., зав. отделом, РЭМ)

Презентация русской версии книги «Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937 – 1938)»

Засецкая М. Л. (н. с., РЭМ), **Кононова Е. Ф.** (н. с., РЭМ)

Мися Шпис «на краю большой России»: фотодокументы 1930-х гг. по культуре Печорского уезда Эстонской республики в РЭМ

Баранов Д.А.

(к. и. н., зав. отделом, РЭМ)

«Замороженная» история: этнографическая экспедиция на Шпицберген
Презентация книги «Земля Шпицберген»

Подведение итогов Чтений

Директор РЭМ В.М. Грусман и председатель оргкомитета О.М. Фицман на открытии Восьмых Шёгреновских чтений.
Фото О.В. Ганичевой. 26 февраля 2018 г.

Е.В. Сиренский выступает с докладом «Практический опыт Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области по реализации государственной национальной политики». РЭМ. Фото О.В. Ганичевой. 26 февраля 2018 г.

. Е.А. Мельникова, П.Суутари и О.П. Илюха (слева направо). Презентация сборника: «Гибкие этничности: Этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы». РЭМ. Фото О.В. Ганичевой. 26 февраля 2018 г.

А.П. Конька. Участник чтений. РЭМ. Фото О.В. Ганичевой. 26 февраля 2018 г.

Участники международного издательского проекта «Экспедиции музея человека в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938) после презентации эстонской версии книги «Inimese Muuseumi ekspeditsioonid Eestisse Boris Vilde ja Leonid Zurov Setomaal (1937–1938)». Слева направо: О.М. Фишман, Х. Валк, М.Л. Засецкая, Р.Н. Петрова, О.В. Калинина, Е.Р. Михайлова, В.М. Махтина, А. Раудоя, А.Г. Новожилов.

Фото О.В. Ганичевой. 26 февраля 2018 г.

В.И. Мусаев (СПб ИИ РАН) выступает с докладом на седьмых международных Шегреновских чтениях «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Участники седьмых международных Штереновских чтений «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт», РЭМ. 2015 г.

А.В. Гайдуков (РГПУ им. А.И. Герцена). Доклад на секции «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем». Седьмые международные Шёренговские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт», РЭМ, 2015 г.

Индрек Яамс (г. Тарту, ЭНМ). Презентация фильма "Lost Tribe: a story about the Lutsi Estonians". ERM. 2014 (53 min).
 URL: <https://www.erm.ee/en/shop/lost-tribe-story-about-lutsi-estonians>. Седьмые международные Штереновские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Просмотр фильма "Lost Tribe: a story about the Lutsi Estonians" («Затерянное племя: рассказ об эстонцах Лудзы»).
Авторы И. Яатс, М. Селгмяе. Седьмые международные Пётренинские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Г.А. Исаченко (СПбГУ). Доклад на секции «Регионалистика Северо-Запада». Седьмые международные Шрётерновские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

М.В. Шкаровский (ИГА Санкт-Петербурга). Доклад на секции «Конфессиональная история Северо-Запада в прошлом и настоящем». Седьмые международные Шёренковские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

А.А. Истомин (Устьинский краеведческий музей) выступает с докладом на секции «Регионалистика Северо-Запада». Седьмые международные Шегреновские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Продажа книг издательства «Европейский Дом». Седьмые международные Шегреновские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Петербургские участники чтений: А.В. Васильев, Н.М. Романова (слева направо). Седьмые международные Шёренговские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Коллеги из Петрозаводска (ИЯЛИ КарНЦ РАН) – постоянные участники А.А. Жуков, В.Б. Бовин, А.П. Конкка (справа налево). Седьмые международные Шёренговские чтения «Северо-Запад: этнокофессиональная история и историко-культурный ландшафт», РЭМ, 2015 г.

Участники чтений: Т. Розенберг (Тартуский университет) и А.Ю. Котылев (Сыктывкарский гос. университет (слева направо)). Седьмые международные Шёгреновские чтения «Северо-Запад: этнокофессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Участники чтений: К.Ю. Соловьева (РЭМ) и А.В. Васильев (ПСЛБГМУ). Седьмые международные Шёренковские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Регистрация участников. Слева направо: К.Я. Кожурин (РГПУ им. А.И. Герцена, ДШЦ) и А.А. Беззодов (ДШЦ), А.А. Заньковская (РЭМ). Седьмые международные Шёгреновские чтения «Северо-Запад: этнокофессиональная история и историко-культурный ландшафт», РЭМ, 2015 г.

Седьмые международные Шегреновские чтения «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Презентация издания «Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области».
Г.А. Исаченко отвечает на вопросы. РЭМ. 2017 г.

Авторы книги «Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области»:
О.А. Красникова, М.Л. Засецкая, А.И. Терюков (слева направо). РЭМ. 2017 г.

Участники по завершении седьмых международных Шёгреновских чтений «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт». РЭМ. 2015 г.

Северо-Запад:
Этноконфессиональная история
и историко-культурный ландшафт-2.

Восьмые Шёгреновские чтения

СБОРНИК СТАТЕЙ

Оригинал-макет: Денис Коновалов
Дизайн обложки: Мария Квасова
Корректор: Юлия Бакшанова

Формат 60x90/16. Печ. л. 26,4.
Подписано в печать 20.05.2019 г.
Отпечатано: ООО «Мир», РФ, г. Воронеж,
Ленинский проспект, 119а, литера Я, офис 215

Книга не предназначена для продажи

